

Всеволод Игоревич Авдиев

Военная история древнего Египта

Том I

Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI-XV вв. до х.э.

Москва
Издательство "Советская наука"
1948

Введение

Глава I. Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства.

Глава II. Военная политика Египта в эпоху Среднего царства

Глава III. Военное дело в Египте в эпоху Среднего царства

Глава IV. Войны египтян с гиксосами

Глава V. Военная политика Египта в эпоху ранней 18-й династии

Глава VI. Район египетских завоеваний в Передней Азии

Глава VII. Обоснование и оправдание войны в древнеегипетском искусстве

Заключение

Примечания (в электронной версии "распределены" по главам)

Список сокращений

Указатель

Карты (открываются в новом окне)

Египет

Египет и Передняя Азия

Палестина

Сирия и Финикия

Введение

Война неразрывно связана с политикой; война является частью политической деятельности классов, народов и отдельных исторических деятелей. «Война, — указывает Ленин, — есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия». (*В. И. Ленин. Война и революция. Сочинения. Том XXX. Изд. 3-е. Москва, 1932, стр. 333.*)

Военная история каждого государства теснейшим образом связана с его политической историей. Каждая война имеет свои социально-экономические корни, преследует определенные политические цели, оказывает то или иное влияние на развитие хозяйства, общества и государства, находит свое определенное отражение в идеологии. Поэтому при изучении военной истории каждого государства, при изучении каждой отдельной войны следует всегда ставить, тот вопрос, который Ленин в данном случае называл основным вопросом, вопрос о том, «какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали». (*В. И. Ленин. Там же, стр. 332.*)

Именно под таким углом зрения следует изучать всякую военную историю, в том числе военную историю древних народов. Военную историю древневосточных народов мы сможем понять только в том случае, если мы установим классовый характер этих древних войн, а также связь между этими войнами и политикой тех или иных государств. История Древней Ассирии и Древнего Рима дают классические в этом отношении образцы. Развитие ассирийского и римского государств, их внутренняя структура и в значительной степени их культура тесно связаны с развитием систематически проводившейся военной политики. Но это не означает, что вся история того или иного народа, того или иного государства сводится к истории войн. В настоящее время уже нельзя, как [3] ранее, всю политическую историю сводить к военной истории и, с другой стороны, изучать историю военного дела, военного искусства и войн в отрыве от политической истории, более того, в отрыве от развития всего исторического процесса. Ведь война теснейшим образом связана с развитием хозяйства, классовой структуры общества, государства и культуры. Развитие производительных сил обуславливает уровень военной техники. Топор лесоруба в определенную эпоху превратился в боевую секиру. Лук охотника в своем усовершенствованном виде стал луком воина. Таким образом, технические навыки в изготовлении орудий труда лежат в основе технического оснащения войск. Архитектура развивается рука об руку с фортификацией. Формы организации труда оказывают свое неизбежное влияние на организацию военного дела во всех его видах. Война частичная или всеобщая охватывает собой громадные, все возрастающие количества людей, требуя от них полной координации действий, дисциплины, колоссальных волевых напряжений, определенных навыков, которые создаются и воспитываются десятилетиями и веками. Война требует определенных форм управления, тесно связанных с соответствующими формами и органами административной и государственной власти. Моральный фактор и военная пропаганда, имеющие столь крупное значение в военном деле, неразрывно связаны с уровнем развития культуры и специфической идеологией класса, народа и эпохи.

Утрируя и доводя до нелепой крайности крупное политическое значение войн, фашисты, ослепленные своим смертоносным человеконенавистничеством, возвеличивали войну, как нечто абсолютно необходимое, абсолютное, само по себе существующее и вечное.

Одурманенные запахом крови и угаром войны, подпавшие вольно или невольно под влияние фашистской пропаганды, подкупленные или пресмыкающиеся перед фашистским «начальством» эпигоны германской исторической науки, жалкие последыши и явные «лжеисторики» — фальсификаторы на все лады превозносили войну, как главный фактор, организующий человеческое общество, вернее, попросту пропагандировали ничем не прикрытый, самый циничный и откровенный грабеж в международных масштабах. Поэтому все эти писаки всячески пытались так или иначе оправдать и обосновать захватнические войны, в особенности наиболее грабительские и наиболее жестокие войны эпохи древневосточных рабовладельческих деспотий. Так, например, Эрбт в таких словах пытался оправдать и исторически обосновать явно захватнические войны древнеаккадского царя Саргона и его преемников, так называемых Саргонидов:

«Всю территорию он (Саргон. *B. A.*) занимает и устанавливает в ней единообразный порядок...

Завоевательные походы Саргонидов представляются нам в качестве величественных нашествий правителей и их воинов; их как-будто бы внезапно осенило откровение (*Offenbarung*). Божество ниспослало этим жителям пустынь знамение, ставшее побудительной [4] силой, чтобы через них совершить свою миссию в мире. Даже в более поздние времена сохраняли это знамение, чтобы при их новом возможном появлении снова быть во всеоружии» (*W. Erbt, Weltgeschichte auf rassischer Grundlage, Lpz., 1934, S. 27*).

Историческая наивность попыток фашистских лжеученых обосновать необходимость этих захватнических войн не требует пояснений. По их мнению, война необходима, ибо она таинственным образом «оплодотворяет культуры и народы», ибо она не менее таинственным образом «возвещается свыше» таинственным голосом «откровения или судьбы, божества или трагического героя». Наконец, когда эти аргументы иссякали, фашистские писаки прибегали к самому элементарному аргументу, который специалист по логике может сравнить с палочным ударом, с ударом обухом по голове. Почему война необходима? — спрашивает фашистский писака. И тут же сам себе отвечает самым упрощенным способом. Она необходима, так как она необходима. Появилось даже специальное словечко «жизненная необходимость», которым объяснялся всякий грабительский захват «жизненного пространства». Так, тот же самый Эрбт говорил о завоевательных походах персидских царей:

«Теперь начали персы свое победное шествие по Передней Азии; полностью проявилось стремление к расширению. Это не могло быть планом или внушением одного человека, но должно было в то же время быть выражением того настроения, которое владело его людьми. Беспокойство, жертва, а также то возвышенное чувство, которое подготавливает военные походы, было для них жизненной необходимостью» (там же, стр. 45).

Марксистско-ленинская историческая наука, основанная на тщательном, глубоком и объективном анализе исторических источников и событий, вскрывает всю лживость и всю беспримерную фальсифицированность этих утверждений фашистских писаков. Еще Энгельс в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» с поразительной четкостью вскрыл захватнический, грабительский, разбойничий характер древнейших завоевательных войн и их классовую природу, тех

древнейших захватнических войн, которые возникли в тесной органической связи с процессом образования древнейшего рабовладельческого государства, в эпоху возникновения древнейшего классового общества.

«Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *rex, basileus, thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что, война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из [5] важнейших жизненных целей (буквально: *einer der ersten Lebenszwecke*). Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд (*Erarbeiten*). Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию (*ihre Tuerme ragen bereits hinein in die Zivilisation*).

То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных начальников; соответствующее обычаю избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так, органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода (*die Gentilgenossen*) на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода (*Antagonismus der Gentilgenossen*)» (Маркс) и если бы распространившееся рабство (*die Ausdehnung der Sklaverei*) не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться деятельностью, достойной лишь раба, более позорной, чем грабеж». (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1945, стр. 185-186. Немецкий текст по московскому изданию 1940, стр. 137-138.)

Все эти чрезвычайно характерные и образные выражения, которые применили в данном случае Энгельс и Маркс, которого Энгельс цитирует, с полной ясностью указывают, что в данном случае процесс тесного сращения завоевательных разбойничьих войн с процессом возникновения древнейшего рабовладельческого общества как Энгельс, так и Маркс, очевидно, относили к эпохе перехода от родового строя к рабовладению, одним словом, ко времени возникновения и формирования древневосточных деспотий. Недаром Энгельс подчеркивает, вслед за Марксом, полное равенство «членов рода, родичей» своеобразным термином *Gentilgenossen* и указывает не на распространившееся рабство, а лишь на процесс распространения рабства (*Ausdehnung der Sklaverei*). Но, с другой стороны, Энгельс не менее ясно подчеркивает и то, что эти древнейшие захватнические войны [6]

появляются уже в эпоху становления цивилизации, т. е. классового общества и государства, что видно из его слов: «ragen bereits hinein in die Zivilisation» — «уже проникают внутрь цивилизации».

На эту тесную органическую связь древнейшего азиатского государства с грубой захватнической политикой Энгельс указывает в письме к Марксу от 6 июня 1853 г.:

«Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве)» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 75*).

«Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)». (*Сочинения Маркса и Энгельса, том 21, М., 1929, стр. 494.*)

Этому тезису и Маркс и Энгельс придавали большое принципиальное значение, как видно из того, что эта мысль почти в тех же самых словах выражена в статье «Британское владычество в Индии», напечатанной в *New-York Daily Tribune* 10 июня 1853 г., т. е. через четыре дня после написания вышеприведенного письма.

«В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению (других) народов, и, наконец, ведомство общественных работ». (*К. Маркс, избранные произведения, М., 1940, т. II, стр. 520.*)

На захватнический завоевательный характер военной политики древних государств указал и Сталин, отметив, что внешней функцией этого государства было «расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств» (*И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М., 1939, стр. 604*).

Вскрывая захватнический, грабительский характер завоевательных войн, марксистско-ленинская историческая наука одновременно с этим противопоставляет им освободительные справедливые войны, когда народ защищает свою родную землю, свою честь и свою свободу против наступающего захватчика. Эти освободительные войны имеют огромное прогрессивное значение. Они объединяют народ в борьбе за независимость и свободу, они укрепляют государство и воспитывают чувство патриотизма.

Древняя история, в частности история Древнего Востока, дает огромный материал для изучения как несправедливых завоевательных, так и справедливых освободительных войн. Именно на Древнем Востоке была впервые в истории сформулирована «теория» международного грабежа и угнетения народов, именно на Древнем Востоке была впервые сформулирована «теория» великодержавного гнета и мирового господства, организованного на основе военного захвата территории и порабощения побежденных народов и сохраняемого при помощи кровавого террора и циничной пропаганды. Завоевательные походы аккадских Саргонидов, внешняя политика вавилонского [7] царя Хаммурапи, опустошительные походы ассирийских царей, образование мировой персидской державы являются древнейшими в истории примерами военно-агрессивной политики рабовладельческих государств. Наконец, процесс образования огромной римской империи закрепляет навеки в памяти народов тот кровавый режим насилия и

гнета, который пытались установить во всем «римском мире» императоры, опиравшиеся на железные легионы и римские орлы.

Но одновременно с этим древняя история, в частности история Древнего Востока, показывает нам, как еще в глубокой древности против дерзкого захватчика чужой территории восставали народы, не желавшие превращаться в рабов жестоких иноземных угнетателей. Упорная борьба, которую вели свободолюбивые и независимые горцы древней страны Урарту против ассирийских завоевателей, не менее ожесточенная борьба, которую вели свободные племена Бактрии и Согдианы против Александра Македонского, наконец, великая освободительная война греков против персов развертывают нам яркую картину великих народных войн древнего мира, несомненно имевших огромное историческое значение. Впервые в истории великая идея борьбы за освобождение своей родины нашла свое выражение в прекрасных словах греческого историка Геродота:

«Считаю себя обязанным высказать здесь мое мнение о недавней войне... Я не погрешу против истины, если скажу, что настоящими спасителями Эллады от персидского разгрома явились афиняне. Их поведение и решило исход кампании. Высоко ценя свободу, они подняли на ноги весь эллинский мир и общими силами отразили врага. Так энергично может бороться только свободный народ».

Военная история целого ряда древних государств, как, например, Ассирии, Персии, Греции и Рима, подверглась детальному и глубокому изучению. К сожалению, того же самого нельзя сказать о военной истории Древнего Египта, так как в данном случае даже основные проблемы еще не намечены и не поставлены специалистами-египтологами. Причиной этого является историческая «традиция», нередко сохраняющая порой односторонние, а иногда совершенно неправильные оценки и взгляды. Греки и римляне, заставшие Египет на закате исторического существования, привыкли смотреть на него, как на слабое в военно-политическом отношении государство, которое уже не могло вести самостоятельную внешнюю, а тем более военную, политику. Люди античного мира привыкли смотреть на древнеегипетский народ, как на народ, состоявший по преимуществу из дряхлых мудрецов, изнеженных жрецов и ловких торгашей. Такой взгляд на физическую немощь Египта и египтян нашел прекрасное отражение в рисунке, сохранившемся на одной античной вазе, который изображает мощную фигуру Геракла, избивающего множество тщедушных и мечущихся в панике египтян.

Историческая традиция сохранила этот взгляд на невоинственность египтян вплоть до эпохи расцвета буржуазной исторической науки. Основываясь на крайне недостаточных и часто односторонних и искаженных источниках, в частности на Библии и на античных [8] авторах, Гегель в своих лекциях по философии истории крайне однобоко охарактеризовал национальные черты египетского характера: «классическую невоинственность» и «постоянное миролюбие». Основываясь при этом, главным образом, на Геродоте, Гегель писал об египтянах:

«Они часто моются и купаются, очень прилежно стирают свои одежды, в то время как индусы, хотя и очень часто моют свое тело, однако, никогда не стирают своих одежд, так что нельзя вынести их вони. Один раз в месяц они принимают слабительное и имеют очень искусных врачей, в частности специалистов для отдельных болезней. Все это указывает на наличие длительного мирного периода» (*Hegel, Die orientalische Welt, Lpz., 1919, S. 471*). Принужденный признать значение египетской культуры, Гегель противопоставляет воинственные народы древнего мира, в частности древних римлян, «миролюбивым» египтянам, историческая роль которых свелась к созданию великих культурных ценностей. Гегель говорит:

«Другие народы внешне проявили себя в делах, которые привели к другим результатам. Они напрягли себя для покорения других народов. Но дела уничтожения сохраняются только в воспоминаниях. Во время Троянской войны 100 000 человек работало в течение 10 лет; но все, чего они достигли, оказалось безрезультатным для обеих сторон. Делом римлян было покорение народов, и это дело стоило жизни миллионам людей. В противоположность этому, египтяне создали ценности положительного типа — величественное, грандиозное царство, состоящее из произведений искусства, которые хотя и сохранились частично в обломках, все же обличают свою неразрушимость.

Эти произведения относятся к разряду самых величественных. Уже Геродоту творения греков, по сравнению с творениями египтян, в частности с Лабиринтом, казались ничтожными. И на самом деле, они больше и более достойны изумления, чем все остальное на свете, чем все творения всего остального древнего и нового времени» (*Hegel*, op. cit., S. 500-501).

Стремление изобразить восточные народы, в частности древних египтян, в качестве абсолютно невоинственного народа, совершенно противоположного воинственным народам западного «арийского» мира является типичным примером применения совершенно ненаучной «расовой теории», стремящейся противопоставить «миролюбивый» и «слабый» восток воинственному и могущественному западу.

Удивительным образом этот крайне односторонний взгляд на «невоинственность» египтян и египетского государства сохранился по старинке вплоть до последнего времени даже в трудах крупнейших специалистов по истории Древнего Египта. Поэтому широко распространенным в научной и популярной литературе является мнение, что египетское государство в древности вело, главным образом, мирную политику в силу «миролюбивого» характера древнеегипетского народа. Конечно, общеизвестным фактом египетской истории является факт завоевания египетскими фараонами Нового Царства, главным образом 18-й династии, обширных территорий в Передней Азии и в Нубии и [9] ведение длительных войн для захвата, а затем удержания и эксплуатации этих территорий. Однако, и этот самоочевидный факт историки и египтологи пытаются объяснить, как результат преследования египтянами гиксосов, что привело их в Азию и побудило завоевать Палестину и Сирию. Таким образом, эту военно-агрессивную политику Египта в эпоху 18-й династии историки объясняют как случайное явление, в значительной степени обусловленное «воинственным» порывом Яхмоса I и его преемников, среди которых выделяется фигура великого завоевателя, воинственного Тутмоса III.

Так, например, один из крупнейших специалистов по истории Древнего Египта американский египтолог Д. Г. Брэстед в своем труде «История Египта» указывает на то, что войны египтян с гиксосами привели в результате к организации сильной египетской армии и к постепенному превращению Египта в военное государство. Однако, и Брэстед в данном случае отмечает временный характер этой военной агрессии Древнего Египта, которая, по его мнению, резко противоречила «миролюбивому» характеру египетского народа. Так, Брэстед пишет:

«Течение событий, закончившееся изгнанием гиксосов, определило для Яхмоса форму нового государства. Он стоял во главе сильного войска, надлежащим образом организованного и сплоченного, благодаря продолжительным кампаниям и осадам, длившимся года, в продолжение которых он был в одно и то же время и предводителем войск и главой государства. Характер правительства сам собой определился из этих данных. Египет сделался военным государством, и было вполне естественным, чтобы он остался таковым, несмотря на невоинственный по существу характер египтян. Долгая

война с гиксосами воспитала из них солдат; огромная армия Яхмоса провела целые годы в Азии и оставалась более или менее продолжительное время среди богатых городов Сирии. Вполне изучив военное дело и поняв, что благодаря ему можно было добыть в Азии огромные богатства, вся страна была охвачена и увлечена жадной завоеваний, не затихавшей в течение нескольких столетий» (русский пер. М., 1915 том, I, стр. 243).

Само собой разумеется, что войны египтян с гиксосами и изгнание гиксосов из Египта в значительной степени способствовали расширению завоевательной политики египетских фараонов 18-й династии, явившись внешним толчком и поводом к усилению военной агрессии египетского государства.

Однако, причины этого явления лежат гораздо глубже. Нельзя крупнейшие факты военно-политической истории объяснять «национальным» характером народа, исключительным влиянием тех или иных политических деятелей и полководцев, или инерцией исторических событий. История не знает абсолютно миролюбивых или абсолютно воинственных народов. История знает захватнические несправедливые войны, во время которых правящая кучка эксплуататоров гонит народные массы из-под палки на бойню, искусственно раздувая в народе воинственные инстинкты и жажду грабежа. Наряду с этим, история знает и справедливые освободительные войны, когда [10] народ, охваченный стремлением защитить свою родину от наглого захватчика, поднимается на борьбу, обороняя свою родину, честь и свободу. В истории Древнего Египта, как и в истории других народов, мы найдем и освободительные и захватнические войны. Война египтян с гиксосами была войной освободительной, ибо египтяне во время этой войны боролись против иноземных захватчиков, отстаивая целостность, независимость и честь своей родной страны. Но войны египетских фараонов 18-й династии, имевшие своей целью завоевание Палестины, Сирии, Финикии и Нубии, были, конечно, захватническими, завоевательными войнами, причина которых лежит в самом характере рабовладельческого строя Древнего Египта. Рабовладельческое хозяйство Древнего Египта всегда нуждалось в увеличении количества рабочей силы, в увеличении численности рабов. Развитие экономики требовало наряду с этим захвата источников сырья, как, например, медных рудников Синайского полуострова или лесных массивов Ливанских гор. Наконец, развитие внешней торговли властно требовало захвата важнейших торговых путей и контроля над крупными торговыми центрами. Поэтому военно-агрессивная захватническая политика Египта начинается одновременно с образованием и первым расцветом древнеегипетского государства. Тщательное изучение социально-экономической и военно-политической истории Древнего Египта указывает на то, что развитие рабовладельческого хозяйства уже в эпоху Древнего царства приводит к развитию военно-агрессивной политики, основные цели и направления которой вполне отчетливо намечаются уже в эту древнюю эпоху, становятся более ясными при фараонах 11-12-й династии и окончательно оформляются в эпоху Нового царства, особенно при крупнейших завоевателях 18-й династии. Наряду с этим, уже в эпоху Древнего царства создаются первые формы военной организации и военной техники, которые совершенствуются и усложняются в Среднем царстве, достигая наивысшего развития в эпоху Нового царства. Конечно, завоевание Египта и войны египтян с гиксосами явились довольно значительным толчком для дальнейшего развития завоевательной политики Египта в эпоху 18-й династии. Однако, основные причины завоевательных войн Древнего Египта лежат в самом грабительском эксплуататорском характере рабовладельческого строя. Военная история древневосточных государств, в частности Древнего Египта, в очень слабой степени была подвергнута научному изучению. Во всей мировой научной литературе нет ни одной общей работы, посвященной этому вопросу. Только немногие узкие и очень ограниченные проблемы подверглись самому предварительному обзору, описанию и первичному изучению. Так, например, Борхардт обследовал развалины

египетских крепостей около 2-го Нильского порога. Вопросам древнеегипетской фортификации посвящены специальные статьи Вейлля и Биллербека. Различные виды древнеегипетского оружия довольно тщательно описали и систематизировали в своих работах Боннэ, Вольф и Флиндерс Петри. Еще меньше внимания было уделено изучению отдельных войн и битв. Отсутствие подготовительных [11] работ не дало возможности исследователям изучить военную историю Древнего Египта эпохи Древнего и Среднего царств. Поэтому внимание ученых привлекли только те походы и битвы, которые относятся ко времени Нового царства, главным образом ко времени 18-19-й династий.

Само собой разумеется, что все эти, а также и многие другие работы, посвященные различным отдельным и порой очень узким проблемам военной истории Древнего Египта, содержат ценнейший фактический материал, однако, они даже самым отдаленным образом не подходят к важнейшей проблеме построения военной истории Древнего Египта.

Эта неразработанность военной истории Древнего Египта не дала возможности профессиональным специалистам по общей военной истории включить в свои обобщающие труды обзор военной истории Древнего Египта. Так, автор большого труда по военной истории Г. Дельбрюк указывает на то, что «для восточных народов, равно, как и для египтян, мы имеем исторические источники, которые на много веков и даже тысячелетий старше Гомера. Но все же эти свидетельства слишком скудны и не дают нам непосредственной полной и достоверной картины» (том I, стр. 41). Именно поэтому Дельбрюк начинает свой обзор военной истории с греко-персидских войн, целиком оставляя в стороне историю военного искусства древневосточных народов. В очень краткой книге полковника Е. Разина «История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 г.» (М., 1939, ч. 1) автор, стремясь дать хронологически наиболее полный обзор военной истории, посвящает древнейшей догреческой эпохе первую главу, которая насчитывает всего 16 страниц. Древнему Египту автор посвящает всего одну страницу. Само собой разумеется, этот краткий очерк не может дать представления о военной истории Древнего Египта.

Таким образом, изучение военной истории древневосточных государств, в частности Древнего Египта, является в полной мере работой пионера, которому в первую очередь приходится обратить свое внимание на систематизацию и на изучение источников. Наибольшее количество этих источников сохранилось от времени Нового царства, в частности от времени 18-й и 19-й династий, когда военная политика Древнего Египта достигла своего наивысшего напряжения. Но для понимания этой эпохи необходимо подвергнуть тщательному изучению все предшествующие периоды египетской истории, когда образовалось и формировалось в течение ряда веков египетское рабовладельческое хозяйство и общество и когда оформлялась в своем длительном развитии египетская рабовладельческая деспотия, самое существование которой было неразрывно связано с военно-захватнической политикой.

От древнейших эпох египетской истории, как и от позднейших периодов, сохранились источники двух типов: письменные источники, среди которых наибольшее значение имеют современные древнеегипетские надписи, а также памятники материальной культуры, среди которых для военного историка особенное значение [12] приобретают сохранившиеся образцы оружия и развалины крепостей, а также батальные сцены, сохранившиеся на стенах гробниц и храмов.

Архаические надписи, к сожалению, до настоящего времени еще не собраны в одном монументальном издании и не подвергнуты, главным образом по этой причине, а также

вследствие трудности их чтения, достаточно глубокому и исчерпывающему изучению. Большинство из этих архаических надписей рассыпано по отдельным специальным трудам.

Особенный интерес для военной истории имеют архаические надписи, относящиеся ко времени Нармера, Мины, Дена-Семти-Усефая и Семерхета. Они дают уже некоторое представление о войнах за объединение Египта, а также намечают основные направления дальнейшей завоевательной политики египетских фараонов, объединивших под своей властью долину Нила и Дельту.

Изучение этих архаических надписей все еще представляет большие трудности, вследствие неясности некоторых иероглифических знаков и отсутствия определенных начертаний этих знаков. Поэтому историк должен подходить к переводу и изучению этих надписей с большой осторожностью. Довольно значительный интерес представляет в данном случае историко-филологический анализ сохранившихся в этих надписях собственных имен, титулов, а также тех видов оружия и крепостных сооружений, изображения которых нашли свое отражение в некоторых иероглифах архаической эпохи.

Надписи Древнего царства представляют меньше трудностей для изучения. Большое количество этих надписей собрано в «Urkunden des alten Reiches», которые вышли вторым изданием в 4 выпусках в 1932 г. Издатель сборника К. Зете собрал в этом труде множество важных исторических документов, имеющих большое значение для изучения военной истории Древнего Египта в эпоху Древнего царства. Другим крупным сборником надписей Древнего царства являются тексты пирамид 5-й и 6-й династий. Даже эти религиозные надписи дают некоторый материал для специалиста по военной истории, так как они позволяют поставить вопрос о тех войнах, которые вели между собой отдельные номы в эпоху архаики. Такое же ретроспективное значение имеет и знаменитая летопись, текст которой сохранился на Палермском камне. Сохранившиеся здесь записи о военных походах египетских фараонов первых династий имеют большое значение для военной истории Древнего Египта. Надписи времени Джосера, Снофру, Хуфу, Сахура и Пепи I позволяют проследить отдельные этапы завоевательной политики Египта на северо-востоке, имевшие целью захватить медные рудники Синая. Изображения и надписи, сохранившиеся на стенах гробницы Иунти в Дешашэ и храма Сахура в Абидосе, дают ценнейший материал для изучения вопроса об экономическом и военном проникновении египтян в Палестину. Целый ряд надписей, как, например, надписи Пепи I, Меренра, Хирхуфа, Пепинахта и Себни сообщают ряд существенных сведений относительно проникновения египтян в Нубию. Наконец, [13] надписи Имхотепа, Шема и Пепи I, сохранившиеся в Хаммамате, представляют значительный интерес для установления важнейших путей египетской экономической и военной экспансии. Но, конечно, наибольший интерес среди всех надписей Древнего царства для военной истории Египта представляет надпись Уны, которая позволяет судить об организации военного дела и армии в Египте времени Древнего царства и в которой подробно описывается военный поход против страны Хериуша, а также в области Палестины. Ценность надписи заключается в том, что она является документальной автобиографией. Однако, несмотря на это, историк должен подойти к ней, как и к другим древнеегипетским надписям, с сугубым критицизмом, учитывая ее тенденциозность, стандартные выражения, имеющие особый смысл, и некоторые вполне возможные искажения исторической действительности.

Добавочный материал для изучения военной истории древнейшего Египта дают памятники архитектуры и материальной культуры. В этом отношении громадное научное

значение имеют результаты археологических раскопок, предпринятых Флиндерсом Петри, де-Морганом, Амелино, Шарффом и др. Раскопки, произведенные Монтэ в Библе, дают яркое представление о том проникновении египтян в Сирию, которое можно отнести на основании точных данных к очень древним временам. Раскопки Куфтина в Грузии проливают яркий свет на ряд вопросов, связанных с развитием техники добывания и изготовления обсидиановых предметов. Раскопки Рейснера в Керма у 3-го Нильского порога обнаружили остатки египетской торговой фактории в Нубии, что ясно указывает на экономическое проникновение египтян в эти далекие южные области. Большой интерес представляет тщательное археологическое изучение развалин древнейших египетских крепостей в Ком-эль-Султан и в Ком-эль-Ахмаре, которые позволяют нам судить о развитии египетской фортификации в этот древний период египетской истории. Наконец, изучение сохранившихся экземпляров египетского оружия, а также соответствующих древнеегипетских изображений и иероглифов дает возможность восстановить, хотя бы в некоторой степени, техническое оснащение египетской армии времени Древнего царства.

Значительно большее количество надписей, памятников архитектуры и материальной культуры сохранилось от времени Среднего царства. К сожалению, исторические надписи Среднего царства до настоящего времени еще не подверглись систематическому изучению и не объединены в одном критическом издании. Пробел в этом отношении несколько восполняет краткая учебная хрестоматия Зете, содержащая множество египетских текстов времени Среднего царства.

В лучшем положении находится издание отдельных групп надписей Среднего царства, которые начинают систематизироваться как по типовому, так и по хронологическому принципу. Так, например, отдельно изданы Эриксоном и Зете историко-биографические надписи Среднего царства.

Очень большой интерес для военной истории представляют сиутские [14] надписи гераклеопольской эпохи, позволяющие проследить упорную военную борьбу, которую вели между собой Гераклеополь и Фивы, с целью объединения Египта и установления своего господства во всей стране. Плохая сохранность этих надписей, трудность их чтения и разбора и некоторые позднейшие изменения аутентичного текста заставляют историков подходить с особенной осторожностью к их критическому изучению. Эти надписи были изданы в свое время Гриффизом, а затем переизданы и снабжены переводом и комментарием Бруннером.

Большой интерес представляют Хатнубские надписи, изданные Антесом по материалам, собранным на месте Меллером.

Совершенно особое и очень крупное значение имеют надписи, сохранившиеся на «черепках проклятия». Эти надписи, содержащие важные собственные имена и географические названия, позволяют установить характер взаимоотношений Египта времени Среднего царства со странами Передней Азии, а также пределы египетской экспансии того времени. Эти надписи были тщательно изданы и изучены К. Зете. Наконец, особую работу посвятил надписям 11-й династии Полоцкий.

Многие из этих ценнейших исторических надписей имеют большое значение для изучения военной истории Египта времени Среднего царства. Разнообразные сведения, характеризующие процесс постепенного образования и усиления фиванского царства в эпоху 11-й династии и непосредственно предшествующего ей периода, дают прекрасно сохранившиеся надписи Хунена и Хени, хранящиеся в Московском музее изобразительных искусств, надписи Чечи, Луврская стела С-26 и в особенности надписи

Ментухотепа из Гебелеина и на острове Коноссо, которые свидетельствуют об образовании мощного египетского государства с центром в Фивах. Надпись Джехмау, хаммаматские надписи и надпись Са-анха дают представление о первых попытках египетских фараонов того времени возобновить военно-агрессивную политику. Любопытные иллюстрации дают в этом отношении рельефы, сохранившиеся в развалинах храма 11-й династии в Дейр-эль-Бахри.

Надписи 12-й династии дают возможность значительно ярче и полнее обрисовать завоевательную политику Египта этого времени. В этом отношении строго документальны официальные надписи, имеющие значение государственных реляций, как, например, сехельские надписи, сообщающие о сооружении и расчистке канала у 1-го порога в царствование Сенусерта III, надпись в Семнэ, в которой устанавливается южная государственная граница Египта, стэла Берлинского музея № 1157, а также ее дубликат, сохранившийся на острове Уронарти, в которых говорится о 3-м походе Сенусерта III в Нубию. К этим надписям примыкают и полуофициальные, но все же имеющие некоторое документальное значение надписи вельмож, чиновников, полководцев и номархов, дающие богатейший материал для военной истории Египта этого времени. Таковы интереснейшие бенихассанские надписи, относящиеся ко времени царствования Аменемхета I и [15] Сенусерта I, надпись полководца Ментухотепа, сообщающая существенные сведения относительно завоевания Нубии, надписи Хент-хет-ура и Хнумхотепа из Вади-Гасуса, позволяющие судить о проникновении египтян далеко на юг вплоть до страны Пунт, надписи Нессумонту, Сасатета, Себекху-аа, дающие возможность наряду с другими источниками восстановить картину развития египетской военной экспансии этого времени. Специальные сведения, касающиеся эксплуатации восточных областей, дают хаммаматские и синайские надписи, относящиеся, главным образом, ко времени царствования Аменемхета III. Наконец, при изучении вопроса о завоевательных походах египетских фараонов 12-й династии нельзя обойти и надписи Са-Хатхора (Британский музей № 569), а также интереснейшей надписи Ихер-нофрета. Особое и в то же время очень крупное значение для всех этих проблем имеют литературные произведения времени расцвета классической литературы Древнего Египта в эпоху 12-й династии, главным образом, рассказ Синухета, а также «Поучения» Аменемхета и Неферреху, наконец «Сказка о потерпевшем кораблекрушение».

Все эти литературные тексты, несомненно, требуют при своем изучении крайне строгого и осторожного критического подхода. Однако при соблюдении этого условия историк может из них извлечь ценнейшие сведения относительно взаимоотношений Египта, Сирии и Нубии, войн Египта с соседними племенами и странами, уровня развития военного дела, охраны границ, великодержавной политики, религиозной санкции завоевательных войн и т. д. Любопытный материал дает для изучения этой эпохи с точки зрения военной истории и поздняя историческая традиция, сохранившаяся у некоторых античных авторов, как, например, у Диодора, Лукана, Страбона, Плиния, Артемидора и Геродота, в частности поздняя легенда о завоеваниях Сезостриса, которая несомненно таит в себе некое подлинно историческое зерно.

С вопросом о завоевательных войнах Египта в эпоху Среднего царства теснейшим образом связана проблема техники и организации военного дела. В этом отношении интересные сведения дают кахунские тексты, стэла Ха-анх-еф (Каирский музей № 52456), надпись Икудиди, относящаяся к 34-му году царствования Сенусерта I, надпись Хорнахта, сохранившаяся в Вади-Магхара, наконец, надпись Каи, хранившаяся в Берлинском музее (№ 22820).

Раскопки, производившиеся довольно интенсивно в течение последних десятилетий, дали ценный материал для изучения египетской истории, в частности военной истории времени Среднего царства. Поэтому историк должен для этой цели использовать сохранившиеся памятники материальной культуры, искусства, в частности архитектуры и живописи, а также прикладного искусства и художественного ремесла. Большое значение в этом отношении приобретает изучение развалин Лиштской пирамиды, единственного в своем роде храма в Дейр-эль-Бахри, остатков города в Кахуне. Огромный и очень важный в историческом отношении материал дали раскопки Монтэ в Библе и раскопки Шеффера в Рас-Шамра, пролившие яркий свет [16] на взаимоотношения Египта с Сирией в эпоху Среднего царства, а также раскопки в Кахуне и на Крите, установившие наличие некоторых экономических и культурных связей между Египтом и районом Эгейского моря.

Яркий бытовой материал, рисующий уровень развития военной техники и организации военного дела, дают чудесные бенихассанские изображения, известная сиутская модель военного отряда, прекрасно сохранившиеся образцы оружия; наконец, о фортификации того времени мы можем получить довольно полное представление на основании изучения развалин крепостей, сохранившихся как на территории Египта, так и в особенности на южных нубийских границах, в частности у 2-го порога, в Семнэ, Миргиссе, на острове Уронарти, в Дабэ и в других местах.

Значительно большие трудности представляет изучение следующего периода в истории Древнего Египта, так называемой гиксосской эпохи. От этого смутного времени сохранилось крайне незначительное количество источников как документальных, так и археологических. Очень небольшое количество надписей и памятников материальной культуры и искусства этого времени заставляет историка подходить с крайней осторожностью к изучению фактов политической истории этого времени. Поэтому необходимо тщательно использовать документальные памятники, найденные на территории Передней Азии, а также более поздние источники. Однако, крайняя скудость источников этого периода египетской истории не должна приводить историка к гиперкритическим выводам, которые нашли отражение в односторонней работе Вейлля, резко отрицавшего реальность факта завоевания Египта гиксосами, вопреки твердо установившейся исторической традиции и целому ряду, хотя и немногочисленных, но все же явных указаний источников.

Ввиду незначительного количества документов гиксосской эпохи, историк должен их использовать с предельной, по возможности, полнотой. Поэтому нельзя обойти даже такие краткие надписи, как надпись Нехси из Таниса, или такие мало дающие для военной истории надписи, как надпись Неферхотепа из Абидоса. Существенное значение имеют крайне лаконичные надписи гиксосских царей, их имена и титулы и очень редкие надписи частных лиц этого времени, как, например, надпись Иту. Само собой разумеется, что огромное значение для изучения этой эпохи имеют надписи непосредственно примыкающего к ней периода, т. е. времени ранней 18-й династии, как, например, ценнейшая автобиография начальника гребцов Яхмоса, сына Иабаны, карнакская надпись Яхмоса I, более поздние надписи Хатшепсут в Спеос-Артемидос и соответствующая надпись Мернепта. Ценнейший материал для реконструкции военной истории этого времени, в частности для изучения войн между египтянами и гиксосами, дают литературные и историко-литературные, а также дидактические произведения более позднего времени, как, например, «Рассказ об Апопи и Секенен-Ра» (папирус Саллье № 1), рассказ о войнах Камесу (табличка Карнарвон) и уже цитированные раньше «Поучения» Ипувера и [17] Нефер-реху, которые сообщают интереснейшие сведения о проникновении азиатов в Египет в конце Среднего царства. Существенные сведения, хотя

в некотором отношении искаженные, дает поздний историк Манефон, текст которого нуждается в строго критическом изучении. Наконец, крайне важные выводы можно извлечь из археологических памятников, в частности тех, которые были получены при раскопках Таниса, Тель-эль-Иехудие, Газы и Бет-Пелета. При изучении военной истории гиксосской эпохи необходимо подвергнуть глубокому изучению памятники так называемой гиксосской культуры в Палестине и в Сирии и относящиеся к этой эпохе документальные источники, среди которых особенный интерес представляют документы из Мари, а также из Нузи. Неразрывно связана с этим и вся сложнейшая проблема хурритско-митаннийской культуры.

Значительно проще изучение источников времени ранней 18-й династии, которые довольно полно и ярко рисуют развитие завоевательной политики Египта в эпоху третьего расцвета египетского государства при фараоне Яхмосе I и его преемниках.

В этом отношении богатый документальный материал содержат надписи двух сподвижников фараона Яхмоса I, которые носили одинаковые с ним имена: Яхмоса, сына Иабаны, и Яхмоса, сына Пернехбета, а также надпись Нефер-перета, сохранившаяся в каменоломне Маасара, близ Турра. Большое значение для изучения внешнеполитических связей Египта того времени, а также для характеристики великодержавно и политики Яхмоса I имеет его большая карнакская надпись, содержащая множество ценнейших сведений. Для изучения военной политики Египта времени царствования Аменхотепа I несомненный интерес представляет надпись Гормина, проливающая свет на проблему организации завоеванных областей Нубии, и надпись архитектора Инени, ярко рисующая строительную деятельность фараона Аменхотепа I. Наконец, ценнейший материал для изучения военной политики первых двух Тутмосов дают томбосская стела и абидосская надпись Тутмоса I, сехельская и асуанские надписи, относящиеся к тому же самому времени, и асуанская надпись Тутмоса II. Значительно облегчает изучение надписей этого времени то обстоятельство, что в распоряжении историка находится хорошее издание документальных текстов 18-й династии, предпринятое в свое время К. Зете.

Для изучения вопроса о предпосылках завоевательной политики Египта в Передней Азии в эпоху 18-й династии огромное значение имеет исследование целого ряда проблем, связанных с исторической географией Палестины, Сирии и Финикии. Многочисленные раскопки, произведенные на этих территориях в течение последних десятилетий, дают очень большой археологический и в некоторых случаях даже документальный материал. В Газе, Джераре и Бет-Пелет были найдены любопытные памятники, проливающие некоторый свет на историю гиксосской эпохи, а также представляющие большой интерес для изучения филистимского побережья и той южной части Палестины, которая в египетских надписях носит название страны Неgeb. Раскопки [18] в Галилее, в Гезере и в Сакче-Гёзи позволили восстановить ранее неизвестные древние этапы в развитии доисторической культуры Палестины и Сирии. Археологическое исследование Катны и Телелат-эль-Гхассуля дало исследователям ценнейший материал для изучения вопроса о проникновении древних месопотамских влияний в области Сирии и Палестины. Благодаря подробному археологическому обследованию Гезера, Мегиддо, Бет-шана и Иерихона современная наука получила некоторое представление о жизни, возникновении и развитии древнейших и крупных городов Палестины. Раскопки в Библе и в Рас-Шамре открыли новую эру в изучении Финикии, дав огромное количество ценнейших памятников материальной культуры и письменности, которые пролили яркий свет на древнейшую историю Финикии и установили наличие тесных связей между этими крупными торговыми городами, с одной стороны, и Египтом, с другой. Особенно крупное значение имели раскопки в Рас-Шамра, которые вскрыли новый этап в истории Финикии и Северной Сирии, тесно связанной в эти времена с хеттским и эгейским миром. Большой

интерес представляют эти раскопки в свете тех археологических материалов, которые были обнаружены при раскопках городов Северной Сирии, в частности Сакье-Гёзи и Кархемыша.

Наряду с этими ценнейшими археологическими и документальными памятниками, найденными на территории Сирии, Палестины и Финикии, для изучения вопросов, связанных с военной историей Египта в середине 2-го тыс. до х. э., имеют большое значение клинописные документы амарнского дипломатического архива, египетские иероглифические списки покоренных палестинских и сирийских местностей, изданные в свое время Мюллером, транскрибированный текст которых в недавнее время издан и снабжен очень кратким и односторонним комментарием А. Иирку.

Наконец, несомненный интерес для изучения Палестины, Сирии и Финикии имеют хеттские надписи, дающие ценные сведения как относительно местных условий, так и той борьбы, которую вели за эти районы Хеттское и Египетское государства. Само собой разумеется, что все эти источники, хотя и являются строго документальными, нуждаются в тщательной исторической критике, особенно при исследовании топонимических проблем и сближений, которые порой проводятся на основании одних лишь фонетических аналогий. Еще с большей осторожностью должен подходить историк к использованию библейских данных для изучения истории Финикии, Сирии и Египта 2-го тыс. до х. э. Однако, этот вопрос настолько обширен и сложен, что заслуживает особого и специального исследования.

Таковы те основные и наиболее важные источники, которые следует положить в основу изучения вопроса о предпосылках завоевательной политики Древнего Египта в Передней Азии в эпоху Нового царства. [19]

Глава первая.

Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства

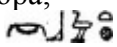
Корни египетской культуры восходят к глубокой древности. Уже в эпоху архаики, относящейся к 4-му тысячелетию до х. э., существовало деление Египта на номы, возникло объединенное и единое деспотическое государство, возглавляемое обоготворявшимся царем, возникли основные формы египетской религии, искусства и первые элементы иероглифической письменности. Наконец, та агрессивная завоевательная политика египетских фараонов, которая нашла свое наиболее полное и яркое выражение при царях 18-й династии, также восходит ко времени глубокой древности, получив свое первое оформление в период Древнего царства.

Потребность в организации единой системы искусственного орошения и главным образом стремление к унификации аппарата угнетения эксплуатируемых масс в общеегипетском

масштабе явились причинами объединения Египта в одно централизованное государство и создания единого и мощного государственного аппарата. И, конечно, это объединение произошло не мирным путем, а в процессе ожесточенной борьбы между отдельными номами. Совершенно так же, как в древнем Шумере, первичные государственные образования, как, например, Лагаш, Ур и Умма, вели между собой упорную борьбу за преобладание, отдельные наиболее сильные и крупные номы Древнего Египта или объединения их боролись между собой за господство в Дельте, в долине, а потом во всей стране. Отголоски этой длительной борьбы сохранились во многих религиозных верованиях и в мифах, как, например, в широко распространенном мифе о борьбе Гора с Сэтом, в частности, в мифах, зафиксированных в древнейшем религиозном сборнике, в текстах пирамид пятой и шестой династий. В мифе о борьбе бога Гора с богом Сэтом отразилось далекое воспоминание о борьбе северного Египта с южным. Очевидно, бог Гор считался покровителем Нижнего Египта, столица которого Бехдет называлась «родиной Гора» *dmj n Hr*. А бог Сэт был верховным богом Верхнего Египта, столица которого находилась в городе Небут [Омбос].

[20]

В эпоху объединения всего Египта под властью североегипетских царей реальное представление о победе севера над югом было зафиксировано в титуле египетского фараона, который гиероглифически изображался в виде священного сокола Гора, попирающего своими лапами гиероглифический знак южной столицы Небут.

Отголоски этой длительной упорной борьбы между государствами северного и южного Египта и объединения их в единое царство сохранились во многих древних сказаниях, в частности, в главах 213, 219 и 222 «Текстов пирамид». Отголоски борьбы между отдельными номами сохранились, наконец, в гиероглифических начертаниях названий отдельных номов. Так, например, название 6-го верхнеегипетского нома Тентира [Дендера], по-египетски Джам (?) писалось знаком лежащего крокодила, голова которого пробита кинжалом; название 11-го верхнеегипетского нома Гипселис писалось знаком священного зверя Сэта, голова которого также пробита кинжалом, наконец, название 17-го верхнеегипетского нома Кинополя писалось знаком лежащей собаки, голова которой совершенно так же пробита кинжалом.

Эти аналогично построенные гиероглифические знаки должны были, очевидно, символически указывать на то, что эти три верхнеегипетских нома были в глубокой древности разбиты и поработаны, может быть, северянами, как на то указывает Зете, говоря о господстве севера над югом в древнейший период египетской истории.¹¹ Во всяком случае несомненно, что эти своеобразные гиероглифические обозначения трех верхнеегипетских номов появились в тот период, когда южный Египет был завоеван североегипетскими царями.

Однако, об этих древнейших войнах между отдельными номами и их объединениями мы можем говорить не только на основании более поздних религиозных текстов и названий номов, но и на основании современных этим древнейшим войнам изображений, которые сохранились на целом ряде шиферных таблиц. Так, на одном фрагменте шиферной таблицы, хранящейся в Каирском музее, изображены священные звери — тотемные покровители 2-го, 5-го и 8-го верхнеегипетских номов — сокол, два сокола, скорпион и лев, которые при помощи мотыг разрушают стены вражеских городов, символически представленных в виде прямоугольных оград, снабженных выступами. Очевидно, эта

древняя пиктографическая надпись должна была увековечить победу союза верхнеегипетских номов над враждебными им городами. В этот большой южноегипетский союз, судя по этому изображению, входило не менее семи номов. К сожалению, рельеф сохранился в поврежденном виде, и поэтому нет возможности определить названия трех остальных номов.²⁾ Далее, на одном фрагменте шиферной таблицы Оксфордского музея Эшмолин [рис. 1] изображены символические знаки номов сокола и ибиса, ведущие связанных пленников.³⁾ Затем, на одном фрагменте шиферной таблицы, хранящейся в Лувре, изображены символические знаки номов: волка [Кинополь], ибиса [Гермополь], сокола [Аполлинополь] и Мина [Панополь], которые [21] держат в вытянутых руках длинную веревку, очевидно, для связывания пленников.⁴⁾ К этой же группе символических изображений, переходящих порой в древнейшие пиктографические надписи, относятся и самые древние сцены триумфа, изображающие, как вождь племени одерживает победу над своим врагом. Так, на фрагменте шиферной таблички Луврского музея изображен предводитель, который в образе быка, тотемного покровителя племени, топчет и бодает поверженного врага. Очень близкое к этому изображение сохранилось в нижнем регистре шиферной таблицы Нармера, где фараон-победитель также представлен в виде быка, который попирает поверженного врага и своими рогами разламывает стены вражеской крепости.⁵⁾ Этот древний тотемный облик обоготворенного фараона впоследствии уже не встречается в изобразительном искусстве Древнего Египта. Однако религия сохранила этот древний звероподобный образ фараона. В религиозно-магических текстах пирамид 5-6-й династий фараон-победитель называется быком:

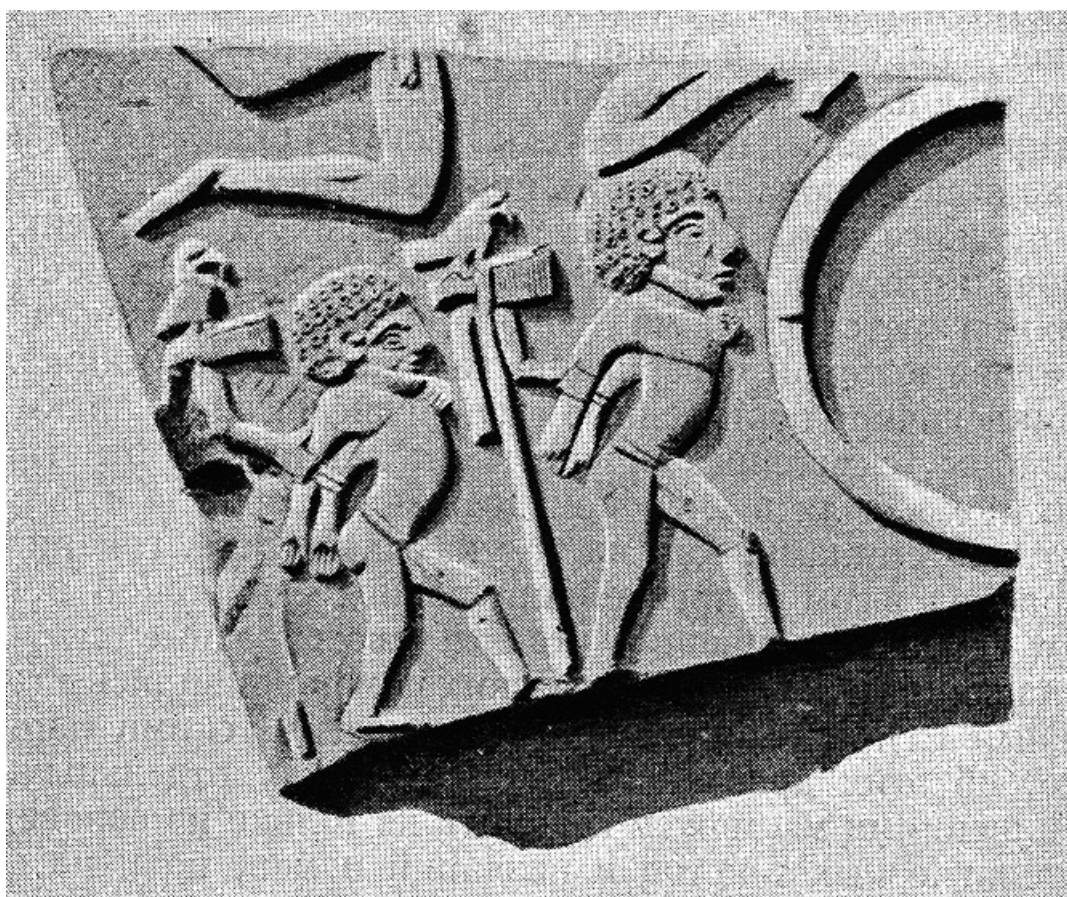

Рис. 1. Символическое изображение захвата пленников богами номов. Рельеф на фрагменте шиферной таблички. — Эшмолин-музей. Оксфорд. Архаическая эпоха.

«Унис сильнее их (своих врагов. В. А.), когда он встает на своем берегу.
 Попадают сердца их в пальцы его.
 Внутренности их (достаются) находящимся на небе.

А красная кровь их — находящимся на земле. [22]
Их наследники впадают в бедность. Дома их достаются ворами [?].
Ворота их — великому Нилу.
Радуется сердце Униса (дважды).
Унис этот — единственный бык неба.
Он прогнал делавших это против него.
Он уничтожил оставшихся позади». ⁶⁾

Иногда мощного вождя племени изображали в виде льва. Так, на обломке шиферной таблички Британского музея ⁷⁾ предводитель изображен в виде льва, терзающего поверженного врага. Тут же с грубой выразительностью примитивного искусства изображено поле битвы, покрытое телами убитых врагов. Хищные птицы клюют трупы павших. Оставшиеся в живых убегают. Пленников с руками, завязанными за спиной, и с камнями, повешенными на шею, уводят. Эта сцена, отдельные части которой выполнены как в символическом, так и в реалистическом стиле, ярко рисует военный быт того времени.

В течение архаического периода египетским племенам, в частности населявшим Дельту, приходилось вести упорную борьбу с ливийскими племенами, которые обитали в северной Африке, в оазисах, расположенных к западу от долины Нила, а также в западной части Дельты. Это были многочисленные и воинственные племена, охотники пустынь и скотоводы песчаных степей, отчасти переходившие к оседлому земледельческому образу жизни в оазисах и в западной Дельте. В эпоху архаики ливийцы, вооруженные бумерангами, луками и стрелами, стояли на приблизительно таком же уровне культурного развития, как и древние египтяне. Поэтому египтянам приходилось с ними считаться, как с сильными соперниками. Целый ряд фактов указывает на то, что ливийцы довольно прочно сидели в западной части Дельты. Культ богини Нейт, широко распространенный в западной Дельте, был, очевидно, ливийским культом. Так, богиня Нейт, которой поклонялись в Саисе (5-й нижнеегипетский ном) и в Прозописе (4-й нижнеегипетский ном), называлась «ливийкой». ⁸⁾ Гиероглиф богини Нейт, изображающий два лука в футляре, татуировали на своем теле ливийцы [темеху] еще в эпоху 19-й династии, как мы видим в гробнице Сети I. ⁹⁾

Этот ливийский культ богини Нейт мы находим у египетских фараонов 1-й династии, на что указывает царское имя этого времени — Мери-Нейт. ¹⁰⁾

Знатные аристократки времени Древнего царства часто носят титул жриц богини Нейт. ¹¹⁾ С Ливией был отчасти связан и культ бога Гора. Так, бог 3-го нижнеегипетского нома носил название «Гор из Техену», что означает «Гор из Ливии». ¹²⁾

В «Текстах пирамид» упоминаются «бумеранги», которые правят в Сехеме, т. е. в Летеполе, во 2-м номе северного Египта. ¹³⁾ Древнейшие архаические статуэтки, в частности, найденные в Гиераконполе, внешне воспроизводят антропологический тип, далекий от египетского [23] типа классического периода и более напоминающий тип ливийца. ¹⁴⁾ На значительное ливийское влияние указывают также формы прически и головных уборов, заимствованные египтянами у ливийцев. Подражая ливийцам, египтяне носили косички из мелких завитков, украшали волосы страусовыми перьями, как видно на статуэтках бога Амона (перья Амона — шути) и богини Маат. Локон на боковой части головы, который изображается обычно в виде прически царевичей, бога Гора и, возможно, служил прической египетских юношей, встречается на голове ливийского воина в гробнице Сети I. ¹⁵⁾ Футляр для мужских половых органов, изображенный на одной

архаической статуэтке из коллекции Мак-Грегор, носили ливийцы даже во время 19-й династии.¹⁶⁾

В развалинах храма при пирамиде Сахура в Абусире были найдены изображения ливийских вождей с уреями на головах. В северной Африке были обнаружены мегалитические сооружения. Возможно, что технику обработки больших каменных глыб и применения их в архитектуре египтяне заимствовали у древних ливийских племен северной Африки. Все эти факты указывают на то, что в течение архаического периода египтяне тесно соприкасались с ливийцами, которые, очевидно, в те времена заселяли области западной Дельты. Вполне естественно поэтому, что египтяне, стремясь к господству над всем Египтом, должны были вступить в военную борьбу с этими ливийскими племенами. Эту борьбу иллюстрирует рельефное изображение, сохранившееся на ручке из слоновой кости от кремневого ножа из Джебель-эль-Арака [Лувр]. Мы видим здесь, как одно племя людей с бритыми головами сражается с другим племенем людей, головы которых украшены типично ливийской косой. Битва происходит на кораблях, что особенно характерно для Дельты, изрезанной рукавами, протоками и каналами Нила.¹⁷⁾

В эпоху объединения Египта в единое централизованное государство, когда прежние вожди племен превратились в мощных царей так называемой первой династии, войны получили иное, значительно более широкое значение. Рост производительных сил требовал расширения кадров рабочей силы, главным образом, рабов, которых можно было получить легче всего при помощи войны, так как пленников в те времена обычно превращали в рабов. Развитие ремесла и земледелия требовало захвата источников сырья, главным образом, металлической руды, а также сбыта излишков сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий. На эти социально-экономические причины возникновения древнейших войн указал в свое время еще Ф. Энгельс: «Привлечение новых рабочих сил стало желательным. Война доставляла их: военнопленных стали обращать в рабов»;¹⁸⁾ и в другом месте: «Производство развилось уже настолько, что человеческая рабочая сила могла произвести теперь больше, чем требовалось для простого поддержания ее; средства для содержания большего количества рабочих сил имелись налицо, имелись также средства для применения этих сил; рабочая сила приобрела *стоимость*. Но сама община и союз, к которому принадлежала эта община, еще [24] не выделяли из своей среды свободных, излишних рабочих сил. Зато их доставляла война, а война так же стара, как и одновременное существование по соседству нескольких общинных групп. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом» (Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, М., 1945, стр. 169).

Так возникают древнейшие грабительские войны, одной из целей которых становится захват рабов и всякой иной добычи.

«Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».¹⁹⁾

История Древнего Египта прекрасно иллюстрирует эти слова Энгельса о грабительском характере древних войн. Уже в эпоху первых династий Египет нуждался в целом ряде видов сырья, которые можно было получить только из соседних стран. Так, мы знаем, что уже в эпоху архаики египтяне довольно широко пользовались обсидианом для выделки

маленьких ножей. Обсидиановые изделия были найдены в Египте в архаических слоях в Абу-Сир-эль-Мелеке. Однако обсидиан [вулканического стекла] в Египте нет. Поэтому следует думать, что египтяне привозили обсидиан из соседних стран. Месторождения обсидиана встречаются на Липарских островах, в Сардинии, на Мелосе, Косе, Хиали, в Оверни [Франция], в Токае [Венгрия], на Кавказе, в Аравии, в Армении и в Абиссинии. Как полагает Уэнрайт, посвятивший большую статью вопросу об обсидиане, египтяне получали обсидиан из Армении, что указывает на торговые и культурные связи, существовавшие с доисторической эпохи между Египтом и странами Передней Азии. Обсидиан в большом количестве можно найти в Закавказье, в Центральном и Северном Кавказе. Так, в Баксанской долине, в высохших руслах горных потоков легко обнаружить большое количество кусков обсидиана различного цвета, от черного до темнокоричневого. Древние жители Кавказа пользовались обсидианом для изготовления различных изделий. Обсидиановые наконечники стрел были найдены к югу от Тбилиси, в Цалке, в Редкин-лагере и в Мцхете, а маленькие обсидиановые ножики были обнаружены на территории Кабардинской АССР.

Наконец, во время последних раскопок Б. А. Куфтина в Цалкинском районе была найдена целая мастерская обсидианового производства. Весьма возможно, что здесь, на Кавказе, находились древние очаги обсидианового производства и что египтяне получали обсидиан при помощи транзитной торговли из далеких областей Кавказа, богатых вулканическим стеклом.²⁰⁾

В период халколита египтяне, не имевшие собственных источников меди, стали стремиться к захвату тех областей, в которых находятся месторождения меди. Медь в ту эпоху очень высоко ценилась в Египте. Правда, в погребениях этого времени уже встречаются [25] медные предметы, как, например, сосуды, сделанные из меди, однако, крупные предметы делались из меди настолько редко, что в летописи Палермского камня, наряду с упоминаниями о важнейших политических событиях, встречается упоминание об изготовлении больших предметов из меди. Так, под годами царствования фараона 2-й династии Хасехемуи говорится об «изготовлении [из] меди [царской статуи] «Высок Хасехемуи», а под 11-м годом царствования фараона 5-й династии Нефериркара мы читаем, что «Царь Верхнего и Нижнего Египта Нефериркара сделал в качестве [своего] памятника для Ра в его солнечном святилище «Желание сердца Ра» вечернюю и утреннюю солнечную ладью, длиной в 8 локтей, из меди».²¹⁾ На большое значение, которое придавали металлургии в те времена, указывает титул «начальника литейщиков металла дворца царя юга и севера Хотепсехемуи», который встречается на отпечатке цилиндра из Саккара.²²⁾ Многочисленные искусно изготовленные изделия из золота, найденные в погребениях этих первых династий, а также изображения золотых статуй на печати царя Дена²³⁾ говорят о том, что уже в эту эпоху египтяне стали получать довольно большое количество золота, очевидно, из Нубии.

В течение всего архаического периода египтяне широко пользовались деревом. Дерево играло большую роль в строительном деле, на что указывают абидосские гробницы, в которых полы и перекрытия были сделаны из дерева. Дерево было необходимо и в кораблестроении. Широкое развитие водного транспорта требовало большого количества высококачественного строевого и мачтового леса, который, главным образом, привозили из Сирии. На очень древние торговые и культурные связи между Египтом и Сирией указывает то обстоятельство, что Монтэ во время своих раскопок в Библе нашел в районе египетского храма целый ряд древнеегипетских предметов раннединастического и даже, может быть, додинастического периода. Некоторые из этих архаических памятников египетской культуры аналогичны тем, которые были найдены в Абидосе и Гиераконполе. Особенный интерес представляют архаические, типично египетские кремневые ножи и

скребки, votивные топоры из полированного камня, додинастические таблички, бусы из алебаstra, хрусталя, яшмы и золота, глиняные фигурки животных, наконец, цилиндр с египетской иероглифической надписью архаического типа. Весьма возможно, что этот цилиндр был сделан позднее, в эпоху Древнего царства. Однако наличие на нем архаической надписи говорит о том, что уже в эпоху архаики египетская торговля, египетская колонизация и египетское культурное влияние стали проникать в Сирию.

Наконец, Франкфорт находит возможным относить сосуды иноземного типа, найденные Флиндерсом Петри в абидосских царских гробницах первых династий, а также некоторые каменные сосуды, в частности, в форме птицы, к культурному кругу Древней Сирии, что дает ему право говорить о связях между Египтом и Северной Сирией уже в эпоху архаики. Это подтверждается тем, что сосуды с ручками [амфориски], украшенные красно-коричневыми полосами, и сосуды [26] в форме животных и птиц встречаются в эту эпоху лишь в Египте и в Северной Сирии. Характерно также и то, что глиняные сосуды с волнообразными ручками (*à anses ondulées, wave-handled*), которые появляются в Египте в начале «2-й цивилизации» около s. d. 40, встречаются только в Египте и в Палестине. В этих сосудах были найдены остатки масла, которое египтяне, возможно, привозили из Сирии. Некоторые данные даже позволяют говорить о торговых связях с такими отдаленными (для того времени) странами, как острова Эгейского моря. Так, в глубоких слоях неолита в Фесте был найден фрагмент слоновьего клыка, конечно, привезенного из Африки. В Платанос [Мессара] и в Египте были найдены схематизованные фигурки человека из слоновьей кости. В развалинах Кносского дворца, на острове Крите, были найдены порфиновые сосуды египетского типа архаического периода (s. d. 45-54). На островах Эгейского моря были обнаружены диоритовые булавы, аналогичные древнеегипетским булавам из Негада.²⁴⁾

Все эти факты в своей совокупности указывают на наличие примитивной меновой торговли, соединявшей архаический Египет с целым рядом соседних стран. Вполне естественно, что эта примитивная разбойничья торговля должна была привести к не менее разбойничьим военным походам. Так, постепенно создавались предпосылки для той довольно значительной военно-агрессивной политики, которую начали планомерно вести фараоны периода Древнего царства.

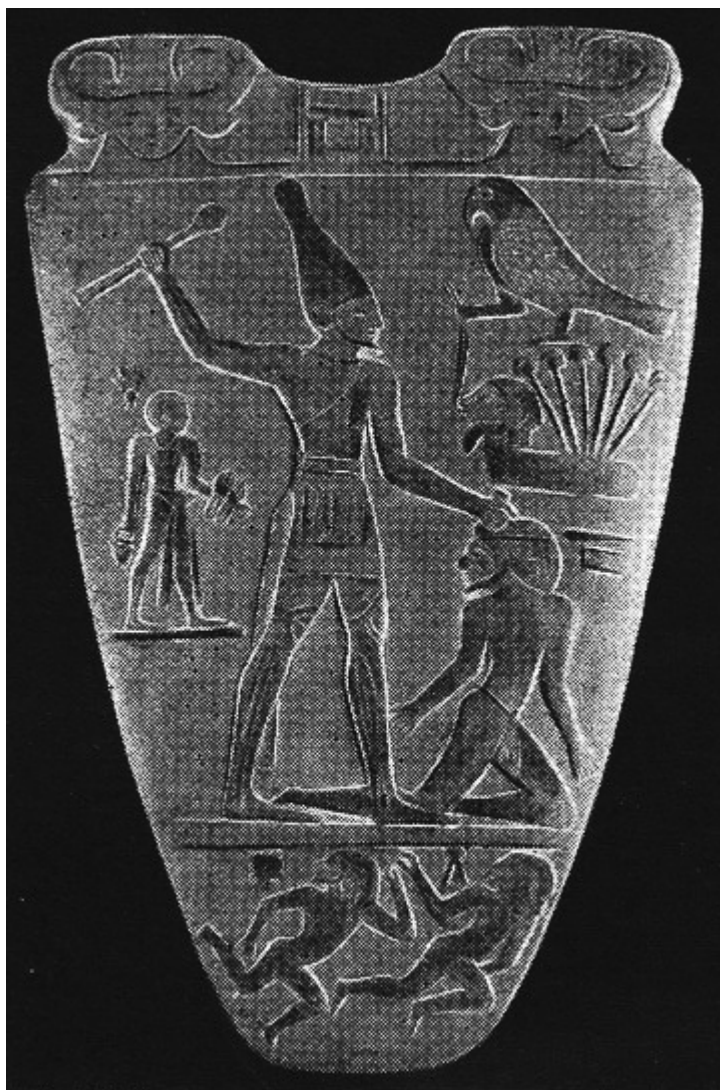

Рис. 2. Сцена триумфа. Шиферная таблица фараона Нармера из Гиераконполя. Каирский музей. Архаическая эпоха.

Наиболее древние памятники, описывающие эти войны, относятся ко времени царствования одного из древнейших известных нам фараонов, имя которого обычно читается Нармер. На большой шиферной вотивной таблице, найденной в Гиераконполе,²⁵⁾ изображена сцена триумфа: царь, увенчанный белой короной Верхнего Египта, заносит [27] свою булаву над головой поверженного и побежденного врага [рис. 2] Помещенная тут же пиктографическая надпись поясняет смысл этого изображения. Как можно думать, эта надпись гласит: «Царь вывел из страны «Озеро гарпуны» 6000 пленных». На другой стороне этой же таблицы изображен тот же царь, который, на этот раз увенчанный красной короной Нижнего Египта, идет в сопровождении своих чиновников и штандартноносцев на поле битвы для того, чтобы осмотреть тела убитых врагов, расположенные рядами [рис. 3]. Несколько ниже изображен царь в образе быка, который своими рогами разрушает стены вражеской крепости. Эти изображения и надписи позволяют предполагать, что Нармер был царем Верхнего Египта и что, завоевав Дельту, он объединил под своей властью весь Египет. Имя этого фараона, обычно читаемое «Нармер», или, как его предложил читать В. М. Викентьев, «Нар-батаи», помещено в верхней части гиераконпольской таблицы.²⁶⁾ Филологический анализ этого имени позволяет видеть в нем эпитет мощного завоевателя и объединителя всего Египта — «разрушитель врагов и основатель государства». Изображение вражеской крепости со стеной, снабженной бастиянами, позволяет предполагать, что Дельта уже в ту эпоху была довольно густо заселена и защищена рядами крепостей. О крупных войнах этого царя и

больших победах, одержанных им. в западной части Дельты и, может быть, в прилегающей к ней части Ливии, говорит надпись, сохранившаяся на каменном наконечнике булавы, найденной в Гиераконполе. Эта надпись говорит о захвате «120 000 пленных, 1 480 000 голов мелкого скота и 400 000 голов крупного скота».²⁷⁾ Брэдстед думает, что здесь имело место насильственное переселение жителей целой области.²⁸⁾

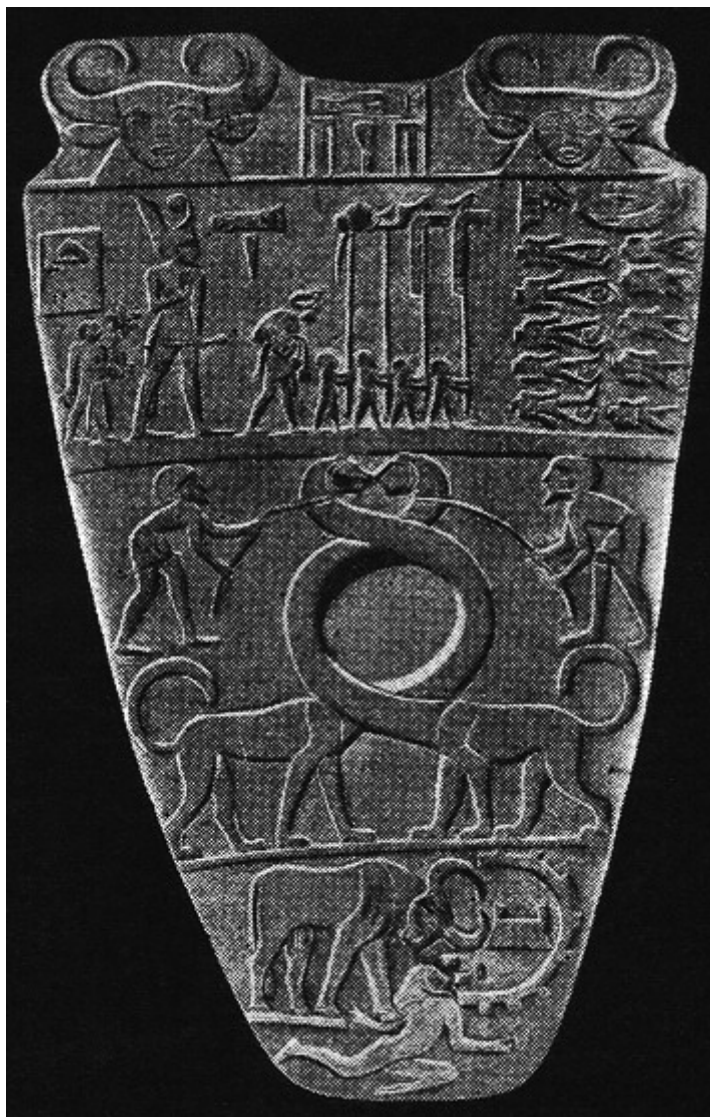

Рис. 3. Торжественный осмотр поля битвы и убитых. Шиферная таблица фараона Нармера из Гиераконполя. Архаическая эпоха. Каирский музей.

Однако, если даже предположить, что Дельта уже в ту эпоху была [28] густо заселена, нельзя эти цифры принимать на веру. Ведь не все районы Дельты были в те отдаленные времена освоены в земледельческом отношении. Так, например, мы знаем, что восточная часть Дельты была превращена в культурный район лишь в эпоху 19-й династии. Поэтому следует скорее согласиться с Э. Мейером, указавшим на то, что цифры в этой надписи Нармера резко преувеличены.²⁹⁾ Эта надпись, как бы подводящая итоги войны, ясно вскрывает ее разбойничий характер, ибо, очевидно, ее основной целью был захват пленных и скота. Завоевательная политика Нармера была главным образом направлена на запад и на северо-запад, имея целью завоевание ливийских областей. На это ясно указывает цилиндр из слоновой кости, на котором вырезано имя Нармера, снабженное рукой, которая бьет палкой ливийских пленников.³⁰⁾ Таким образом, уже при Нармере определяется одно из направлений военно-агрессивной политики древнеегипетских фараонов. Эти военные походы на северо-запад в области Ливии, которые велись в

течение всей истории Древнего Египта, имели своей целью не только защиту Дельты от ливийцев, но также захват пленных, обращавшихся в рабство, и захват скота.

При фараоне Мине, которого древнеегипетская и античная историческая традиция считала основателем Египетского государства и которого некоторые исследователи находили возможным отождествлять с Нармером,³¹⁾ определилось также и другое направление завоевательной политики египетских фараонов, а именно на юг. Так, на одной табличке с именем Мины говорится о «победе над нубийцами [сетиу]». На других табличках из слоновой кости этого же времени изображены пленные ливийцы.³²⁾ Таким образом, в эту эпоху египетские фараоны правили не только над всем Египтом, но уже вели завоевательные войны на северо-западной и южной границах страны. Согласно исторической традиции, Мина построил на стыке между Дельтой и долиной новую столицу государства, которая получила название «Белая стена».

Судя по этому названию, столица была обнесена мощной стеной из белого камня, очевидно, известняка, что свидетельствует уже о значительном развитии фортификационной техники. Эта новая укрепленная столица объединенного Египта была построена в пункте, имеющем большое стратегическое значение, ибо он господствует над путями, соединяющими Дельту с долиной.

Наконец, третье направление военно-агрессивной политики Египта достаточно четко наметилось при одном из следующих фараонов первой династии, при фараоне Дене-Семти, которого иногда также называют Усефаем. На одной табличке из слоновой кости, помеченной его именем, он изображен в обычной сцене победы над врагом. Помещенная тут же иероглифическая надпись гласит: «Первый случай поражения восточных жителей».³³⁾ Весьма возможно, что здесь имеются в виду жители пустынного Синайского полуострова. На другой табличке, также найденной в Абидосе и также помеченной именем того же царя Дена, мы находим ряд уже более конкретных указаний. Помещенную здесь надпись, по видимому, следует перевести таким [29] образом: «Разрушение крепости Ан... Пришел владыка, царь Верхнего и Нижнего Египта Семти, покоривший тридцать областей».³⁴⁾ Одна из захваченных царем крепостей названа здесь *wn-t* — Унут. Это название Гриффиз остроумно сопоставил с названием крепостей Синайского полуострова — *wnwt*, Унут, упомянутых в надписи Уны времени 6-й династии.³⁵⁾ Очевидно, стремление к захвату богатых медных рудников было одной из важнейших причин этих войн за овладение Синайским полуостровом, которые систематически велись фараонами Древнего царства.

Эти войны, целью которых был захват рабов, добычи и источников необходимого сырья, конечно, имели громадное значение для развития египетской экономики. Поэтому вполне естественно, что о некоторых из этих войн упоминается в уцелевшем фрагменте исторической хроники, начертанной на Палермском камне. Так, под годами царствования фараона Миебиса мы читаем о «поражении ур-ка» и о «поражении иунтиу».³⁶⁾ Завоевательная политика фараонов первой династии, став отныне традиционной, продолжалась также фараонами второй династии. Фараон Нетерен [Нетериму], как мы

узнаем из хроники Палермского камня, разрушил города Шем-Ра и «Дом севера», очевидно, расположенные в Дельте.³⁷⁾ Фараон первой династии Семерхет приказал в память своих побед высечь на скалах Синайского полуострова, около Вади-Магхара, изображение сцены своего триумфа над поверженным врагом, очевидно, олицетворявшим бедуинов Синайского полуострова [рис. 4]. Дальше мы видим изображения самого фараона, идущего сперва в короне Нижнего, а потом в короне Верхнего Египта, что указывает на его власть над всем объединенным Египтом. Несколько правее изображен

человек, держащий в руках лук и стрелы, очевидно, начальник экспедиции, отправленный царем на Синайский полуостров, на что указывают помещенные тут же его титулы «князь, начальник войска, правитель царского удела, князь дворца, Несутсаф».³⁸⁾ Эту политику должны были продолжать фараоны второй династии, нуждавшиеся, так же как и их предшественники, в той меди, которую можно было получить на Синайском полуострове. Мы знаем, что фараон второй династии Хасехемуи вел упорные войны «на севере». Так, на одной вазе из красного гранита, найденной в Гиераконполе, упоминается «год битвы и поражения северян»,³⁹⁾ а на постаменте двух статуй этого царя изображены груды убитых врагов и даже приведены соответствующие цифры, в одном случае 47 209, а в другом 48 205.⁴⁰⁾

Военно-агрессивная политика, столь ясно наметившаяся при фараонах первых двух династий, окончательно определилась и получила свое дальнейшее развитие при последующих фараонах Древнего [30] царства, при которых Египет превратился в мощную централизованную деспотию. Расширение этой военной политики отчасти объясняется тем, что крупная строительная деятельность фараонов третьей и четвертой династий требовала людей и средств, которые могли быть в условиях того времени получены только при помощи войн. Первый фараон третьей династии Джосер воевал в течение своего царствования как на северо-восточных, так и на южных границах Египта. Около древних разработок меди на Синайском полуострове сохранились барельефы, повествующие о победах Джосера над жившими здесь племенами бедуинов. Эти барельефы были обнаружены около медных рудников Вади-Магхара английской экспедицией Egypt Exploration Fund в 1904 г. Мы видим здесь опять типичную сцену царского триумфа — царя, заносающего свою булаву над головой поверженного азиата. Около фигуры азиата помещено второе имя царя Джосера — Нетерха. Позади царя изображена фигура стоящей богини, имя которой не сохранилось. Вертикальная иероглифическая надпись содержит довольно обычную формулу: «дарующая процветание, крепость, жизнь и радость сердца во веки веков». Особенный интерес представляет другая помещенная тут же иероглифическая надпись, содержащая следующие имена и звания чиновников, входивших в штаб данной экспедиции: «начальник воинов царской экспедиции, начальник пустынной области Нетанх, состоящий при азиатах Хени, царский плотник Мери-иб».⁴¹⁾ Очевидно, это была крупная военная экспедиция, снаряженная на Синайский полуостров с целью завоевания всего района медных рудников. Судя по надписи, этот район был присоединен к Египту под названием «пустынная область», во

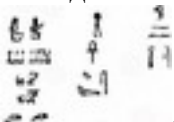
Рис. 4. Сцена триумфа фараона Семерхета. Рельеф в Вади-Магхара. 1-я династия. Древнее царство.[31]

главе которой был поставлен особый чиновник. А значительно более позднее, но все же достоверное предание рассказывает, что, Джосер после семилетнего голода пожертвовал богу Хнуму в Элефантине 12-мильную полосу земли выше первого порога; таким образом, эта часть Нубии уже была в ту эпоху завоевана египетскими царями.⁴²⁾ Конечно, нубийские племена здесь еще были далеко не совсем замирены, что принудило Джосера построить стену от Ассуана до Филэ для защиты южных областей Египта. Очевидно, к тому же самому времени относится фрагмент барельефа, сохранившийся на скалах Вади-Магхара, с именем фараона Санахта. Мы видим здесь обломок обычной сцены триумфа. Царь, изображенный в короне Нижнего Египта, наносит удар, очевидно, пленному врагу, фигура которого, к сожалению, не сохранилась. Около фигуры фараона сохранился обрывок надписи, содержащий имя царя Санахт и часть эпитета богини Хатхор «владычица Мафкат». Дальше опять изображен стоящий царь с короной Верхнего Египта на голове. Перед ним штандарт бога Упуата, фигура священного сокола Гора, стоящего на иероглифическом знаке дома и опять то же самое имя царя Санахт. Фигура Гора на иероглифе дома, очевидно, означает имя богини Хатхор («дом Гора»), что находит подтверждение в помещенном тут же эпитете богини, которая названа «Владычицей Мафкат», т. е. страны малахита, из которого добывалась медь. Весьма возможно, что и на барельефах Джосера изображена та же богиня Хатхор, которая считалась покровительницей области Синайских медных рудников.⁴³⁾

Не менее крупную военную политику вел также и Снофру. В его царствование район медных рудников на Синайском полуострове был окончательно закреплен за Египтом. Победы Снофру в этом районе были увековечены барельефами, сохранившимися в Вади-Магхара. Обычная сцена триумфа изображает, как царь поражает своей булавой коленопреклоненного азиата [рис. 5]. Иероглифическая надпись, помещенная тут же, содержит имена царя и стереотипную фразу «дарующий устойчивость, процветание и радость сердца во веки веков». В нижнем регистре царь изображен дважды, в короне Верхнего и в короне Нижнего Египта. В иероглифической надписи царь назван — «покорителем иноземных стран».⁴⁴⁾

Победы Снофру в этом районе и окончательное присоединение им к Египту области медных рудников Синайского полуострова имели настолько крупное политическое и экономическое значение для Египта, что воспоминание об этих событиях в течение тысячелетий сохранялось в памяти египетского народа. Снофру впоследствии считался завоевателем всей этой области и основателем здешних медных рудников. Одному из рудников и некоторым дорогам было присвоено его имя, он считался богом-покровителем всей этой местности, и высшей похвалой для чиновника было признание, что «со времен Снофру ничего подобного здесь не было сделано».⁴⁵⁾

Военные походы Снофру имели настолько крупное значение, что о них упоминается даже в государственной летописи Палермского [32] камня. Так, в ней мы читаем об «опустошении страны негров и доставке 7 000 живых пленников и 200 000 голов крупного

и мелкого рогатого скота»⁴⁶⁾. Для закрепления своих завоеваний на севере и на юге Снофру, как гласит та же летопись: «построил стену южной и северной страны (под названием) «Дома Снофру»^{46a)}. Может быть, именно им были построены те укрепления в северо-восточной Дельте, которые носили название «Стена князя» и о которых упоминается в «Рассказе Синухета» в следующих словах: ... «Я пошел на север и прибыл к «Стене князя», выстроенной для отпора азиатам, для поражения проходящих по пескам».⁴⁷⁾ Очевидно, на эти укрепления указывает гиероглифический знак стены, детерминирующий в «Текстах пирамид» название Кемуэр, т. е. горько-соленых озер, находящихся в этом районе.⁴⁸⁾

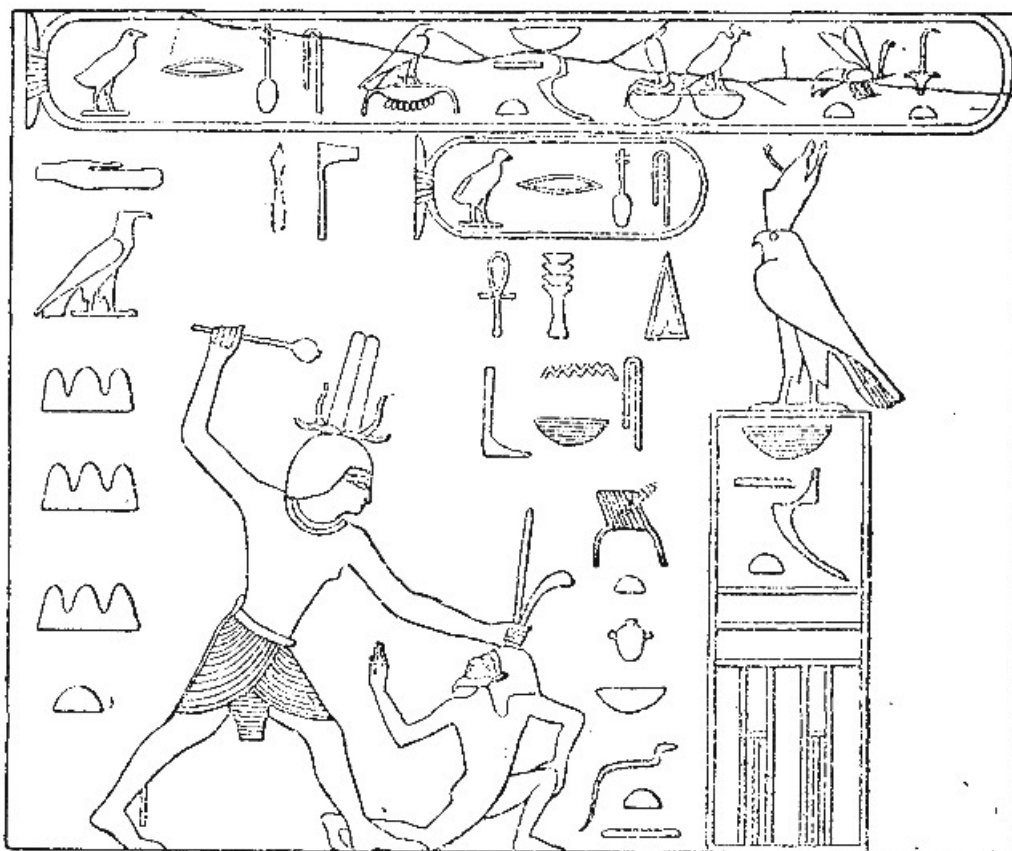

Рис. 5. Сцена триумфа фараона Снофру. Рельеф в Вади-Магхара. Древнее царство.

Исходя из этих фактов, М. Мюллер предполагает, что Снофру вел здесь не завоевательную, а скорее оборонительную политику.⁴⁹⁾ Однако этому противоречат

приведенные выше факты о завоеваниях, совершенных Снофру именно в северо-восточном направлении. Эти войны за окончательное овладение Синайским полуостровом продолжались и при следующих фараонах, на что указывает победный рельеф, высеченный фараоном четвертой династии на скалах около Вади-Магхара. На этом рельефе изображено, как царь поражает коленапреклоненного азиата. Помещенная тут же иероглифическая [33] надпись гласит: «Хнум-Хуфу, великий бог, сокрушитель троглодитов (иунтиу). Всякая защита и жигнь сопутствуют ему».⁵⁰

Рис. 6. Пленники, среди которых встречаются ливийские вожди. Рельеф из храма фараона Сахура. Древнее царство. 5-я династия.

Изображения и надписи пятой династии говорят нам о дальнейшем расширении военно-агрессивной политики египетских фараонов в эту эпоху. Фараоны пятой династии считают себя призванными править не только египтянами, но также и ливийцами, азиатами и нубийцами, как указывает ставшее в ту эпоху традиционным изображение царя в виде сфинкса, который попирает своими лапами представителей этих племен. Один из крупных царей этой династии, Сахура, продолжал воинственную политику своих предшественников, целью которой было окончательное завоевание Синайского полуострова. Так, на скалах Вади-Магхара сохранились рельефы, изображающие фараона Сахура дважды — в короне Нижнего и в короне Верхнего Египта — перед священным символом бога Упуата, «Открывающего путь» в завоеванные области Синайского полуострова. Далее, мы видим того же самого фараона, поражающего коленапреклоненного пленника. Помещенная тут же надпись гласит: «Владыка сияния, царь Верхнего и Нижнего Египта Сахура, дарующий жизнь во веки веков, покоритель иноземных стран, сокрушитель всех иноземных стран Менту».⁵¹ Этот же самый фараон Сахура вел большую войну с ливийцами, о которой мы осведомлены благодаря сохранившимся рельефам его могильного храма. На этих рельефах [рис. 6] изображены многочисленные захваченные в плен ливийские вожди, а также богиня истории, которая «записывает» число живых пленников, приведенных из всех пустынных областей. На этих же рельефах мы видим изображение Аментит, богини Запада, которая дает царю власть

над техену [34] (ливийцами). Надпись передает ее речь, обращенную к царю: «Я отдам тебе вождей Техену и всех других стран (запада)». Ливийский бог Аш говорит царю: «Я приношу тебе всякие хорошие вещи, которые находят в горах (Мармарики)». Затем следуют изображения пленников из ливийских племен Бакет и Ваш, так же, как и тысячных стад быков, коз, баранов и ослов. Рельефы, изображенные в том же самом храме Сахура, говорят и о другом походе, который предпринял этот царь. На этот раз поход был предпринят на морских кораблях [рис. 7], очевидно, в Азию, может быть, в Палестину или в область Ливана, на что указывают захваченные в качестве пленников типичные по внешности азиаты и привезенные в качестве добычи медведи. На этих рельефах изображены также товары, привезенные из Азии в Египет, некоторые азиатские продукты, как, например, палестинское масло. Еще дальше мы видим ряды иноземцев, названных общим именем Сентиу,

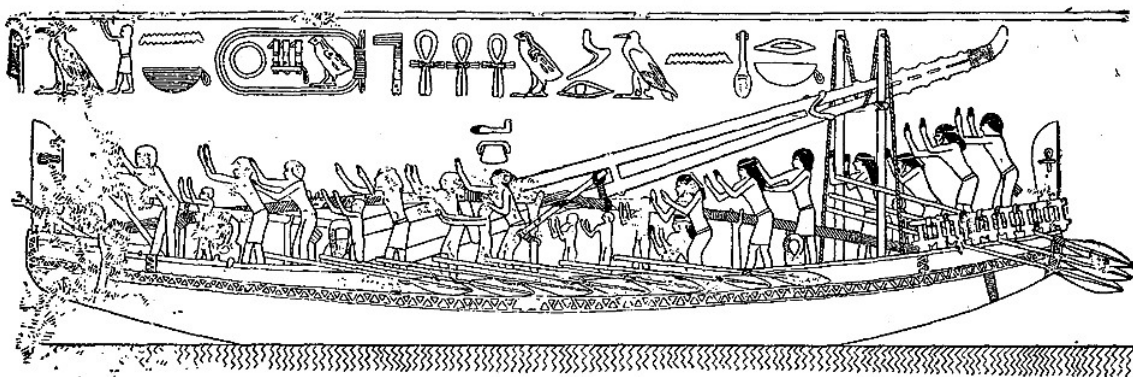

Рис. 7. Морской корабль из флота, отправленного в Сирию. Рельеф из храма Сахура. Древнее царство. 5-я династия.

между ними кочевников Иунут и Ментиу синайских областей или пустынных стран Нижней Нубии.⁵²⁾ Яркая бытовая иллюстрация, изображающая один из эпизодов, возможно, именно этой войны, сохранилась на стенах гробницы Инти, номарха Гераклеополя в Деша-шэ, несколько выше Фаюма [рис. 8]. Мы видим на этом изображении, как египетские войска осаждают азиатскую крепость, изображенную условно в виде овала, защищенного крепостной стеной, снабженной выступами или бастиянами. Египтяне приставляют к стене штурмовую лестницу и разламывают крепостную стену ломами. У стен крепости идет рукопашный бой между египетскими воинами, вооруженными секирами, и азиатами, вооруженными палицами. Азиаты, находящиеся в крепости, вооружены луками. Тела азиатов, сражающихся у стен крепости, пронизаны стрелами, из чего ясно, что египтяне перед атакой крепости осыпали ее защитников тучей стрел. Внизу изображены пленные азиаты, которых ведут египетские воины. Азиатов можно легко отличить от египтян по их чертам лица, по окладистой бороде, длинным завязанным волосам и длинной одежде. Все эти внешние черты позволяют их отождествить с теми азиатскими племенами, кото-

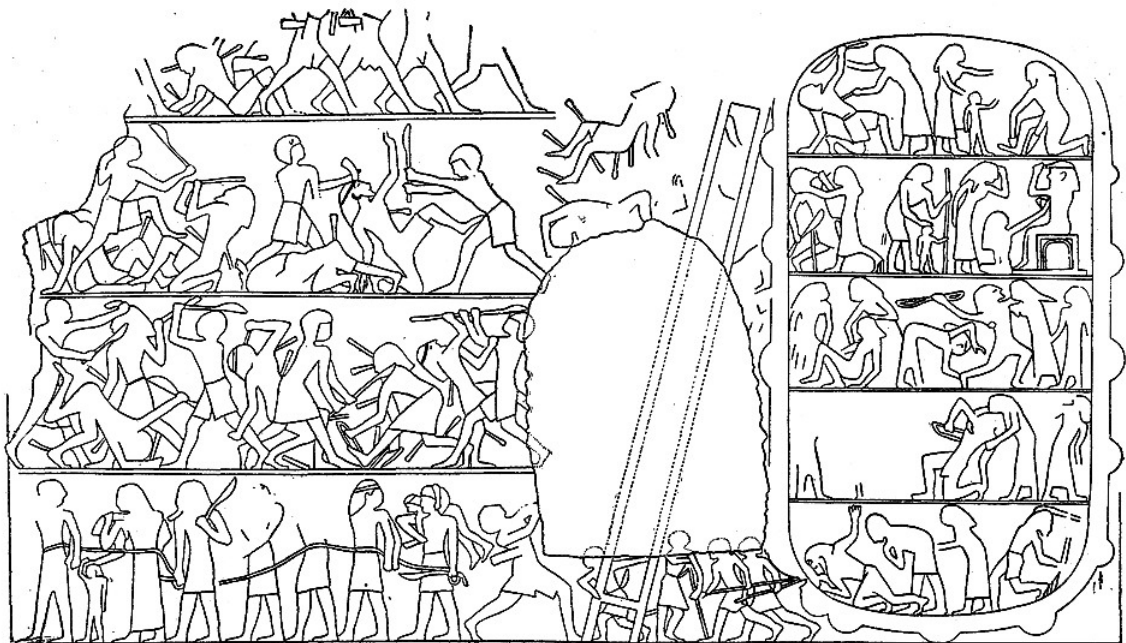

Рис. 8. Осада египтянами азиатской крепости. Изображение из гробницы Инти в Дешашэ. [36]

рых египтяне называли ментиу-сатет и которые, например, изображены на золотой пекторали Аменемхета III. В надписи, помещенной около рисунка, упоминается и название этой азиатской крепости, может быть, взятой после штурма египетскими войсками. Это название «Недиа», можно сопоставить с географическим названием Anitha, встречающимся у Птолемея при описании области Палестины, расположенной к северу от реки Иордана.⁵³⁾

Эти войны, так же как и предшествующие, имели своей целью укрепить экономическое и политическое господство египтян в соседних странах. Поэтому вполне естественно, что они сопровождались широкой внешней торговлей. Египтяне устанавливают прочные торговые связи с прибрежными городами Сирии и, главным образом, с Библом, название которого Кебен 𓆎𓆏𓆑 встречается в древнеегипетских надписях. Египетское название ливанской области «страна Нега» и имя тамошнего местного бога Хаитау встречаются в «Текстах пирамид». Так, в 518-й главе «Текстов пирамид» умерший фараон Пепи называется «Хаи-Тау, житель страны Нега».⁵⁴⁾ О наличии торговых взаимоотношений между Египтом и Библом говорят египетские предметы, найденные в развалинах Библа во время раскопок этого города, произведенных Монтэ. Среди этих предметов следует, в первую очередь, отметить следующие твердо датированные надписями египетские вещи Древнего царства:

1. Фрагмент с именем фараона второй династии Хасехемуи.
2. Диоритовый сосуд и фрагменты с именем фараона четвертой династии Хуфу.
3. Фрагменты сосуда из прозрачного камня с именем фараона четвертой династии Менкаура.
4. Фрагмент алебастрового сосуда, с именем царицы Меритатес, супруги фараонов Снофру и Хуфу.

5. Алебастровый сосуд, с именем фараона пятой династии Униса. Надпись на этом сосуде гласит: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Унис, живущий вечно, любимый Ра-Гором и находящийся на царском бассейне» (?).

6. Статуэтки и сосуды, с именами фараонов шестой династии: Тети, Пепи I и Пепи II.

Наконец, на укрепление торговых связей между Египтом и Библием в период шестой династии указывает барельеф, хранящийся ныне в Бейрутском музее, и, очевидно, также происходящий из Библия. Этот барельеф из белого известняка изображает фараона (Пепи I или Пепи II), приносящего жертву богу и богине. Помещенная тут же надпись содержит эпитеты царя: «любимый Хатхор, владыка Библия». Весьма возможно, что к этой же группе египетских предметов, происходящих из Библия, относится луврский барельеф Древнего царства с изображением фараона и богини, как указывал в свое время еще де Руже.⁵⁵⁾

Военные походы, совершенные фараоном пятой династии Сахура в Азию, способствовали расширению торговли между Египтом и [37] Азией. На стенах заупокойного храма Сахура изображена военная, а может быть, отчасти и торговая добыча, доставленная египтянами из Азии в Египет. Здесь изображены азиаты (мужчины, женщины и дети), медведи из ливанских гор, иноземные сосуды, может быть, содержащие сирийское вино. Наконец, в надписи упоминается доставка из Азии оливкового масла. Эта экспедиция была предпринята в Азию на кораблях. Таким образом, был открыт и освоен морской путь из Дельты Нила в Сирию. Египетские моряки проплывали расстояние, отделяющее Египет от Сирии (550 км) в течение четырех дней. Низкий уровень кораблестроительной техники не давал возможности сооружать больших кораблей, поэтому египетские моряки на своих маленьких кораблях [рис. 9] принуждены были во время плавания держаться берегов.⁵⁶⁾ Из Передней Азии египтяне получали также и некоторые металлы, необходимые для изготовления бронзы, как, например, олово или свинец. Так, на одном рельефе Каирского музея изображены люди, несущие плитки металла. Судя по помещенной тут же надписи, это были азиаты, которые несли слитки олова или свинца, названного в надписи ⁵⁷⁾ Из Ливии, очевидно, из ливийских оазисов, египтяне получали особое ливийское масло для умащений.⁵⁸⁾ Целый ряд различных товаров получали египтяне из Нубии и из Пунта, на что указывает краткое сообщение палермской летописи: «Были привезены из страны малахита... (6000)... Пунта 80 000.... мирры (6000)... электрума 2600 (...) досок...».⁵⁹⁾ Уже в эпоху 6-й династии египтяне построили в Нубии торговые фактории, через которые они вывозили все эти товары в Египет. Развалины одной такой торговой фактории были раскопаны Рейснером в Керма, около 3-го нильского порога.⁶⁰⁾ При фараонах шестой династии эти торговые связи между Египтом и соседними странами становятся весьма тесными. Один египетский чиновник «начальник палаты», по имени Хнумхотеп, сообщает, что он «вместе со своим господином, князем, казначеем бога Тети, одиннадцать раз ездил в Кебен (Библия) и с казначеем бога Хеви в Пунт». «Я вернулся благополучно — продолжает Хнумхотеп, — посетив эти страны».⁶¹⁾ Само собой разумеется, эти торговые экспедиции, отправлявшиеся в далекие страны, должны были сопровождаться военными отрядами и военными кораблями. Так, экспедицию, посланную на Синайский полуостров за малахитом при фараоне Исеси, сопровождают военные отряды и военные корабли под командой капитана корабля и Трех начальников новобранцев.⁶²⁾ Экспедицию, отправленную на Синай при фараоне Пепи I, сопровождает военный отряд во главе с несколькими капитанами кораблей, начальниками новобранцев и под общим командованием начальника войска.⁶³⁾

Это расширение торговых сношений с соседними странами требовало все большего напряжения военной деятельности с целью все новых и новых завоеваний. Так, Пепи I вел

войны на Синайском полуострове, на что указывает его сцена триумфа, высеченная на скале около Вади-Магхара, а также помещенная тут же надпись, повествующая [38]

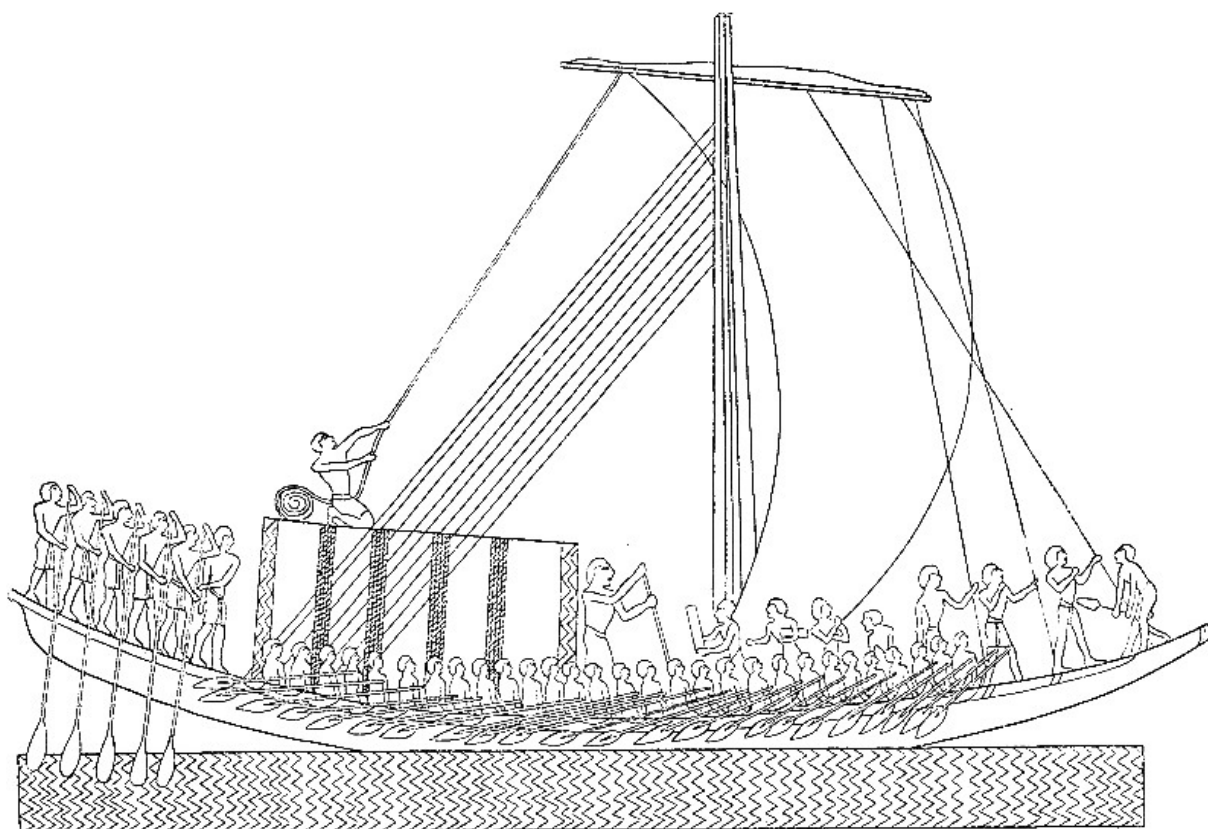

Рис. 9. Большой корабль времени Древнего царства. [39]

о военной экспедиции на Синай, во главе которой стоял «начальник войска Ибду, сын начальника воинов Мери-Ра-анх».⁶⁴⁾ Одновременно с этим Пепи I проник в Нубию вплоть до второго порога, о чем сообщает надпись в области Томаса, в которой говорится о походе, совершенном для открытия «стран Вавата».⁶⁵⁾ Северная Нубия была в эту эпоху уже настолько замирена, что фараон Меренра мог лично прибыть сюда и принять выражение верности от вождей племен маджаев, вават и иертет. На это крупное политическое событие указывает рельеф и надпись, высеченные на скале в районе первого порога на восточном берегу Нила, против острова эль-Хессе. Мы видим здесь фараона, стоящего и опирающегося на посох. Позади него стоит бог Хнум, а перед ним вожди нубийских племен. Надпись, помещенная тут же, гласит: «Царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, любимый Хнумом, владыкой порога. 5-й год, второй месяц третьего сезона, день 29-й. Прибытие самого царя, стоящего позади горной страны, в то время как вожди маджаев, иертет и вават выражают [ему] покорность и воздают великую хвалу».⁶⁶⁾ Целый ряд крупных торговых и военных экспедиций в различные области Нубии совершал в царствование фараона Меренра правитель Элефантины и начальник юга Хирхуф, автобиографическая надпись которого сохранилась до нашего времени. Судя по этой надписи, Хирхуф тщательно обследовал различные малоизвестные пути и районы Нубии, привозил из Нубии многочисленные товары и нередко усмирял мятежные и воинственные нубийские племена. Об этих своих экспедициях Хирхуф сообщает в следующих словах:

«Величество моего господина Меренра послал меня, вместе с моим отцом, единственным семером херихебом Ири, в страну Нам, чтобы открыть путь в эту страну. Я исполнил это в

семь месяцев и доставил всякие дары из нее до (?) угла [неба]. Я был за это весьма и весьма похвален.

Его величество послал меня во второй раз, причем я был один. Я вышел на путь Элефантины, спустился из Иертета, Махера, Тере-реса, пробыв в работе восемь месяцев. Я вернулся и принес дары из этих стран в весьма большом количестве. Никогда не доставлялось ничего подобного в эту землю искони. Я спустился от жилища князей Сетху и Иертета, исследовав эти страны. Никогда никакой семер или начальник каравана, вышедший из Иама, не совершил ничего подобного искони.

Его величество послал меня в третий раз в Нам. Я вышел из... по ухатскому пути {По дороге, ведущей в оазис}, встретил князя страны Иам, когда он шел к стране Темех, чтобы поразить темехов до западного угла неба. Я вышел следом за ним к стране Темех, умиротворил ее, чтобы она молила всех богов за царя.

... чтобы доложить величеству Меренра, моего владыки... позади князя Ивма... перед Иертетом, позади Сетху я встретил князя Иертета, Сетху и Вавата... [40] Я спустился с тремя ослами, нагруженными ладаном, эбеновым деревом, благовонными мазями, зерном, шкурами пантер, слоновой костью, парусами (?) и всякими прекрасными настоящими произведениями. Когда увидел князь Иертета, Сетху и Вавата силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся со мною ко двору, и солдат, посланных со мною, этот князь привел и отдал мне быков и коз и проводил меня к путям высот Иертета, где я был более искусен и бдителен, чем какой-либо семер или начальник каравана, когда-либо посылавшийся в Иам». ⁶⁷⁾

Военные походы и торговые экспедиции в Нубию совершались также в царствование фараона Пепи II. О крупных военных действиях против нубийских племен читаем мы в надписи правителя Элефантины и «начальника чужеземных стран» Пепинахта, жившего при Пепи II. Пепинахт дважды совершал военные походы в Нубию, результатом которых было опустошение стран Вават и Иертет, привод пленных и скота. Следовательно, эти войны имели целью не только завоевание нубийских областей, но и захват там богатой добычи. В своей надписи Пепинахт в следующих словах описывает свои походы в Нубию: «Его величество царь послал меня, чтобы опустошить Вават и Иертет. Я сделал так, что похвалил меня его величество. Я убил там большое количество находившихся там детей вождей и прекрасных командиров... я доставил большое количество их ко двору в качестве живых пленников, в то время как я был во главе множества сильных воинов, в качестве храброго человека. Сердце моего владыки было довольно мною за всякое дело, для выполнения которого он меня посылал. Его величество мой господин послал меня, чтобы умиротворить эти области. Я сделал так, что мой владыка хвалил меня чрезвычайно, выше всего. Я доставил двух вождей этих стран ко двору в целостности, быков... гусей... ко двору, вместе с детьми вождей...». ⁶⁸⁾

Но далеко не всегда эти экспедиции кончались столь успешно. Случалось, что малочисленные египетские отряды, слишком далеко углубившись в чужеземную страну, бывали окружены превосходными силами противника и уничтожены. Возможно, что именно во время такой неудачной для египтян экспедиции погиб Меху, о чем сообщает в своей надписи его сын Себни:

«... [тогда пришел] капитан корабля Интеф и начальник Бекхеси, чтобы сообщить, что единственный друг и жрец-херихеб [Меху умер]». Себни, занимавший высокую должность начальника юга и носивший пышные титулы князя, носителя царской печати, единственного друга царя и жреца-херихеба, тотчас же снарядил караван, состоявший из

людей его «заупокойного поместья» и из целой сотни ослов, которых он нагрузил умашениями, одеждами, медом, маслом и всяким иным снаряжением. Во главе этого каравана Себни лично отправился в «эти страны негров», очевидно, в области Нубии, для того, «чтобы доставить этого моего отца из Египта и Учеча». Себни ставит себе в особую заслугу, что он не только вывез из далекой и опасной страны тело своего убитого отца, но, кроме того, примерно наказал виновных в этом деле туземцев и доставил в Египет ценные товары, [41] может быть, выкуп за убийство египетского вельможи. Таким образом, в этой надписи описывается военно-карательная экспедиция, отправленная в недавно завоеванный южный край, в богатую Нубию. На это ясно указывают следующие слова Себни:

«Я усмирил эти страны... [в] странах... название которых Мечер. [Я погрузил] тело этого единственного друга на осла, и я отправил его с отрядом моего заупокойного поместья. Я приготовил для него саркофаг ... Я принес ... чтобы привезти его из этих стран. Никогда я не посылал... или какой-либо караван негров. Меня очень хвалили за это. Я спустился в Вават и Учеч, и я [послал] почтенного перед царем Ири с двумя людьми из моего заупокойного поместья... везя благовония, одежды... один клык длиной в три локтя, чтобы сообщить, что [мой лучший] длиной в шесть локтей...».⁶⁹⁾

Не совсем удачно окончилась и экспедиция, отправленная при Пепи II в Пунт. Начальник экспедиции Ананхет, прибывший на побережье Красного моря, может быть, в районе Косейра, для постройки корабля, который предназначался для отправки в Пунт, был убит туземцами из племени аму. Само собой разумеется, что египетский фараон принужден был послать карательную экспедицию с целью усмирения мятежных племен, населявших восточную пустыню. Во главе этой экспедиции был поставлен «начальник караванов, который приносит вещи из иноземных стран своему господину ... начальник иноземных стран» Пепинахт, один из элевантинских вельмож, гробница которого расположена близ Ассуана. В сохранившейся автобиографической надписи Пепинахт рассказывает, как «его величество, мой владыка послал меня в страну Аму, чтобы доставить ему единственного друга, [начальника] моряков, проводника каравана Ананхета, который там строил корабль для Пунта, когда аму, принадлежащие к хериуша, убили его, вместе с отрядом войска, бывшим при нем... и я убил людей среди них, [я] и отряд войска, который был со мною».⁷⁰⁾

Возможно, что на караванной дороге, ведущей из Коптоса к побережью Красного моря, в районе Вади-Хаммамата погиб и другой египетский вельможа, хранитель царской печати Шема, надпись которого сохранилась на скалах Вади-Хаммамата. Текст этой надписи, изданный Голенищевым, гласит: «О вы, живущие, приходящие в эту страну и желающие вернуться к царю, скажите: «1000 хлебов, 1000 кружек пива ... для хранителя царской печати Шема».⁷¹⁾

Караванная дорога, ведущая из Коптоса по руслу высохшего потока Вади-Хаммамат к берегу Красного моря, имела громадное экономическое и военное значение. По этой дороге в эпоху 6-й династии шли многочисленные и большие караваны, снаряженные за камнем, за рудой и за другими видами сырья. Эта дорога связывала Египет с побережьем Красного моря, откуда открывались дальнейшие морские пути на Синайский полуостров, в Аравию и в области восточной Африки. На скалах Вади-Хаммамата сохранились надписи, в которых описываются экспедиции, отправленные по этой дороге. Так, в одной надписи, относящейся ко времени Пепи I, читаем: [42]

«Год после 18-го [счисления], третий месяц 3-го сезона, 27-й день царя Верхнего и Нижнего Египта Мери-Ра [Пепи I], живущего вечно. Первое празднование торжества Сэд.

Царская экспедиция, проведенная начальником всех работ царя, единственным другом, царским строителем, состоящим при Двойном доме Мери-Ра — Мери-Пта-анх, его сыном, жрецом, херихебом, Мери-Ра — Мери-Пта-анх, с казначеем бога Ихи, Иху [привезли].

Помощники мастеров: Птахун, Хирхун, Кар... и Нефери, Чечи. Царские знакомцы, начальники строителей: Метенсу, Чечи, Унхи». ^{71a}

Судя по наличию в составе этой экспедиции ряда специалистов строительного дела, экспедиция была снаряжена в Вади-Хаммамат с целью производства каких-либо строительных работ весьма важного военного значения.

Район, прилегающий к Вади-Хаммамату, был населен дикими племенами бедуинов пустыни, которые постоянно нападали на египетские караваны, пытаясь их ограбить. Поэтому египетские фараоны нередко снабжали эти экспедиции сильным военным конвоем. О крупном военном отряде, сопровождавшем такую экспедицию, отправленную в Вади-Хаммамат при фараоне 6-й династии Имхотепе, сообщается в одной надписи:

«Старший сын царя, казначей бога, начальник войск Джати, по прозвищу Ка-Нофер». Надпись гласит:

«Я был во главе народа в день битвы. Я наблюдал за передвижениями в день наступления, давал советы. Я был возвеличен перед множеством людей. Я совершил эту работу царя Имхотепа с 1000 людей из дворца, с сотней людей из каменоломен, с 1200 [воинов] и 50 [.....].

Его величество послало этот многочисленный отряд из дворца. Я совершил эту работу... в то время как его величество предоставляло 50 быков и 200 ослов ежедневно». ⁷²⁾

Судя по этой надписи, египетские экспедиции, отправлявшиеся по дороге Вади-Хаммамат к побережью Красного моря, конвоировались военными отрядами. Этим войскам, охранявшим караван, приходилось вести упорную военную борьбу с племенами бедуинов. Переходы через пустынные области, отделявшие долину Нила от Красного моря, представляли большие трудности. Приходилось организовывать снабжение войск и караванов и с этой целью гнать за караваном большое количество скота. Таким образом отправка этих экспедиций требовала соответствующей организации военного дела, военного конвоя и снабжения.

На наличие военного конвоя, сопровождавшего такие экспедиции, указывает также и надпись из Хаммамата, относящаяся ко времени малоизвестного фараона Ити. В ней сообщается об отправке экспедиции за камнем для постройки пирамиды:

«Год 1-й, IV месяц первого сезона, день 2-й... - Ихи, Хуфу, начальник войск Ахет-Ирни. Пришел капитан корабля Ипи и Некаупта, чтобы совершить работу для пирамиды «Души Ити» с 200 вооруженными людьми и 200 [людьми, делающими] 200» (sic! В. А.). ⁷³⁾ [43]

Эти надписи с полной ясностью указывают на то, что экспедиции, отправлявшиеся в Хаммамат, сопровождались военным конвоем. Поэтому не прав Пиренн, считавший, что эти экспедиции не сопровождались военным эскортом. ⁷⁴⁾

Не менее крупные экспедиции отправляли египетские фараоны 6-й династии на Синайский полуостров с целью эксплуатации синайских медных рудников, доставки меди, завоевания Синайского полуострова и умирения туземных мятежных племен,

которые египетские надписи этого времени образно называют «стоящие на песке» (хериуша).

О военном проникновении египтян на Синайский полуостров при Пепи I говорит также и надпись этого царя, сохранившаяся на скалах в Вади-Магхара. На рельефе изображены фараон Пепи I, совершающий церемонию торжественного бега, а затем сцена триумфа царя над поверженным врагом-азиатом. Надпись, помещенная тут же, гласит:

«Царь Верхнего и Нижнего Египта, Владыка двух диадем, Мерира Мерихет, дарующий жизнь во веки, Гор, любимый двумя странами. Первый случай празднования Сэд. Передача поля [земли]. Защита жизни позади его... Благой бог, владыка двух стран, Пепи, Гор... дарующий всякую жизнь. Великий бог, побеждающий все страны Менту».⁷⁵⁾

Большая экспедиция, очевидно, с целью доставки меди, была отправлена на Синайский полуостров при фараоне Пепи II. Надпись на скалах Вади-Магхара сохранила краткое упоминание об этой экспедиции:

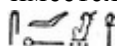
«Год второго счисления крупного и мелкого рогатого скота севера и юга. Гор Нетер-хау Нефер-ка-Ра, живущий вечно. Царь Верхнего и Нижнего Египта, могучий Гор Омбосский Нефер-ка-Ра, живущий вечно, подобно Ра. Мать царя, состоящая при пирамиде «Нефер-ка-Ра пребывает живым», супруга царя, любимая им, состоящая при пирамиде «Мери-Ра пребывает прекрасным» — Анхнес Мери-Ра, которую любят все боги. Царская экспедиция, посланная с казначеем бога Хети к террасе (?), название которой «малахит».

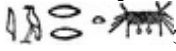
Далее следуют титулы и имена тридцати чиновников, составлявших штаб этой, очевидно, довольно крупной, экспедиции. Среди них мы видим начальника писцов, двух начальников караванов и одного начальника отряда новобранцев. Следовательно, эта экспедиция сопровождалась военными силами, необходимыми для усмирения и завоевания богатого района Синайских рудников.⁷⁶⁾ Экономическое и военное проникновение египтян на Синайский полуостров привело в конечном счете к довольно большой войне египтян с местными туземными племенами, описанной в надписи вельможи Уна. В этой надписи Уна сообщает о том, что азиаты «хериуша» совершили набег, очевидно, на территорию, занятую египтянами. С целью усмирения этих воинственных племен была отправлена большая карательная экспедиция. Египетская армия, собранная во всей стране, двинулась от северо-восточных границ Египта. [44]

«Я отвел их с северного острова к воротам Ашхотепа, к стене Снофру в то время, как я занимал эту должность» — пишет в своей надписи Уна. Самый поход и возвращение победоносного войска описаны в поэтической форме.

«Возвратилось это войско благополучно, взрыв страну Хериуша.
Возвратилось это войско благополучно, опустошив страну Хериуша.
Возвратилось это войско благополучно, разрушив крепости ее.
Возвратилось это войско благополучно, срубив финиковые пальмы и виноградники ее.
Возвратилось это войско благополучно, бросив огонь во все войска ее.
Возвратилось это войско благополучно, перебив отряды из многих десятков тысяч воинов.
Возвратилось это войско благополучно, приведя с собой великое множество живых пленников.
Похвалило меня за это его величество больше всех».⁷⁷⁾

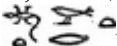
В этом кратком, но образном поэтическом отрывке говорится о военном набеге на страну Хериуша. Но вряд ли в данном случае имеется в виду лишь область, населенная людьми,

«стоящими на песке», т. е. бедуинами пустыни. Конечно, наличие крепостей, финиковых пальм и виноградников заставляет предполагать, что страна, подвергшаяся нападению египетского войска, была заселена оседлыми земледельческими племенами. Может быть, это были оазисы, расположенные между Синайским полуостровом, Аравией и Красным морем, а, может быть, даже плодородные районы Палестины. Весьма возможно, что египетские войска, пройдя через Джебель-Магхара и Джебель-Хелал, дошли до Вади-эль-Арши. Имеется основание предполагать, что египетские войска проникли в страну, лежащую между Джебель-Тихом и южной частью Мертвого моря. Египетскому нашествию подверглась, в таком случае, область Негеб на окраине пустыни Таи, вокруг Айн-Гадис и до Акаба и Красного моря.⁷⁸⁾

Таким образом, египтяне называли «страной Хериуша» не только пустынные области, населенные бедуинами, «стоящими на песке», но также плодородные районы, в которых оседлое население занималось земледелием, садоводством и виноградарством. Очевидно, это слово «хериуша» было собирательным собственным именем для обозначения целой группы племен, живших к северо-востоку от Египта, в районе Синайского полуострова, Аравии и Палестины. Среди этих племен преобладали племена пустыни. Поэтому египтяне и называли их общим термином «хериуша». [45]

Как видно из надписи Уны, главной целью этого опустошительного набега в страну Хериуша был захват «живых убитых», т. е. пленных, обращаемых в рабство.

По крайней мере, основное логическое ударение стоит в конце всего поэтического отрывка, описывающего данный поход. Уна подчеркивает, что царь особенно похвалил его за захват и доставку в Египет «великого множества» пленных.

Уже в эту эпоху первоначального развития завоевательной политики Египта египетские фараоны пытаются присоединить области Передней Азии, непосредственно прилегающие к Синайскому полуострову, однако, встречают здесь упорное сопротивление местного населения. Уна пишет в своей надписи, что царь посылал его «с этими же войсками пять раз для опустошения страны Хериуша, при каждом ее восстании». Кроме того, Уна отправился на кораблях и далее, «по суше до конца холма горной цепи к северу от страны Хериуша», очевидно, в область «Нос Газели», где произошло большое восстание среди кочевников покоренного египтянами туземного населения. С гордостью говорит египетский вельможа о подавлении при помощи египетских войск этого восстания, и о том, что он «перебил всех бунтовщиков» среди этого восставшего племени.⁷⁹⁾

Вполне естественно, что для проведения в жизнь этой широкой военно-агрессивной политики нужна была соответствующая организация военного дела. Надписи дают нам возможность восстановить некоторые черты этой организации. Так, мы можем предполагать, что уже в эпоху Древнего царства существовало войско, составлявшееся из новобранцев, которые в надписях этого времени называются *nfrw*. Пиренн предполагает, что это слово, происходящее от слова *nfr* «хороший», имело социальное значение, а именно, что новобранцы вербовались только из среды аристократии.⁸⁰⁾ Однако это предположение Пиренна не может быть доказано ни анализом слова *nfr*, ни историческими фактами. Слово *nfr* не содержит в себе социального смысла. Очевидно, в данном случае имелись в виду лишь «хорошие» физические или военные качества новобранцев, которые вербовались из рядов молодежи в каждом номе правителем данной области. Так, указ Пепи I обращен к начальнику юга, правителю Коптоса, Шема, который занимал должность начальника рекрутов Коптоса. Изображение времени пятой династии, сохранившееся в заупокойном храме Сахура, говорит о наличии в эту эпоху обученных войск. Мы видим здесь построенные ряды воинов, снабженных одинаковым оружием.⁸¹⁾

Следовательно, новобранцы подвергались специальному военному обучению [себаит], на что указывает звание одного командира времени пятой династии, который называл себя мер себаит, т. е. начальником обучения (очевидно, воинского, так как он занимал военную должность).⁸²⁾ [46]

Однако нельзя переоценивать методическую организованность египетской армии времени Древнего царства, как это делает Пиренн.⁸³⁾ Даже в период шестой династии, когда предпринималась крупная война, отдельные области высылали свои военные отряды, находившиеся под командованием местных должностных лиц. Так, в надписи Уны мы читаем:

«Послало меня его величество во главе этого войска. Были там и князья, и носители печати, и единственные друзья при дворце, и номархи, и начальники крепостей юга и севера... начальники округов во главе отрядов южной и северной стран, крепостей и городов, которыми они правили».⁸⁴⁾

Войско, составлявшееся из новобранцев, проходивших специальное военное обучение, делилось на отдельные войсковые части, называвшееся ^crgw. Соединения этих войсковых частей, своего рода военные корпуса, назывались mš^c войско.

Командир отдельной войсковой части, очевидно, бывшей основной организационно-тактической единицей, назывался «начальник отряда новобранцев», а командир корпуса носил титул «начальник войска», как, например, Тенти, носивший титул «царского знакомя, начальника царских экспедиций».⁸⁵⁾ Во главе всей армии стоял командующий армией, как, например, во время 3-й династии царевичи Рахотеп и Нисутджеф.⁸⁶⁾ Каждая воинская часть имела свою особую канцелярию, на что указывает звание «начальник писцов отрядов». В частности, в период 4-й династии этот титул носил некий «великий десяти юга, судья и номарх Яхи».⁸⁷⁾ Это соединение ряда должностей в руках одного человека указывает на то, что в обязанности номарха входило управление хозяйством тех воинских частей, которые были [47] расположены на территории данного нома. Забота о вооружении армии и управление всей хозяйственной частью было сосредоточено в своего рода военном ведомстве, которое в те времена называлось «дом оружия». Во главе этого «дома оружия» стоял «начальник дома оружия», должность которого иногда соединялась с должностью начальника писцов воинских отрядов.⁸⁸⁾ Эту военную должность обычно занимали высшие представители аристократии, иногда даже царевичи, как например, царевич Ка-ен-нисут, сын фараона Снофру, или Хе-теп-ен-Пта, царский зять, живший в эпоху 5-й династии.⁸⁹⁾

Это указывает на стремление правительства сосредоточить в руках царской семьи все высшие государственные должности, в том числе должность «начальника дома оружия».

Функциями этого древнейшего военного ведомства, которое, по выражению Энгельса, служило для ограбления соседних стран, были: вооружение войска, постройка крепостей, постройка кораблей, управление интендантскими складами и снабжение войска всем необходимым. На это указывает целый ряд фактов, например, войска, посланные при Имхотепе (6-я династия) к рудникам Аравийского залива, получали 50 быков и 200 коз. Это военное ведомство, очевидно, находилось в столице государства, в Мемфисе. Так, комендант войск в каменоломнях Турра, около Мемфиса, протестует против отправки в Мемфис этих войск для экипировки, так как они недавно уже были в Мемфисе и могли там получить все необходимое.⁹⁰⁾

В эпоху расширения завоевательной политики египетского правительства, при фараонах 5-й династии это военное ведомство раздваивается и появляются «два дома оружия». С течением времени увеличивается и усложняется чиновничий аппарат, обслуживающий это военное ведомство. В армии находятся различные военные чиновники, на что указывают многочисленные титулы: писец царской армии, писец отряда и начальник писцов отряда.

Однако не следует вслед за Пиренном преувеличивать момент организованности в деле снабжения египетской армии, что явилось бы типичной и непосредственной модернизацией прошлого, столь характерной для Пиренна.⁹¹⁾ Французский историк-юрист, считавший возможным говорить о том, что в древнем Египте существовал феодальный строй, более развитый, чем древнее рабовладение, одновременно с этим без всяких оснований примитивное древнеегипетское воинство превратил в организованную армию. Эта необоснованная документами модернизация фактов древнеегипетской истории имела своей целью несколько преувеличить положительные стороны рабовладельческого государства древнего Египта. Но с этим нельзя согласиться. Ведь если бы снабжение египетской армии было столь блестяще организовано, как думает Пиренн, то Уна, командовавший армией в эпоху 6-й династии, не должен был бы ставить себе в особую заслугу установленный им в войсках порядок, «когда никто там не грабил хлеба и сандалий у путешественника, никто не грабил хлеба в каком-либо городе, никто не похищал какой-либо козы у какого-либо человека».⁹²⁾ [48]

Ведение военных действий у берегов Дельты и Сирийского побережья, а также конвоирование торговых кораблей, шедших в Нубию, в Пунт и в Сирию, требовало организации специального военного флота, на что указывают изображения, надписи и особые титулы. На каждом военном корабле находился особый военный отряд, который назывался *ꜥrg dꜣrt* — отряд корабля, но не отряд новобранцев корабля, очевидно, флотские экипажи состояли не из призываемых на время, а из моряков-профессионалов. Во главе каждого корабля стоял особый капитан, а во главе всего флота — крупный военный командир, называвшийся *wꜥ mꜣ dꜣrt*. В эпоху расширения военно-агрессивной политики египетского правительства при фараонах 5-й династии флот был разделен на две части. Появляются «два больших флота» соответственно делению Египта на Верхний и Нижний, а также соответственно двум основным направлениям египетской экспансии в районах

Средиземного и Красного морей. Управление верфями принадлежит особому чиновнику, носившему титул «строитель кораблей». Таков, например, чиновник Аперанху, который был «строителем кораблей» и в то же время придворным царским знакомцем. Уже в эпоху Древнего царства египетский флот достигал значительных размеров. При царе Снофру была отправлена за кедрами эскадра, состоящая из 40 кораблей.⁹³⁾

Главное командование всеми вооруженными силами, как сухопутными, так и морскими, было обычно сосредоточено в одних руках, чаще всего в руках члена царского дома, как, например, Рахотепа в период 3-й династии или Мериба в период 4-й династии.⁹⁴⁾ Эта централизация высшего военного управления вполне соответствует принципу централизации всего государственного управления, который столь последовательно проводился в эпоху Древнего царства. Так, крупный чиновник Ха-ем-Тенент, живший в эпоху 5-й династии, одновременно занимал должности начальника всех приказов царя, начальника воинов, начальника отрядов, начальника двух военных флотов больших кораблей, начальника военного обучения.⁹⁵⁾ В эпоху 3-й и 4-й династии между гражданским и военным ведомствами существует тесная организационная связь. Рахотеп и Мериб, державшие в своих руках командование всеми военными силами, входили в состав [49] «совета десяти», чем достигался контакт между военным и гражданским управлениями. Но в эпоху расширения военной политики Египта при фараонах 5-й династии высшее военное командование получает полную самостоятельность и подчиняется непосредственно самому царю. Так, Анх-Исеси и Ха-ем-Тенент, которые в эту эпоху возглавляют армию и флот, уже не входят в совет десяти, а носят, как визирь, титул «начальника всех приказов царя», являясь, таким образом, заместителями царя по управлению всеми военными силами. А Сешему, занимавший должности начальника войска, двух больших флотов, арсенала, военных работ и амбаров, находится среди ближайших помощников царя, носящих высший титул «начальника тайных приказов царя».⁹⁶⁾ В период 6-й династии, когда начинает усиливаться землевладельческая аристократия и соответственно с этим слабеет центральная власть, несколько изменяется тип военного управления. Номархи, сосредоточивая в своих руках все функции управления номов, являются не только административными, финансовыми и судебными чиновниками, но даже командуют войсками своего нома. Так, в одном из коптосских указов времени Пепи II правитель коптосского нома носит титул «начальника отряда новобранцев».⁹⁷⁾ Наряду с этим устанавливается также и ряд наследственных военных должностей, вплоть до самых высших.⁹⁸⁾

Развитие внешней заморской торговли, экспедиции на Синайский полуостров и в Нубию требовали постоянной переброски войск на кораблях. Поэтому в эту эпоху часто встречается особый титул «начальника (военной) команды корабля», который командовал военным экипажем такого корабля.⁹⁹⁾

В эпоху 6-й династии в связи с развитием внешней сухопутной торговли появляется новая должность «начальника каравана». Эти начальники каравана принимают участие в больших экспедициях, которые отправляются на Синайский полуостров, как, например, Нек-анх и Хуеф. Этими начальниками каравана командует «главный начальник караванов», как сказано в тексте дашурского указа Пепи I. Наконец, высший пост в этом военно-торговом ведомстве занимает «начальник всех караванов». Эту высшую должность занимал при Пепи II номарх Элефантины — Пепи-нахт. Все эти должности, как чисто военные должности, в эпоху 6-й династии передавались по наследству. Так, должность начальника каравана занимал некто Ири, а затем его сын Хирхуф, или «царский знакомец» У

сер, а затем его сын Тау.¹⁰⁰⁾

Наряду с чисто египетскими войсками в состав египетской армии уже в эпоху Древнего царства входили контингента: покоренных ливийцев и нубийцев, как видно из дашурского и коптосского указов и надписи Уны, в которой в составе египетского войска упоминаются «нубийцы этих стран».¹⁰¹⁾ Пиренн считает этих иноземных воинов наемниками и говорит, что ими управляло особое ведомство — *gś rg* — во главе с начальником — *mr gś rg*, который упоминается в надписи Уны.¹⁰²⁾ Однако оба эти предположения Пиренна не доказываются источниками. В надписи [50] же Уны титул *mr gś rg* стоит во множественном числе, что резко противоречит представлению Пиренна о едином управлении иноземными наемниками. Судя по дашурскому указу, эти иноземные отряды получали снабжение из царских поместий.¹⁰³⁾ Египетское войско в мирное время использовалось самым различным образом. Часть войск несла службу охраны в царском дворце,¹⁰⁴⁾ другая часть была расположена в крепостях как на границах, так и внутри страны,¹⁰⁵⁾ наконец, особые отряды войск отправлялись вместе с экспедициями в рудники Синая и каменоломни Хаммамата, а также использовались для работ в каменоломнях Турра.¹⁰⁶⁾

Со времен первых династий египетских фараонов очень большое значение придавалось военной охране государственных границ, которым постоянно угрожали орды воинственных кочевых племен, населявших соседние страны. Уже в самых ранних гиероглифических надписях мы находим титулы военных командиров, стоящих во главе отрядов, которые охраняли границы страны. Это «начальник охраны кочевников», «начальник стражи врат юга и севера» и «начальник врат азиатов».¹⁰⁷⁾

В эпоху 3-й династии пограничные области находятся под управлением особых воинских чиновников, носивших титул «вождей страны» и стоящих выше номархов. Под непосредственным начальством этих вождей страны находятся гарнизоны пограничной охраны.¹⁰⁸⁾ Наблюдение за южной границей Египта и соответственно с этим командование войсками на нубийской границе, начиная со времени 6-й династии, входит в обязанности номархов Элефантины, как ясно видно из их могильных надписей. Иногда это ответственное дело охраны южных границ Египта поручалось и другим чиновникам. Так, в эпоху 6-й династии один номарх, посланный в Эдфу, называет себя: «состоящий при тайнах всех слов, которые доставляются из ворот Элефантины и южных стран». А номарх II нома (Хенобоскион) носит титул «начальник Верхнего Египта, который наполняет сердце своего господина у южных ворот Элефантины».¹⁰⁹⁾

Необходимость ведения войн, которые длились в течение нескольких лет, требовала постройки крепостей как на границах страны, так и в завоеванных областях, а также умения вести осаду и брать эти крепости штурмом, иными словами — знаний в области искусства фортификации. Некоторое представление о древнейших крепостях дают картинные гиероглифы, служившие для обозначения слова «крепость» и некоторые ныне раскопанные развалины подлинных древнеегипетских крепостей времени Древнего царства. Судя по гиероглифам, обозначающим слово «крепость», египетские крепости времени архаики и Древнего царства обычно имели форму овала, круга или прямоугольника, окруженного стеной, защищенной выступающими бастионами.¹¹⁰⁾ Так, на табличках из царских гробниц в Абидосе мы находим такие крепости овальной формы. Названия этих крепостей живо напоминают нам названия тех крепостей, которые находились на Синайском полуострове или в Палестине и были разрушены египетскими войсками, как мы читали в надписи Уны.¹¹¹⁾ [51]

Некоторые из этих крепостей находились на берегах реки или моря и служили в качестве стоянки для флота, как на это указывает название одной крепости «Корабли царя», которое встречается в надписи на печати Периебсена из Абидоса.¹¹²⁾ Гиероглифы,

изображающие крепости круглой формы, встречаются на табличке из черного дерева с именем царя Аха-Мина.¹¹³⁾ Наконец, гиероглифы, воспроизводящие прямоугольную форму крепости, сохранились на табличке с именем царя Аха-Мина из Абидоса.¹¹⁴⁾ Иногда стены этих древнеегипетских крепостей были защищены круглыми башнями в форме усеченного конуса с выступающей наверху площадкой, защищенной брустверами. Очевидно, форму такой башни воспроизводит игральная шашка Берлинского музея № 18031. На этой шашке обозначена лестница, ведущая к двери, расположенной в верхней части башни. Верхняя выступающая площадка этой башни защищена брустверами.¹¹⁵⁾

Сохранившиеся до настоящего времени развалины древнеегипетских крепостей дают некоторое представление о развитии фортификационного дела в Египте в эпоху архаики и Древнего царства. Одна из египетских крепостей, построенная в период Древнего царства или, может быть, даже в эпоху архаики, так называемая Ком-эль-Султан, раскопана около Абидоса. Длина стен этой крепости равнялась 125 и 68 м, их высота колебалась от 7 до 11 м, а толщина стен в их верхней части равнялась 2 м. Так как до настоящего времени раскопана только внутренняя часть этой крепости, то толщина нижней части стен остается неизвестной. По той же причине нельзя сказать, существовала ли, помимо внутренней, также и внешняя стена. Главный вход был расположен в западной стене около северо-западного угла, а два других входа — в южной и восточной стенах. Кладка кирпичных стен состоит из вертикальных перемежающихся полос, в которых горизонтальная кладка чередуется с вогнутой.¹¹⁶⁾ Несколько более сложный внешний вид имела крепость, расположенная в Гиераконполе (Ком-эль-Ахмар) на левом берегу Нила в 7 км от эль-Каба. Эта крепость была окружена двумя стенами — внешней и внутренней. Усложненный вход в крепость вел через два узких коридора и дворик, лежащий между ними и расположенный в толще стены. Толщина стен в этом месте увеличена благодаря выступу, вдающемуся во внутреннюю часть крепости. Лестница, расположенная около входа в крепость, вела на стену. Таким образом, мы видим здесь уже более усовершенствованный тип крепости, защищенной двумя рядами стен и особым устройством сложного входа, снабженного двориком, где можно было организовать сопротивление противнику, которому удалось форсировать вход.¹¹⁷⁾ Целый ряд крепостей и укреплений был сооружен и на границах государства для защиты Египта от вторжения азиатов и нубийцев. Так, например, весьма возможно, что большая стена Аменхета I, закрывающая Суэцкий перешеек, была лишь реконструкцией тех укреплений, которые были здесь построены еще в эпоху Древнего царства. В «Рассказе Синухета» говорится об «острове царя Снофру» и о «стене князя, построенной для отпора азиатам, для поражения проходящих по пескам», причем при описании этой [52] местности тут же упоминается Кемуэр, т. е. «Великая чернота», очевидно, горько-соленые озера, расположенные в районе Суэцкого перешейка. Характерно, что уже в «Текстах пирамид» Древнего царства упоминается Кемуэр, причем это слово здесь детерминировано гиероглифом стены. Очевидно, уже в эпоху Древнего царства здесь имелись оборонительные укрепления на границе с Синайским полуостровом.¹¹⁸⁾ Такие же укрепления были построены в эпоху Древнего царства и на южных границах Египта. Уже фараон Джосер построил стену длиной 12 км от Ассуана до Филэ для защиты Египта.¹¹⁹⁾ В районе о. Элефантины у первого порога между Египтом и Нубией в эпоху Древнего царства были сооружены довольно значительные укрепления. Северная часть острова была защищена стеной на протяжении 400 м. Береговая линия острова была во многих местах защищена очень прочной стеной. Длинные лестницы вели от реки на верхнюю террасу. Для защиты караванов, шедших по восточному берегу в обход порогов от Филэ к Элефантине, в период 6-й династии была построена длинная стена, шедшая от Сизны до Филэ позади «Красной горы» на протяжении около 10 км. Эта стена была построена из обожженного кирпича, имела довольно значительную толщину и достигала высоты в 10 м. По своей форме эта стена похожа на стены Эль-Каба и Дерра.¹²⁰⁾ Некоторое представление об осаде и штурме этих крепостей дают нам сохранившиеся

изображения. Так, на рисунке, сохранившемся на стене гробницы Инти в Дешашэ,¹²¹⁾ мы видим, как египетские войска разламывают ломami стену вражеской, очевидно, азиатской, крепости, имеющей форму овала. Другие египетские воины приставляют к стене крепости штурмовую лестницу.¹²²⁾ Чтобы эти штурмовые лестницы можно было с большим удобством продвигать вдоль крепостных стен, их иногда закрепляли на деревянных дисковых колесах, как это видно на рисунке, изображающем осаду крепости, который сохранился на стене гробницы Каемхесита.¹²³⁾ Так как в эту эпоху в Египте еще не была известна колесница, то применение колеса для передвигания штурмовых лестниц, очевидно, было техническим нововведением, заимствованным у азиатских племен и получившим применение в эту эпоху лишь в военном деле. Как указывают надписи, в этих крепостях находились специальные отряды пограничных войск, бывшие, очевидно, их постоянными гарнизонами и находившиеся в ведении начальника пограничного района. В каждой крепости был свой интендантский склад, как видно из надписей на печатях: «служба амбаров крепости Седжахотеп» (вторая династия) или «писец крепости «Храбрость двух стран» (третья династия).¹²⁴⁾

Развитие военного дела нашло отражение и в развитии техники оружия, которое можно проследить по памятникам и сохранившимся образцам, начиная со времени архаики. Наиболее простым видом оружия, которым пользовался первобытный египтянин со времен глубочайшей древности, была прямая или загнутая палка, подлинный образец которой, относящийся к эпохе архаики, сохранился до нашего времени.¹²⁵⁾ В историческую эпоху в связи с развитием техники военного дела эта примитивная палка сохраняется лишь в виде оружия, [53] которым обычно вооружена полиция, состоявшая из нубийцев, служивших в египетских войсках.¹²⁶⁾ Дубина или палка с утолщением в своей ударной части также восходит к очень глубокой древности, а затем постепенно выходит из употребления. Модель дубины, относящаяся ко времени Древнего царства, сохранилась до наших дней.¹²⁷⁾ Усовершенствованием дубины является булава. Ударная часть дубины, обычно сделанная из камня, насаживалась на конец палки и превращала ее, таким образом, в грозное оружие, типичное для эпохи архаики. Наконечник булав чаще всего имел форму шара или груши, как на то указывает соответствующий иероглиф и сохранившиеся образцы наконечников булав. Иногда наконечник булав имел форму тарелки, верхняя поверхность которой была либо плоской, либо слегка вогнутой. Этот тарелкообразный тип наконечника постепенно уступает место круглому, который возник одновременно с первым, но сохранился дольше. Тарелкообразный тип наконечника булав удержался лишь в религиозном ритуале.¹²⁸⁾ Для усиления удара наконечники снабжались выступающими частями. В роскошных экземплярах эти выступающие части оформлялись в виде изображений звериных голов.¹²⁹⁾ Наконечник булав прикреплялся к палке при помощи ремней. Конец палки обматывался ремнями, а потом всовывался в отверстие наконечника. Конец ремня обвязывался потом под наконечником вокруг палки. Некоторые сохранившиеся булав ясно указывают на этот способ прикрепления наконечника. Воспоминание об этом сохранилось и впоследствии в изображениях булав и в соответствующих иероглифах.¹³⁰⁾ Концу ручки булав иногда придавали загнутую или даже косо отходящую форму, что давало возможность бойцу легче оперировать булавой. Иногда палка булав имела в своей нижней части утолщение, что не давало возможности булаве выскользнуть из руки бойца. С этой же целью вся палка обматывалась ремнями.¹³¹⁾

Наряду с простой булавой в эпоху архаики появляется и двойная булава, ударная часть которой состоит из двух половин, располагающихся по обе стороны палки.¹³²⁾ В эпоху перехода от архаики ко времени первых династий булава теряет свое первоначальное значение в качестве военного оружия и превращается в символ власти царя. Так, в традиционной сцене царского триумфа в руках царя всегда изображается булава, как наиболее древний вид оружия.

Значительно большее военное значение имел боевой топор, происшедший из булавы благодаря тому, что края наконечника были сделаны острыми для нанесения противнику резаных ран. В таком случае либо весь наконечник, либо его края делались плоскими.¹³³⁾ Древнейшие боевые топоры делались из камня, однако уже в эпоху архаики появляются медные топоры. Так, Амелино нашел в Абидосе в Ом-эль-Гааб в гробнице царя Ти боевой топор, сделанный из меди.¹³⁴⁾ В общих чертах древнеегипетский боевой топор напоминает по своей форме вавилонский топор, что объясняется тождеством материала и практическими потребностями. Однако формы египетских боевых топоров отличаются довольно значительным разнообразием. Среди [54] них следует отметить клиновидную, а также типичную для Египта сегментообразную плоскую форму. Сегментовидный клинок обычно прикреплялся к ручке ремнями или различными иными способами. Ремни пропускались через отверстия, просверленные в ручке, и шли кругообразно или спирально вокруг ручки, на концах заматывались и завязывались узлом. Ремни обычно затягивались в сыром виде; когда они высыхали, они затягивались плотнее. Иногда клинок выдавался на 1/3 длины над ручкой, что превращало топор в колющее оружие.¹³⁵⁾ Уже в эпоху архаики появляется дугообразная форма клинка, который прикрепляется к ручке лишь у концов и в середине, благодаря чему уменьшался риск раскалывания ручки топора.¹³⁶⁾

На примитивность форм египетских топоров указывает отсутствие проушных клинков.

В эпоху архаики в Древнем Египте появляется боевой кинжал, очевидно, возникший из ножа. Кинжалы делались из камня, а иногда из меди. Некоторые каменные клинки кончатся широкой раздвоенной частью, похожей на рыбий хвост.¹³⁷⁾ Однако было важно, как можно глубже вонзить кинжал в тело противника, поэтому длинные кинжалы вытесняют кинжалы с широким раздвоенным концом. Появившиеся впоследствии металлические кинжалы воспроизводят остроконечную форму более древних кремневых клинков. Эти металлические клинки к началу исторической эпохи постепенно вытесняют кремневые.¹³⁸⁾

Широко было распространено в эпоху архаики и Древнего царства копье, снабженное каменным наконечником [рис. 10]. Наконечники с двумя остриями были найдены в эль-Амра и в Абидосе. Наконечник с одним острием был найден в Ком-Ахмиме в Фаюме.¹³⁹⁾ Каменный наконечник копья архаического периода хранится в Музее изобразительных искусств в Москве.

Рис. 10. Вооружение охотников архаической эпохи. Шиферная таблица. Лувр и Британский музей.

Громадное боевое значение имел в эту эпоху лук — важнейший вид дальнобойного оружия [рис. 11]. Изображения луков архаической эпохи сохранились на фрагментах шиферных табличек. Средняя часть этого, [55] очевидно, сложного лука по большей части несколько вогнута в сторону стрелка и для большей крепости обмотана ремнем.¹⁴⁰⁾ Наконечники стрел в эпоху архаики также делались из камня и только впоследствии были заменены металлическими.¹⁴¹⁾

Боевое значение в эпоху архаики и, возможно, Древнего царства имели также бумеранги, или своеобразные метательные палки, изображенные в руках у воинов на шиферных табличках архаического времени.¹⁴²⁾

Рис. 11. Охотник, держащий лук и стрелы. Блюдце архаической эпохи. Глина. Гос. музей изобраз. искусств в Москве.

Важнейшим видом защитного оружия был деревянный щит, обтянутый мехом, который появляется уже в эпоху архаики, например, в интересной сцене единоборства, сохранившейся на стене гробницы в Гиераконполе. В руках одного воина здесь изображен такой щит, обтянутый мехом, в руках другого воина — кинжал и копье.¹⁴³⁾

Достаточно высокая для эпохи Древнего царства техника и организация военного дела давала возможность египетским фараонам [56] эпохи Древнего царства вести ту военно-агрессивную политику, которая имела целью грабительский захват добычи в виде рабов, скота и прочих ценностей, завоевание соседних территорий и, главным образом, источников сырья, как, например, медных рудников Синайского полуострова и золотых рудников Нубии. Доведенная до своего последнего предела эта военно-агрессивная политика, обогащавшая лишь одну аристократию, привела трудовые народные массы к полному истощению и к нищете, централизованную деспотию к гибели, а некогда объединенное государство — к распаду на свои составные части — древние номы. Это древнейший в истории пример того, как военно-агрессивная политика приводит государство к неизбежной катастрофе. [57]

Глава вторая.

Военная политика Египта в эпоху Среднего Царства

Большие завоевательные войны, которые в течение долгих лет вели фараоны Древнего царства, сильно истощили Египет. Царская власть, опиравшаяся на правящий класс рабовладельческой аристократии, принуждена была раздать большие земельные владения отдельным, наиболее крупным аристократам, что привело к образованию мощной группы землевладельческой знати, осевшей прочно в номах и чувствовавшей себя там хозяевами положения. На усиление этих крупных магнатов, в особенности номархов, указывает их

новый титул , а также титулы начальников жрецов и начальников воинов нома, которые они себе отныне присваивают. Экономическая мощь этих аристократов настолько велика, что они уже находят возможным даже основывать новые города.¹ Религиозные тексты отражают это усиление поместной знати. Если в эпоху 4-й династии могильные надписи называли загробную жизнь «пребывание в гробнице», или «путешествие по прекрасным путям божественной подземной страны», призывая покойного «на запад, к Озирису, где странствуют его спутники имаху», то в эпоху 6-й династии аристократы, судя по их могильным надписям, уже претендуют на загробное блаженство, бывшее до того уделом одних лишь богов и обоготворенных царей. В своих надписях они гордо говорят о том, что они «пересекают небо в ладье» или «поднимаются к богу Ра, владыке неба» при помощи двух протянутых рук богини Аменти,² что живо напоминает религиозную фразеологию текстов царских пирамид предшествующего времени. Аристократы уже не считают нужным для себя строить свои усыпальницы близ столицы под сенью царской пирамиды. Как бы подчеркивая свою независимость и свою собственную мощь, они воздвигают себе гробницы в своих областях, где они жили, правили и владели громадными имуществами. Этот процесс усиления аристократии неминуемо привел единое некогда египетское государство к [58] распаду на составные части, на номы, которые продолжали сохранять свое значение со времен глубокой древности.

Так начинаются смуты в стране, которые продолжаются в течение довольно долгого времени. Однако отсутствие единой центральной власти, распад государства и анархия, царящая в стране, должны были губительно отзываться на экономическом состоянии Египта той эпохи. Прекратилась торговля, в особенности внешняя, что лишило Египет систематического подвоза ряда необходимых товаров: золота из Нубии, меди с Синайского полуострова, дерева из Финикии. Поэтому необходимость восстановления нормальной экономической жизни властно требовала восстановления государственного единства страны. В начавшейся борьбе за объединение Египта быстро выдвинулись два наиболее мощных центра: Гераклеополь и Фивы. Эти города занимали очень выгодное географическое положение и, очевидно, в связи с этим, играли крупную экономическую, в частности торговую, роль. Гераклеополь лежал на стыке между Дельтой и долиной, а также на том пути, который вел из долины в большой Фаюмский оазис. Поэтому само географическое положение Гераклеополя должно было способствовать превращению этого города в крупный торговый центр, соединявший Дельту, Фаюмский оазис и долину Нила. Очевидно, ближайшей экономической базой Гераклеополя был Фаюмский оазис,

известный плодородием своей почвы, который издавна входил в состав гераклеопольского нома. Все это обусловило постепенное возвышение Гераклеополя по мере того, как падал авторитет последней Мемфисской династии. Основателем новой, Гераклеопольской, девятой по счету, династии фараонов явился Хети I Меренра, который, возможно, объединил под своей властью весь Египет, так как его имя было обнаружено на скалах у первого порога.³⁾ Конечно, это объединение было далеко не мирным, и Хети I пришлось силой оружия, возможно, залив кровью всю страну, объединить весь Египет под своей властью, восстановив, таким образом, единое египетское государство. Именно поэтому с образом этого первого гераклеопольского царя в памяти народа ассоциировалось воспоминание о жестоком тиране, сохранившееся в следующих словах Манефона: «Девятая династия, состоящая из 19 гераклеопольских царей, которые правили 409 лет. Первым был Ахтой, самый худший из всех своих предшественников. Он причинил много зла всем жителям Египта, был охвачен безумием и убит крокодиллом».⁴⁾ Объединение всего Египта дало возможность Хети I возобновить завоевательную политику, которую вели до него великие фараоны времени Древнего царства. Так, в Поучении Гераклеопольского царя говорится о войнах с бедуинами на восточных границах Дельты.⁵⁾

Однако преемникам Хети I не удалось удержать в своих руках власть над всей страной. Это объясняется, очевидно, главным образом, тем, что на юге образовался другой центр, претендовавший так же, как и Гераклеополь, на господство над всем Египтом. Это были Фивы, очень выгодно расположенные в Верхнем Египте, там, где излучина Нила ближе всего подходит к Красному морю. Так как отсюда [59] открывались торговые пути вверх по Нилу в Нубию, и на восток по руслу высохшего потока Вади-Хаммамата к Красному морю, то Фивы, расположенные на скрещении этих двух важнейших торговых путей Верхнего Египта, вскоре получили крупное торговое и стратегическое значение. Наряду с этим экономическая мощь Фив основывалась на эксплуатации довольно большой и плодородной равнины, расположенной около Фив на восточном берегу Нила. Все это дало возможность Фивам возвыситься одновременно с усилением Гераклеополя. В эту эпоху во главе Фив становится аристократический род энергичных князей, который, судя по частому среди них имени Ментухотеп, были выходцами из Гермонтиса, где поклонялись богу Монту. Довольно скоро им удалось объединить под своей властью ряд областей. Эль-Каб, Дендера, Элефантина, Коптос, Тинис и Ахмим вошли в состав Фиванского княжества. Так Фивы постепенно стали объединять под своей властью Верхний Египет, становясь тем самым наиболее опасным соперником гераклеопольских царей. Вполне естественно поэтому, что между Фивами и Гераклеополем рано или поздно должна была разгореться ожесточенная война за господство над всем Египтом.

В этой междоусобной войне большую поддержку Гераклеополю оказали князья Сиута, довольно большой области, расположенной в средней части Египта и игравшей роль буфера между двумя соперничавшими центрами: Фивами и Гераклеополем. Надписи, сохранившиеся в гробницах сиутских номархов, довольно подробно описывают их политическую деятельность и обстоятельно говорят о том участии, которое они принимали в междоусобной войне на стороне Гераклеополя.⁶⁾ Наиболее ранняя из этих надписей, найденная в гробнице сиутского номарха, носившего имя Хети,⁷⁾ дает нам яркое представление о мощи сиутских номархов. Крупные средства, находившиеся в распоряжении Хети, дают ему возможность соорудить большой канал:

«Я сделал подарок этому городу, причем в этом не участвовали ни семьи из северной страны, ни люди из Среднего Египта.⁸⁾ Соорудив памятник в ... я заменил канал в десять локтей. Я разрыл для него пахотную землю... [Я поддержал] жизнь города. Я дал человеку зерно, дал возможность получать воду в полдень... [Я обеспечил водой] высоколежащие округа, я дал воду этому городу Среднего Египта, который расположен на возвышенности

и который не видел воды ... Я превратил возвышенность в болото. Я заставил воды Нила течь мимо прежних [межевых знаков], я превратил пахотные земли в ... воду. Каждый человек был [обеспечен водой и каждый горожанин имел] нильской воды по желанию своего сердца. Я дал воду его соседям, и он был рад этому».⁹⁾

Это расширение сети искусственного орошения в первую очередь способствовало обогащению самого номарха, который, очевидно, был крупнейшим землевладельцем в своем номе. Его экономические ресурсы были настолько велики, что в годы голодовок он брал на себя снабжение хлебом всего населения области. В своей надписи тот же самый Хети говорит: [60]

«Я был богат зерном. Когда страна была в нужде, я поддерживал город мерами зерна ха и хефет. Я позволял брать зерно горожанину, его жене, вдове и ее сыну. Я снял все недоимки, которые считали за ними мои отцы. Я [наполнил] пастбища скотом. [Каждый] человек имел много приплода, коровы телились дважды, загоны были полны телят...».¹⁰⁾

Эти богатства, накопленные Хети, дали ему возможность содержать сухопутное войско и речной флот, столь необходимые в эту эпоху смут и междоусобий. Хети в своей надписи говорит:

«Я был силен своим луком и могуч своим мечом, внушая великий ужас своим соседям. Я составил отряд воинов, ... в качестве командира Среднего Египта. Я обладал хорошими кораблями... [будучи] любимцем царя, когда он плыл вверх по реке».¹¹⁾

Вполне естественно, что, благодаря своим крупным экономическим ресурсам и большим военным силам, сиутские номархи, боявшиеся усиления Фив, стали одной из важнейших опор слабых гераклеопольских царей. В своей надписи Хети хвалился своей близостью к гераклеопольскому царю:

«Я был любимцем царя, доверенным его князей, его вельмож Среднего Египта. Он поставил меня правителем, когда я был ребенком ростом в один локоть. Он ускорил мое положение юноши. Он приказал меня научить плавать вместе с царскими детьми. Я обладал правильной [речью], свободной от [возражений] своему господину, который воспитал меня, когда я еще был ребенком. Сиут был доволен моим управлением, а Гераклеополь восхвалял бога за меня. Средний Египет и Северная страна (Дельта) говорили: «Это воспитание царя».¹²⁾

Соперничество между Гераклеополем и Фивами привело к открытой войне. Если гераклеопольских царей поддерживали некоторые области Среднего Египта во главе с Сиутом, то вокруг Фив сконцентрировались области южного Египта, которые образовали довольно сильный союз, как мы видим из текста надписи сиутского номарха Тефьеба, описывающей эту войну:

«В первый раз — говорит Тефьеб, — когда мои воины сражались с южными (?) номами, которые соединились на юг от Элефантины и на север до (Гау-Кан ?)... (они отбросили их), вплоть до южной границы.^{*)} Когда я прибыл к городу, я опрокинул (врага)... (я изгнал их)... вплоть до крепости оконечности юга. Он дал мне земли, но не восстановил его города... Я достиг восточной стороны, идя вверх по течению; (тогда) пришел другой, подобно шакалу... с другим войском его союза. Я вышел ему навстречу с одним... Не было страха... Он шел быстро в бой, подобно (свету); Ликопольский ном... подобно быку, который наступает... вовеки. Я не переставал сражаться до самого конца (пользуясь южным ветром) так же, как и северным ветром, восточным ветром, так же, как и

западным. Он упал в воду, его [61] корабли пошли ко дну, его войско было подобно [стаду] быков... когда на него нападают дикие звери... страна находилась в страхе перед моими воинами: не было нагорной страны, свободной от страха...».¹³⁾

Судя по этой надписи, Тефьебу пришлось выдержать длительную и упорную войну с союзом южных номов во главе с Фивами. Тефьеб описывает ряд кровопролитных боев, которые, очевидно, привели к конечной победе северян. Весьма возможно, что гераклеопольские и сиутские войска, главным образом опиравшиеся на экономические ресурсы Дельты, имели перевес на воде, так что успешный для них речной бой на кораблях решил судьбу войны. Господство на реке дало северянам господство над всей страной, так как Нил является единственной торговой и стратегической магистралью Египта и так как господство на реке обеспечивало северянам экономический и военный контроль над всей страной. Но это господство северян не могло быть прочным. Из надписи Тефьеба видно, что южане образовали мощный и сплоченный союз и упорно отстаивали свои позиции. Возможно, что их поддерживали египетские и ливийские племена, жившие в нагорных областях. Во всяком случае, Тефьеб принужден был установить систему жестокого террора во всей стране, в частности в нагорных областях, очевидно, с целью подавления восстаний среди покоренных мятежников. Только при помощи этого террора Тефьебу удалось установить в стране тот порядок, о котором он с такой гордостью говорит в своей надписи:

«Я был щедр по отношению к каждому... у меня были прекрасные намерения, я был полезен своему городу, лицо мое было открыто жалобам... взор мой открыт для вдовы... Я был Нилом... для своего народа... Когда наступала ночь, спящий на дороге воздавал мне хвалу, так как он был подобно человеку, находящемуся в своем доме. Страх перед моими воинами был его защитой».¹⁴⁾

Для того чтобы окончательно укрепить власть гераклеопольских царей над Египтом, Тефьеб, как видно из его очень плохо сохранившейся надписи, построил в среднем Египте ряд крепостей.¹⁵⁾

Об этих войнах мы узнаем и из других источников. Один из чиновников фиванского номарха Иниотефа, уже называвшего себя царем Верхнего и Нижнего Египта, сыном Ра, некто Джари, могильную надпись которого Петри нашел в Курна около Фив, в таких словах говорит о своем участии в этой войне:

«Послал меня Гор Уаханх, царь Верхнего и Нижнего Египта, сын Ра. Они... послом после того, как я сражался с домом Хети в области Тинис. Пришло известие. Правитель дал мне корабль для защиты южной страны на всем ее протяжении к югу от Элефантины, к северу от Афродитополя».¹⁶⁾

Эта интересная надпись указывает на тогдашние границы фиванского царства, в состав которого уже начал входить ряд соседних областей. Очевидно, Фивы в эту эпоху одерживают верх над сиуто-гераклеопольским союзом и держат под своей властью весь Верхний Египет от первых порогов до границ гераклеопольского нома. Но эти [62] военные успехи фиванских номархов были временными. Война протекала с переменным успехом, что объясняется приблизительно равными силами обеих враждующих сторон. Довольно значительного напряжения достигла эта борьба при сыне Тефьеба, Хети II. В очень плохо, почти фрагментарно сохранившейся надписи этого сиутского номарха говорится о крупном восстании, которое, очевидно, произошло на юге и было направлено против гераклеопольского правительства. Можно думать, что это восстание южных номов было подавлено сиутским номархом, который в это время был главной опорой

герacleопольских царей. Хети II сосредоточивает в своих руках крупную фактическую власть и носит пышные титулы «военачальник всей страны» и «великий правитель среднего Египта». Опираясь на крупный речной флот, Хети II разбил восставших южан и конвоировал царя во время его путешествия на юг.¹⁷⁾ С гордостью говорит Хети II в своей надписи о том, какой страх воцарился в стране перед ним, перед герacleопольским царем и перед войсками победивших северян. Торжествуя над побежденными врагами, Хети описывает ликование народа, радостно приветствовавшего победителей. Эта победа севера обеспечила на некоторое время мир и спокойствие всей стране. Автор надписи, высеченной на стенах гробницы Хети II, считает этот мир одной из важнейших заслуг сиутского номарха, восхваляя его в следующих словах:

«Как прекрасно то, что происходит при тебе — город удовлетворен тобой... Каждый (чиновник) был на своем месте, не было ни одного сражающегося, ни одного стреляющего из лука. Ребенка не убивали возле его матери, ни человека около его жены. Не было злодея в... не было ни одного человека, который бы совершал преступление по отношению к своему дому...».¹⁸⁾

Но это чисто показное мирное благополучие, эта официальная идиллия внутреннего порядка и спокойной жизни покупались дорогой ценой непрерывных вооружений и строгой военной бдительности. Военные настроения, столь тесно связанные с упорными междоусобными войнами, находят свое отражение на стенах гробниц и в могильном инвентаре сиутских номархов. Так, на стенах гробницы Хети II, современника царя Мерикара, изображены воины, а в гробнице другого сиутского номарха Месехти была найдена модель двух отрядов деревянных солдатиков. Каждый отряд состоит из 40 воинов, построенных в десять шеренг, содержащих по четыре воина. Наряду с египтянами мы видим здесь и малорослых нубийцев. Египтяне вооружены длинными копьями с медными наконечниками и деревянными щитами, обитыми мехом. Нубийцы вооружены простыми луками и четырьмя стрелами с кремневыми наконечниками. Таким образом, мы видим здесь уже дифференциацию по видам оружия. Египетские войска, образующие первый отряд, представляют собой нечто вроде тяжело вооруженной пехоты, применявшейся для атак и ближнего боя. Второй отряд, состоящий из нубийцев, был, очевидно, стрелковой частью, предназначенной для дальнего боя.¹⁹⁾

Но несмотря на ряд временных, иногда довольно значительных успехов, ни герacleопольские цари, ни поддерживавшие их [63] сиутские номархи не были в состоянии задержать процесс роста, возвышения и усиления фиванского нома. В эпоху десятой династии и в начале одиннадцатой крупное значение в южном Египте имел город Гермонтис, расположенный недалеко от Фив. Впоследствии на почве мирного или насильственного объединения этих двух городов возникает сильная фиванская область. Фиванские правители с этого времени часто носят имя Ментухотепов, очевидно, в честь воинственного бога Менту, покровителя города Гермонтиса. В надписи стэлы Хунена, палеографически [по типу иероглифического знака — мес] очень близкой к стэле Хени, которая относится ко времени Иниотефа Великого, упоминается «храм бога Менту»; следовательно святилище Гермонтиса продолжало сохранять свое значение при первых фиванских царях.²⁰⁾ Но центром южноегипетского государства постепенно становятся Фивы. Фиванский номарх Интеф, считавшийся впоследствии основателем рода фиванских царей, носит уже пышные титулы князя, номарха Фив, хранителя врат юга, великого столпа, сохраняющего жизнь двух любимых стран его, начальника жрецов, почтенного перед великим богом, владыкой неба.²¹⁾ Эти титулы ясно указывают на то, что номарх Интеф был уже в значительной степени независимым от герacleопольских царей и, возможно, даже претендовал на некоторую самостоятельность. Один из его преемников Уаханх-Интеф Великий уже считал себя царем. Тексты интереснейшей стэлы Хени ясно

говорят о том, что Интеф Великий окружил себя пышным, чисто царским двором. Типичны в этом отношении слова казначея царя Нижнего Египта, Хени:

«Казначей, единственный семер, пребывающий в сердце своего господина, великий (?) в тайных местах его увеселений, почтенный, первый под царем Хени, говорит: «Я провел продолжительное время в течение ряда лет, следуя за моим господином Гором Уаханхом, царем Верхнего и Нижнего Египта, сыном Ра, Иниотефом Великим».²²⁾

Трудно определить точные границы этого древнейшего фиванского государства. Судя по надписи чиновника Чечи, они простирались на север лишь до Тинисского нома.²³⁾ Однако в надписи могильной стелы от 50-го года Интефа Великого уже говорится о значительном расширении границ южного государства. Царь говорит о том, что он установил северную границу своего государства в афродитопольском номе, захватил там все крепости и превратил этот ном в «Северные врата» своего государства.²⁴⁾ Само собой разумеется, что Интефу при этом пришлось завоевать весь Тинисский ном. Соответственно с этим фиванская царица Нофрукаит наследовала от своей матери обширное царство, простиравшееся от Элефантины до Афродитополя, в состав которого входил наряду с целым рядом областей ном Дендеры, ибо один из номархов Дендеры по имени Хнумреду называл себя «уполномоченным царицы Нофрукаит».²⁵⁾ Владения первых фиванских царей охватили также восточные области, лежащие между Нилом и Красным морем, как указывает чиновник Чечи, ставящий себе в заслугу, что он удержал в своих руках власть над правителями [54] восточных пустынных областей, обеспечив Фивам регулярное принесение ими дани.²⁶⁾ Наконец, Фивам принадлежал в ту пору и Великий западный оазис, который подчинялся правителю Абидоса, как указывает Луврская стела С-26, содержащая титулатуру Интефа.²⁷⁾ Так постепенно росло и ширилось первое Фиванское царство, получая в процессе длительной и упорной борьбы решительный перевес над Гераклеополем.

Окончательную победу над северянами одержал один из фиванских царей 11-й династии, носивший имя Ментухотепа-Небхотепа. Его горовское имя «объединитель двух стран» явно указывает на то, что, очевидно, ему первому удалось объединить весь Египет под своей властью. Изображения этого царя, сумевшего силой оружия покорить весь Египет, сохранились на обломках рельефа, происходящего из храма в Гебелеине (южнее Гермонтиса), перестроенного значительно позднее в птолемеевскую эпоху. На первом обломке мы видим, как царь поражает врага, обозначенного в помещенной тут же надписи «вождь ливийцев» (техену). На втором обломке изображен тот же фараон, поражающий четырех врагов. Надпись называет фараона «Сын Хатхор, Владычицы Дендеры Ментухотеп», а поверженных врагов царя: «сети [нубиец], сечетиу [азиат] и техену [ливиец]». Под четвертым врагом нет надписи. Однако художник придал ему явные черты природного египтянина. Общая надпись, помещенная под всей этой победной сценой, имеющей большое историческое значение, гласит: «Поражение вождей двух стран, пленение юга и севера, нагорных иноземных стран и двух берегов Нила, племен девяти луков и двух стран Египта».²⁸⁾ Таким образом, изображения и надписи ясно указывают на то, что этот Ментухотеп считал себя покорителем и объединителем двух основных частей Египта, Дельты и долины и, кроме того, претендовал на господство в прилегавших к Египту областях Азии, Нубии и Ливии. Особенное внимание фиванских царей 11-й династии начала привлекать в ту эпоху Нубия. Уже Интеф Великий приказал высечь свои имена на скалах около Элефантины, очевидно, для того чтобы увековечить один из своих набегов или одну из своих экспедиций на юг.²⁹⁾ Ментухотеп продолжал политику дальнейшего проникновения на юг. На одном рельефе, сохранившемся на скалах острова Коноссо в районе порогов, изображен царь, под ноги которого местные боги повергают все варварские племена, изображенные в виде 15 луков.³⁰⁾ Целый ряд других надписей, в

которых упоминается фараон Ментухотеп-Небхепетра (который может быть тождественен с предшествующим Ментухотепом-Небхотепом), подтверждает факт объединения Египта под властью фиванского царя. Так, на одной из них говорится о том, что царь поручает правителю Гелиополя военное командование, что указывает на господство фиванского царя в Дельте.³¹⁾ Позднейшая египетская традиция, в частности в эпоху Рамессидов, считала Ментухотепа-Небхепетра подлинным объединителем всего Египта и основателем Фиванского царства. Так, его имя упоминается наряду с именами других крупнейших царей Египта в родословных таблицах Абидоса и Саккары, а в Карнакской [65] зале предков и в Рамессее он фигурирует между основателями Древнего и Нового царства, фараонами Миной и Яхмосом.³²⁾ Он, очевидно, возобновил традиционную завоевательную политику Египта, стремясь к восстановлению египетского господства в Нубии. На скалах в Шат-Эрригаль, ниже Сильсилэ, сохранились скульптурные изображения царя, который в сопровождении своей матери и чиновника принимает изъявление верности от «сына Ра, Интефа», изображенного в меньшем масштабе, чем царь. Очевидно, этот Интеф, голова которого украшена царским уреем, был одним из нубийских князей, может быть, представителем боковой линии 11-й династии, укрепившейся в Нубии.³³⁾ Объединение Египта и усиление центрального правительства дало возможность снова организовывать экспедиции как военного, так и торгового характера. В надписи от 41-го года фараона Ментухотепа-Небхепетра, сохранившейся около Ассуана, упоминаются «корабли в Вават», очевидно, входившие в состав экспедиции, отправленной в южные области Нубии.³⁴⁾ Об этих военных походах на юг говорит и надпись Джехмау, обнаруженная в Нубии. Здесь говорится о военных действиях в стране Те бен (?), в стране Вават и в других нубийских областях.³⁵⁾ Консолидация объединенного Египта, восстановление египетского господства в некоторых частях Нубии и возможность эксплуатации естественных богатств Нубии позволило египетским фараонам 11-й династии снова обратить свои взоры на северо-восточные границы Египта, собрать здесь необходимые силы для перехода от обороны к наступлению и снова закрепиться на прежних позициях в районе Синайского полуострова. Так, в уже упомянутой надписи Джехмау говорится о том, что царь намеревается воевать с племенами аму [азиаты] страны Джати.³⁶⁾ Рельефные изображения, сохранившиеся на стенах нижней части южной колоннады храма в Дейр-эль-Бахри, ясно говорят о том, что в эту эпоху происходили если не настоящие большие войны, то во всяком случае подлинные боевые стычки между египтянами и племенами Синайского полуострова, которые в египетских надписях обычно называются хериуша, аму и ментиусатет, а в данном случае ретен реру. Мы видим здесь типичных азиатов с остроконечными бородками и с перьями на головах. Азиатские женщины несут детей в корзинах, привязанных к телу. Стрелы египетских воинов пронзают тела азиатов. Мы видим египтян, заносящих оружие над поверженными врагами, и ряды египетских воинов, вооруженных маленькими боевыми топорами и большими щитами. В одной иероглифической надписи встречается и название племени аму, которое в точности соответствует аналогичному начертанию, встречающемуся в надписи Уны. Эти войны, очевидно, увенчались победой египетского царя, так как на одном фрагменте изображены иноземные вожди, низко склоняющиеся перед египетскими фараонами. Можно думать, что во время этих войн на Синайском полуострове египтяне пользовались отрядами союзных или наемных нубийцев. На это указывает одна надпись, в которой упоминается «начальник нубийских наемников».³⁷⁾ [66]

Усиление экономической и военной мощи Египта сказалось далее в попытках египетских фараонов 11-й династии захватить в свои руки всю область, лежащую между Нилом и Красным морем. Важнейшими объектами в этом районе была дорога, шедшая по руслу высохшего потока Вади-Хаммамат от Коптоса до Косейра, расположенные здесь богатые каменоломни и удобные гавани, находившиеся на берегах: Красного моря, откуда

открывался морской путь в далекую восточно-африканскую страну Пунт. Надписи, сохранившиеся на скалах Хаммамата, указывают на то, что в эпоху 11-й династии египтяне широко эксплуатировали здешние каменоломни. Так, при фараоне Небтауира-Ментухотепа сюда была отправлена большая экспедиция, о которой царь в официальной надписи сообщал в следующих словах:

«Мое Величество послало наследного царевича, правителя города и везира, начальника работ, любимца царя Аменемхета с отрядом в 10 000 человек из южных номов, Среднего [шемау — может быть, южного] Египта и «хент» Оксиринхского нома для того, чтобы привезти мне прекрасную глыбу чистого драгоценного камня, который находится в горах, и прекрасные предметы из которого делает Мин...».³⁸⁾ Как сообщает сам Аменемхет в другой надписи, в состав этой крупной экспедиции входили:

«Люди, избранные во всей стране — горнорабочие, ремесленники, работники каменоломен, мастера, художники, резчики по камню, ювелиры, казначеи фараона из каждого управления Белого дома и из каждой канцелярии царского дома».

Несмотря на все трудности, связанные с переходом через пустынную область, Аменемхету, судя по его собственным словам, удалось выполнить поручение, возложенное на него царем.

«Я превратил — говорит он — нагорную область в реку, верхние долины в водный путь. Я привез ему саркофаг, вечный памятник, воспоминание навеки. Никогда со времен бога не совершали такого пути в эту горную страну. Мои воины вернулись без потерь. Ни один человек не погиб, ни один отряд не пропал, ни один осел не издох, ни один работник не пострадал».³⁹⁾

Особенно существенно, что эти экспедиции конвоировались военными отрядами, которые таким образом приучались к длительным и тяжелым переходам через пустынные и труднопроходимые районы. Наряду с отрядами сухопутных войск, в сопровождении и охране этих экспедиций принимали участие также и экипажи речных флотилий, очевидно в тех случаях, когда экспедиции двигались по главной речной магистрали, т. е. по Нилу. Так, в одной из хаммаматских надписей мы читаем, что, когда, очевидно, из каменоломен была отправлена крышка для царского саркофага, то этот драгоценный груз конвоировал отряд из 3000 моряков из номов северной страны [Дельты].⁴⁰⁾ Конечно, чтобы закрепить господство египтян в этих восточных областях, в частности в районе Хаммамата и дороги, ведущей из Коптоса к Красному морю, и облегчить движение караванов и военных отрядов по этой дороге, необходимо было вырыть здесь колодцы, снабдить этот район водой, сделать его доступным [67] и культурным, и, наконец, заселить египтянами. Надпись начальника войск в нагорных областях Са-анха говорит о тех мерах, которые принимались фараонами 11-й династии для достижения этих целей.

«Я был начальником войск всей страны в этих горных областях — говорит Са-анх. — Я был обеспечен бурдюками для воды, [корзинами] с хлебом, вином и всякой свежей зеленью, полученной с юга. Я сделал эти долины зелеными и на высотах пруды с водой. Всюду я поселил детей, на юг до Ча-ау, а на север — до Менат-Хуфу. Я продвинулся вплоть до моря, охотился на животных и на [их] детенышей. Я отправился в эту горную страну с 60 старыми людьми и с 70 молодыми... Я в точности все это сделал для Небтауира-Ментухотепа, живущего вечно».⁴¹⁾

Но конечной целью экономической и военной экспансии Египта на юг было проникновение в те богатые области северо-восточной Африки, которые могли бы в

дальнейшем стать сырьевыми базами египетского государства. Довольно крупное место в данном отношении занимала страна Пунт, очевидно, находившаяся на африканском побережье Красного моря, в районе Сомали или прилегающих стран. Экспедиции в Пунт снаряжались уже в эпоху 11-й династии. Об одной такой экспедиции мы узнаем из надписи вельможи Хену, высеченной на скалах Вади-Хаммамата.⁴²⁾ В этой надписи говорится о том, что Хену был отправлен в Пунт для доставки оттуда свежей [буквально — зеленой] мирры. Хену отправился из Коптоса по направлению к Красному морю. Здесь на берегу моря был построен, снаряжен и отправлен в Пунт корабль, специально предназначенный для этой цели. Путь по ущелью Вади-Хаммамат был сопряжен с большими трудностями. Хену пишет, что он шел во главе большого отряда из 3000 чел., в состав которого, очевидно, входили специальные отряды воинов, собранные со всего Египта. По дороге приходилось преодолевать сопротивление местного населения, враждебно относившегося к египтянам. Так, Хену пишет: «Войско сперва очищало дорогу, уничтожая тех, кто враждебно относился к царю».⁴³⁾ Воду, хлеб и сандалии приходилось везти с собой. Таким образом, несмотря на очень ограниченный паек — 2 кружки воды и 20 хлебцев в день на человека, за войском должен был следовать очень громоздкий обоз. Для того чтобы обеспечить людей водой, по дороге был вырыт ряд колодцев.

Таковы были те трудности, которые необходимо было преодолевать при организации торговых и военных экспедиций в далекие южные страны. Вполне естественно, что преодоление этих трудностей должно было требовать довольно значительной организации в деле формирования и снабжения уже более или менее крупных воинских частей, прокладки и охраны дорог в пустынных районах и обеспечения войск всем необходимым во время больших переходов.

Но это расширение завоевательной политики египетского государства требовало большого напряжения всех живых и материальных ресурсов страны, что было возможно лишь на известной ступени централизации всего государственного аппарата. Однако этому [68] противилась поместная аристократия, уже с конца Древнего царства укрепившаяся в номах, владевшая там громадными поместьями и занимавшая в областном управлении высшие административные посты. В смутный период между Древним и Средним царством эта поместная знать еще более усилилась, так что правители номов постепенно превратились в маленьких царьков, чувствовавших себя совершенно независимыми от центрального правительства. На этой почве, очевидно, и возник тот конфликт между номовой аристократией и центральной властью, который около 2000 г. до х. э. окончился падением 11-й династии и установлением власти Аменемхета I, основателя 12-й династии. Отсутствие сохранившихся документов не позволяет нам проследить перипетии этой междоусобной войны. Мы знаем лишь ее исход. Один из сподвижников Аменемхета I, правитель XVI нома Верхнего Египта, Хнумхотеп I рассказывает в своей надписи о том, что он сопутствовал царю в то время, как он шел по Нилу во главе флота из 20 кораблей, построенных из кедра. Результат этой кампании описывается в этой надписи в следующих словах:

«Он изгнал его из двух стран [Египта]. Нубийцы... азиаты пали. Он овладел нижней страной, нагорными областями, двумя странами... с народом».⁴⁴⁾

Захватив власть над всем Египтом, Аменемхет I обрушился на древнюю номовую аристократию, враждебную ему и упорно отстаивавшую свои привилегии. Ведя эту борьбу с аристократией, Аменемхет заменял старых номархов новыми, целиком подчиненными его власти. Больше того, он заново установил границы между номами, стремясь к тому, чтобы несколько уравновесить власть отдельных номархов. Об этой

устроительной деятельности Аменемхета сохранились интересные сведения в одной несколько более поздней бенихассанской надписи. Автор ее, Хнумхотеп II, говорит:

«Когда он пришел, чтобы наказать за святотатственное преступление, сияя, как сам бог Атум, он восстановил то, что он нашел разрушенным, и то, что один окружной ном отнял у другого, сделав так, чтобы каждый округ знал свои границы. Для этой цели он восстановил их пограничные камни, как небо, так как он знал их воды на основании надписей и проверил их на основании источников, так как он очень любил справедливость».⁴⁵⁾

Вполне естественно, что деятельность Аменемхета I должна была вызвать острое недовольство и даже резкий протест со стороны той номовой аристократии, интересы которой он столь ощутительно задевал. Весьма возможно, что это недовольство было одной из причин заговора, описанного в поучении, которое царь написал сыну, назначив его своим соправителем, очевидно, для того, чтобы укрепить его права на царский престол.⁴⁶⁾

Укрепив власть центрального правительства и реорганизовав управление страной, Аменемхет смог сосредоточить в своих руках силы, необходимые для возобновления и расширения той завоевательной политики, которая была начата еще фараонами Древнего [69] царства. Основным традиционным направлением военно-агрессивной политики Египта было северо-восточное направление. Сюда, на северо-восток стремились египетские фараоны с целью захватить в свои руки богатые медные рудники Синайского полуострова и пробиться к важным торговым путям, которые скрещивались в южной Палестине. Продолжая политику своих предшественников, Аменемхет также направил свое внимание на северо-восточные границы. Очевидно, с этой целью он перенес свою столицу на север, где немного юго-западнее древнего Мемфиса построил новый город, назвав его Иттауи, что означает «владение двумя странами». Судя по иероглифу квадратной крепости, снабженной зубчатыми стенами, всегда сопровождающему иероглифическое начертание названия этого города, новая столица представляла собою сильную крепость, своего рода военный центр страны. Весьма возможно, что она находилась неподалеку от пирамиды Аменемхета I, раскопанной около Лишта.⁴⁷⁾ Однако о самих военных походах этого фараона в источниках сохранились лишь очень скудные сведения. Так, в надписи полководца Нессумонту, относящейся к 24-му году царствования Аменемхета I и его сына Сенусерта I, в таких кратких словах описывается военный поход в Палестину:

«Я разгромил иунтиу, ментиу и хериуша [племена азиатов]. Я разрушил жилища кочевников... (их никогда не) было. Я мчался [за ними] по полям. Я подошел к тем, которые скрылись за своими укреплениями. Не было там равного мне...».^{47a)}

Судя по этой надписи, египетские войска одержали большую победу над кочевыми племенами Синайского полуострова и вторглись в плодородные и населенные области южной Палестины.

Одновременно с этим Аменемхету пришлось также воевать и на северо-западных границах Египта с ливийскими племенами, жившими к западу от Дельты и постоянно грозившими вторгнуться в плодородные области Египта. На это указывают сохранившиеся в Бени-хассане⁴⁸⁾ изображения ливийских пленников, мужчин и женщин с маленькими детьми, которых номарх Хнумхотеп привел с собой в качестве добычи из ливийского похода, а также сохранившиеся здесь сцены битвы. Очевидно, это был крупный военный поход, так как воспоминание о нем прочно сохранилось в памяти

народа и нашло свое отражение в очень распространенном в то время «Рассказе Синухета».⁴⁹⁾ В этой замечательной повести, в которой порой очень точно зафиксированы вполне реальные исторические факты, рассказывается:

«Войско услал его величество против земли Темеху, причем старший сын его был во главе его — бог благой Сенусерт; он был послан сокрушить страны иноземные, чтобы истребить находящихся среди Техену; он приходил и приводил бесконечное множество пленных Техену и всякого рода скот...».⁵⁰⁾

Последние слова этого текста ясно указывают на цель этих военных походов, которая заключалась в грабеже ливийских областей и в захвате рабов и скота, столь необходимого Египту в эту эпоху крупного роста его сельского хозяйства. [70]

Не меньшее внимание должен был уделять фараон и военным действиям на юге. Надпись в Короско говорит о завоевании нубийской области Вават,⁵¹⁾ что открывало египтянам дорогу на юг в золотоносные области восточной Африки. В своем «Поучении» Аменемхет с особенной гордостью говорит о своих победоносных войнах в Нубии и покорении нубийских племен в следующих словах:

«Я [схватил] народ Вават:
Я пленил племя маджаев...».⁵²⁾

Таким образом, можно думать, что Аменемхет I вел довольно большие войны с целым рядом соседних племен. Эти войны, возможно, сопровождались крупными победами египетских войск и довольно значительными завоеваниями. На это указывает тот факт, что в известном «Поучении Неферреху» сохранились воспоминания о победах основателя 12-й династии. Очевидно, в памяти египетского народа образ этого фараона ассоциировался с образом крупного воителя. Так, автор этого «Поучения» говорит:

«С юга придет царь по имени Амени правоюгласный, сын женщины из Нубии, который родится в Верхнем Египте. Он возьмет белую корону и будет носить красную корону... Азиаты падут под его ударами, и ливийцы погибнут в его огне. Он уничтожит врагов своим натиском, а мятежников своей мощью... Построят «Стену князя», дабы не дать азиатам (снова) вторгнуться в Египет. Пусть они просят по своей обычной манере воду для того, чтобы утолить жажду своих стад».⁵³⁾

Завоевательную политику Аменемхета продолжал его соправитель, а потом преемник Сенусерт I. Судя по сохранившимся источникам, он сосредоточил свое внимание на дальнейшем завоевании Нубии, которая, очевидно, должна была стать одной из важнейших сырьевых баз Египта. О большом военном походе в Нубию, относящемся к 43-му году царствования Сенусерта I, мы читаем в автобиографической надписи Амени, сохранившейся в гробнице № 2 в Бени-хассане. Надпись гласит:

«Я следовал за моим господином, когда он плыл вверх по течению, чтобы уничтожить своих врагов в четырех иноземных странах. Я поплыл на юг в качестве сына князя-хранителя царской печати — великого начальника воинов нома Газэли, как человек, [который] замещает своего старого отца, так как его хвалили в царском дворце и любили при дворе. Я прошел через Нубию и поплыл вверх по течению. Я расширил границы страны. Я принес дары моему господину. Моя хвала достигла неба. Его величество благополучно возвратилось, уничтожив врагов в презренной стране Куш. Я вернулся, следуя за ним с усердием на лице. Не было потерь в моих войсках».⁵⁴⁾

Судя по этой надписи, египетское правительство при Сенусерте I уже могло опираться на военную поддержку номовой аристократии, отдельные представители которой гордятся своим положением при дворе и стараются показать свое усердие на царской службе. Это, очевидно, дало возможность Сенусерту I двинуть большие военные [71] силы на дальнейшее завоевание Нубии. Как ясно видно из надписи Амени, этот поход в Нубию окончился для египтян успешно и повел к расширению южных границ Египта.

О военных походах Сенусерта I в Нубию говорит далее надпись Сиренповета, номарха Элефантины, высеченная в Элефантине. Сиренповет сообщает в этой надписи, как царь послал его «разгромить страну Куш». Тут же достаточно ясно раскрывается и экономический смысл этого похода. Сиренповет называет себя тем, кому докладывали о товарах, привозимых из стран маджаев, о дани князей иноземных стран.⁵⁵⁾ Наконец, в Вади-Хальфа в Нубии найдена большая надпись, в которой говорится о завоевании Нубии Сенусертом I. Вверху изображен сам Сенусерт I, стоящий перед богом Монту «владыкой Фив». Царь говорит богу: «Я поверг к твоим ногам, благой бог, все страны, которые находятся в Нубии». Тут же изображено, как бог подводит к царю и представляет ему вереницу связанных пленников, символизирующих захваченные египтянами нубийские города. Под головой и плечами каждого пленника помещен овал, который содержит название данного города. Можно думать, что эти 10 нубийских селений находились несколько южнее Куммэ. Фрагмент плохо сохранившейся надписи также говорит о победах царя, упоминая о «разгроме Нубии». Очевидно, эта надпись была высечена на камне одним из полководцев царя по имени Ментухотеп для увековечения побед, одержанных египетскими войсками в Нубии, завершившихся завоеванием обширной области.⁵⁶⁾ Эти победы и завоевания египетских фараонов двенадцатой династии вызвали к жизни появление своеобразной великодержавной теории. Египетские завоеватели, упоенные своими военными успехами, начинают смотреть на побежденных нубийцев, как на «низшую расу», называя в своих надписях Нубию «презренной страной Куш». Так постепенно оформляется великодержавная и военно-агрессивная политика египетского государства. Верховным носителем этой политики является фараон, и поэтому в честь фараона начинают складываться торжественные гимны, в которых выражается мысль о непобедимости египетского оружия и вождя египетских войск, обоготворенного царя. Один из таких гимнов сохранился в тексте «рассказа Синухета»:

«Он — бог, не имеющий равного... он обуздывал иноземные области, когда его отец был в своем дворце, и он докладывал, что исполнено [все] то, что ему было поручено. Он — могучий, действующий мечом своим; он храбрый, которому несвойственно быть замеченным наступающим на бедуинов и бросающимся на злодеев. Он тот, кто сокрушает рог и ослабляет руки, не давая врагам своим выстроиться для боя. Он радуется, разбивая лбы; нельзя устоять в его присутствии. Он — быстрый, уничтожающий бегущих: нет предела [бегства] для обращающего к нему тыл; он упорен в час преследования, он возвращается, не обращая тыла. Он — твердый сердцем, при виде множеств он не дает унынию доступа в свое сердце. Он пылок при виде жителей востока: он радуется, наступая на бедуинов. Он берет свой щит, он попирает, он не повторяет удара, умерщвляя. Никто не может ни [72] отвратить его оружия, ни натянуть его лука. Бегут бедуины от руки его, как от духов Великой. Он сражается, не зная конца, он не падит и ничто не остается... Радуется наша земля, когда он царствует: он расширяет ее границы. Он овладевает южными странами, не подумает ли он и о северных? Ведь он создан для обуздания азиатов, для попрания бродящих по песку».⁵⁸⁾

Так постепенно в литературу проникают воинственные настроения, характерные для этой эпохи завоеваний, и так создается в искусстве образ победоносного фараона, героически побеждающего всех своих врагов.

При следующих фараонах, Аменемхете II и Сенусерте II, египтяне делают попытки проникнуть еще далее на юг, в ту далекую страну, которая лежала на восточных берегах Африки и называлась египтянами «Страна богов» или «Страна Пунт». Как мы уже указывали, еще в эпоху 11-й династии египтянами был освоен путь, ведущий из Коптоса к берегу Красного моря, откуда обычно шли в Пунт на кораблях. Теперь же начали пользоваться другой дорогой, шедшей несколько севернее Вади-Хаммамата. Идя этой дорогой, египетские караваны прибывали к гавани, расположенной на берегу Красного моря около Вади-Гасуса, несколько севернее Косейра. Здесь была найдена интересная надпись эпохи Аменемхета II, в которой «наследственный князь, казначей царя Нижнего Египта, начальник дворца Хент-хет-ур» воздает хвалу богам Гору и Мину за то, что он «благополучно вернулся из Пунта, [причем] воины его были с ним целы и невредимы и корабли его пристали к Сау».⁵⁹⁾ Эта надпись не только дает нам египетское название гавани — Сау, расположенной на берегу Красного моря, но и указывает тот путь, по которому египетские войска отправлялись в Пунт. В другой, не менее интересной надписи, также найденной в Вади-Гасусе, казначей бога Хнумхотеп сообщает, что в 1-м году царствования фараона Сенусерта II был сооружен памятник в «стране бога», очевидно, в Пунте.⁶⁰⁾ Все эти факты с несомненностью указывают на все более глубокое проникновение египтян в области восточной Африки. Вполне естественно, что египтяне должны были укреплять свои новые южные границы и строить на них крепости. В одной надписи, высеченной на скалах близ Ассуана, говорится, что в 3-й год царствования Сенусерта II чиновник Хапу был отправлен на юг для того, чтобы «проинспектировать крепости в стране Вават [Нубия]».⁶¹⁾

Завоевательная политика Египта достигла расцвета в эпоху Среднего царства при фараоне Сенусерте III, который завершил то, что было начато его предшественниками. Как и раньше, особенное внимание было уделено завоеванию Нубии, естественные богатства и людские ресурсы которой были столь необходимы для развития египетской экономики. Чтобы облегчить египетским войскам возможность проникновения в Нубию и обеспечить транспорт по Нилу, Сенусерт III приказал пробить в гранитных скалах в районе первых порогов большой канал. В надписи, высеченной на скале на острове Сехель, об этом важном событии сообщается в следующих словах: [73]

«Он сделал это в качестве своего памятника для богини Анукет, владычицы Нубии

()⁶²⁾, построив для нее канал под названием «Прекрасны пути Ха-кау-Ра», дабы он жил вечно».

На 8-м году царствования Сенусерта III в связи с военной экспедицией в Нубию были произведены большие работы по расчистке этого канала. Об этом сообщает вторая надпись на острове Сехель. Тут же указаны и размеры этого канала. Эта интересная надпись гласит:

«Восьмой год царствования его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра [Сенусерта III], живущего вечно. Его величество приказал заново соорудить канал под названием «прекрасны пути Ха-кау-Ра, [живущего] вечно», в то время как его величество проследовал вверх по реке, чтобы сокрушить презренную страну Куш. Длина этого канала — 150 локтей. Ширина — двадцать. Глубина — пятнадцать».⁶³⁾

Этот канал имел очень большое стратегическое и торговое значение, ибо он давал возможность египетским военным и торговым экспедициям проникать по реке в нубийские области, расположенные между первым и вторым порогами. Этим каналом

пользовались вплоть до эпохи Нового царства. Мы знаем, что он был восстановлен фараонами 18-й династии, Тутмосами I и II.

Результатом военного похода в Нубию, предпринятого Сенусертом III в 8-й год его царствования, было установление южной государственной границы Египта в 37 милях к югу от Вади-Хальфы по линии Семнэ-Куммэ. Этот факт был зафиксирован в надписях на двух стéлах, поставленных около Семнэ на двух берегах реки. Текст стéлы, обнаруженной Лепсиусом на западном берегу, гласит:

«Южная граница, установленная в 8-м году, при его величестве, царе Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра (Сенусерте III), которому дана жизнь во веки веков. Для того, чтобы воспрепятствовать каждому нубийцу пересечь ее, будь то по воде, или по суше, или на корабле (или) с какими-либо стадами нубийцев, за исключением нубийца, который придет для торговых целей в Икен или с поручением. Следует хорошо поступить с ним, но не следует позволять кораблю нубийцев проходить мимо Хех, идя вниз по реке, вовеки».⁶⁴⁾

Чтобы защитить эту границу от набегов нубийских племен, Сенусерт III построил около вторых порогов, там, где русло Нила сужается, на каждом берегу по крепости, которые должны были господствовать как над течением реки, так и над дорогами, шедшими вдоль Нила. Развалины этих крепостей до сих пор сохранились в Семиэ и в Куммэ.

Однако Нубия еще не была окончательно замирена. На 12-м году своего царствования Сенусерт III был принужден совершить второй поход на юг для того, чтобы «разгромить Куш», как гласит фрагмент надписи на скале в Ассуане.⁶⁵⁾ Более подробные сведения мы имеем о третьем походе Сенусерта III в Нубию, который описан на Берлинской [74] стéле № 1157. В этой надписи говорится о том, что «в 16-м году в третьем месяце второго времени года его величество установил южную границу у Хех. Я установил свою границу дальше (к югу от той, которую установили) мои отцы. Я увеличил то, что мною было получено по наследству... Я взял в плен их женщин, увел их подданных, подступил к их колодцам, захватил их скот. Я собрал их зерно и поджог его».⁶⁶⁾ На втором экземпляре этой надписи, найденной на острове Уронрти около Семнэ, имеется очень интересная приписка, гласящая: «Стéла сооружена в 16-м году, в третьем месяце второго времени года, когда была построена крепость «Отражение троглодитов».⁶⁷⁾ Сенусерт III построил на южных границах Египта третью крепость, на этот раз на острове Уронрти, дав крепости это торжественное название. В память той же большой победы, одержанной египетскими войсками во время этого похода, был построен храм в крепости в Семнэ, предназначенный для празднования торжества, носившего аналогичное название «Отражение троглодитов». Как видно из источников, этому торжеству придавали настолько большое значение, что его праздновали вплоть до эпохи 18-й династии. Помимо этого, Сенусерт III перестроил и расширил крепость в Вади-Хальфа, построенную ранее при Сенусерте I, и возвел новые крепостные укрепления несколько южнее в Матуге.⁶⁸⁾ Наконец, на 19-м году своего царствования Сенусерту III пришлось совершить четвертый военный поход в Нубию. Об этом сообщает нам надпись Сасатета, хранящаяся в Женевском музее, в следующих словах:

«Когда царь Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра [Сенусерт III], да живет он вечно, выступил, чтобы сокрушить презренный Куш в 19-м году».⁶⁹⁾ Таким образом, в течение 19 лет Сенусерт III совершал военные походы и карательные экспедиции в Нубию и строил на южных границах крепости, чтобы окончательно завоевать и полностью замирить нубийские области. Поэтому вполне естественно, что Сенусерт III стал считаться завоевателем Нубии и что о нем долго в памяти египетского народа сохранялось воспоминание, как о покорителе нубийских областей. Так, фараоны 18-й династии, вновь

завоеывая Нубию, считали, что они восстанавливают лишь то господство Египта в Нубии, которое было установлено царями 12-й династии, в частности Сенусертом III. Тутмос III почитает Сенусерта III в качестве бога-хранителя в египетских храмах Нубии. Фараоны 18-й династии восстанавливают крепости и храмы, построенные им в Нубии, а также его пограничные и победные стелы. Вполне возможно в связи с этим предположить, что в основе легендарного образа Сезостриса, сохранившегося у античных авторов, лежат вполне исторические фигуры двух одноименных фараонов 12-й династии — Сенусерта I, как первого завоевателя Нубии, и Сенусерта III, как окончательного ее покорителя. И действительно, рассказывая об этом легендарном Сезострисе, все античные авторы подчеркивают его завоевательную деятельность на юге.

По Диодору и Лукану, Сезострис покорил Эфиопию и принудил ее платить Египту дань золотом, черным деревом и слоновой костью. [75] По Эратосфену (у Страбона), Сезострис был первым египетским царем, который покорил Эфиопию и страну троглодитов, береговую полосу Аравийского залива. По Страбону, Сезострис со своим войском достиг страны Циммет и поставил памятник у Дейре около Баб-эль-Мандебского пролива. Плиний говорит, что Сезострис достиг предгорий Моссилита. Артемидор указывает на то, что Сезострис построил храм Изиде на восточном побережье Аравийского залива. Наконец, Геродот и Диодор говорят о том, что Сезострис совершил морской поход в Индийский океан и покорил его острова и берега.⁷⁰⁾ Так историческая традиция и позднейшая легенда окутали туманом сказаний историческую фигуру покорителя Нубии Сенусерта III, преувеличив его воинские подвиги и превратив его в мифического героя-завоевателя далеких южных стран. Больше того, поздняя легенда изобразила Сезостриса завоевателем Азии. Геродот, повторяя эту легенду, подробно рассказывает о том, как Сезострис завоевал Азию и даже проник в Европу.⁷¹⁾ Однако в основе и этой легенды также лежат некоторые исторические факты. Так, мы знаем, что, продолжая традиционную завоевательную политику египетских фараонов, Сенусерт пытался проникнуть в Палестину. В надписи Себекху в следующих словах описывается этот азиатский поход:

«Его величество проследовал на север для того, чтобы сокрушить ментиу-сатет [азиатов]. Его величество прибыл в область, называвшуюся Секмем⁷²⁾ ... и тогда пал Секмем вместе с презренным Ретену». ⁷²⁾ К сожалению, более подробных сведений об этих азиатских походах Сенусерта III мы не имеем.

Этот период был временем наибольшего расцвета завоевательной политики египетских фараонов в эпоху Среднего царства. После длительных войн Сенусерта III наступил период мирного развития. При Аменемхете III походы совершаются редко. Только изредка в надписях встречаются указания на «разгром нубийцев и открытие страны азиатов». ⁷³⁾ Большие богатства, собранные в Египте в результате многолетних грабительских войн, завоевания соседних областей, сбора дани дали возможность Аменемхету III начать широкую мелиоративную деятельность, в частности в северном Египте, где обширный оазис Фаюм был превращен в культурную область. Продолжая строительную деятельность своих предшественников, Аменемхет III возвел целый ряд крупных построек.

Развитие военной политики Египта в эпоху Среднего царства в значительной степени объясняется ростом производительных сил Египта и связанной с этим необходимостью расширения внешней торговли. Развитие ремесла требовало доставки целого ряда видов сырья, которых не было в Египте. Так, египтяне нуждались в меди, которую они привозили с Синайского полуострова, в золоте, слоновой кости и черном дереве, которые они привозили из Нубии и из Пунта, а также в кедрах, которые они вывозили из Сирии.

Поэтому естественно, что египетские фараоны стремились захватить при помощи оружия эти [76] важные для них сырьевые базы, а также закрепить за собой торговые пути, ведущие в те области Африки и Азии, с которыми египтяне принуждены были поддерживать торговые связи. Завоевания фараонов 11-й и 12-й династии дали возможность Египту расширить торговлю со всеми этими странами. Покорение нубийских областей дало возможность египетским фараонам увеличить доставку золота из богатых нубийских областей, главным образом, из района Вади-Алаки. О доставке золота из Нубии мы нередко читаем в египетских надписях времени Среднего царства. Так, например, Аменемхет — правитель области Газэли — сообщает в своей автобиографической надписи:

«Я пошел на юг, чтобы привезти золотую руду для его величества, царя Верхнего и Нижнего Египта, Хеперкара, живущего во веки веков; я поплыл на юг вместе с наследным царевичем, сыном царя от плоти его, Амени, да будет он жив, здоров и невредим. Я поплыл на юг, с 400 людей, избранными воинами, которые пришли счастливо, не потерпев ущерба. Я принес золотые слитки, соответственно полученному приказу; и меня похвалили за это при дворе. Превознес меня перед богом царский сын. Затем я поплыл на юг, дабы доставить руду к городу Коптосу, с наследным царевичем, градоначальником, везиром Сенусертом, да будет он жив, здоров и невредим. Я поплыл на юг с 600 людей из всех (самых) доблестных нома Газэли. Я вернулся благополучно; я сделал все, сказанное мне».⁷³⁺

Эта надпись ясно указывает, что завоевание Нубии в ту эпоху было теснейшим образом связано с эксплуатацией нубийских золотых рудников. Египетские фараоны посылают в Нубию своих военачальников с отрядами войск для покорения нубийских племен и для доставки золота в Египет. С другой стороны, и торговля носила тогда неприкрытый хищнический и грабительский характер. Торговые экспедиции сопровождалась военными отрядами, а торговый обмен, нося довольно часто принудительный характер, принимал форму откровенного грабежа. Поэтому Аменемхет ставит себе в заслугу особенно тщательный выбор воинов для своего отряда и благополучное возвращение в Египет, без какого-либо ущерба.

Еще более ясные указания на эту жестокую экономическую эксплуатацию Нубии мы находим в другой надписи, сохранившейся на могильном камне Са-Хатхор, ныне хранящемся в Британском музее [№ 569]:

«Я посетил — сообщает помощник казначея Са-Хатхор — страну рудников, будучи молодым, и я принудил вождей [Нубии] мыть золото. Я доставил малахит, я достиг Нубии [страны] нубийцев. Я шел, распространяя ужас перед Владыкой двух стран. Я прибыл в Ха, я обошел вокруг его островов, я доставил оттуда его продукты».⁷⁴⁾

Очевидно, эта эксплуатация золотоносных рудников Нубии и происходивший при этом торговый обмен производились далеко не мирным, добровольным образом, а посредством явного принуждения со стороны египтян, которые в данном случае опирались на свою военную силу, на свой флот и на свои крепости. Недаром египетские [77] надписи столь часто указывают на страх, который чувствовали по отношению к египтянам культурно отсталые племена Нубии.

Египетские фараоны этой эпохи особенно гордятся тем, что им удается получать из Нубии драгоценное нубийское золото. Так, в надписи Ихер-нофрета, относящейся ко времени Сенусерта III, мы читаем:

«Приказал мое величество, чтобы тебе дали отправиться в Абидос в тинисском номе, чтобы воздвигнуть памятник отцу [моему] Озирису Хентиаментиу, чтобы соорудить святилище тайны из золота белого, которое он [т. е. бог] дал возможность моему величеству привезти из Нубии благодаря силе и победе».⁷⁵⁾

Наконец, роскошные драгоценности, найденные в погребениях времени Среднего царства, ясно указывают на то, какого высокого уровня достигло ювелирное искусство, что, конечно, было возможно лишь благодаря тому, что в эту эпоху стало доставляться из Нубии в Египет большое количество золота.⁷⁶⁾

Крупное значение для развития древнеегипетской экономики имела далее эксплуатация естественных богатств тех областей, которые были расположены к востоку от Египта, отделяя долину Нила от Красного моря. Здесь египтяне добывали необходимую им медь, а также различные сорта камня. Одним из важнейших путей, ведущих в эти восточные области, было русло высохшего потока, Вади-Хаммамат, древний торговый путь, по которому шли из Коптоса к берегу Красного моря. Сохранившиеся здесь многочисленные надписи указывают на довольно интенсивную эксплуатацию этого района в эпоху Среднего царства. Так, в официальной надписи от 2-го года царствования Небтауира-Ментухотепа говорится:

«Мое величество послал наследного царевича, правителя и везира, начальника работ и любимца царя Аменемхета с отрядом в 10 000 человек из южных номов, Среднего Египта и передней части Оксиринхского нома, для того чтобы привезти мне прекрасную глыбу чистого драгоценного камня, который находится в горах и из которого делает прекрасные предметы бог Мин».⁷⁷⁾

На значение этой экспедиции указывает большое количество людей, отправленных под начальством Аменемхета, которому, очевидно, царь поручил доставить большую партию камня, необходимого для построек в Египте. Необходимость эксплуатации естественных богатств этих восточных областей повлекла за собой колонизацию египтянами всего этого района. Об организованных попытках превратить эту пустынную область в цветущий заселенный край мы читаем в одной интересной надписи, сохранившейся в Вади-Хаммамате. В этой надписи некто Са-анх, называющий себя «начальником войск всей области в этой горной стране» с гордостью говорит о том, что он «сделал долины зелеными и вырыл на высотах пруды для воды». Это дало возможность Са-анху заселить весь этот район. Са-анх сообщает далее в своей надписи о том, что он охотился здесь на диких зверей и во время своих поездок достигал моря.⁷⁸⁾ Так, египтяне в эпоху Среднего царства стремились захватить в свои руки побережье Красного моря, завоеывая и колонизуя [78] восточные области. Вполне естественно, что стремление к захвату важных восточных торговых путей должно было приводить египетское правительство к расширению военной экспансии также и в этом направлении.

А от берегов Красного моря открывались новые торговые пути, среди которых одним из наиболее важных был путь в далекую южную, страну, которую египтяне называли страной Пунт или «страной богов» [Та нетер] и которая, очевидно, находилась в восточной Африке. В приведенной мною выше надписи казначея Хену описывается одна торговая экспедиция, отправленная в эпоху 11-й династии в эту страну с целью доставки в Египет столь ценившихся тогда «свежих благовоний от вождей Красной земли». Можно думать, что эти торговые экспедиции в Пунт не были особенно редким явлением в эту эпоху. По крайней мере, они нашли отражение даже в художественной литературе, в частности в одной сказке, облеченной в художественную ритмическую форму,⁷⁹⁾ в которой рассказывается о приключениях моряка, заброшенного бурей на таинственный

«остров духа», где его встречает «правитель страны Пунт» и щедро одаряет местными продуктами: благовонными смолами, слоновой костью и прочими ценными товарами. В этой сказке ясно чувствуется стремление египтян проникнуть в эти далекие, сказочные, богатые южные страны. Конечно, не одно любопытство и не одна страсть к приключениям толкали египтян на эти далекие путешествия. Ими руководило желание завладеть этими богатыми источниками ценного сырья и завязать прочные торговые связи с туземными, культурно отсталыми племенами. И здесь мы также видим, как тесно сплеталась военная политика Египта с расширением египетской торговли: необходимость проникнуть в южные страны влекла за собой ряд войн с племенами, населявшими области, лежащие к востоку и к югу от Египта.

С неменьшей энергией продвигались египтяне в эту эпоху и в северо-восточном направлении. Уже в эпоху Древнего царства египтяне проникли на Синайский полуостров и довольно интенсивно эксплуатировали находившиеся там медные рудники.⁸⁰⁾ В эпоху Среднего царства египтяне довольно прочно укрепляются в районе этих медных рудников, на что указывает множество надписей, сохранившихся на скалах в непосредственной близости от древних разработок меди, в Вади-Магхара и в Серабит-эль-Хадим. В этих точно датированных надписях указывается имя и титул чиновника, руководившего данной экспедицией, говорится об открытии новых рудников, сообщается количество рабочих. Особенно много надписей такого рода сохранилось от времени царствования Аменемхета.⁸¹⁾ Очевидно, в эту эпоху египтяне особенно интенсивно эксплуатировали медные рудники Синая, чтобы «горы дали то, что они хранят в своих недрах», как образно говорится в одной из этих надписей. Рост производительных сил Египта и развитие военной политики требовали все большей доставки меди, нужной для изготовления орудий и оружия.

В эпоху Среднего царства египетская торговля в некоторой мере проникает уже в Палестину и в Сирию. Египетские торговцы и [79] колонисты селятся в этих странах, содействуя тем самым расширению египетской внешней торговли и колонизации. Очень красноречивы указания, которые мы находим в реалистическом художественном произведении той эпохи, в «Рассказе Синухета». Синухет, бежавший от царского гнева в Сирию, слышит там египетскую речь, встречает египтян и египетских послов. Он говорит: «Узнал меня начальник племени, один из бывших в Египте. Он дал мне воды, сварил для меня молоко. Я пошел с ним к его племени. Со мной обошлись хорошо. Страна передавала меня стране. Я удалился из Библа и пошел в Кедем. Там я пробыл полтора года: Аммиенша, князь Верхнего Ретену принял меня и сказал мне: «Тебе у меня будет хорошо, — ты услышишь египетскую речь». Это он сказал мне, ибо знал, кто я, и слышал о моих способностях — ему засвидетельствовали об этом египтяне, находившиеся там у него». Дальше в другом месте: «Посол, отправлявшийся на север или на юг — ко двору, останавливался у меня — я давал приют всем».⁸²⁾

На проникновение египетской торговли в Сирию указывают также и результаты археологических раскопок. Так, в Бейсане, где были обнаружены развалины египетских храмов времени Нового царства, были найдены во время раскопок египетские предметы эпохи Среднего царства. Среди них следует отметить стеатитовое кольцо времени Среднего царства с печатью, на которой находится изображение цветка и надпись: «Пусть царь воздаст хвалу богу Ра».⁸³⁾ Но египетская торговля проникла и в значительно более северные области Сирии. Об этом ясно свидетельствует статуя египетского посла Сенусерт-анха, времени 12-й династии, найденная при раскопках древнего торгового города в Рас-Шамра, на берегу Средиземного моря, там, где пролегал важный торговый путь, шедший из долины Евфрата в северную Сирию и далее в район островов Эгейского моря.⁸⁴⁾ Вполне естественно, что египетская торговля стремилась проникнуть в важные

торговые центры, где скрещивались торговые пути, шедшие из Малой Азии, Месопотамии, Аравии, Египта и от Эгейского моря. На укрепление торговых связей между Египтом и Сирией указывает, наконец, также и проникновение в Египет азиатских торговцев. На стенах одной бенихассанской гробницы сохранилось интереснейшее изображение азиатского торгового посольства, состоящего из 37 человек из азиатского племени аму во главе с вождем по имени Ибша. Это посольство прибыло к Хнумхотепу, номарху области Газэли, и привезло с собой мазь, употреблявшуюся при болезнях глаз.⁸⁵⁾

В эту эпоху египетская торговля начинает проникать также и на север, в обширный район Эгейского моря. В египетских надписях Среднего царства встречается слово «ханебу», которым египтяне со времён Древнего царства пользовались для обозначения племен, живших на островах, расположенных в восточной части Средиземного моря. Так, в уже цитированной мною надписи казначея Хену, относящейся ко времени 11-й династии, говорится, что Хену «повергает ниц ханебу».⁸⁶⁾ В другой надписи 12-й династии один чиновник Сенусерта I сообщает, что он принадлежал к канцелярии, ведавшей сношениями с племенами Ханебу.⁸⁷⁾ Наконец, на существование довольно прочных торговых связей между Египтом и Эгейским миром указывают находки эгейских вещей в Египте и египетских на островах Средиземного моря. В развалинах города, построенного Сенусертом II близ его пирамиды у входа в оазис Фаюм [Кахун близ Иллахуна], был найден целый ряд черепков сосудов типа Камарес, происходящих с острова Крит.⁸⁸⁾ Прекрасная орнаментированная розетками ваза типа Камарес была найдена Гарстангом в Абидосе в нетронутой гробнице № 416 наряду с цилиндрическими печатями Сенусерта III и Аменемхета III, вазами и драгоценностями времени 12-й династии.⁸⁹⁾ С другой стороны, в развалинах Кносского дворца была найдена нижняя часть египетской статуи, которая, судя по стилю и по сохранившейся надписи, должна быть отнесена к 12-й или 13-й династии.⁹⁰⁾

Все эти факты указывают, что Египет в эпоху Среднего царства был связан прочными торговыми нитями с целым рядом соседних стран. Развитие этой торговли, связанное с необходимостью захвата рабов, иноземных источников сырья, крупных торговых рынков и закрепления на важнейших торговых путях, объясняет ту довольно значительную военную политику, которую вели египетские фараоны 11-й и 12-й династий. [81]

Глава третья.

Военное дело в Египте в эпоху Среднего Царства

Среднее царство было временем расцвета Египта, когда при фараонах 11-й и 12-й династий вторично образовалось мощное централизованное государство, претендовавшее на господство в северо-восточной Африке и стремившееся к усилению своего влияния в соседних странах. Надписи и памятники этого времени указывают на крупный рост производительных сил страны, на всестороннее развитие различных форм хозяйства. Сельское хозяйство, игравшее значительную роль в экономике аграрного Египта, всегда требовало в первую очередь расширения обрабатываемых земель и усиления системы

орошения. Поэтому государственная власть должна была принимать в этом отношении целый ряд мер. При Аменемхете III уровень подъема воды в реке во время наводнения заботливо отмечался на скалах около Семнэ. Очевидно, особые органы власти тщательно следили за высотой разлива Нила, отдавая себе ясный отчет в громадном значении для хозяйственной жизни страны системы искусственного орошения, которая целиком зависела от количества воды в Ниле. Весьма возможно, что в зависимости от уровня подъема воды в реке принимались различные меры в области ирригации. Наиболее крупные оросительные работы производились в эту эпоху в Фаюмском оазисе, где было создано крупное водохранилище, соединенное особым каналом с Нилом. Специальные приспособления давали возможность регулировать движение воды, шедшей из Фаюмского озера в Нил и обратно. Наконец, сооружение больших защитных стен позволило осушить большую часть Фаюмского оазиса, где вскоре образовался богатый земледельческий район и вырос новый город.

Сельское хозяйство процветало во всей стране. Египет превратился в зеленый цветущий сад — недаром жители Нильской долины называли свою страну «Черной» (плодородной) и «Любимой страной» (Та-мери). Крупные поместья, возникавшие в эту эпоху в связи с ростом поместной рабовладельческой аристократии и аристократического землевладения в номах, создавали все необходимые [82] предпосылки для значительного развития земледелия и животноводства. На стенах гробниц номархов Газэльего нома в Бенихассане изображены типичные сцены из жизни обитателей такого крупного аристократического хозяйства [рис. 12].

Развитие сельского хозяйства сопровождалось также развитием ремесленного производства. Высокого расцвета достигает обработка камня, из которого со времен глубочайшей древности делали различные предметы, как, например, сосуды, оружие и орудия. Дальнейший прогресс наблюдается в области металлургии, в частности, в ювелирном деле, прекрасные образцы которого были обнаружены в Дахшуре.¹⁴ Большое значение имело ткацкое производство, развивавшееся на базе применения местного сырья [льна] и использования особого низкого горизонтального ткацкого станка. Изображения на стенах гробниц этой эпохи, а также полная модель прядильной и ткацкой мастерской, найденная при американских раскопках кладбища 11-й династии в Дейр-эль-Бахри, дают прекрасное представление о развитии текстильного дела. Рост деревообделочного производства, основанный на применении разнообразного инструментария, тесно связан с кораблестроительным искусством. Наконец, на общий расцвет хозяйства в эту эпоху указывает развитие водного и сухопутного транспорта, рост городов и расширение торговли как внутренней, так и внешней. Организуются крупные торговые экспедиции в Нубию и в Сирию. Интенсивно эксплуатируются медные рудники Синая и золотые копи Нубии. Колонизируются области, прилегающие к Египту, в частности, оазисы. Прокладываются и укрепляются торговые пути, имеющие крупное значение для египетской экономики, как, например, путь, соединяющий долину Нила с побережьем Красного моря (Вади-Хаммамат). На крупный экономический расцвет страны указывает и довольно широкое строительство, развернутое фараонами 11-й и 12-й династий. В Фивах строится первый крупный храм богу Амону. В Дейр-эль-Бахри был воздвигнут своеобразный храм, сохранивший древние пирамидообразные формы. Наконец, особенно крупное строительство развернулось в недавно освоенном Фаюмском оазисе, в частности, в новом основанном здесь городе. В античной историографии сохранилось воспоминание о грандиозном здании, которое здесь было построено и впоследствии получило название Лабиринта.

Экономический расцвет Египта нашел отражение и в духовной культуре этой эпохи, в литературе, в искусстве и в первых проблесках научного творчества. Недаром эта эпоха

считается классической эпохой древнеегипетской культуры, когда впервые были оформлены литературный язык и художественная литература.

Рост производительных сил, вызвавший крупный экономический расцвет в условиях все еще в значительной степени замкнутого общинного строя, требовал развития обмена и привлечения новых кадров рабочей силы, главным образом, рабов. Этим объясняется развитие военной политики египетских фараонов Среднего царства, которые считали своим долгом не только защищать Египет от нападений [83] воинственных племен Ливии, Нубии и соседних азиатских областей, но также предпринимать наступательные походы против соседних народов. Целью походов был, в первую очередь, грабеж, захват самых разнообразных ценностей, самой различной добычи, золота, скота, рабов, затем захват территорий, важных источников сырья и, наконец, закрепление за Египтом господствующих позиций на важнейших торговых путях. Развитие военной политики египетского государства в эпоху Среднего царства,²⁾ конечно, требовало и соответствующей организации военного дела.

Одним из важнейших вопросов военной истории является вопрос о численности военных сил того или иного государства. Конечно, численность армии не является решающим фактором, определяющим конечный успех в военных действиях, так как, помимо численности войск, громадное значение имеют боевая подготовка, дисциплинированность бойцов, техническая оснащенность, моральное состояние и идейная мобилизация войск, коммуникации, снабжение, состояние тыла и целый ряд других, порой очень важных факторов. Но все же одним из основных факторов является самый массив армии, боевая эффективность которого при прочих равных условиях, конечно, зависит от его численности. В документах эпохи Среднего царства сохранились слишком скудные сведения для того, чтобы полностью осветить этот вопрос. Однако, опираясь на некоторые косвенные данные, мы можем сделать попытку подойти к его решению.

Территория собственно египетского государства, включавшего Дельту и долину до первого порога, в эпоху Среднего царства приблизительно соответствовала территории современного Египта [без пустынных областей и Судана], равной 35 169 км². Население, живущее на этой территории, по данным 1937 г., равнялось 15 904600 чел., что дает очень высокую цифру плотности — 452 чел. на 1 км².³⁾ Конечно, учитывая рост народонаселения, развитие экономики и техники, а также довольно значительную иммиграцию, следует полагать, что население Египта в древности было значительно меньше. Однако было бы неправильным чрезмерно снижать эту цифру. Ведь не следует забывать, что в древности земледельческое хозяйство, основанное на искусственном орошении, было очень сильно развито. Отметки на скалах около Семнэ указывают на то, что уровень наибольшего подъема воды в Ниле в эпоху Среднего Царства был на 8 м выше современного максимального уровня Нила и что большее количество воды в реке позволяло орошать более значительные территории, на которых могло жить и кормиться более многочисленное население.⁴⁾ Большие территории, ныне засыпанные песком, были в древности заселены иногда даже довольно плотно, на что указывают развалины египетских храмов и городов, например, Ахетатона, ныне опустошенные, заброшенные и занесенные песками пустыни. Там, где в древности жило многочисленное и трудолюбивое население, теперь часто раздается лишь унылый вой шакалов. Современный исследователь Лескье⁵⁾ полагает, что население Древнего Египта доходило [84]

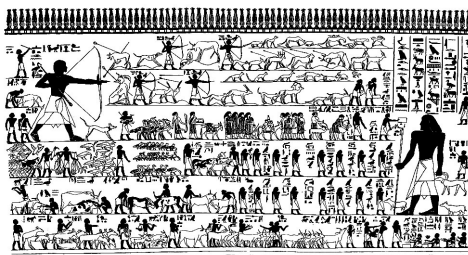

Рис. 12. Вельможа Хнумхотеп в своем поместье. Охота и прием послов от азиатского племени Аму. Роспись стены в гробнице Хнумхотепа в Бени-Хассане. Среднее царство.

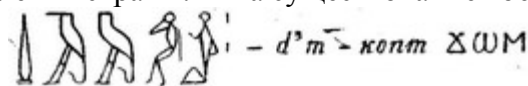
[85]

до 7 млн. чел. Однако, принимая во внимание, что по очень солидным вычислениям Белоха население греческого полуострова во 2-й половине V века до х. э. насчитывало не более 3-4 млн., а население всех греческих государств, расположенных во всем бассейне Средиземного моря достигало в ту же эпоху 7-8 млн. чел.,⁶⁾ следует думать, что цифра в 7 млн., предложенная Лескье, должна охватить собой население всего египетского государства, включая завоеванные области в эпоху расцвета Египта при фараонах 18-й династии.^{*)} Однако, проводя аналогию между населением Греции и Египта в древности, не следует забывать, что плотность населения в Египте была значительно выше, чем в Греции (100 чел. на 1 км²).⁷⁾

Исходя из данных относительно общей численности населения Египта, можно сделать попытку определения численности египетских войск в эпоху Среднего царства. Однако в данном случае нельзя основываться на тех пропорциях, которые были установлены современными военными историками, например, Дельбрюком, между общим народонаселением и военными силами Древней Греции и Древней Германии. Ведь Египет в эпоху Среднего царства не вел таких крупных, продолжительных, изнурительных войн, требовавших напряжения всех живых сил страны, как Греция в V веке до х. э. С другой стороны, египтянам не приходилось так упорно защищать свою территорию от врагов, как древним германцам, которые принуждены были бросать против наступающих римлян все свое мужское население. Поэтому соотношение [5000 воинов на 25 000 чел. в одном германском племени], которое Дельбрюк устанавливает для Древней Германии, совершенно неприменимо для Египта в эпоху Среднего царства. По подсчетам Г. Масперо, в эпоху наивысшего расцвета Египта при фараонах 18-й династии число новобранцев могло превышать 100 000, но фактически армия насчитывала от 10 до 30 тыс. воинов. Максимальное количество войск со всеми резервами, по мнению Масперо, могло достигать 130 000 чел., но фактически эта цифра никогда не была реализована. Масперо при этом указывает, что Магомет-Али в 1830—1840 гг. имел армию, состоящую из 120 000 солдат.⁸⁾ Эти указания Масперо довольно близки к истине. Конечно, численность египетских войск как в мирное, так и в военное время в эпоху Среднего царства следует еще несколько снизить. В эпоху 11-й династии большая торгово-военная экспедиция, отправленная в Пунт, состояла из военного отряда в 3000 чел., что в ту эпоху, очевидно, казалось довольно крупной военной силой. Незначительные на наш взгляд цифры египетских армий той эпохи не должны нас смущать, так как они вполне соответствуют масштабу войн того времени. Ведь не надо забывать, что даже в XVIII веке Али-Бей выступил с армией в 6310 чел. против Абу-Дахаба, войска которого насчитывали всего лишь 12 000 чел.⁹⁾ [85]

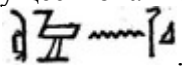
Развитие военной политики Египта в эпоху Среднего царства требовало соответствующей организации военного дела и в первую очередь учета населения. Некоторые кахунские папирусы, найденные в развалинах города, построенного Сенусертом II около его пирамиды у входа в Фаюм, дают нам представление о том, как производился этот учет. В

определенные годы глава каждой семьи должен был давать сведения о личном составе своей семьи и о принадлежащих ему людях. Его имя, снабженное последовательным номером, а также имена всех его родственников и рабов заносились в особые статистические списки. Глава семьи должен был подтверждать клятвой точность этих сведений, которые он сообщал особым чиновникам. Составленные таким образом статистические списки, некоторые из которых дошли до нашего времени, хранились в канцелярии везира в административном центре страны. Само собой разумеется, эти статистические сведения нужны были государственной власти не только для фискальных целей, но и для военных наборов. Эти статистические списки возобновлялись приблизительно каждые пятнадцать лет и давали возможность особым чиновникам устанавливать количество населения в стране и, что особенно важно, количество боеспособных и военнообязанных, если так можно выразиться, мужчин, которых можно было зачислить в войска. Судя по некоторым документам, в Египте в эту эпоху производились наборы среди людей, могущих носить оружие. Так, на одной памятной стэле 12-й династии сохранился текст, в котором описывается, как «первый царевич» в качестве «писца воинов» произвел воинский набор в Тинисском номе, в количестве одного воина от каждых ста мужчин. Следовательно, к несению военной службы привлекался 1% мужского населения страны.¹⁰⁾ На существование военных наборов

указывает специальный термин ¹¹⁾ который мы находим в надписях этой эпохи. Мы знаем, что эти «молодые поколения», или попросту молодые новобранцы, соединялись в отряды, которые должны были пополнять военные силы номов, находившиеся под начальством номарха. Если ном делился на две части, на западную и восточную, расположенные на двух берегах Нила, то и отряды новобранцев делились на отряды запада и востока, что ясно указывает на их территориальное происхождение. Во время военных походов номархи должны были во главе этих местных военных отрядов присоединяться к армии фараона. Из надписи номарха нома Газэли Амени мы знаем, что эти местные отряды насчитывали иногда от 400 до 600 чел. Этими отрядами пользовались иногда как конвойными войсками при организации экспедиций в соседние страны. В некоторых случаях, очевидно, когда разгоралась крупная война, военный набор производился по всей стране. Так, мы знаем, что Иниотеф, номарх Фиванской области, во время войны с гераклеопольскими царями набирал войска на обширной территории от [86] порогов до Фив.¹²⁾ Помимо этих новобранцев в состав египетской армии, начиная со времени Среднего царства, входили также и наемники, очевидно, на вербованные среди воинственных культурно отсталых племен Нубии. Мы знаем, что уже в эпоху Древнего царства нубийцы служили в египетских войсках.¹³⁾ Так как при фараонах 12-й династии значительные части Нубии были завоеваны египетскими фараонами и прочно присоединены к египетскому государству, нет ничего удивительного в том, что количество нубийцев в египетских войсках должно было увеличиться. Судя по некоторым изображениям, эти нубийцы служили в качестве «людей свиты» [т. е. личной военной охраны] номархов. Это были по большей части легко вооруженные стрелки.¹⁴⁾ Наконец, нубийцы из племен маджаев служили в отрядах египетской полиции.

На постепенное образование постоянной армии и особого слоя профессиональных воинов указывает существование в эту эпоху особой царской гвардии, состоящей из «спутников правителя»

Эта личная охрана царя, состоявшая из особенно преданных и близких царю воинов, постоянно окружала фараона. Из среды этих царских спутников царь выдвигал командиров на все ответственные командные должности, вплоть до самых высоких постов. Так постепенно формировалось кадровое, профессиональное и, конечно,

аристократическое офицерство. В одной интересной автобиографии некоего Себекху-Джаа, служившего в египетских войсках при фараоне 12-й династии Сенусерте III, описывается военная карьера такого царского «спутника». Двадцати четырех лет отроду Себекху начал свою службу в царских войсках в качестве «воина, находящегося позади и около царя во главе шести воинов»;¹⁵⁾ иными словами, Себекху, находясь в царской гвардии, занимал тогда должность младшего командира, командовавшего звеном из шести царских гвардейцев. Затем, рассказывает Себекху, он был назначен на более высокую должность «спутника правителя». Во время похода в Нубию Себекху уже командует отрядом в 60 чел. После нубийской кампании Себекху был назначен на высокую должность «начальника спутников», очевидно, начальника царской гвардии и, наконец, закончил свою карьеру, дослужившись до высокого поста «великого коменданта столицы».¹⁶⁾ Должность начальника спутников занимал при Аменемхете III некто Аменемхет, который одновременно с этим был также и «начальником войск». Судя по надписям, царь иногда поручал этим высоким военным командирам в мирное время особенно ответственные поручения, как, например, доставку камня из Хатнубских каменоломен. Наряду с офицерскими должностями, в надписях этого времени встречаются также и названия других командных должностей, как «начальник новобранцев», «начальник армии» или «военный начальник Среднего Египта».¹⁷⁾ Очевидно, в это время в связи с широко развертывавшейся военной политикой египетского [87] государства в Египте постепенно образуются кадры профессиональных военных командиров.

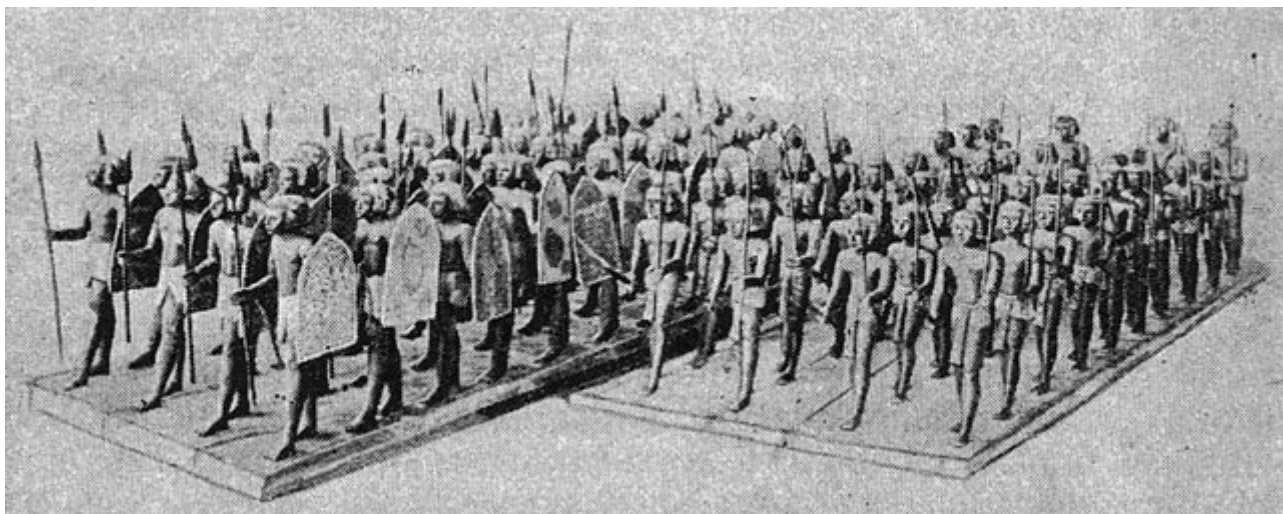

Рис. 13. Два отряда воинов, вооруженных копьями и луками. Деревянная модель из гробницы сиутского номарха Месехти. Среднее царство. 10-я династия. Каирский музей.

Военное дело все больше и больше приобретает организованный характер. Прежние ополчения, наспех собранные в момент военной тревоги по всей стране, постепенно заменяются специальными отрядами из новобранцев, которые регулярно набирались в номах и находились под командованием номарха и специальных военных командиров. Эти военные отряды представляют собой уже оформленные боевые соединения обученных воинов. На это ясно указывают модели [рис. 13] двух отрядов воинов, сохранившиеся в гробнице сиутского номарха Месехти, жившего во время 10-й династии. Первый отряд состоит из десяти шеренг египетских воинов по четыре воина в каждой. Воины вооружены высокими копьями с медными наконечниками и заостренными кверху щитами, обтянутыми кожей. Другой отряд состоит из нубийцев, построенных точно таким же образом, как и отряд египетских копейщиков. Нубийцы вооружены луками и стрелами с кремневыми наконечниками. Наличие и в том и в другом случае одинакового

построения, своего рода каре, состоящего из 10 шеренг воинов по четыре воина в каждой, указывает на особый тип построения, очевидно, существовавшего в эту эпоху.¹⁸⁾ Как видно по этой модели, а также по надписям, в эту эпоху существовали различные по размерам воинские подразделения, части и соединения — по 6, 40, 60, 100, 400, 600, 2000 и, наконец, даже 3000 воинов. Воины, входившие в эти постоянные и регулярные воинские части, должны были отрываться от своего хозяйства и с течением времени превращаться в профессиональных воинов. За выслугу определенного количества лет, как предполагает Баттискомб Генн, эти воины получали от государства особые земельные наделы, может быть из земельного фонда, захваченного у неприятеля в соседних завоеванных областях. [88]

Так, на одной стэле из Эдфу (Каирский музей, инв. № 52456), принадлежащей некоему Ха-анх-еф, читаем:

«Я приобрел 2 локтя^{*)} земли: Гормини владеет одним из них, в качестве своей собственности, а другой из них принадлежит мне. Я приобрел землю, один локоть земли, данный моим детям. Я был награжден [таким же образом] за 6 лет (военной службы)». ¹⁹⁾

Командиры за свою военную службу получали от царя различные награды: повышение по службе и, главным образом, материальные ценности — землю, скот, рабов и др. Но, наряду с этим, существовали и особые воинские награды, своего рода военный орден, называвшийся в ту эпоху «золото похвалы», может быть, имевший вид золотого ожерелья. Наконец, за особые заслуги царь награждал военных командиров особенно ценными и почетными подарками, как мы читаем в автобиографической надписи военного командира Себекху-Джаа из Абидоса:

«Я организовал арьергард. Я сгруппировал воинов, чтобы сразиться с азиатами. Тогда я захватил в плен одного азиата, а его оружие велел унести двум бойцам из войска, так как я не мог отвернуться от боя и лицо мое было обращено вперед и я не поворачивал моей спины азиатам.

Как жив Сенусерт, я говорю правду. И тогда он пожаловал мне жезл из электрума, дав мне его в руки, лук и кинжал, украшенный электрумом, вместе с его оружием». ²⁰⁾

В этой надписи очень четко выразилось представление о том, в чем заключалась воинская доблесть во время боя, за которую воин получал награду от царя. Судя по ней, воин должен был всегда смотреть вперед, его лицо должно было быть всегда обращено к линии боя. Обратиться в бегство или, как образно говорится в египетской надписи, повернуть свою спину врагу, считалось позором для всякого воина, а тем более для командира.

Надписи и изображения этого времени не дают нам возможности восстановить характерные черты военных действий. Однако наличие постоянного сухопутного войска и довольно значительного речного флота позволяло вести военные действия как на суше, так и на кораблях, а иногда даже применять комбинированные действия сухопутных частей и речного флота. О наличии военного флота говорит целый ряд надписей. Так, в надписи номарха газельега нома Хнумхотепа I описывается военный поход в Нубию, причем автор надписи говорит, что он:

«... отправился вниз по реке вместе с его величеством, чтобы ... на 20 кедровых кораблях ... Он изгнал его из двух стран. Нубийцы... и азиаты были повержены. Он схватил нижнюю страну, горные области в двух странах... с народом...». ²¹⁾

Поскольку Нил был главной торговой и стратегической магистралью, постольку экономический и военный перевес был всегда на [89] стороне того, кто мог опереться на мощный флот, господствовавший на Ниле. Поэтому понятно, что сиутский номарх Хети в своей надписи подчеркивает размеры своего речного флота, который растянулся на большое расстояние вдоль по реке.²²⁾ Яркую картину сухопутного боя между войсками, расположенными на обоих берегах Нила, и военных действий, предпринятых речным флотом с целью поддержать военные части, оперировавшие на суше, дает в своей надписи сиутский номарх Тефьеб, с гордостью описывающий свою победу над южанами. Особенно интересно, что в этой надписи подчеркивается маневренность кораблей, их умение использовать тот или иной ветер. Так, Тефьеб пишет: «Я не переставал сражаться до самого конца [пользуясь южным ветром], так же, как и северным ветром, восточным ветром так же, как и западным». Целью этой битвы было сокрушение живой силы противника. Поэтому его конечный разгром выразился в том, что его сухопутные войска обратились в бегство, а его корабли были уничтожены. Тефьеб в своей надписи сообщает об этом в следующих словах:

«Он упал в воду, его корабли пошли ко дну, его войско было подобно (стаду) быков... когда на него нападают дикие звери...».²³⁾ Так, в образной и яркой форме здесь описывается военный результат битвы, достигнутый благодаря заранее обдуманному и решительному применению тактики сокрушения.

Применение довольно крупных воинских соединений [до 10 000 воинов] и переброска их к границам государства, а также на театры военных действий, расположенные иногда на территории соседних стран, требовали проведения специальных стратегических дорог. Особенное значение имели дороги, соединявшие долину Нила с побережьем Красного моря, откуда открывался морской путь в богатые страны восточной Африки, в частности в страну Пунт, с которой в эту эпоху египтяне устанавливают оживленный торговый обмен, вывозя из Пунта целый ряд важных видов сырья. Так как торговые экспедиции, обычно сопровождавшиеся отрядами войск, часто принимали характер военных походов, то понятно, что эти дороги приобретали ярко выраженный стратегический характер. Одна из них проходила по руслу высохшего потока, получившего название Вади-Хаммамат. Эта дорога начиналась в долине Нила у Коптоса и шла через пустынную область вплоть до берега Красного моря, где в птолемеевскую эпоху находился порт Леукос-Лимен, а в настоящее время расположен порт Косейр. Вдоль дороги находились каменоломни, в которых египтяне добывали хорошие сорта камня. На скалах вдоль этой дороги сохранились интереснейшие надписи о том, как эксплуатировалась эта дорога и как по ней проходили экспедиции и военные отряды. Так, вельможа Аменемхет, шедший по этой дороге с отрядом из 10 000 чел., в своей надписи написал:

«Я превратил нагорную область в реку, верхние долины в водный путь... Никогда со времен бога не совершали такого пути в эту горную страну. Мои воины вернулись без потерь. Ни один человек не погиб, ни один осел не издох, ни один работник не пострадал».²⁴⁾ [90]

Как видно из этой надписи, путь был нелегким. Чтобы по нему могли регулярно идти экспедиции и военные отряды, необходимо было вдоль дороги вырыть колодцы, снабдить район водой, заселить его, превратить в культурный район и регулярно снабжать продуктами. О связанных с этим заботах пишет в своей надписи начальник войск в нагорных областях Саанх, живший в эпоху 11-й династии.

Другая дорога, шедшая из долины Нила к побережью Красного моря, проходила несколько севернее Вади-Хаммамата и достигала моря при выходе из современного Вади-

Гасуса. Найденные здесь надписи также указывают, что по этой дороге двигались египетские войска в эпоху Среднего царства. В частности, в одной из них говорится, что «начальник дворца Хент-хет-ур... благополучно вернулся из Пунта, причем воины его были с ним целы и невредимы и корабли его пристали к Сау».²⁵⁾

Судя по этой надписи, в конце дороги, на берегу Красного моря, находилась гавань, к которой приставали египетские корабли, приходившие из Пунта. Очевидно, по дороге шли торговые экспедиции и передвигались отряды войск.

По одной из этих дорог шла экспедиция, сопровождаемая отрядом из 3000 воинов, о которой пишет в своей надписи хранитель печати Хену. В данном случае основной заботой руководителя экспедиции было снабжение экспедиции водой и продуктами. В надписи подробно говорится, как во время пути было вырыто 20 колодцев и как экспедицию сопровождал большой обоз, везший воду, хлеб и сандалии. Таким образом, обслуживание этих важных экономических и военных дорог было трудным и громоздким делом, требовало больших забот, затрат и внимания со стороны государственной власти.²⁶⁾

Большое военное значение имела также дорога, шедшая из Абидоса к Великому оазису. По ней направлялись отряды воинов на западную ливийскую границу, например, отряд новобранцев, во главе которого стоял «поверенный царя» Икудиди, как мы читаем в его надписи, относящейся к 34-му году царствования фараона Сенусерта I.²⁷⁾

Но, конечно, особое, первостепенное экономическое и стратегическое значение имел Нил, тот великий водный путь, который соединял Египет с бассейном Средиземного моря и с внутренними областями восточной Африки, а также отдельные части Египта между собой. Широким венчиком Дельты, изрезанной густой сетью рукавов и каналов, открывался Нил в сторону Средиземного моря, связывая Египет с островами Эгейского моря и со странами, прилегающими к Средиземному морю. Речной и морской путь был здесь открыт, свободен и удобен. Значительно большие затруднения встречали египтяне во время своих плаваний вверх по течению Нила, где им преграждали путь многочисленные пороги. Еще в эпоху 6-й династии были сделаны попытки прорыть канал в районе первых порогов, чтобы дать возможность египетским кораблям обогнуть пороги, и беспрепятственно проникнуть вдоль по реке в богатые области [91] золотоносной Нубии.²⁸⁾ В эпоху Среднего царства, когда египетское правительство проводило последовательную политику завоевания Нубии и эксплуатации ее крупных естественных богатств, необходимо было обратить особое внимание на этот важный речной путь и сделать его вполне судоходным вплоть до областей Нубии. На эти заботы египетского правительства указывают две надписи, высеченные на скалах острова Сехель, в которых описывается сооружение канала и приведение его в порядок. Над первой надписью изображен фараон Сенусерт III, стоящий перед богиней Анукет. Текст надписи гласит:

«Он сделал это, как памятник для богини Анукет, владычицы Нубии [Та-Педет], соорудив для нее канал, имя которого «Прекрасны пути Ха-кау-Ра» [Сенусерт III], дабы он жил вечно».²⁹⁾

На восьмом году царствования Сенусерта III этот канал пришел в негодность; возможно, был засорен и поэтому требовал расчистки и ремонта. Об этих работах мы читаем во второй надписи, над которой изображен тот же самый фараон Сенусерт III, со всеми знаками царского достоинства, перед богиней «Сатет, владычицей Элефантины», которая стоя дает ему знак жизни. Надпись содержит следующие важные исторические сведения:

«8-й год царствования его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра [Сенусерта III], живущего вечно. Его величество приказал заново соорудить канал под названием «Прекрасны пути Ха-кау-Ра [живущего] вечно» в то время, как его величество проследовал вверх по реке, чтобы сокрушить презренную страну Куш. Длина этого канала 150 локтей, ширина — 20, глубина — 15».³⁰⁾

Указание на тесную связь работ по восстановлению канала с военным походом против страны Куш [Нубии] ясно подчеркивает военное значение канала, дававшего возможность быстро и беспрепятственно перебрасывать по реке большие военные силы, необходимые не только для дальнейшего завоевания нубийских областей, но и для поддержания порядка в этой стране. На довольно быструю переброску войск в Нубию указывает надпись на стэле Ха-анх-ефа, по которой автор надписи «храбрый воин» достиг «южной части Куша в 13 дней».³¹⁾ Конечно, это было возможно лишь при наличии канала, дававшего возможность кораблям обогнуть район порогов.

Наконец, последней важной дорогой, имевшей крупное не только экономическое, но и военное значение, был морской путь от побережья Красного моря к Синайскому полуострову, где находились богатые медные рудники, имевшие столь большое значение для всей египетской экономики. Этот морской путь на Синай давал египтянам возможность не только доставлять медь на кораблях в Египет, но и посылать морем на Синайский полуостров рабочую силу и войска, необходимые для охраны района медных рудников. Об использовании этого морского пути говорит надпись Хорнахта, обнаруженная в Вади-Магхара и относящаяся ко второму году царствования Аменемхета III. Надпись гласит: [92]

«Я пересек море, неся драгоценности по приказанию Гора, владыки дворца».³²⁾

Все эти дороги давали также возможность снабжать войска продовольствием. По сухопутным дорогам шли большие обозы, а по реке и по морю корабли, которые везли продукты войскам, шедшим впереди. Важность проблемы снабжения, имеющей столь крупное значение в военном деле, была осознана уже в ту эпоху египетскими военачальниками, как видно из целого ряда надписей. Так, начальник войск всей страны в этих горных областях [Хаммамата] Саанх писал: «Я был обеспечен бурдюками для воды, [корзинами] с хлебом, вином и всякой свежей зеленью, полученной с юга»,³³⁾ а в надписи Хену, руководившего крупной военно-торговой экспедицией, отправленной в Пунт в эпоху 11-й династии, мы даже найдем указания на те дневные рационы, которые выдавались войскам во время похода. Так, Хену пишет:

«Я пошел с войском в 3000 человек... для каждого было два сосуда воды и 20 хлебцев на каждый день. Ослы были нагружены сандалиями».³⁴⁾ Только наличие организованных коммуникаций давало возможность египетским чиновникам регулярно снабжать продовольствием войска, нередко продвигавшиеся по трудно доступным, пустынным и безлюдным районам.

Помимо численности и организации войск и военного дела, крупным фактором, влияющим на боеспособность армии, является ее техническая оснащенность. Разумеется, уровень военной техники всецело определяется общим развитием техники данной эпохи. Принимая во внимание очень низкий уровень развития техники в Египте в эпоху Среднего царства, который характеризуется еще довольно значительным применением камня и очень медленным распространением металла, приходится признать, что и военная техника в эту эпоху была очень примитивной.

Наиболее распространенными видами наступательного оружия египтян Среднего царства были палка, боевой топор, кинжал, копье, лук и стрелы, бумеранг и праща. Пожалуй, самым первобытным видом оружия является палка, конец которой иногда заострен, иногда снабжен металлическим наконечником, а иногда загнут с целью нанесения рваных ран. Это древнее примитивное оружие первобытного человека сохранилось в Древнем Египте в качестве вооружения полиции и царской гвардии. В несколько усложненной форме булавы этот древний вид оружия сохранился в религиозном ритуале и в связанных с ним торжественных церемониях. На многочисленных сценах триумфа, которые, весьма возможно, отражают реально существовавший обряд, царь обычно изображается с булавой в руке, которую он заносит над головой поверженного врага.³⁵⁾

Значительно большее боевое значение и поэтому значительно большее распространение имел боевой топор, или секира, возникшая, как и палка, из примитивной формы древнего орудия, постепенно превратившегося в оружие. Клинки египетских боевых топоров времени Среднего царства отличаются большим разнообразием своих [93] форм. Особенно прочно и долго сохранялась древняя форма плоского клиновидного клинка. Наряду с ней специфически египетской является плоская сегментообразная форма, которая встречается в целом ряде вариантов. Выгиб дуги этого клинка более или менее крут, а средняя его часть бывает иногда прямой.³⁶⁾ Очень редко встречается преобладающий в Вавилонии тип клинка с прямым лезвием и с остро загибающимися боковыми краями.³⁷⁾ Сегментовидный клинок прикреплялся к ручке ремнями или проволокой и очень редко гвоздями. Ремни пропускались через отверстия, просверленные в ручке, и шли кругообразно или спирально вокруг ручки, на концах наматывались и завязывались узлом. Ремни затягивались в сыром виде. Когда они засыхали, они затягивались еще плотнее. Иногда клинок выдавался на 1/3 своей длины над ручкой, что превращало топор не только в ударное, но и в колющее оружие и усиливало его боевое значение. В некоторых случаях выступающему концу придавали форму обоюдоострого остроконечника. Иногда клинкам придавали дугообразную форму, так что их прикрепляли к ручке лишь у концов и в середине. Этот вид клинка уменьшал риск раскалывания деревянной ручки в момент прикрепления клинка к ручке. В эпоху Среднего царства эта форма клинка особенно часто применялась. Иногда клинок прикреплялся к ручке только в средней части, так что концы клинка выступали вперед свободно, несколько напоминая аллебарду. В конце Среднего царства сегментообразный тип клинка заменяется более эффективным в боевом отношении дуговидным, дававшим возможность наносить более глубокие раны. Среди вариантов этой формы следует отметить клинок полуэллиптический или полукруглый. Этот тип топора применялся в качестве орудия с эпохи архаики, и поэтому нередко бывает очень трудно отличить бытовые топоры такой формы от боевых. Клинки такой формы обычно привязывались к ручке ремнем, который пропусклся через просверленные в клинке отверстия и закреплялся на выступающих задних углах клинка. Иногда дыр не было, и ремень держался лишь на этих выступах, идя спирально вдоль ручки. Такие полукруглые клинки боевых топоров встречаются только в эпоху Среднего царства. Наряду с ними, в эпоху Среднего царства появляется новая форма продолговатого клинка, которая получает широкое распространение лишь в последующий период Нового царства. Боевой топор с металлическим клинком, медным или бронзовым, получив в Египте очень широкое применение, стал одним из важнейших видов оружия в рукопашном бою. Разнообразие форм клинка указывает на поиски наиболее эффективной формы, которая могла бы дать воину перевес в бою. В этом сказывается своеобразный прогресс военной техники, особенно заметный в эпоху расширения военной политики египетского государства.³⁸⁾ Однако отсутствие проушных топоров указывает на медленность развития техники и форм оружия.

Наряду с боевым топором на египетских изображениях иногда встречается комбинированная форма булавы и топора. Это соединение давало возможность усилить удар, но в то же время представляло [94] большие трудности при прикреплении клинка к булаве. Так как такой комбинированный вид булавы-топора никогда не встречается при изображениях боя или воинов, а лишь в религиозной сцене царского триумфа, то можно думать, что это оружие не имело практического значения. Весьма возможно, что такого оружия вообще не существовало, и египетский художник лишь несколько модернизировал древний канон сцены триумфа, добавив к древней булаве более современный клинок боевого топора.³⁹⁾

Одновременно с боевым топором в рукопашном бою применялся и кинжал, который является не чем иным, как видоизменением бытового ножа. В эпоху Среднего царства египтяне пользовались кинжалами с клинками различной формы, среди которых можно отметить следующие: 1) треугольный, обоюдоострый с острым концом,⁴⁰⁾ 2) клинок со слегка закругленным концом,⁴¹⁾ 3) клинок со слегка закругленными боковыми сторонами,⁴²⁾ 4) расширяющийся дважды, наверху и внизу,⁴³⁾ форма, может быть, появившаяся под нубийским влиянием.

Эти клинки в эпоху Среднего царства делались из металла, главным образом из бронзы. Для придания большей прочности всему кинжалу в целом клинок и ручку иногда делали из одного куска.

Некоторое значение имела также и форма ручки кинжала, так как от нее зависело удобство пользования кинжалом во время боя и тем самым эффективность его действия. Среди различных форм кинжальных ручек времени Среднего царства отметим следующие: 1) круглая или эллиптическая; 2) ручка, нижняя часть которой оканчивалась ободком, охватывавшим клинок; 3) суживающаяся книзу; 4) ручка, плоская часть которой имеет форму сегмента или полумесяца; 5) сложная ручка, состоящая из дискообразного навершия из кости или рога и собственно ручки из металла. Эта металлическая ручка соединяла клинок с навершием, находя на них удлиненными языками. В дискообразном навершии иногда имеются с двух сторон два эллиптических отверстия для продевания ремня. Эти ручки очень удобны. Дискообразная форма навершия, возникшая из круглого навершия, получила особенно широкое распространение в эпоху Среднего царства.⁴⁴⁾

Наконец, последним видом оружия, применявшегося в рукопашном бою, является копье, известное египтянам с древнейших времен. В эпоху Среднего царства заостренный конец копья снабжается металлическим наконечником, значительно усиливающим прочность и ударную силу копья. Металлический наконечник обычно имел форму полый трубки, в которую вставлялся заостренный конец копья. Эта трубка, постепенно уменьшаясь, проходила через весь наконечник. С двух сторон к ней примыкали полуэллипсоидные плоскости, которые имели своей целью расширить рану, произведенную ударом копья. Нижний конец копья иногда также снабжался металлическим острым наконечником для втыкания копья в землю. Это копье применялось с различными целями и в зависимости от этого имело различные размеры. Чаще всего копье применялось в качестве ударного оружия в ближнем бою, и тогда его размеры превышали рост человека. Иногда копьем [95] пользовались, как метательным оружием, своего рода дротиком, и в таком случае применялись копья значительно меньшего размера, ниже человеческого роста. Существовали также копья комбинированного типа, которыми можно было пользоваться как в ближнем, так и в дальнем бою. Эти копья обычно делались в рост человека. Наконец, применялись и особенно длинные копья, громадные шести, которые держали два человека и которыми пользовались для разрушения стен крепости.⁴⁵⁾ Таким образом, и в данном случае мы наблюдаем большое разнообразие форм основного оружия, что

указывает не только на стремление усилить до предела его боевую эффективность, но и использовать его для различных целей, учитывая при этом самые разнообразные боевые моменты и положения.

Помимо метательного копья основными видами дальнобойного оружия этой эпохи были бумеранг, праща и лук. Бумеранг является одним из древнейших видов метательного дальнобойного оружия, представляя собой выгнутый кусок дерева, который с большой силой бросался в воздух. Среди египетских бумерангов можно выделить несколько основных типов. Отметим бумеранги: 1) круглый [наиболее древний тип]; 2) широкий, плоский, с острыми краями; эта форма способствовала лучшему разрезанию воздуха и дальности полета, а острые края причиняли глубокие порезы; 3) бумеранг S-образной формы.

Верхнему концу бумеранга придавали различную форму. В некоторых случаях он был плоским, имея вид лезвия, что давало возможность соединить в бумеранге свойства ударного и режущего оружия. В других случаях верхнему концу бумеранга придавали утолщенную форму, что усиливало ударную силу бумеранга. Для той же цели служил и выступающий язык, которым иногда снабжалась нижняя часть бумеранга. Являясь пережиточной формой очень древнего вида оружия, бумеранг в эпоху Среднего царства встречается, главным образом, в руках азиатов и нубийцев, которые, весьма возможно, входили в состав вспомогательных войск египетской армии. В частности, бумерангами вооружены те азиаты из племени аму, которые изображены на стенах бенихассанской гробницы Хнумхотепа в составе посольства, привезшего дары египетскому вельможе.⁴⁶⁾ По вычислениям некоторых исследователей, различные виды метательного оружия древних египтян, как например, метательное копье и бумеранг, обладают дальностью полета в 150-180 м, причем точность попадания, начиная с расстояния в 30 м, сильно снижается.⁴⁷⁾ Таким образом, египетские войска могли начинать дальний бой лишь на расстоянии 180 м от противника. Незначительность этого расстояния, конечно, не давала возможности вести в течение продолжительного времени этот дальний бой и вынуждала войска, сближая свои ряды, переходить к рукопашному бою, который в конечном счете и решал исход всей битвы.

Не менее примитивным и древним видом метательного оружия была праща, которая делалась из кожи или плетеного папируса и служила для метания камней. Особенно часто праща применялась при осаде [96] крепостей как осажденными, так и осаждающими. В эпоху Среднего царства пращой пользовались, главным образом, ливийские наемники, входившие в состав египетского войска, однако, праща сохраняет пережиточно свое значение также и в качестве оружия египетских воинов, на что, между прочим, указывают изображения пращи на стенках египетских саркофагов этой эпохи.⁴⁸⁾

Значительно большее боевое значение и широкое распространение имел лук, известный египтянам с древнейших времен. Благодаря целому ряду изображений и даже подлинным сохранившимся лукам, которые, по обычаю того времени, клали в гробницу вместе с телом умершего, мы можем установить важнейшие виды луков, применявшиеся египтянами в эпоху Среднего царства. Среди них отметим следующие :

1. Лук, вогнутый внутрь в сторону стрелка. Обычно он представлял собой круглую палку, концы которой постепенно утончались. В ненапрянутом состоянии лук представляет собой почти вертикальную палку, и лишь концы его были несколько загнуты.
2. Лук, вдавленный в средней части и выгнутый у концов (сложный лук).

Для того чтобы тетива не соскальзывала с гладких концов лука, их обматывали и оклеивали лентами папируса. Иногда для той же самой цели концы лука выгибались или снабжались зубьями. Для того чтобы концы лука не обламывались, их покрывали металлическими наконечниками. Длина этих луков обычно колебалась от 140 до 180 см.⁴⁹⁾ Для большей прочности лук целиком обматывали, а иногда даже укрепляли особым куском дерева, который плотно прибинтовывался к самому луку. Так постепенно появился новый вид обмотанного и укрепленного лука, который был значительно массивнее простого и поэтому мог сообщать большую дальность полету стрелы. На некоторых изображениях мы видим эти огромные укрепленные луки, которые с большим напряжением при помощи ноги и руки натягивает египетский воин. Художник тщательно отмечает черным добавочное крепление лука. Этот новый тип укрепленного лука появляется только в эпоху Среднего царства и применяется наряду с простым луком. Можно думать, что форма этого укрепленного лука была заимствована египтянами у народов Передней Азии.⁵⁰⁾ Дальнобойность египетского лука приблизительно равнялась 150-180 м, причем точность попадания, начиная с 30 м, резко снижается.⁵¹⁾ Таким образом, дальнобойность лука приблизительно равнялась дальнобойности метательного копья и бумеранга. Однако лук обладал тем преимуществом, что стрелок имел возможность сделать несколько выстрелов подряд, в зависимости от количества стрел, которым он располагал. Поэтому для усиления боеспособности стрелка его необходимо было снабдить как можно большим количеством стрел. В связи с этим вставала новая задача регулярного снабжения войска стрелами, которые выделывались так же, как и луки, в особых мастерских.

Тетиву лука обычно делали из навощенного льняного жгута или из какой-либо органической массы, в частности из жил, для того чтобы [97] обеспечить главное свойство тетивы, ее эластичность. Наиболее обычным был следующий способ натягивания тетивы. Углубление ладони обращали несколько вверх, стрелу зажимали между указательным и средним пальцами, безымянный и маленький пальцы обхватывали лук, а большой палец вытягивали вверх. Лук обычно держали вертикально, причем стрела находилась на уровне груди, плеча или даже подбородка. Стреляли чаще всего стоя, иногда преклонив одно колено. Для защиты левой руки, державшей лук, от удара тетивы, на нее надевали рукав из роговых колец или кожи.⁵²⁾

Боевая эффективность лука в значительной степени зависела от свойств стрелы, которая является, в сущности, легким метательным копьем, приводимым в движение при помощи лука. Дальность полета стрелы в первую очередь обуславливалась легкостью материала, из которого делалась стрела. Поэтому стрелы чаще всего делались из легкого камыша, а иногда из легкого и мягкого дерева. Но стрела должна была обладать не только дальностью полета, но и силой удара. Поэтому более крепкая ударная часть стрелы делалась из более твердого дерева, кости, камня или металла. Эта твердая ударная часть в виде особого наконечника надевалась на конец стрелы, но так как при надевании наконечника можно было легко повредить стрелу, то стали сперва на конец стрелы надевать деревянный наконечник, а уже на него насаживать более прочную ударную часть. Древнейшие виды деревянных и костяных наконечников имеют шилообразную форму. Затем появляется удлиненно коническая форма, в поперечнике круглая, иногда квадратная, прямоугольная или призматическая с острыми краями, которые порой снабжены плоскими режущими поверхностями, имеющими своей целью расширить рану. С течением времени начинают применяться длинные, расширяющиеся книзу наконечники, наносившие глубокие и в то же время широкие раны. Эти наконечники принимают форму продолговатого листа или ромба. Кроме того, они снабжаются острым шипом или крючком, который затруднял извлечение стрелы из раны. Нижняя часть стрелы обычно снабжалась углублением для тетивы, которое делалось под сочленением

камыша для того, чтобы предотвратить дальнейшее расщепление стрелы, причем примыкающая к этому сочленению часть стрелы укреплялась, кроме того, особой обмоткой. Иногда углубление для тетивы делалось в особой деревянной части, вставленной в нижнее отверстие стрелы. Для правильного регулирования полета стрелы и чтобы стрела не переворачивалась в воздухе, ее нижняя часть снабжалась оперением. Длина египетской стрелы — от 55 до 100 см. Для хранения стрел в эпоху Среднего царства применялись особые колчаны в форме длинного деревянного ящика или широкой низкой корзины. Наряду с ними встречаются и настоящие колчаны, снабженные ремнем, которые можно было вешать на спину. Эти колчаны с запасом стрел обычно несли слуги: оруженосцы, сопровождавшие в поход богатого и знатного вельможу. Для хранения луков пользовались фуглярами в форме широких ящиков с косо поставленной крышкой. Разумеется, египтяне должны были заботиться о сохранении луков, которые были ценным видом оружия.⁵³⁾ [98]

Основным видом защитного оружия древних египтян в эпоху Среднего царства был щит, который заменял им шлем, панцырь и поножи. Поэтому египетский щит этой эпохи должен был закрывать по возможности большую часть тела и обладать большой маневренностью. Так как щитом приходилось пользоваться как в дальнем, так и в ближнем бою и защищать им тело от дротиков, стрел, копья, топора и кинжала, то щит должен был быть прочным и в то же время легким. Наиболее распространенной в эту эпоху была трапецеобразная форма щита с закругленной или заостренной верхней частью.⁵⁴⁾ Очевидно, эта форма себя особенно оправдала в бою и более всего способствовала защите тела. Египетский щит этого времени обычно обивался мехом, причем по краю прибивался гвоздями к деревянной раме. Позднее эта рама превратилась в сплошную доску. Ручка для держания щита была приделана к деревянному бруску, прикрепленному к внутренней части щита. Иногда внутри щита находился и ремень для подвешивания щита. Обычно щит достигал в высоту половины человеческого роста. Однако, наряду с этими щитами, применялись громадные закругленные щиты, которые давали возможность целиком закрывать все тело. Эти щиты обыкновенно несли за знатным воином особые оруженосцы.⁵⁴

Таковы основные виды наступательного и защитного оружия египтян в эпоху Среднего царства. Их разнообразие и разнообразие их форм указывают на стремление найти наиболее выгодную форму, которая обеспечивала бы максимальные боевые качества данного вида оружия.

Существование различных видов оружия обусловило формирование различных воинских частей, отличающихся друг от друга своим вооружением и игравших в зависимости от этого различную роль в боевых действиях. Довольно значительное место в египетских войсках должны были занимать лучники, осыпавшие врага издали градом стрел. Максимальная подвижность и маневренность этих отрядов лучников, главным делом которых была стрельба из лука, достигалась тем, что воины были вооружены одними лишь луками и стрелами. Некоторое представление о таком отряде лучников можно получить по модели воинов из гробницы Месехти в Сиуте. 40 лучников, вооруженных большими луками и стрелами, построены здесь в десять шеренг по четыре воина в каждой.⁵⁵⁾

В ближнем рукопашном бою главную роль играли отряды воинов, вооруженные боевыми топорами и копьями, причем мы видим здесь также некоторую специализацию. Встречаются воины, вооруженные только топорами, и воины, единственным оружием которых является копье. Эта специализация, очевидно, повышала боевые качества воина, так как давала ему возможность в максимальной степени использовать боевые качества

того оружия, которым он был вооружен и к применению которого он привык. Как воины, вооруженные боевыми секирами, так и воины, вооруженные копьями, держали обычно в левой руке щит среднего размера, заостренный кверху и обтянутый мехом. Типичный отряд таких копейщиков [рис. 14] изображен в описанной выше сиутской модели. Мы видим здесь 40 воинов, построенных [99] в 10 шеренг по 4 воина в каждой. Наряду с этими легко вооруженными копейщиками, в египетских войсках были также и тяжело вооруженные копейщики, защищенные огромными щитами, которые им давали возможность одновременно закрывать все тело.⁵⁶⁾

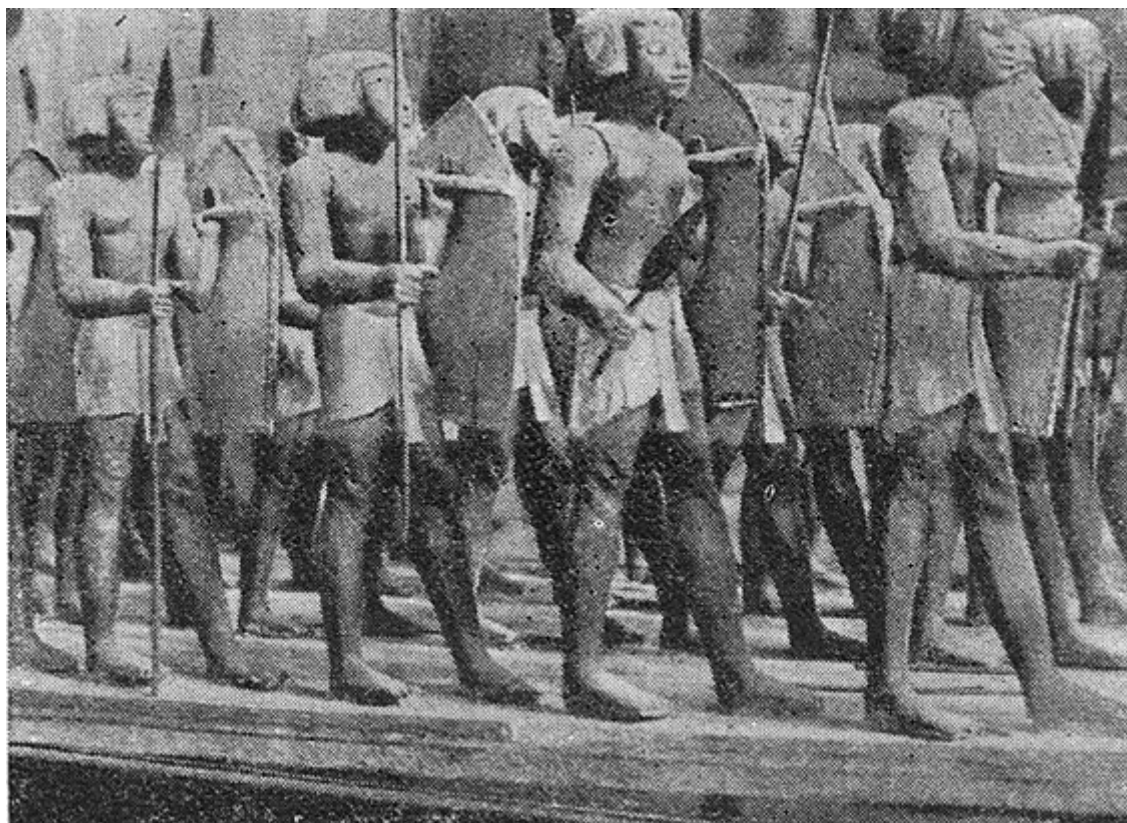

Рис. 14. Египетские воины, вооруженные копьями и щитами. Деревянная модель из гробницы сиутского номарха Месехти. Среднее царство. 10-я династия. Каирский музей. Деталь.

О богатстве и разнообразии вооружения знатного аристократа можно получить представление по изображениям, которые сохранились на стенах гробниц Среднего царства. Так, оружие номарха Заячьего нома Тотхотепа несут шесть человек. Эти оруженосцы держат в руках огромный щит, покрывающий все тело, большой лук, колчан, длинное копье и секиру, короткое копье и вторую секиру.⁵⁷⁾ Оруженосцы князя Нехери несут вслед за ним длинное копье, превышающее рост человека, боевой топор и большой щит, покрывающий все тело от лба до колен.⁵⁸⁾ Наконец, в ряды египетских войск входили также и отряды наемников-азиатов, вооруженные своим собственным оружием. Так, типичным оружием бедуинов аму является лук, копье и бумеранг,⁵⁹⁾ в руках других азиатов мы видим бумеранг, боевой топор и копье.⁶⁰⁾ Трудно восстановить на основании сохранившихся надписей и изображений картину египетского полевого боя этого времени. Очевидно бой начинали лучники и метатели дротиков, осыпавшие еще издали ряды неприятеля стрелами и метательными копьями. Потом ряды врагов сближались, и начинался рукопашный бой, который распадался на отдельные стычки между воинами. Таким образом, битва состояла как бы из множества единоборств, в которых побеждали наиболее сильные, тренированные и хорошо вооруженные воины. Прекрасное [100]

описание такого единоборства сохранилось в интереснейшем рассказе этого времени, получившем название «Рассказа Синухета»:

«Пришел сильный муж страны Ретену. Он вызвал меня из моего шатра. Это был выдающийся борец — не было такого другого — он одолел всю страну. Он вызвался бороться со мною и был уверен, что ограбит меня — его намерением было угнать мой скот, следуя совету своего племени... Ночью я натянул лук, выпустил [несколько] стрел, извлек кинжал, вычистил мое оружие.

Когда рассвело, [вся] страна Ретену явилась и стала побуждать свои племена; она собрала соседние с нею области, ибо она затеяла эту битву. Когда тот прибыл ко мне, когда я стоял, я стал против него... Его щит, боевой топор и пучок дротиков (?) упал после того, как я выманил его оружие и дал его стрелам миновать меня. Когда их больше не стало, и один пошел на другого, он кинулся на меня; я пронзил его — мой дротик засел в его шее. Он упал на нос, я поверг его его собственным топором. Я испустил победный крик на его спине. Все азиаты воскликнули. Я воздал благодарение Монту, а домочадцы его оплакали его».⁶¹⁾

Как видно из этого описания, личные боевые качества воина играли громадную роль в исходе битвы того времени.

Необходимость укрепления границ и создания опорных пунктов для действия войск вызвала уже в глубокой древности развитие крепостного строительства.⁶²⁾ В эпоху Среднего царства в связи с расширением военной политики египетского государства крепостное строительство получает дальнейший толчок к своему развитию. Как внутри страны, так и на границах строится ряд крепостей и укрепленных линий, которые должны были служить базами для развертывания военных операций египетской армии. Надписи и развалины крепостей этого времени дают некоторое представление о способах их постройки и об их отличительных чертах.

Наиболее простым видом укрепления является простая длинная стена, ограничивающая какой-либо район и снабженная у своих концов фортами, например, стена, которая тянется от Шеллала до Ассуана у 1-го порога, или стена, идущая от северного форта Семнэ до южного тет-де-пона Уронарти или «стена князя», расположенная у Суэцкого перешейка. Самой экономной формой постройки является круглая, однако, необходимость сооружения фланкирующих башен, которые позволяли бы защитникам крепости обстреливать сверху врага, наступающего на крепость, вызвала к жизни появление крепостей прямоугольной формы, которые обычно сооружались в равнинных районах. Таковы крепости в Эль-Кабе, Кубане, южной части Семнэ и т. д.

Формы горных крепостей должны были соответствовать форме строительной площадки. Поэтому горные крепости обычно имеют неправильную форму, причем выступы горы укреплялись особыми выступами стены. Таковы крепости в Шалфаке, в Уронарти и в Куммэ. Промежуточное место занимают крепости, построенные на равнине у края горной цепи. Таковы, например, крепости в Миргиссэ и в Семнэ, [101] которые со стороны долины имеют равнинный характер, а со стороны прибрежных гор — горный характер.

Материалом для постройки крепостей обычно служил непрочный кирпич из нильского ила. Непрочность строительного материала оказала влияние на форму стен, которые во избежание обвалов должны были в своей нижней части быть значительно шире, чем в верхней. Эта своеобразная покатая форма стен предохраняла стены от отслаивания части их поверхности. Наконец, она в сильной степени затрудняла осаждающим штурм

крепостных стен. Высота крепостных стен обычно достигала 10-12 м. Толщина стен в большинстве случаев зависела от их высоты. Обычно толщина нижней части стен колебалась от 4 до 6 м, в Эль-Кабе несколько больше. Иногда стены для большей прочности обмазывались гипсовой известкой, а между кирпичами прокладывались цыновки и деревянные балки. Во избежание обвалов при проломе стены слоям кирпича придавали волнообразную форму (как, например, в Эль-Кабе). Наиболее уязвимой частью стены была ее нижняя часть, которая больше всего подвергалась натиску осаждающих, стремившихся ее разбить в первую очередь. Поэтому принимался ряд мер для укрепления нижней части стены. С этой целью крепости часто строились на скалистых площадках, кроме того, нижнюю часть стен укрепляли особой покатою облицовкой из кирпича или камня. Такая облицовка из кирпича сохранилась в Иллахуне и в Уронарти, а из камня в длинном выступе стены — в Уронарти. Если перед стеной был ров, призванный затруднить подступы к крепости, то подножие стены было одновременно и скатом рва, т. е. эскарпом, например, в Миргиссэ и в Кубане. Облицованное подножие стены часто выступало на 2,5-8 м, от основной стены, что образовывало проход вокруг стены, как мы видим в Куммэ, Семнэ и Серре. На восточной стороне крепости в Семнэ и на южной стороне крепости в Шалфаке наличие скалы делало ненужным особое укрепление подножия стен. Однако и здесь искусственно сделан проход вокруг стен, очевидно, предназначавшийся для передвижения войск. Верхняя часть стены была настолько широка, что на ней могли расположиться отряды воинов, обстреливавшие осаждающие войска. Для защиты стрелков, стоявших на стене, служили особые зубцы, достигавшие в высоту роста человека. Прячась за этими зубцами, защитники крепости осыпали осаждавших градом стрел и камней. Кроме того, под зубцами были сделаны отверстия для сбрасывания камней, как мы видим на первых воротах храма в Дебод.

Громадное оборонительное значение имели бастионы, которые начинают широко применяться в крепостном строительстве в эпоху Среднего царства. Основное боевое значение бастионов заключается в том, что они давали возможность с их верхней площадки обстреливать с двух флангов воинов, штурмовавших или осаждавших крепость. Именно поэтому максимальное расстояние между бастионами не должно было превышать расстояния, равного двойному полету стрелы. В крепости в Сесеби бастионы поставлены на расстоянии 15 м друг от друга, а в Уронарти на расстоянии 85 м. Эти бастионы, обычно имевшие [102] прямоугольную форму, находятся либо непосредственно возле стены, либо на выдвинутых вперед выступах, которые давали возможность на довольно значительном расстоянии обстреливать с флангов наступавшего противника. Так, в Семнэ бастионы выступают на 17 м от стены. Иногда эти выступы имеют форму буквы Т. Очевидно, эта форма им придавалась для того, чтобы поместить на их передней части максимальное количество воинов. Особенно часто эти выступы сооружались на углах стен, с целью защитить эти части стены. Так, в Шалфаке и в Серре углы стен снабжены одним выступом, в Семнэ и в Дабе на углах сооружено по два выступа, которые как бы являются своеобразными продолжениями стен, а в Сесеби выступы несколько отодвинуты от углов, что давало возможность обстреливать врага, атаковавшего углы крепости. Бастионы применялись, главным образом, при сооружении равнинных крепостей, а в горных только там, где одна стена расположена на пологом краю. В горных крепостях выступы скалы покрывались длинными выступами стен, которые являлись уже самостоятельными укреплениями, как, например, в Уронарти. Внутри крепости вдоль стены шел проход, служивший для подъема на стену, который иногда был защищен маленькой стеной, как, например, в Миргиссэ, Семнэ, Уронарти и в Шалфаке. В некоторых случаях были и особые входы на стену; так, в Шалфаке у южной стены длинная лестница вела на стену. В Эль-Кабе в верхней части стены имеется дверь с деревянным выступом, который, возможно, был особым приспособлением для передвижной лестницы. Одновременно с этим в Эль-Кабе были широкие входы, которые вели на стену.

Большое оборонительное значение имела техника сооружения крепостных ворот, которые целиком сохранились только в северной стене в Эль-Кабе. Обычно ворота, которые были наиболее уязвимым местом крепости, защищались двумя выступающими башнями, как, например, в Уронарти, а иногда двумя длинными выступами, как, например, восточные ворота в Кубане, ворота в Шалфаке и северные ворота в Миргиссэ. Эти выступы давали возможность на большом расстоянии защищать подступы к воротам. Если около ворот сооружался только один выступ, он помещался с той стороны, с которой нападающие воины не были защищены щитами и откуда их с максимальной эффективностью могли обстреливать защитники крепости. Позади ворот обычно устраивался маленький дворик, который имел особое оборонительное значение, являясь своего рода ловушкой для врага. Воины, прорвавшиеся через ворота, попадали в этот дворик, где их с удобством могли всегда обстреливать защитники крепости, находящиеся на стенах. Особенно в угловых воротах устраивались такие дворики, снабженные сложными выходами. Эти дворики были самой настоящей западней для воинов, попавших в них.

Помимо главных ворот, в стенах иногда сооружались и дополнительные маленькие ворота, предназначенные для вылазок, для доставки воды и для других целей. В крепостях в Миргиссэ, в Шалфаке, в Куммэ и в Семнэ сохранились лестницы, по которым защитники крепости спускались за водой. Проблема воды имела громадное значение [103] при постройке крепости. Поэтому крепости, отдаленные от реки, должны были иметь внутри стен особый колодец.

Помимо стен, крепость защищалась особым рвом. Края этого рва должны были быть водонепроницаемыми, так же как и подножие стен. Откосы рва укреплялись кирпичом или камнем [грубым камнем в Семнэ или выровненными плитами, как в Кубане]. Иногда ров высекался в скале и защищался от песка особой стеной [Вади-Хальфа]. Ширина рва зависела от дальнобойности оружия того времени, глубина рва достигала роста человека. Земля, вынутая при сооружении рва, образовывала вал (гласис), покатым снаружи и отвесным изнутри, который иногда облицовывался камнем.

Таковы были отличительные черты египетских крепостей времени Среднего царства, для защиты которых применялись все возможности тогдашнего строительного дела. Их местоположение и форма указывают на их несомненное стратегическое значение и на то, что строители принимали все меры, чтобы поставить защитников крепости в наиболее выгодное положение и дать им возможность с максимальной эффективностью защищать крепость как при осаде, так и при штурме.^[63]

Надписи и сохранившиеся до настоящего времени развалины позволяют восстановить внешние формы целого ряда крепостей, построенных в различных пунктах Египта как внутри страны, так и на ее границах. Уже в смутную эпоху междоусобной борьбы между гераклеопольскими и фиванскими правителями в Египте начинается крепостное строительство. Крепости, строящиеся в эту эпоху внутри страны, очевидно, являются военными базами, на которые опираются вооруженные силы номов, группирующихся вокруг Гераклеополя и Сиута. Так, в надписи сиутского номарха Тефьеба, повествующего о его борьбе с южными номами, говорится о постройке крепостей в Среднем Египте.^[64] Одновременно крепостные укрепления строятся и вокруг главного города южного Египта, Фив, занимающего выгодное стратегическое и экономическое положение в центре скрещения торговых путей, шедших из южного Египта в Нубию, к Красному морю и в западные оазисы. Так, очевидно, еще в эпоху 9-10-й династий южная часть Фив, центром которой был храм бога Менту, была обнесена стеной, образующей неправильный четырехугольник, одна сторона которого равняется 250 м, а три других — 200 м каждая. Толщина этих стен равнялась приблизительно 8,5 м.^[65] В эпоху 11-й династии были

сооружены стены, защищавшие северную часть Фив, где находился храм Амона. Стены, идущие вдоль оси храма, тянутся в длину на 475 м, а стены, идущие перпендикулярно, имеют в длину 500 м. Внутри этого укрепленного района вели два входа: один, расположенный на восточной стороне шириной в 6 м и другой, находившийся на северной стороне и имеющий в ширину 2,5 м. Судя по каменным косякам проходов, толщина этих стен достигала 12 м. Таким образом, важнейший город Египта представлял собой уже в эту эпоху довольно значительный укрепленный пункт.⁶⁶⁾

Крепостью являлась также столица Аменемхета I, находившаяся к юго-западу от Мемфиса, около нынешнего Лишта, на что ясно [104] указывает ее название Иттауи («Владение двумя странами»). Особенно характерно, что иероглифическое начертание названия этого города обычно вписывалось в видеogramму крепости, т. е. квадрат зубчатой крепостной стены. Очевидно, этот город, занимавший выгодное положение в стратегическом и экономическом отношении, находясь на стыке между долиной и дельтой, был важнейшим военным пунктом, который обеспечивал Аменемхету I господство над всем объединенным Египтом, главным образом над недавно покоренным севером,

В эпоху образования объединенного государства и развертывания довольно значительной военной политики гораздо большее военное значение приобретают крепости, построенные на границах государства, главным образом, на северо-западной и на южной, соответственно основным направлениям египетской военной экспансии. На существование этих крепостей указывают как надписи, так и сохранившиеся развалины. Так, в известном «Рассказе Синухета» говорится об укреплениях, воздвигнутых на северо-западных границах Египта, где-то в районе восточной оконечности Вади-Тумилата. Описывая свое бегство из Египта, Синухет говорит: «Я пошел на север и прибыл к «Стене князя», выстроенной для отпора азиатам, для поражения проходящих по пескам. Здесь я согнулся в кустах, чтобы меня не заметили часовые на стенах».⁶⁷⁾ В «Пророчестве Неферреху» сооружение этой стены приписывается некоему фараону Амени, возможно Аменемхету I в следующих словах:

«Построят «Стену князя», дабы не дать азиатам (снова) вторгнуться в Египет».⁶⁸⁾ Таким образом, эти пограничные укрепления, как ясно указывают надписи, имели в первую очередь оборонительное значение и должны были защищать северо-восточные границы Египта от нашествия азиатских племен. В этих крепостях, возможно, находились довольно значительные военные отряды, стены их тщательно охранялись часовыми. Пограничные отряды, охраняющие эти азиатские границы Египта, упоминаются и в следующем месте того же «Рассказа Синухета»:

«Слуга отправился на юг и остановился у «Путей Гора», где находится комендант, стоящий во главе пограничного отряда».⁶⁹⁾ Об этих «Путях Гора» говорится и в тексте «Почтения гераклеопольского царя», в котором описываются пограничные укрепления, построенные на северо-восточной границе Египта:

«Смотри. Я вбил кол... на востоке. Граница от Хебену вплоть до «Пути Гора» покрыта городами и заселена людьми из числа самых избранных во всей стране для того, чтобы отразить руки [азиатов]».⁷⁰⁾ Эти «Пути Гора», возможно, были той большой дорогой, которая вела из крупных пунктов Дельты к северо-восточной границе. Очевидно, по этой важнейшей стратегической магистрали выступало в поход египетское войско во главе с фараоном, почему эта дорога и получила название «Пути Гора» [титул фараона]. Может быть, эта дорога шла из Атрибиса, который, судя по другому отрывку из Эрмитажного

папируса, содержащего «Поучение гераклеопольского царя», был в ту эпоху важным укрепленным пунктом: [105]

«Кемуи... Смотри, это — пуп варваров. Его стены снаряжены для боя, его воины многочисленны...».⁷¹⁾

Не меньшее стратегическое значение имела и южная граница Египта, откуда шли важные торговые и военные пути на юг, в южную страну Нубию, которая в эпоху Среднего царства становится важнейшим объектом египетской эксплуатации и завоевательной политики. Поэтому именно на южных границах Египта должны были быть построены крупные крепостные сооружения, на которые могли бы опираться во время военных операций египетские войска. Крупнейшей тыловой военной базой южного Египта была крепость, развалины которой сохранились около нынешнего Эль-Каба. Это был город Нехебт, древняя столица Египта, обнесенная мощной стеной фараоном Аменемхетом III. Эти укрепления упоминаются в тексте стэлы, обнаруженной в Эль-Кабе и относящейся к 44-му году царствования фараона Аменемхета III. В тексте стэлы говорится о том, что царь «соорудил (их) в качестве своего памятника. Его величество приказал построить стену, которая находится внутри стены Сешму-тауи».⁷²⁾ Судя по надписи, первоначальным строителем укреплений в эту эпоху считался фараон Сенусерт II. Развалины крепости довольно хорошо сохранились. Внешняя стена достигает высоты в среднем около 9 м, толщина ее 11,5 м. Длина северо-западной и юго-восточной стены 560 м, длина двух других стен 480 м. Объем всей кладки превышает 255 тыс. м³. В стене имеются четыре пролома, где, возможно, находились ворота, однако, следов каменной облицовки или ворот не сохранилось. Лишь у отверстия на северо-восточной и юго-восточной сторонах близ внутренней части стены сохранились широкие всходы, которые вели на стену. Стены, сложенные из кирпича, представляют очень своеобразный тип кладки. Так, южная стена разделена на ряд вертикальных полос, в которых горизонтальная кладка строго чередуется с вогнутой книзу кладкой кирпича. Во всех остальных трех стенах во всех вертикальных полосах кладка кирпича одинаково вогнута книзу. Сохранились также и внутренние стены, которые образуют параллелограм в южной части большого параллелограмма, образованного внешними стенами. Длина внутренних стен, идущих параллельно внешним, 200 и 155 м, толщина их достигает 5 м. Около южного угла находится вход, облицованный камнем. Его ширина с внутренней стороны 3,5 м, а с внешней 1,5 м. Внешняя часть прохода сделана в целях лучшей обороны. Эта внутренняя стена, очевидно, служила для защиты городской цитадели, она довольно хорошо сохранилась, так как была облеплена зданиями. Стена, соединяющая внутреннюю стену с внешней, может быть, служила для расширения территории города до постройки внешней стены.⁷³⁾

Следующим укрепленным пунктом был город Омбос, древняя столица Верхнего Египта. Расположенный несколько южнее Эль-Каба в центре скрещения с Нилом важных дорог, шедших в Нубию, Омбос занимал важное стратегическое положение и господствовал над узлом сухопутных и речных путей. Поэтому вполне естественно, что именно здесь в эпоху Среднего царства должна была быть построена крепость. Развалины ее до сих пор еще стоят на правом берегу [106] Нила. Крепость эта имела четырехугольную неправильную форму. Ее стены следовали изогнутым краям той возвышенной строительной площадки, на которой она была построена. В длину стены крепости тянулись на 200 м, а в ширину на 150 м. Около юго-западного выступа находилось двое ворот на расстоянии 50 м друг от друга. Проход расширялся в толще стен, напоминая ворота в Фивах, в Танисе и в Дендера. Ширина прохода равнялась 2 и 3,5 м. Толщина стен — от 7,5 до 11 м. Очевидно, обе части стены и оба входа были построены в различное время. Сильнее всего защищена восточная сторона крепости, обращенная к долине. Стены, следуя ломаной линии холма,

образуют ряд настоящих бастионов. У северо-восточного и юго-восточного угла эти бастионы выступают на 15 м. В середине восточной стены расположен третий бастион. Это один из первых случаев применения бастионов в крепостном строительстве Древнего Египта.⁷⁴⁾

Первой линией подлинных пограничных укреплений, защищавших южную границу Египта, были крепостные сооружения, находившиеся в районе первого порога около Элефантины. О них говорится в тексте стэлы Британского музея № 825, относящейся ко времени Сенусерта III. Надпись гласит:

«Девятый год, третий месяц третьего времени года царствования его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра [Сенусерта III], любимого богиней Сатет, владычицей Элефантины, живущего вечно. Приказ его величества начальнику юга Амени [соорудить] ворота в крепости Элефантины, соорудить... (здание) для царских владений юга... народ в области Элефантины, когда (мой господин, жизнь, здоровье, сила) отправился в поход, чтобы сокрушить подлую страну Куш».⁷⁵⁾

Как полагает Масперо, в состав укреплений, упоминаемых в этой надписи, входила стена, соединявшая Асуан и Филэ, остатки которой сохранились до настоящего времени. Эти укрепления имели своей целью защитить южную границу Египта, а также тот важный стратегический канал, который обеспечивал судоходство по Нилу в районе первого порога.⁷⁶⁾

Вторая линия укреплений, защищавших подступы по Нилу, а также охранявших дороги, ведущие в глубь Нубии, тянулась вдоль Нила от Кубана и Дакке до Дерра, уже в пределах Нубии. Наибольшее стратегическое значение имела крепость Кубан, господствовавшая над караванной дорогой, ведущей к богатейшим золотоносным районам, в районе Вади-Алаки. Стены этой крепости тянутся в длину на 106 м, а в ширину на 78 м. Высота их достигает 10 м, а толщина в верхней их части 3 м. Стены были окружены рвом шириной в 8 м, который мог наполняться водой благодаря проведенному из реки подземному акведуку. У восточного угла сохранились остатки вихода, ведущего на стену. Восточная и южная стены были снабжены бастионами, расположенными на расстоянии 6-10 м друг от друга. Ширина бастиона по фасаду 2,5 м, глубина выступа 1,5 м. В середине каждой стены находились ворота. Ширина южных ворот 1,5 м. Снаружи по двум сторонам их расположены два бастиона, а внутри один бастион с одной стороны. Ширина [107] северных ворот 1,5 м. Снаружи около них находился один бастион. Около этих ворот стена загибалась внутрь, образуя коридор длиной в 10 м. Восточные ворота, выходящие в пустыню и имевшие поэтому особенно важное значение, были защищены башней. Около них снаружи находился длинный выступ длиной в 23 м, шириной в 3,5-4 м, который кончался платформой размером в 6,5 м². Ширина прохода угол крепости в Куммэ.

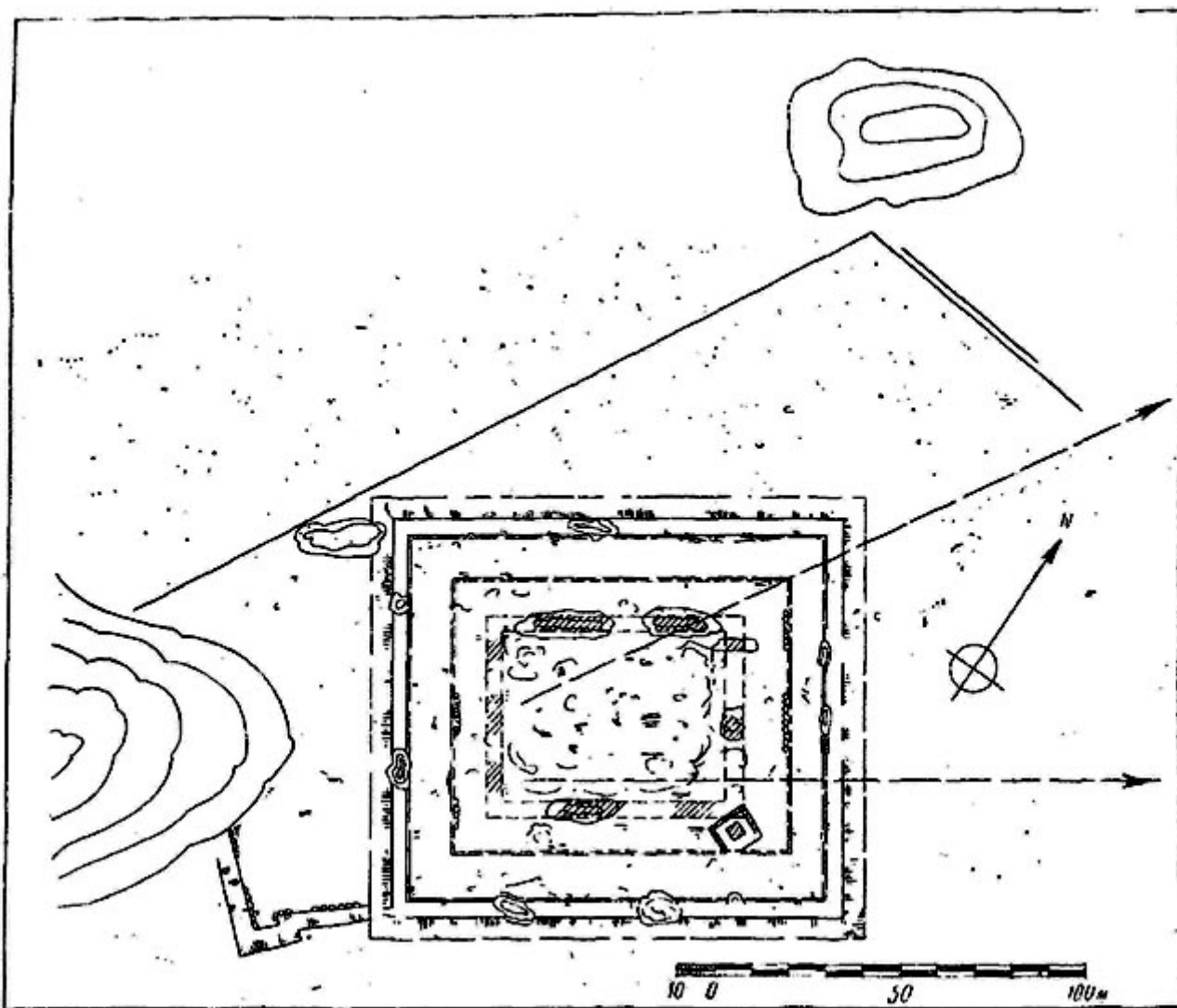

Рис. 15. План прямоугольного форта времени Среднего царства в Семнэ. Верхняя стрелка показывает направление на храм, нижняя — на северо-западный

равнялась 6 м. Северный и западный углы были также снабжены выступами. Особенное внимание было обращено на прочность стен, сложенных из сырцового кирпича, между рядами которого проложены были цыновки и деревянные балки, и в значительной степени укрепленных контрфорсами. Большое значение имели также выступы стен, дававшие возможность обстреливать с флангов наступающего противника. Эта крепость, построенная, весьма возможно, в эпоху 12-й династии, была отремонтирована или даже заново отстроена Аменемхетом III.⁷⁷ Другая крепость, расположенная в этом районе, находилась около Дерра. Она была построена в ту эпоху, когда при фараонах Среднего царства началось завоевание Нубии. [108] Большая четырехугольная крепость была обнесена стенами, сложенными из больших кирпичей, напоминающими по своей форме те кирпичи, из которых построены стены Ассуана и Эль-Каба.

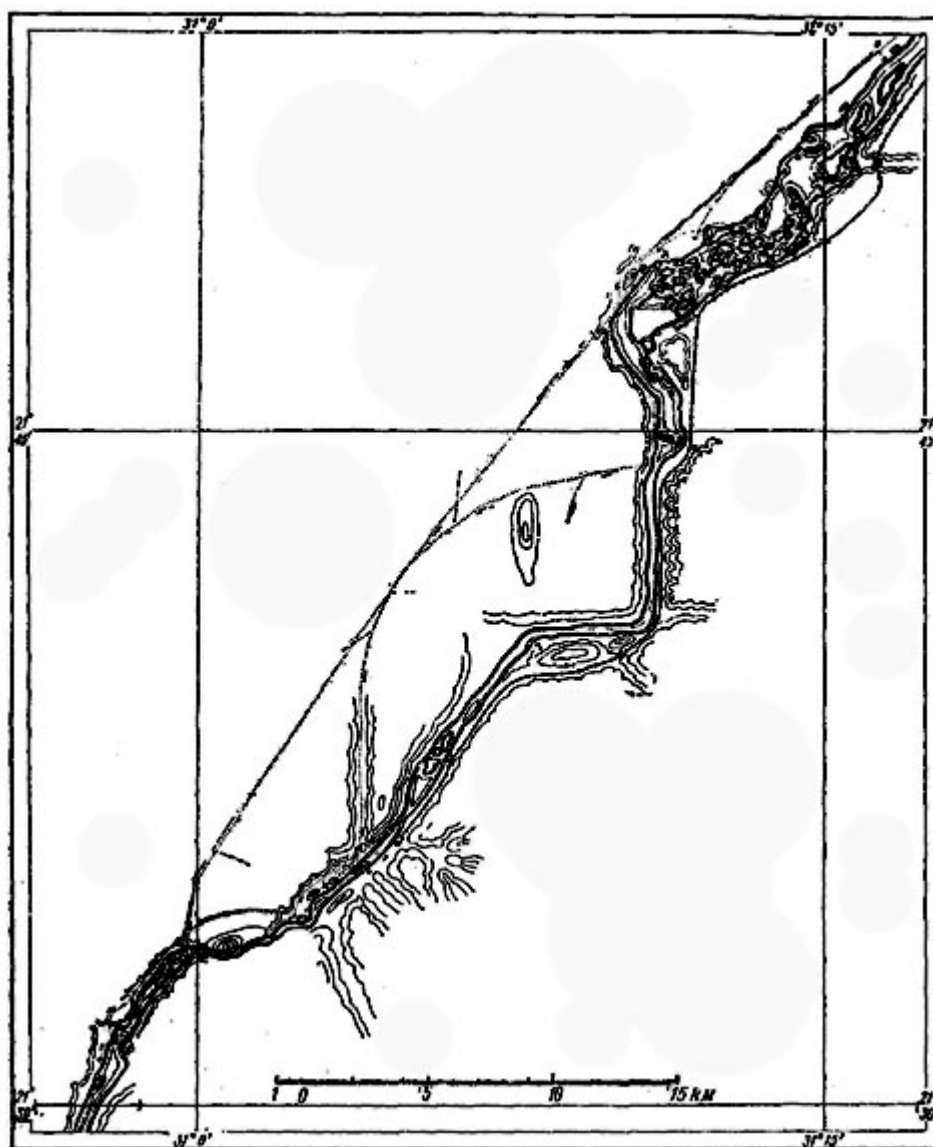

Рис. 16. План укрепленного района между Вади-Хальфа и Семнэ.

Наконец, третья линия наиболее мощных и наиболее важных для той эпохи крепостных сооружений [рис. 16] была расположена в районе вторых порогов между Вади-Хальфа и Семнэ, где при фараонах 12-й династии проходила южная граница Египта. Наличие здесь порогов и пересеченный рельеф местности способствовали сооружению в этом районе целой системы укреплений. Наиболее важными крепостями были [109] крепости в Дабэ, в Миргиссэ, Шалфаке, на острове Уронарти, в Куммэ и в Семнэ. Но между этими главными крепостями находилась, кроме того, целая линия укреплений. Все эти укрепления были соединены между собой дорогами. Так, дороги соединяют Семнэ и Уронарти, Семнэ и Шалфак, Семнэ и Миргиссэ, Куммэ и Уронарти. По мнению Лепсиуса, «большая дорога» вела с юга на Семнэ. На дороге из Семнэ к Уронарти находятся остатки стены, идущей вдоль реки, как у 1-го порога от Филэ до Ассуана, а на дороге из Куммэ к Уронарти находятся остатки стены, также идущей вдоль реки. Все это указывает на наличие целой системы укреплений, которые превращали весь район вторых порогов в неприступный укрепленный район. Основное значение этих крепостей заключалось в охране речного пути и сухопутных дорог. Так как в этом районе порогов проезд по реке был почти невозможен, то приходилось высаживаться с кораблей и поэтому здесь возникли особые пересадочные пункты. Именно эти пункты должны были особенно зорко охраняться египетскими пограничными отрядами, гарнизонами и крепостями. Для охраны речного пути особенное значение имели Семнэ и Куммэ, как конечные пункты всего речного

транспорта, шедшего с юга, и исходные пункты всего транспорта, шедшего на юг. Для всего транспорта, направляющегося с севера и на север особенное значение имела Вади-Хальфа и построенные близ нее крепости. Для охраны караванных путей особенное значение имели Семнэ и Вади-Хальфа, так как у Семнэ к Нилу подходит дорога, идущая с юго-запада и проходящая через Вади-Хальфу. Дорога, идущая с севера вдоль восточного берега, также проходит через Вади-Хальфу. Задачей крепости в Миргиссэ было наблюдение за караванной дорогой, шедшей из Семнэ и подходящей около Миргиссэ к реке. Укрепления в Абке, на Аули и на острове Саррас имели своей целью охранять восточную дорогу, шедшую вдоль берега до Куммэ.

Первую крупную крепость в этом районе построил фараон Сенусерт I. Это была крепость в Бохани на западном берегу Нила против Вади-Хальфы в самом начале второго порога, расположенная в важном стратегическом пункте, который господствовал над рекой и над дорогами, идущими отсюда в глубь страны. Сенусерт III расширил эту крепость, придавая ей, очевидно, большое военное значение. К сожалению, развалины крепости не сохранились. Сохранились только остатки храма, построенного здесь в начале 12-й династии, может быть, Сенусертом I.⁷⁸⁾ Дальше к югу от Вади-Хальфы был построен целый ряд укреплений в Матуге, Факузе, Кассе и во многих других местах. Благодаря тщательному обследованию, проведенному в этом районе Борхардтом, мы можем восстановить в общих чертах систему укреплений всего района. Первым, довольно значительным укрепленным пунктом к югу от Вади-Хальфы был остров Дабе. Крепость [рис. 17], построенная на нем, была продолговатой формы, соответственно форме острова. Стены крепости, сложенные из кирпичей, размером 10*19*37 см, защищены выступами, расположенными в 20-40 м друг от друга. Внутри крепости вело несколько входов. Главный вход находился [110]

Рис. 17. План крепости на острове Дабе.

на западной стороне и был защищен двумя выступами, ведущими к реке. Другой вход, расположенный у восточного угла северной стороны, был защищен выступом стены и маленькой стенкой, находившейся внутри крепости. Третий вход находился на восточной стороне. Эта крепость резко отличается от всех крепостей этого района как по общему [111] расположению, так и по менее тщательному способу постройки и, весьма возможно, должна была главным образом служить убежищем для населения и скота в случае нападения воинственных нубийцев на египетские поселения. Борхардт предполагает, что именно здесь находилось то место, которое в Рамессейском папирусе называется Икен⁷⁹⁾ и которое упоминается в одной стэле из Семнэ в качестве рынка, где собирались местные нубийские племена.⁸⁰⁾

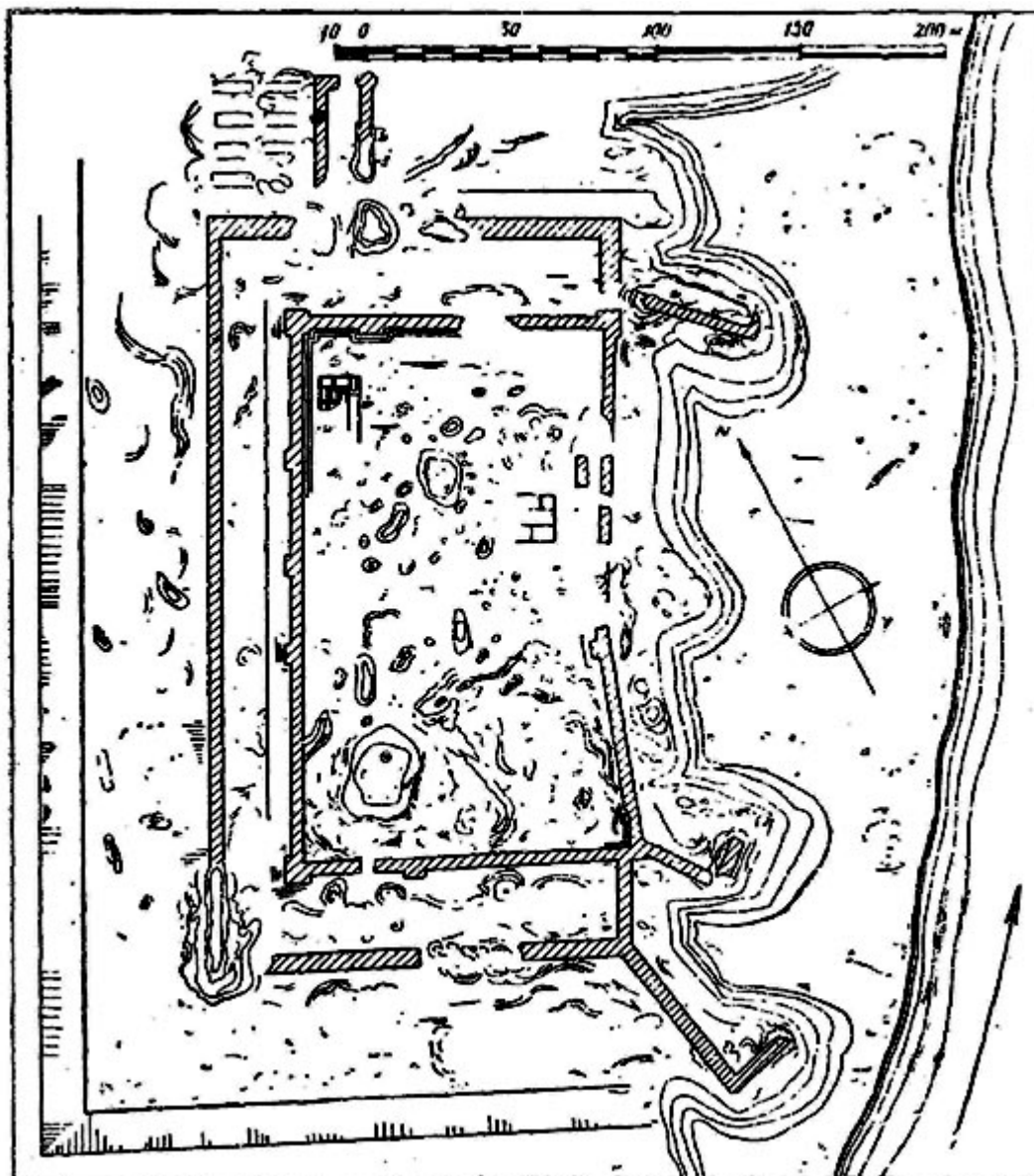

Рис. 18. План крепости времени Среднего царства в Миргиссе.

Далее к югу, в Миргиссе, сохранились остатки другой крепости, расположенной на краю пустынного плоскогорья. Эта крепость [рис. 18] имела форму прямоугольника, длинная стена которого тянулась вдоль реки. Отличительной чертой крепости является то, что она с трех сторон окружена внешней стеной, которая проходит на расстоянии приблизительно 25 м от внутренней стены. Кроме того, на юго-восточной [112] стороне вдоль скалистых выступов на берегу реки тянутся выступающие стены, которые примыкают к углам крепости. Другие две выступающие стены защищают вход, расположенный на северной

стороне. Внешняя стена невысока, а внутренняя достигает высоты в 10 м. Задняя часть внутренней стены покатая, а передняя — отвесная или почти отвесная. Подножие обеих стен укреплено кладкой из бутового камня. Кирпичная кладка стен для большей прочности перемежается цыновками и деревянными балками. Эти балки расположены в стене в своеобразном шахматном порядке. Внутренняя стена защищена бастионами, которые окаймляют ее внешнюю часть и расположены в 30 м друг от друга. Бастионы имели прямоугольную форму и, может быть, возвышались в виде башен над стеной. Такие же бастионы расположены и на внешних углах внутренней стены, местами на ее внутренней стороне. Внутренняя стена была окружена рвом шириной в 8 м. Внешняя стена была окружена значительно более широким рвом, в ширину до 36 м. Судя по этим данным, крепость в Миргиссэ была снабжена довольно мощными для того времени укреплениями; бастионы и выступающие стены давали возможность обстреливать с флангов противника, осаждавшего или штурмовавшего крепость и пытавшегося форсировать ворота.⁸¹⁾

В 30 км к югу от Миргиссэ находилась южная граница Египта, установленная Сенусертом III после упорных войн с нубийскими племенами. Здесь находилась первая, обращенная к врагу линия укреплений, от которой остались развалины крепостей в Шалфаке, Уронарти, Семнэ и Куммэ. Весь этот район на протяжении 8 км вдоль Нила представлял собой мощный защитный барьер, господствовавший над рекой, над ее берегами и дорогами, шедшими в глубь Африки. Крепость Шалфак [рис. 19] находилась на западном берегу Нила на одинокой крутой скале, возвышающейся против деревни Ароза. Эта маленькая, но высокая позиция на большом расстоянии господствует над рекой. Стремясь максимально использовать выгодное топографическое положение, строители крепости придали ей форму, вполне соответствующую неправильной форме скалы, несколько увеличив в одном месте кирпичной пристройкой строительную площадку. Таким образом и здесь, как при постройке других крепостей этой эпохи, при сооружении стен учитывали рельеф местности, чтобы не дать возможности противнику использовать хотя бы небольшую часть скалистого утеса и чтобы со всех сторон господствовать над ниже расположенным районом. Особенно типичны в этом отношении три выступа стены, которые покрывали три гребня скалы. Самый большой, северо-восточный выступ тянулся на 90 м. Два коротких защищали стену в юго-восточном и юго-западном направлениях. Юго-восточный выступ должен был помимо того служить прикрытием лестницы. По этой ступенчатой дорожке носили воду в крепость, о чем ясно говорят следы — обломки глиняных сосудов эпохи Среднего царства, по которым наряду с прочим, можно датировать время постройки и использования этой крепости. Наконец, наличие отдельно стоящего форпоста указывает на максимальное использование местности. [113]

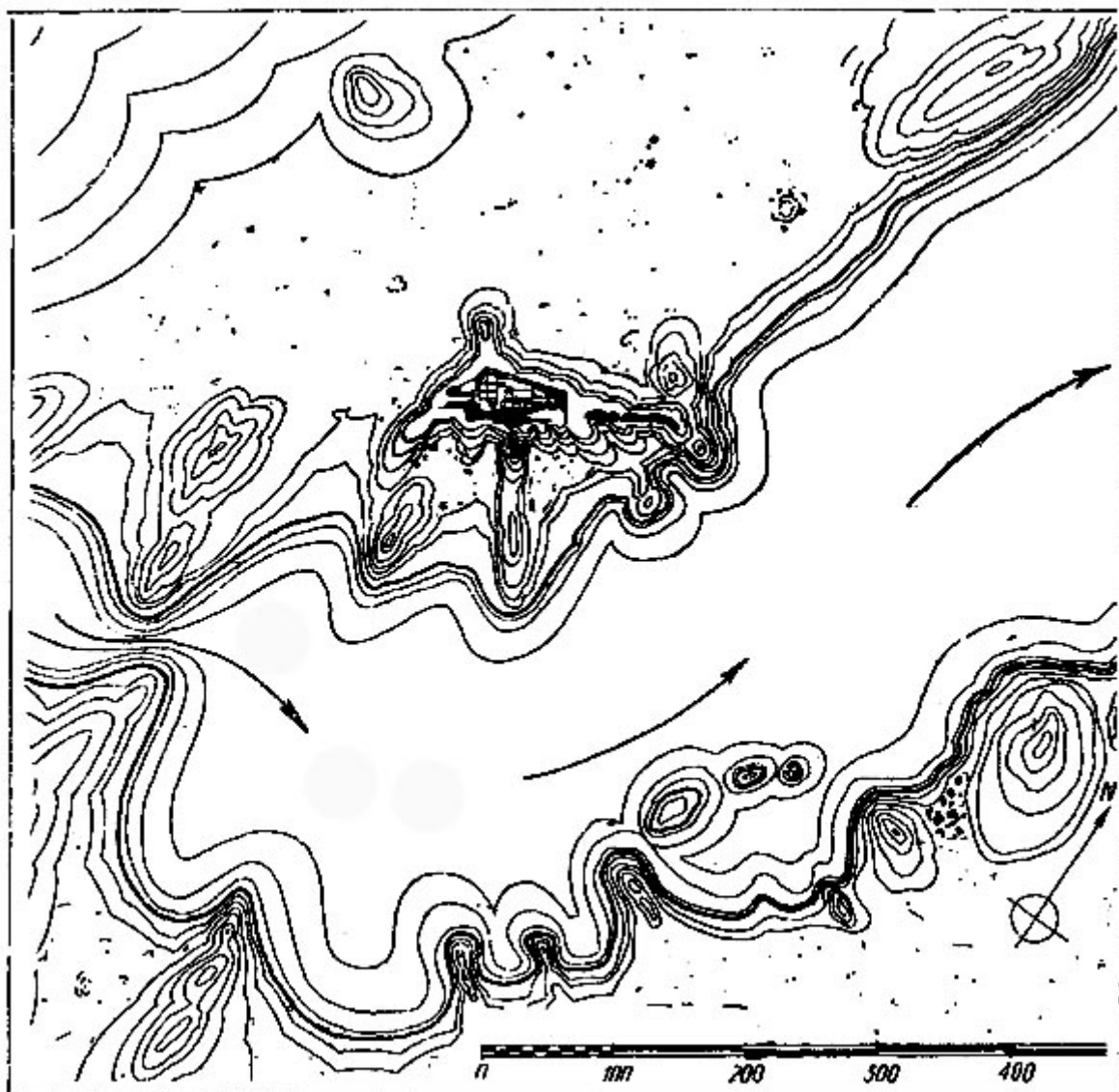

Рис. 19. Расположение крепости времени Среднего царства в Шалфаке.

Этой крепости [рис. 20] придавалось большое боевое значение. Ее стенам старались придать особенную прочность, часто перекладывая кирпич цыновками и деревянными балками. Южная стена, толщиной свыше 10 м, состоит из трех вертикальных слоев, причем между двумя внутренними слоями находилось продолговатое помещение шириной в 15 м, откуда, может быть, был вход или лестница, ведущая на стену. За внешней стеной шел узкий проход, не шире 4 м. Самое его широкое место за воротами образовывало маленькую площадку. Внутри крепости находилась центральная площадь размером 7,5*10 м, окруженная целым рядом построек. Борхардт, раскапывавший эту крепость,⁸²⁾ ограничился лишь определением общего расположения помещений. Так как они не были целиком расчищены, определить их значение совершенно невозможно. Как думает Борхардт, здесь могли быть караульные помещения, казармы гарнизона, склады для оружия и продуктов, может быть, цистерны для воды и хлев для скота, наконец, служебные помещения и жилой дом коменданта, а может быть, также и часовни. Конечно, трудно точно локализовать эти помещения. Борхардт считал бы рациональным поместить гарнизон и караульную около ворот, а дом коменданта устроить в самом лучшем здании, [114]

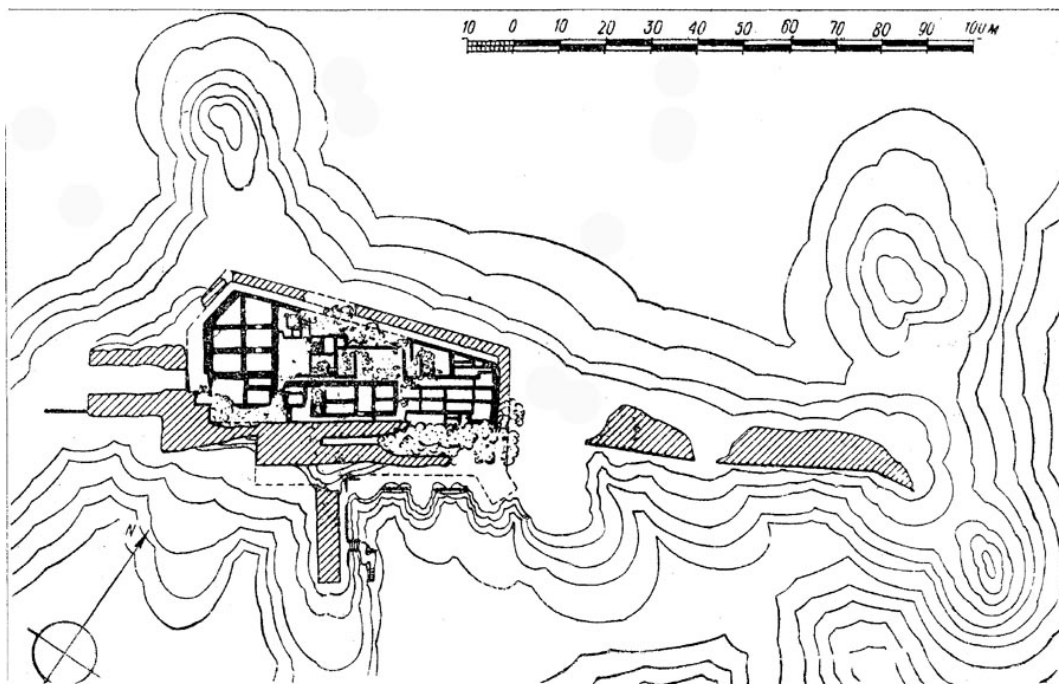

Рис. 20. План крепости времени Среднего царства в Шалфаке. [115]

защищенном самой толстой стеной, в чем ясно сказывается психология современного немецкого историка, тонко учитывающего родственные ему настроения древнеегипетских военно-рабовладельческих слоев эпохи Среднего царства.

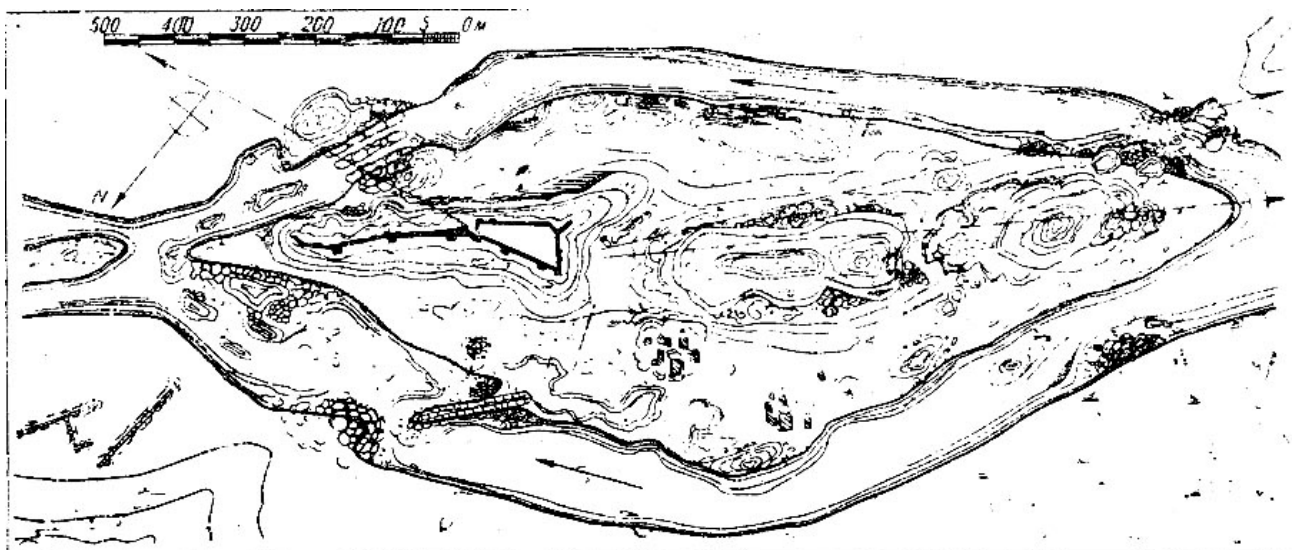

Рис. 21. Расположение крепости времен Среднего царства на острове Уронарти.

В 4 км к югу от Шалфака и к северу от Семнэ на длинном скалистом острове Уронарти [рис. 21] была расположена на продолговатой скале крепость, бывшая центром этого южного сильно укрепленного района. Западная сторона скалы не столь крута, как восточная, и потому защищена выступающими башнями, расположенными в 60 м друг от друга. Эта крепость построена по типу всех описанных нами египетских крепостей Среднего царства. Мы видим и здесь стремление египетских архитекторов максимально использовать строительную площадку. Поэтому два больших гребня скалы покрыты выступами стен; северо-восточный выступ представляет собой гигантский отросток стены длиной в 250 м, вдвое превышающий длину крепостного ядра. Ворота, находящиеся на южной стороне, защищены с двух сторон двумя выступающими башнями [рис. 22].

Охранное значение имел проход шириной в 1,5 м, шедший внутри крепости вдоль стен. Эта дорожка была отде- [116]

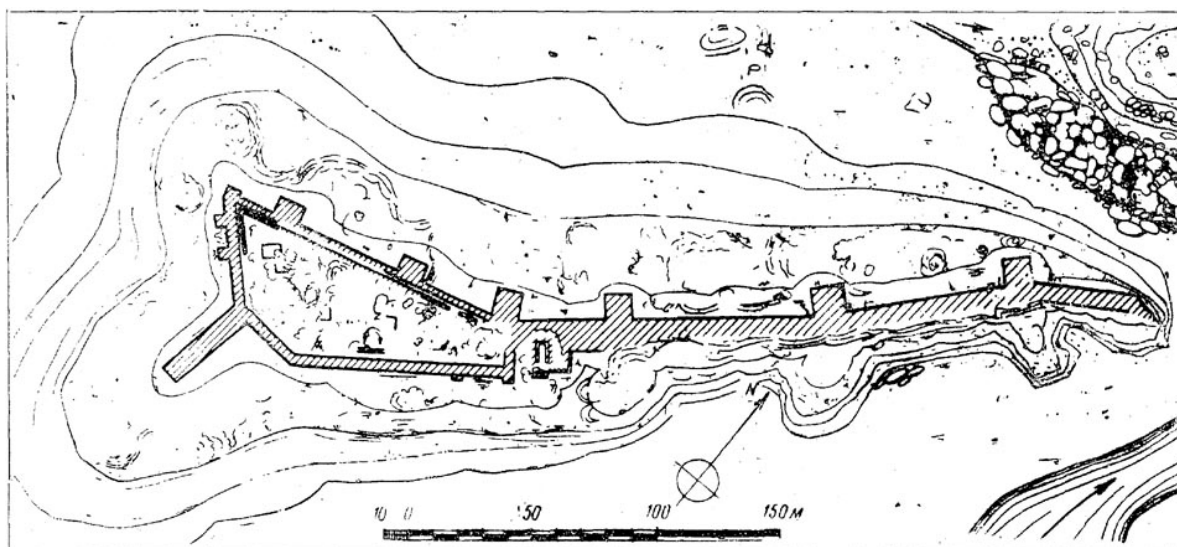

Рис. 22. План крепости времени Среднего царства на острове Уронарти. [117]

лена от внутренних построек маленькой стеной. В кладке стен в большом количестве встречаются цыновки и дерево. Основания стен отлоги и сложены из камня, а у ворот — из кирпича, что указывает на важное значение этого древнеегипетского строительного материала. Большой интерес представляют укрепления на западном берегу, в частности, своеобразный тет-де-пон, что указывает на стремление военных строителей той эпохи обеспечить военные коммуникации гарнизону и полевым войскам. Ярким образцом религиозной идеологии этой эпохи является часовня, построенная в одном из бастионов. Религия, оправдывавшая государственный строй и завоевательную политику фараона, и проникшая прочно в быт, связывает в один пучок заклинание, молитву и смертоносное оружие.⁸³⁾ Около часовни была найдена стела, относящаяся к 3-му году царствования Сенусерта III; на стенах часовни сохранилась нижняя часть росписи времени Тутмоса III. Очевидно, крепость, построенная в эпоху Среднего царства, сохранила свое актуальное значение и при фараонах 18-й династии.⁸⁴⁾

На гранитном выступе восточного берега Нила в 4 км к югу от Уронарти стояла крепость [рис. 23] Куммэ; это была по всем признакам очень крепкая позиция. На скале, местами почти отвесно спускающейся к реке, была искусственно выровнена верхняя площадка, использованная для постройки крепости. Этому оборонительному сооружению была придана форма неправильного четырехугольника со сторонами длиной около 60 м. Крепость была в двух местах защищена выступами, которые Вейлль⁸⁵⁾ не совсем правильно называет бастионами и контрфорсами. У юго-западной стены находился удлиненный выступ (25 м), а на северо-восточной стороне — два других выступа, защищавших ворота. Другие ворота были расположены в северной части крепости. Эти ворота шириной в 7-8 м выходили на крытую лестницу, которая опускалась к реке и служила для доставки воды. Внутри крепости вдоль стены шла сторожевая дорога, огороженная с внутренней стороны стеной толщиной в 1,35 м. В северном углу крепости был построен храм. Борхардт предполагает, что в этом месте над дорогой, шедшей вдоль стен, была построена башня, так как находящиеся здесь храмовые помещения очень низки и снабжены очень грубыми и тяжелыми балками перекрытия. Это вполне возможно, хотя прямых указаний на наличие башни нет и ее остатков не сохранилось. К тому же массивность постройки типична для египетской, в частности, военной архитектуры. Ведь строительный материал экономить не приходилось и современные понятия строительной

целесообразности были чужды древним архитекторам. Во всяком случае, наличие храма в крепости является достаточно интересным историческим фактом. В эпоху Нового царства мы увидим дальнейший шаг, некое слияние между архитектурной формой крепости, храма и дворца. Внешняя стена крепости в Куммэ напоминает стену в Миргиссэ. Каменная облицовка отстоит на некотором расстоянии от кирпичной стены, образуя перед ней широкий проход. Нижняя часть облицовки сохранила указания высоты подъема Нила в эпоху Аменемхета III, что дает некоторые основания для датировки крепости или отдельных частей ее. Скала с построенной на ней [118] крепостью во время большого наводнения превращалась в остров. Сильное течение реки подмывало субструкции и порой вырывало отдельные камни, вызывая необходимость периодических ремонтов. Однако вода не могла причинить серьезного вреда капитальной постройке египетских архитекторов, действительно строивших в расчете на долгие столетия.⁸⁶⁾

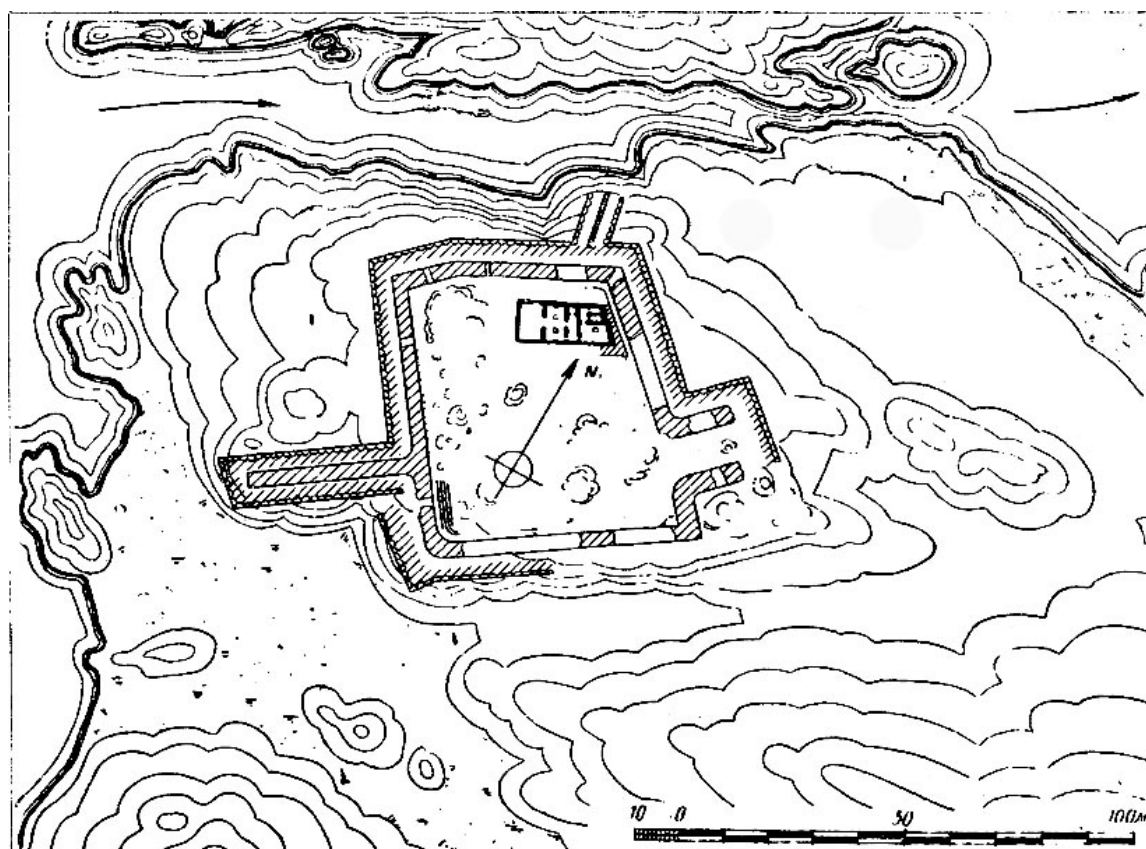

Рис. 23. План крепости времени Среднего царства в Куммэ.

Крепость в Куммэ прекрасно дополняют расположенные поблизости укрепления Семнэ. Особенно хорошо сохранившаяся крепость [119] Семнэ [рис. 24] лежит почти прямо против Куммэ на восточном берегу Нила, на возвышенности, тянущейся с запада на восток на расстоянии 150 м и спускающейся к реке. Пустынная равнина окружает эту твердыню древнеегипетского могущества. Своеобразный рельеф местности определил архитектурные формы крепости. Здесь нет скалистых выступов, и потому в архитектуре крепости не учтен элемент, типичный для другой крепости. Большое здание Семнэ состоит из двух соединенных вместе прямоугольных построек, стоящих под прямым углом друг к другу. Оба фасада приблизительно равны по длине (около 150 м по чертежу Борхардта, Вейлль дает другие цифры — 125 и 130 м). Средняя ширина крыла, выходящего на Нил, 50 м, а средняя ширина перпендикулярного крыла 42 м (по Вейллю). Таким образом, оба корпуса почти одинаковы по своим размерам. Их своеобразное положение давало возможность защищать с флангов подступ к крепости, в частности к стенам, образующим внутренний прямой угол. Однако длина стен требовала особой

защиты. Поэтому почти все стены снабжены бастионами; по Борхардту, не совсем правильно «выступами» (Ausbauten); Вейлль их называет *épérons*, а Хельшер — *Langtuerme*

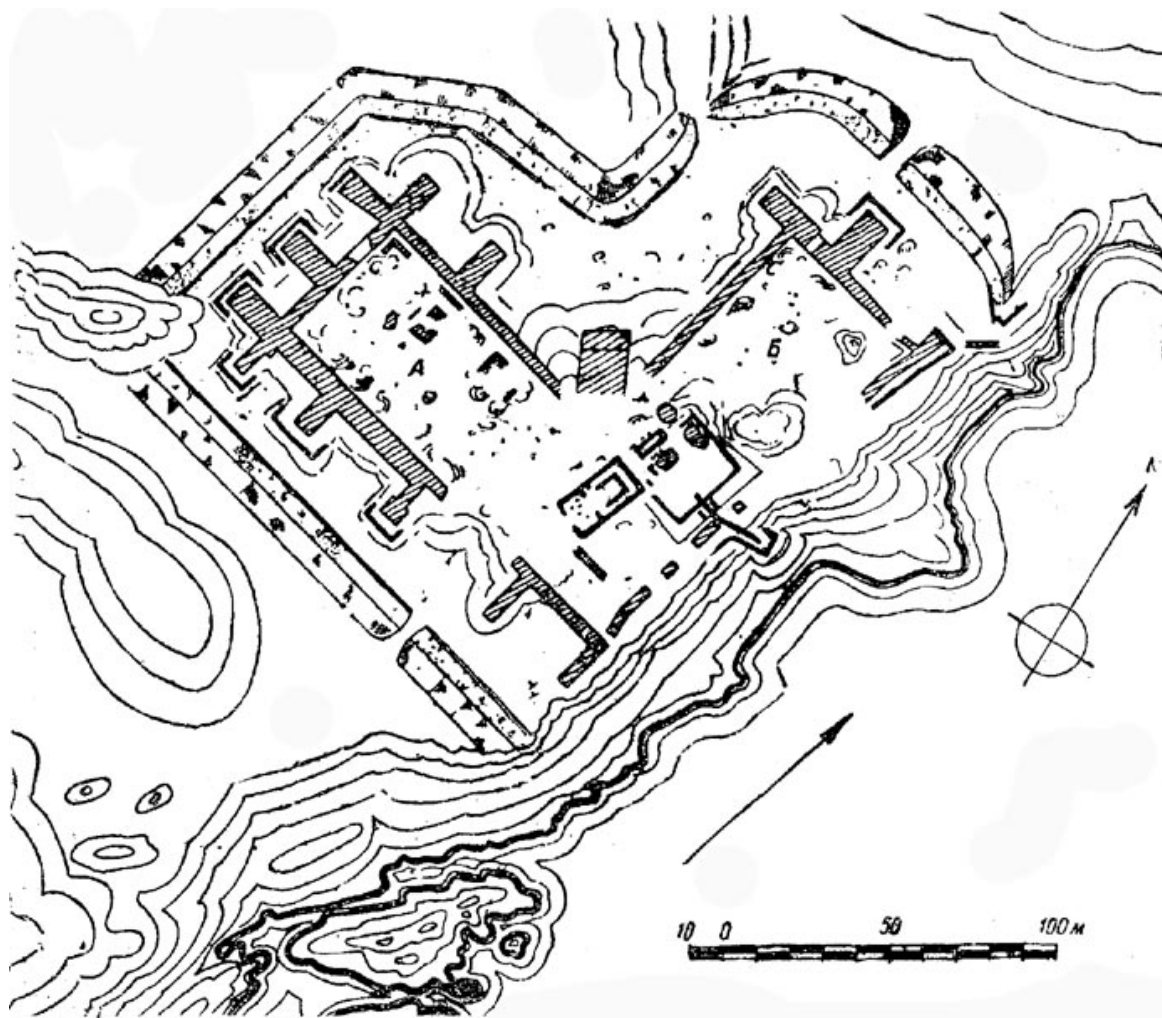

Рис. 24. План крепости времени Среднего царства в Семнэ. [120]

(обмер Вейлля: длина «выступов» или башен 15 м, толщина их базы 9 м, в верхней части 4-8 м).

Южная, западная и северная стены корпуса, перпендикулярно стоящего к реке, снабжены бастионами, расположенными друг от друга на расстоянии 25-40 м. Стена, идущая вдоль реки, снабжена бастионами лишь на углах и у ворот. В углу между двумя корпусами расположен особенно массивный бастион. Борхардт думает, что здесь были ворота, так же как в двойном выступе северо-западного угла крепости в Миргиссэ. Однако здесь не было еще произведено раскопок, и следов ворот не обнаружено. По мнению Борхардта, корпус, расположенный вдоль реки, обнаруживает более высокую технику фортификации и свидетельствует о большой дальнбойности оружия. Поэтому немецкий исследователь предполагает, что этот корпус построен позднее соседнего. Однако не следует забывать, что твердых данных, в виде документов или датирующих предметов, указывающих на одновременность постройки, здесь не было найдено. С другой стороны, оба корпуса по размерам и общему типу близки друг к другу и хорошо друг друга дополняют. Я думаю, отдельные архитектурные детали указывают не на прогресс в технике, а на стремление максимально использовать рельеф местности и особенно защитить наиболее уязвимые и важные места.

Внутри крепости кое-где сохранились остатки кирпичной стены, которые ограждали изнутри обычный сторожевой проход, шедший вдоль стен. В средней части крепости стояли два храма, развалины которых сохранились. Один из них был построен в эпоху 18-й династии, может быть, при царице Хатшепсут, а затем перестроен при Тутмосе III. Каменные стены этого храма примыкают к кирпичным стенам. Несколько южнее находился храм, построенный при Тахарке. Вклиненный в общее расположение крепости, этот храм был построен в ту эпоху, когда Семнэ уже потеряло свое основное значение. Весьма возможно, что наиболее древней частью всей постройки является прямоугольная облицованная камнем субструкция, на которой стоял храм эпохи 18-й династии, и толстые кирпичные стены. При расширении крепости эта часть ее была превращена во внутреннюю цитадель, отчасти, может быть, связанную с косым выступом и спуском к реке. Однако точно установить взаимоотношение всех этих частей постройки можно будет только при условии полных раскопок всего здания. Таким образом, крепость в Семнэ, построенная в эпоху Среднего царства, существовала еще при фараонах 18-й династии. Это обстоятельство не совсем учтено Биллербеком, когда он безоговорочно называет эту крепость «замком Рамзеса».⁸⁷⁾ Внешние стены крепости, особенно высокие в корпусе А, стоят на каменных фундаментах. Стены сложены из сырцового кирпича. В них сохранились отверстия от бревен, лежавших горизонтально между кирпичами. Вейлль предполагает, что нижняя часть стены была вертикальной, а верхняя скошена под углом в 150°. Борхардт вполне справедливо считает, что такая конструкция стен должна противоречить всем правилам древней фортификации. Действительно, эффективно обстреливать врага, подступающего к стене, [121] можно лишь в том случае, если нижняя часть стен пологая, а верхняя — отвесна. К этому мнению присоединяется и Хельшер, считающий, что нижняя часть стен была скошена под углом в 45°.⁸⁸⁾ Высота стен по Вейллю была от 15 до 25 м. Борхардт гораздо осторожнее говорит лишь о том, что они были выше 10 м. Толщина их внизу достигала 8-9 м, а наверху 4 м (по Вейллю). Высота стен форта достигала около 6 м. Вокруг крепости тянулся ров, шириной около 40 м, который начинался около каменной облицовки под самой кирпичной стеной. Перед рвом был широкий вал (гласис), сложенный из битого камня. Этот вал похож на вал в Миргиссэ, однако, он крепче и лучше построен. С точностью установить положение ворот трудно. Может быть, им соответствуют проходы через вал. Проходы, сохранившиеся в середине северного вала и у северо-западного угла, соответствуют северному выступу, давая основание думать, что здесь находился один из входов в крепость. Другие ворота могли находиться в угловом выступе и в восточном углу северной стены. Вейлль предполагает, что вход в крепость шириной в 3-4 м находился на северной стороне и был окаймлен двумя выступами, из которых левый тянется на 15 м и кончается башнями. Ширина прохода между выступами 9 м. Однако нельзя не согласиться с Борхардтом, признающим, что такая большая крепость должна была иметь несколько выходов. Но лишь после тщательных раскопок можно будет решить этот вопрос окончательно. Хорошо сохранилась каменная лестница, ведущая под углом к реке. Лестница теперь не доходит до современного уровня реки, который в течение тысячелетий сильно понизился. Вокруг крепости находился ряд отдельно стоявших укреплений, при сооружении которых были сознательно использованы естественные преграды и рельеф местности. Так, на берегу реки, где не было ни рва, ни вала, стояла высокая кирпичная стена на фундаменте из битого камня. На расстоянии 1100 м от древнего храма, находившегося внутри крепости, стоял форт, окруженный кирпичной стеной, широким рвом и валом.

Такова была эта лучше всего укрепленная, наиболее южная позиция египетской армии, защищавшая южную нубийскую границу у 2-го порога. Ее описание, данное на основании тщательных обследований, показывает, что реконструкция Шипье не соответствует действительности. Здесь не было защитных стен искусственно созданной высокой площадки, как на это правильно указывает Хельшер. Внутри стен находился целый

комплекс зданий, к сожалению, еще не раскопанных. Точную картину всего архитектурного комплекса могут дать только исчерпывающие раскопки, проведенные в большом масштабе.⁸⁹⁾

Историческое значение Семнэ, как южной границы египетского государства, ясно видно из текста надписи, найденной около Семнэ и затем хранившейся в Берлинском музее (№ 14753). Судя по этой надписи, египетское правительство принимало ряд мер к охране границ, устанавливая строгий контроль над переходом ее, или, как теперь принято говорить, над контрабандой и нарушениями границы. Государство в тексте этой надписи объявляло здесь наличие южной границы, установленной [122] «на 8-м году при его величестве, царе Верхнего и Нижнего Египта Ха-кау-Ра (Сенусерте III), которому дана жизнь во веки веков. Для того, чтобы воспрепятствовать каждому нубийцу пересечь ее, будь то по воде, или по суше, или на корабле (или) с какими-либо стадами нубийцев, за исключением нубийца, который придет для торговых целей в Икен, или с поручением. Следует хорошо поступить с ним, но не следует позволять кораблю нубийцев проходить, мимо Хех, идя вниз по реке во веки».⁹⁰⁾

Разумеется, этот важнейший пограничный район требовал охраны и особой крепостной защиты. Поэтому здесь была построена мощная для той эпохи сеть укреплений, которая тянется от Вади-Хальфа до Семнэ на протяжении около 50 км. Строители стремились всецело использовать преимущества местности, главным образом, пороги, холмы, скалы и их выступы. Они настолько умело выбирали место для укреплений, что их примеру следовали строители средневековых и новых английских крепостей и лагерей, как в Бохани.⁹¹⁾ Мощностъ этих укреплений достигалась толщиной и количеством стен, особой кладкой, комбинирующей кирпич, цыновки и деревянные балки, применением рва и вала. Для удобства защиты нижняя часть стен делалась пологой, а ворота, углы и уязвимые места снабжались бастионами. Наконец, узкие гребни скал заполнялись выступами стен, которые представляли дополнительные укрепления, затрудняющие подступ к крепости. Эти выступы, достигающие в длину до 300 м, нельзя назвать ни башнями, ни бастионами, так как они имеют значительно большее значение, позволяя защищать с флангов довольно отдаленные подступы к крепости, и, главным образом, лишая противника возможности использовать в своих целях эти гребни скал. Значение бастионов гораздо уже. Они позволяли защитникам крепости обстреливать с флангов врагов, находившихся у подножия стен. Расстояние между бастионами зависело от дальности полета стрел. Большое значение имела проблема снабжения крепости, что видно из подъездных путей и из устройства особых спусков или лестниц к реке, облегчавших доставку воды. Только более подробное обследование всего прилегающего района позволит точно установить сетку основных коммуникаций. Во всяком случае, размеры крепостей позволяли строить внутри главных стен особые помещения, среди которых, конечно, могли быть склады продуктов и вооружения.

Одно сохранившееся изображение в гробнице № 2 «Великого начальника Газэльего нома Аменемхета» в Бенихассане, относящееся к эпохе Сенусерта I, дает некоторое представление об осаде или штурме египетской крепости Среднего царства [рис. 25].

Архитектура крепости вполне соответствует установленным нами элементам: нижняя часть стены пологая, средняя — отвесна, а верхняя защищена зубцами и выступающими бастионами. Осаждающие вооружены копьями, секирами и щитами, наконец, лучники осыпают градом стрел защитников крепости. Особенный интерес представляет изображение двух воинов, скрытых в защитной будке, которые при помощи длинного шеста пытаются ломать верхнюю часть стены или [123] ударить защитника крепости, стоящего на стене. На помощь передовым отрядам осаждающих движутся резервы

копейщиков, защищенных щитами, лучников, снабженных бумерангами, воинов, вооруженных секирами и щитами, наконец, оруженосцев, несущих колчаны со стрелами. В некоторых местах изображена рукопашная схватка около крепости. Очевидно, защитники крепости устроили вылазку с целью отбить врага.⁹²⁾ Весьма возможно, что главными средствами штурма было разламывание стен, форсирование ворот и применение штурмовых лестниц, известных еще в эпоху Древнего царства.⁹³⁾ Эти пограничные укрепления имели громадное стратегическое и политическое значение. Поэтому за их сохранностью и боевыми качествами ревниво следило египетское правительство. Археологические данные указывают на постоянные ремонты и перестройки. Надпись на скале около Ассуана указывает на наличие особой военной инспекции. Эта надпись была «сделана в 3-м году его величества Гора Сешмутауи [Сенусерта II], соответственно 35-му году его величества ГораХекен-ем-Маат [Аменемхета III... Кефа-иб-Хапу пришел, чтобы обследовать крепости Вавата».⁹⁴⁾ Пограничная служба охраны существовала на всех границах. Так, Икудиди в одной надписи из Абидоса [Берлинский музей № 1199] сообщает о том, что он, «будучи царским посланцем, охраняющим (или обследующим) границы его величества», ходил «во главе отряда молодых новобранцев, чтобы посетить... страну жителей Оазиса». Эта надпись относится к 34-му году Сенусерта I.⁹⁵⁾

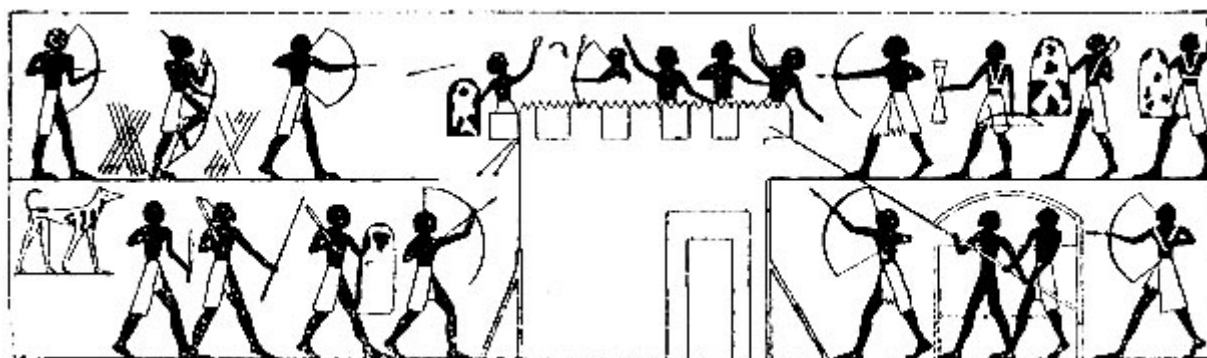

Рис. 25. Осада и штурм крепости. Рисунок из гробницы Аменемхета в Бенихассане. Среднее царство. 12-я династия.

О специальном полицейском осмотре западной пустыни говорится в другой надписи на стеле Берлинского музея № 22820. «Начальник охотников пустыни, начальник западной пустыни, сын Башет, Каи правогласный» говорит в ней о том, что он «достиг западного оазиса, обыскал все их пути, доставил обратно беглеца, которого я там нашел. Войска остались невредимыми и не было в них потерь; то, что мне было доверено, благополучно возвратилось».⁹⁶⁾

Можно предполагать наличие специальных отрядов пограничной охраны, которые составлялись из «охотников, детей пустынных стран», на что указывают хаммаматские надписи. Эти воины использовались [124] в качестве разведчиков, отряды их служили для охраны караванов. Египетские войска, расквартированные в мирное время в трех больших территориальных округах,⁹⁷⁾ часто использовались для не военных целей. Так, в Эль-Берше изображена переноска громадной статуи при помощи целой массы людей, среди которых были и воины — «военная молодежь Заячьего нома». Тексты содержат возгласы радости этих «юных новобранцев», которые, как указывает официальная надпись, выражают свои верноподданнические чувства и готовы служить царю и представителю царской власти, номарху. Само собой разумеется, что рабовладельческое государство должно было всячески подогревать «воинственный восторг» молодежи, проливавшей обильно кровь на границах Нубии и Азии. Так, военная политика, требовавшая довольно значительной военной организации, имела помимо того своей целью подчинить военной

дисциплине широкие массы населения, жившие в условиях тяжелой эксплуатации правящим классом рабовладельческой аристократии.⁹⁸⁾ [125]

Глава четвертая.

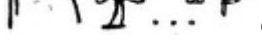
Войны египтян с гиксосами

Конец Среднего царства ознаменован значительным ослаблением египетского государства. Наступает смута в стране, время больших неурядиц и усобиц. Центральная власть фараонов слабеет. Династия могущественных Аменемхетов и Сенусертов уступает место узурпаторам, которые быстро чередуются один за другим. Судя по очень небольшому количеству памятников, сохранившихся от этой эпохи, это было временем упадка единой и центральной государственной власти. Туринский папирус, некоторые надписи этой смутной эпохи и конспект Манефона сохранили в общей сложности большое количество имен царей этого времени. Однако общая продолжительность их царствования невелика и не достигает тех больших цифр (637—937 лет), которые сохранились в позднейшей полуисторической традиции. Судя по всем данным, от конца 12-й и до начала 18-й династий прошло немногим более 200 лет. Манефон делит этих царей на династии, правившие в Фивах, в Ксоисе и в Аварисе. Однако трудно предположить, чтобы это были династии, связанные узами кровного родства и законного престолонаследия. Весьма возможно, что в эту смутную эпоху, во всяком случае во время царствования фараонов 14-17-й династий, Египет делился на ряд самостоятельных княжеств и что многие из фараонов, имена которых сохранили памятники и историческая традиция, царствовали одновременно в разных местах страны, а иногда соперничали между собой. В надписи одного из фиванских царей Неб-хепер-Ра Интефа говорится о наказании некоего Тети, сына Мин-хотепа, происходившего из Коптоса. Царь отрешает виновного в «дурном деле» от должности и лишает его и все его потомство принадлежащих им доходов. И вместе с тем царь проклинает тех «царей и правителей», которые ему окажут снисхождение. Очевидно, это были царьки отдельных маленьких царств, на которые распался Египет в этот период продолжительных и глубоких смут.¹⁾ Сходство некоторых имен позволяет лишь очень предположительно установить отдельные группы Интефов, Себекхотепов, Себекемсафов и Неферхотепов, которые, весьма возможно, царствовали в [126] Верхнем Египте и центром влияния которых, может быть, были Фивы.²⁾ Лишь о некоторых из этих многочисленных царей мы имеем скудные сведения из документов и памятников эпохи Среднего и Нового царства. Так, Ра-сехем-ху-тауи Аменемхет Себекхотеп был, очевидно, погребен в фиванском некрополе, так как его гробница была ограблена в эпоху Рамессидов, так же как и гробница Себекемсафа и его жены царицы Нубхас,³⁾ как указывают акты специальной следственной комиссии, назначенной при Рамзесе IX для расследования дела о массовом разграблении царских гробниц. Надписи с его именем были найдены в разных местах Египта, от Бубастиса до 2-го Нильского порога. О другом Себекхотепе той же эпохи мы знаем еще меньше. Имена его были найдены на разных предметах в Карнаке, Эль-Кабе, Абидосе и Гебелеине. Несколько яснее выступает из тьмы веков фигура Неферхотепа, оставившего в Абидосе большую историко-религиозную надпись. Его резиденция находилась севернее Абидоса, однако, он бывал в районе Гелиополя. Его имя встречается около 10 раз в области порогов. На одном камне в Карнаке было найдено его имя и имя его брата и преемника. Пипер думает, что двойная статуя, найденная в Карнаке, изображает этих двух царей,

которые, по предположению Марриэта, были соправителями.⁴⁾ Судя по тому, что Неферхотеп царствовал 11 лет, что после него царствовали подряд два его брата и что его надписи были найдены в разных местах Египта, он сумел на время укрепить в своих руках власть над всем или почти всем Египтом. Особенный интерес представляет его большая надпись, найденная в Абидосе, в которой он описывает сооружение памятника Озирису в Абидосе и организацию особых религиозных церемоний, очевидно, имевших целью укрепление культа Озириса и тем самым царя, в качестве сына и наместника Озириса в Египте.⁵⁾

Однако ни одному египетскому царю этой эпохи не удалось образовать прочной и сильной династии. Сам Неферхотеп так же, как и его предшественник, был сыном частного человека. В своей надписи он называет себя сыном «отца бога» (или божественного отца) Ха-анх-ефа и царицы-матери Кема. Жреческий титул «отец бога» встречается в предшествующий период, а также позднее в эпоху Нового царства, и что особенно важно — в эпоху Эхнатона. Трудно сказать, носили ли эти титулы родители Неферхотепа до его восшествия на престол или они их получили только после того, как Неферхотеп завладел короной Египта. Более существенно, что Неферхотеп был, очевидно, связан с жречеством, в частности, с жреческой коллегией Абидоса, совершенно так же, как некоторые другие фараоны 13-й династии, которые в своих надписях подчеркивают связь с культом Пта в Мемфисе.⁶⁾ Очень многие фараоны 13-й династии, очевидно, являясь представителями различных социальных группировок, может быть, вознесенные на вершину власти восставшими средними слоями населения, не считали нужным даже в официальных надписях скрывать свое простое происхождение. Так, на некоторых надписях этого времени и в списках царей мы находим далеко не царские имена пятого царя 13-й династии Юфни, далее царя Иа-Иб, царствовавшего 10 лет [127] и 8 мес, некоего Мер-мешау, имя которого в переводе означает «начальник воинов». Две колоссальные статуи этого, весьма возможно, военного узурпатора, опиравшегося на войско, происходят из храма Пта в Танисе.⁷⁾ Человеком не царского рода был и Нехси, имя которого означает «негр» или «нубиец», и довольно часто встречается в качестве обычного имени частного человека. Очевидно, Нехси также, как Мер-мешау и некоторые другие эфемерные цари этого времени, могут быть отнесены к особой группе северноегипетских царей, особенно тесно связанных с Дельтой, а в частности с Танисом. Имя Нехси было обнаружено в краткой надписи на одном фрагменте каменного косяка из Таниса. В этой надписи упоминается «памятник Сэта, владыки Ра-Ахета».⁸⁾ Статуя Нехси найдена в Леонтополе, во внутренней дельте. На этой статуе сохранилась также надпись, в которой Нехси назван «любимым Сэтом из Авариса».⁹⁾ Все эти факты ясно указывают, что Нехси уже жил в эпоху, когда существовал город Аварис, ставший столицей гиксосов, и когда в Египте стал укрепляться культ бога Сэта, обычно отождествлявшийся с иноземными азиатскими богами (Бел, Решеф) и, очевидно, энергично насаждавшийся в Египте гиксосскими царями, как указывают краткие надписи этого времени и позднейшая историческая традиция.

Резкое социальное расслоение и обостренная классовая борьба привели к крупным социальным движениям, которые потрясли все здание вековой древнеегипетской государственности именно в эту эпоху ослабления центральной власти и иноземных вторжений. Против царя и царской власти подымаются орды азиатов-иноземцев и недовольные элементы внутри страны. На это указывают особые тексты «поношения иноземцев», сохранившиеся на черепках и относящиеся к 13-й династии. Как указывает издатель и комментатор этих текстов К. Зете, эти надписи содержат формы слов, типичные для Древнего царства, но облеченные в орфографию времени Среднего царства. Надписи сохранились на черепках, которые, очевидно, являются частями сосудов, разбиравшихся при совершении определенной религиозно-магической церемонии.

Магический обряд «разламывания красных горшков» с именами князей, племен и частных людей, враждебных царю, должен был символизировать магическое уничтожение всех этих враждебных царю элементов. Тут упоминаются азиаты на севере, нубийцы на юге, ливийцы на западе, отдельные иноземные князья, а также египтяне, очевидно, вожди восставших против царя. Надписи дают интереснейший историко-географический материал, характеризующий сферу влияния Египта в соседних странах и те пограничные зоны, которые требовали особенно внимательного отношения к себе со стороны египетского правительства, тая в себе большие для Египта опасности. Среди географических имен следует указать на Библ, Палайтир и Яримут, часто упоминающийся в амарнских текстах. Далее упоминаются местности южной Палестины: Аскалон, Иерусалим, местность Анак, страна [128] Шапа или Ашапа. Наконец, упоминаются и особые люди «из гавани», очевидно, беспокойный люд приморских городов, в частности сирийских, состоявший из рабов, бедняков и представителей средних слоев ремесленно-торгового городского населения. С этими людьми в эпоху крупных социальных сдвигов особенно приходилось считаться рабовладельческому государству, аристократии и царю.¹⁰⁾

Очень яркий свет на эти глубокие социальные движения проливают дидактические произведения времени Среднего царства, тесно смыкающиеся со своеобразными религиозно-философскими поэмами и трактатами. Поучения, вложенные в уста мудрецов Ипувера, Неферреху, Хахеперрасенеб-Онху, обращенные к царю Мерикара и высокохудожественная «Беседа разочарованного со своей душой» образуют типологически единый цикл литературных произведений, в которых описываются реально-исторические события, главным образом крупные народные движения, приводившие иногда к острой классовой борьбе.

Эта эпоха была также временем постепенного проникновения в Египет иноземцев-азиатов, приведшего в конце концов к завоеванию Египта иноземцами, за которыми историческая традиция закрепила название гиксосов.¹¹⁾ Наиболее уязвимым местом на границах Египта был Суэцкий перешеек, где издавна грозили мирным селениям земледельческого Египта азиатские племена и, в частности, кочевые орды азиатских бедуинов, которых египтяне называли хериуша, ментиу-сатет и аму. Поэтому со времен Древнего царства фараоны постоянно стремились, с одной стороны, укрепить северо-восточные границы Египта, с другой — замирить и подчинить себе беспокойные кочевые племена Синайского полуострова и Палестины. Эта задача была всегда одной из важнейших задач египетской внешней политики. Поэтому понятна та гордость, с которой гераклеопольский царь говорит в своем «Поучении», что «восточная граница государства ныне защищена от азиатских племен».¹²⁾ Но в эпоху крупных социальных смут накануне Нового царства Египет не был в состоянии дать отпор азиатским племенам. И мы видим, что в это время азиаты широкой волной вливаются в Египет. Дельта Нила стала доступной для иноземцев, иноземные ремесленники наводняют нижний Египет. Об этом мы читаем в Лейденском папирусе, автор которого грустно констатирует, что «иноземное племя пришло в Египет», «племена пустыни стали повсюду египтянами», «пустыня распространилась по всей земле», и «нигде нет больше египтян». Иноземцы захватывают все в свои руки. Сперва мирно проникая в Египет, они постепенно становятся хозяевами положения. На это ясно указывает Ипувер: «Каждая иноземная страна приходит. [Она говорит]: «это наша вода. Это наше благополучие». И что нам с этим делать? Все гибнет».¹³⁾ А в тексте Эрмитажного папируса говорится уже о военном вторжении азиатов [сети], вооруженных мечами, которые грабят страну и похищают упряжной скот с пашни.¹⁴⁾

Но кто были эти иноземцы? На этот вопрос должно дать ответ изучение этнического состава Передней Азии в начале 2-го тысячелетия до х. э. Последние раскопки, произведенные на территории [129] Сирии, Малой Азии и Месопотамии, а также детальное изучение ряда переднеазиатских языков указывают, что древнейшим этническим элементом, населявшим страны Передней Азии, была так называемая группа азианических народов, в состав которой входили эламиты, гутии, касситы, жившие в горных областях к востоку от Тигра, субарейцы, населявшие северную Месопотамию, протохетты, занимавшие восточную часть Малой Азии, и хурриты, обитавшие в северной Сирии и северо-западной Месопотамии. Лингвистические данные указывают на близость, существовавшую между этими народами. Так, между словами касситского и эламского языков мы можем наблюдать лишь диалектические различия. Некоторые элементы роднят касситский язык с протохеттским. Так, касситскому слову *mīri-jaš* соответствует эламское слово *muru* [земля]. В касситском, как и в эламском, имена богов кончаются на *-ak*, например, касситское *Šip-ak* [Мардук] и эламское *Tišr-ak* [Энурта]. В касситском языке обычное окончание существительных на *-(i)āš* больше соответствует хурритскому суффиксу, чем восточнозагрскому *si/še*. Одинаковые корни сближают касситский язык с протохеттским. Таковы касситское *b/mašhu* и протохеттское *wašha-b* [бог]. Наконец, в касситском и в хурритском мы наблюдаем чередование плавных и носовых и наличие двойной согласной *-tl-* [Табарна-Лабарна, Луллу-Нуллу, Ханигальбат-Халигальбат].¹⁵⁾

В настоящее время мы уже можем восстановить хотя бы в общих чертах картину взаимоотношений, существовавших между этими народами. Начало 2-го тысячелетия до х. э. было временем крупных племенных сдвигов и политических переворотов, происходивших на всей территории Передней Азии. В восточной части Малой Азии древнейшие протохеттские племена сталкиваются с племенами хеттов-неситов. Царь племени неситов Анитта образует обширное государство со столицей в Неша.¹⁶⁾ В 18-м веке, очевидно, в царствование хеттского царя Муршиля I, хеттские войска вторгаются в Месопотамию, захватывают Вавилон и увозят оттуда богатую добычу в Хаттушаш. В одном историческом документе говорится, «что хетты двинулись против царя Самсудитаны в страну Аккад».¹⁷⁾ С другой стороны, с востока на Месопотамию надвигаются полчища касситов, которые, очевидно, сперва проникают в Вавилонию в качестве колонистов и наемников, а затем, привлекаемые богатствами плодородной долины и древних цветущих городов, завоевывают значительную часть Двуречья. Вождь касситов Гандаш захватывает Вавилон и называет себя в своих надписях «царь четырех стран света, царь Шумера и Аккада, царь Вавилона». Он укрепляет господство касситов в Вавилонии и основывает династию касситских царей. Наконец, начиная с эпохи Хаммурапи, вавилонским царям приходится вести упорную борьбу с местным туземным населением северной Месопотамии, которое в вавилонских надписях называется субари и которое жило в стране, называвшейся по-шумерийски Субир, а по-аккадски Субарту. Позднее, этот народ ассирийцы называли шубару. Еще Саргон древний, царь Аккада, воевал со страной Субарту. Как видно [130] из документов, недавно найденных в развалинах царского дворца в Мари, Хаммурапи, ведя борьбу с этими северными горными племенами субари, которые теперь называются субарейцами, принужден был заключить против них военный союз с царем Мари, Зимрилимом. Очевидно, эти племена были многочисленными, сильными племенами, которые даже, возможно, образовали племенной союз в северной Месопотамии.¹⁸⁾ На очень широкое распространение субарейцев и влияние субарейской культуры указывает целый ряд фактов. Так, древние цари Ашшура носили субарейские имена Ушпия и Кикия. На обширной территории от района северного течения Тигра вплоть до Ниппура были найдены документы, содержащие субарейские имена. К востоку от Тигра, около Керкука, были найдены глиняные таблички, покрытые аккадскими надписями, содержащими субарейские имена.

Раскопки Чиеры обнаружили здесь остатки чисто субарейского поселения. Субарейское влияние проникает и на запад, в области Амурру, населенные семитами, в Сирию и в Палестину. Документы из Аррафа, содержащие субарейские имена, указывают на распространение субарейцев к западу от Евфрата. Одно письмо из Тунипа, очевидно находившегося в области Оронта между Хаматом и Кадешем, содержит субарейские слова и глоссы. Такие же субарейские глоссы можно найти и в письме из Катны. Имя правителя Иерусалима Абд-Хипа содержит в себе имя субарейской богини Хипа [или Хепа]. В северной Палестине жило довольно много субарейцев, на что указывают субарейские имена, обнаруженные в документах, найденных Зеллином в Тель-Таанаке. Очень близки по своему этническому составу и по своему языку к субарейцам хурриты [или харрийцы]. Название этого племени встречается в аккадских надписях в форме *Hur-gi*, в хеттских надписях в форме *Hur-la* и в хурритских надписях в форме *Hur-w-u*. Судя по надписям, найденным в Богаз-кеое, в Рас-Шамра и в Нузи, хурриты во втором тысячелетии до х. э. населяли обширную территорию от Анатолии до Элама и от Армении до Египта. Центром большого хурритского государства был, по мнению Грозного,¹⁹⁾ город Хурра, находившийся, возможно, на месте нынешнего города Урфа в северной Месопотамии. В первой половине 2-го тысячелетия до х. э. в Сирии существовало большое хурритское государство. Поэтому Сирия в хеттских надписях называется Хурри, а в египетских Хор [или Хару]. Хурриты проникали в области Малой Азии, населенные хеттами. На это указывают религиозные и литературные тексты на хурритском языке, найденные в государственном архиве хеттских царей в Богазкеое. Последними остатками этих хурритов, очевидно, являются хориты, упоминаемые в Библии (греч. *χοριτες*). Однако это племя уже сильно пропитано семитскими элементами.²⁰⁾ Все эти факты показывают, что в первой половине 2-го тысячелетия до х. э. субарейско-хурритские племена образовали большое государство, охватывавшее северную Месопотамию, Сирию и Палестину. Весьма возможно, что к этим племенам принадлежали также и гиксосы, завоевавшие Египет в XVIII веке до х. э. Гетце предполагает, что это большое хурритское государство тождественно [131] с гиксосским. К этой точке зрения с некоторыми оговорками присоединился и Густаве, который сближает гиксосское имя *Šmkn* с именем субарейского бога *Šimike*.²¹⁾ Конечно, эта гипотеза еще нуждается в ряде подтверждений. Однако совершенно несомненным является факт постепенной инфильтрации азиатских племен, очевидно, как хуррито-субарейских, так и семитских, в Египет с начала 2-го тысячелетия до х. э.

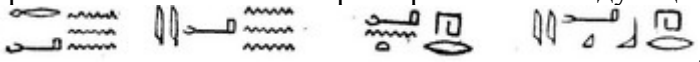
Азиаты стали проникать в качестве торговцев и колонистов в Египет уже в эпоху Среднего царства. Так, на одном барельефе в гробнице номарха Хнум-хотепа в Бенихассане изображено 37 людей из азиатского племени аму во главе со своим вождем Ибша. Они преподносят номарху в виде дара притирания для глаз. Очевидно, это либо торговое посольство, либо колонисты, которые просят у номарха разрешения поселиться в Египте. Вождь этих азиатов аму носит титул — «правитель иноземной страны», совершенно тождественный с теми титулами, которые носили впоследствии гиксосские цари.²²⁾ На тесные торговые и культурные связи, соединявшие Египет с Сирией, указывает и то место в известном «Рассказе Синухета», где говорится, что Синухет давал приют послам «отправлявшимся на север или на юг ко двору».²³⁾ Когда же в конце Среднего царства, после блестящих царствований фараонов 12-й династии, Египет стал переживать период внутренних смут, усобиц и упадка, эта инфильтрация азиатских племен в Египет усилилась. Азиатские племена, пользуясь временным ослаблением египетского государства, стали все в большем и большем количестве и все глубже проникать в Египет. На это ясно указывают слова Ипувера «Племена пустыни стали людьми [т. е. египтянами] во всяком месте» в тексте Лейденского папируса № 344 — recto, который рисует картину большого социального переворота, происшедшего в Египте на рубеже между Средним и Новым царством.²⁴⁾

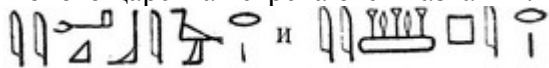
Рис. 26. Ручка кинжала с именем Нехемена. Найден в Саккара. Каирский музей. Гиксосская эпоха.

Постепенная инфильтрация азиатов в Египет в эпоху значительного ослабления египетского государства подготовила завоевание Египта гиксосами. В состав этих гиксосских племен входили, очевидно, как хурритосубарейские племена, так и племена семитов, на что указывает целый ряд фактов. Так, некоторые гиксосские имена носят ярко выраженный семитский характер. Таковы следующие имена:

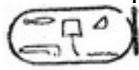

Особенно интересны последние, очевидно, теофорные имена, в состав которых входят имена сирийской богини Анат и древнеханаанского героя Якова. Между прочим, среди географических названий Палестины в египетских надписях Нового царства встречаются названия:

, очевидно, названия [132] местностей, образованные по именам племенных эпонимов Якова и Иосифа. Весьма возможно, что эти племена палестинских семитов входили в состав гиксосской группы племен. Далее, в гробнице царицы Ипуит в Саккара был найден гроб с именем некоего Аабд и в нем кинжал с именем гиксосского царя Апопи, а также некоего Нехемен [рис. 26]. Оба имени [Аабд —

Нехемен], несомненно, семитского происхождения.²⁵⁾ Наконец, в надписи Яхмоса, сына Иабаны, приведены имена 19 пленников, взятых им у гиксосов. Среди них мы находим три семитских имени.²⁶⁾ Слова, служившие для обозначения лошади и колесницы (ssmt, mrkbt, °glt), проникшие в Египет в гиксосскую эпоху, носят также явно выраженный семитский характер.²⁷⁾ Египтяне, заимствовав у гиксосов колесницу и лошадь, заимствовали у них и соответствующие семитские слова, служившие для их обозначения. Некоторые религиозные верования гиксосов можно сопоставить с религиозными верованиями народов, населявших Палестину и области, лежавшие к западу от Евфрата. Так, в рассказе папируса Саллье № 1 говорится о том, что гиксосский царь Апопи-Ра, правивший в Аварисе, «назвал Сутеха своим владыкой и не служил никакому другому богу во всей стране, кроме Сутеха. Он построил ему храм прекрасной работы навеки у ворот царя Апопи-Ра. И он вставал каждый день, чтобы приносить ежедневные жертвы Сутеху. И вожди, подвластные царю, были там с гирляндами цветов, подобно тому, как это делалось в храме Ра-Горахте».²⁸⁾ С этим следует сопоставить и значение имени

гиксосского царя «осел силен». Последние раскопки указывают на существование древнего культа осла и лошади в Палестине. В гиксосских могилах со скарабеем Апопи Газе и в Бет-Пелет были найдены захоронения ослов. Так, в [133] гробнице № 101 в Газе найдены остатки четырех ослов, положенные на более высоком уровне, чем труп человека. Весьма возможно, что эти осла были принесены в жертву. В той же Газе найдены были и особые погребения человека с лошастью [гробница № 411].²⁹⁾ Осел считался культовым животным и в древней стране Мари. Так, в дипломатических письмах из архива дворца в Мари встречается любопытная фраза ^{imer}ḥayari qatâlu (m), означающая в переводе «убивать ослят». В одном письме мы читаем: «Я отправил послание к Бина-Иштару. Бина-Иштар ответил мне следующее: «Я убил осленка вместе с Кармилимом и во имя богов вот, что я объявил Кармилиму: если ты согрешишь против Зимрилима и его войск, я встану на сторону твоего врага».³⁰⁾ Отсюда следует, что в стране

Мари ритуальное убиение осленка было торжественным жертвоприношением, совершавшимся обычно при заключении политического союза. Наконец, следы этого культа осла сохранились и в поздней библейской традиции. Так, в Книге чисел рассказывается о вещи ослице Валаама:

«Валаам встал по утру, оседлал ослицу свою и пошел с князьями моавитскими. И воспылал гнев божий за то, что он пошел, и стал ангел господен на дороге, чтобы воспрепятствовать ему. Он ехал на ослице и с ним двое слуг его. И увидела ослица ангела господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и своротила ослица с дороги и пошла на поле, а Валаам стал бить ослицу, чтобы возвратиться на дорогу. И стал ангел господен на узкой дороге между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена. Ослица, увидев ангела господня, прижалась к стене и прижала ногу валаамову к стене, и он опять стал бить ее. Ангел господен опять перешел и стал в тесном месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево. Ослица, увидевши ангела господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама и стал он бить ослицу палкой.

И отверз уста ослицы господь, и она сказала Валааму, «что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз». Валаам сказал ослице: «За то, что ты поругалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя». Ослица же сказала Валааму: «не я ли твоя ослица, на которой ты ездил сначала до сего дня? Имела ли я привычку так поступать с тобой?» Он сказал: «нет».

И открыл господь глаза Валааму, и увидел он ангела господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке и преклонился, и пал на лицо свое. И сказал ему ангел господен: «За что ты бил ослицу свою вот уже три раза? Я вышел, чтобы воспрепятствовать тебе, потому что путь твой неправ передо мной. И ослица, видевши меня, своротила от меня вот уже три раза. Если бы она не своротила от меня, то я бы убил тебя, а ее оставил бы живой».³¹⁾

На пережитки древнего культа осла указывает и перечень жертвенных животных в книге Исхода: «Все разверзающее ложесна мне, как и весь скот твой мужеского пола, разверзающий ложесна из волов и овец: первородного из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь, то выкупи его: всех первенцев из сынов твоих выкупи; пусть не являются перед лицо мое с пустыми руками».³²⁾ Все эти факты [134] указывают, что в состав гиксосских племен входили племена семитов. Семитское происхождение гиксосов особенно резко подчеркивают Дюссо, Монтэ, Бурхардт и Вольф.³³⁾ Но, с другой стороны, нельзя отрицать некоторого родства между гиксосами и хуррито-субарейскими племенами Передней Азии. Так, гиксосское имя *Šmkn* очень близко к митаннийскому имени *Šimike*.³³⁾ Далее египтяне называли гиксосов *ꜥꜣmw*, совершенно так же, как и хеттов, участвовавших в битве при Кадеше.³⁴⁾ Таким образом, остается предположить, что в состав гиксосских полчищ, вторгшихся в Египет, входили как семиты, так и хурриты, населявшие Сирию.

Некоторые исследователи даже предполагают, что в начале 2-го тысячелетия до х. э. в связи с продвижением хеттов в северной Месопотамии и в Сирии образовалось большое гиксосско-хурритское государство, которое в XVIII веке в лице гиксосов завоевало Египет.³⁵⁾ На это указывает широкое распространение скарабеев гиксосского типа по всей Сирии и обнаружение в восточной Дельте и в Сирии особых поселений и целого ряда предметов, похожих по своему типу, которые обычно относятся к так называемой гиксосской культуре. Типичны в этом отношении медные серьги и булавки, бронзовые булавки и кинжалы, наконец, совершенно отличная от египетской черная и красная керамика, иногда покрытая резным линейным орнаментом. Палеографические

особенности начертаний некоторых иероглифов, своеобразный орнамент и изображения грифонов дают возможность выделить особую группу так называемых «гиксосских скарабеев», которые в большом количестве были найдены в Сирии, в частности, в гробнице № 37 в Мегиддо.³⁶⁾ Мотив грифона роднит гиксосское искусство с хеттским, указывая на присутствие хурритских племен среди гиксосов.³⁷⁾ Гиксосские поселения и лагеря были найдены около Тель-эль-Иехудиэ, в Бет-Иерах и в Хазоре.³⁸⁾ Ольмстед и Брэстед предполагают, что последним остатком этой крупной гиксосской державы в Сирии был Кадеш, сосредоточивший вокруг себя целый ряд мелких сирийских государств и потому оказывавший столь упорное сопротивление египетским завоевателям.³⁹⁾

Рассказ о завоевании гиксосов сохранился, к сожалению, только в очень поздней и потому, очевидно, искаженной версии, в фрагменте исторического труда Манефона.⁴⁰⁾ Манефон рассказывает, что «был у нас царь по имени Тимайос (или Тутимайос), в чье царствование случилось, не знаю почему, что бог был нами недоволен и что пришли нечаянные люди поганого племени с восточной стороны, обладавшие достаточной смелостью, чтобы итти походом на нашу страну и насильно покорившие ее без единой битвы. И после того, как они подчинили себе наших правителей, они варварски сожгли наши города и разрушили храмы богов и поступили со всеми жителями самым враждебным образом: некоторых они убили, а у других увели в рабство жен и детей. Наконец, они выбрали из своей среды царя по имени Салатис, и он жил в Мемфисе и заставил как Верхний, так и Нижний Египет платить дань и поместил [135] гарнизоны во всех наиболее подходящих местах. И особенно укрепил он восточную часть, ибо предвидел, что ассирийцы, обладавшие в то время наибольшим могуществом, прельстятся их царством и нападут на них. И найдя в Саисском номе город, весьма подходящий для его цели (лежавший на восток от Нильского рукава вблизи Бубастиса и вследствие известных богословских воззрений называвшийся Аварисом), он его перестроил и весьма укрепил посредством стен, которыми он его обнес, и большого гарнизона в 240000 вооруженных людей, которых он поместил в нем для его защиты. Туда Салатис являлся каждое лето частью затем, чтобы собирать жатву, а частью затем, чтобы муштровывать своих воинов и тем устрашать чужеземцев».^{40a)}

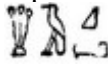
В этом рассказе Манефона поздние воспоминания о реальных исторических событиях уже сильно перемешаны с целым рядом легенд. Все повествование Манефона пропитано ярко выраженными тенденциями. Религиозная тенденция жреца Манефона сквозит в его указании на то, что основной причиной завоевания Египта гиксосами было то, что «бог был недоволен нами» (т. е. египтянами. В. А.). Великодержавная тенденция египтянина Манефона прорывается в презрительной кличке «поганое племя», которое он дает гиксосам. Наконец, проегипетская тенденция Манефона видна в его красочном описании того жестокого террора, который, по его словам, гиксосы установили в Египте. Легендарным анахронизмом является указание на то, что гиксосы боялись вторжения ассирийцев, которые в те времена, по словам Манефона, были сильнейшим народом. Несомненно легендарно и преувеличение численности гарнизона Авариса. Если принять во внимание, что в эпоху большого напряжения военных сил всей страны египетский фараон Рамзес II двинул против хеттов 30-тысячную армию, то вряд ли гиксосы могли держать в Аварисе 240000 воинов. Однако в рассказе Манефона мы найдем и целый ряд правильных указаний. Так, Манефон, продолжая свой рассказ о гиксосах, сообщает и название иноземцев «гиксосы», причем даже делает любопытную попытку истолковать это слово. Он дает две этимологии. Во-первых, он объясняет это слово, как «пленные пастухи» (Ἀιχμάλωτοι ποιμένες), а во-вторых, как «цари пастухов» (Βασιλεῖς ποιμένων). И в том и в другом случае этимологии, приводимые Манефоном, вполне правдоподобны. Слово «гиксосы» может восходить к египетским словам «цари (или правители) пастухов»

, как указывает Манефон, говоря, что слово *úk* в священном

гиероглифическом языке обозначает слово «царь», а слово σός в народном демотическом языке — слово «пастух».⁴¹⁾ Однако, возможно, что первая половина слова «гиксос»

восходит к египетскому слову «пленный» . Это тем более вероятно, что в надписи

Пианхи смешиваются слова [136] «правитель» и «пленный» .⁴²⁾ Но, пожалуй, вернее всего, слово «гиксосы» является греческим искажением египетских слов «вожди

пустынных стран» ,⁴³⁾ которые встречаются в надписи Уны времени Древнего Царства, в рассказе Синухета, в Бенихассанской надписи, наконец, в титулатуре гиксосских царей.⁴⁴⁾ Характерно в данном случае, что эти слова «вождь пустынных стран» служили в египетских надписях всегда для обозначения «правителя иноземных пустынных стран». Таков, например, «начальник пустынных иноземных стран Аму-Ибша», который является во главе посольства из 37 типичных азиатов к бенихассанскому номарху.⁴⁵⁾ Вполне историчны и правдоподобны также и другие указания Манефона.^{*} Имя царя Тимайоса [или Тутимайоса] может быть сопоставлено с именем египетского фараона Дидимесу.⁴⁶⁾

Чрезвычайно характерна для египетского великодержавия та презрительная кличка, которая дана Манефоном вторгшимся иноземцам. Так, мы знаем, что египтяне называли Нубию «подлой страной Куш».⁴⁷⁾ На мирное проникновение азиатов в Египет указывают вышеприведенные тексты из «Поучений» этой эпохи. О жестоком терроре, который установили иноземцы-гиксосы, и о том, как они преследовали египетскую религию, мы узнаем из папируса Саллье № 1 и из надписи Хатшепсут в Спеос-Артемидос. Так, в папирусе Саллье № 1 рассказывается о гиксосском царе Апопи-Ра, который «назвал Сутеха своим владыкой и не служил никакому другому богу во всей стране, кроме Сутеха»⁴⁸⁾ и который послал правителю юга, фиванскому царю Секенен-Ра такое послание: «Если правитель юга не ответит на мое послание, то пусть он не служит никакому другому богу, кроме Сутеха».⁴⁹⁾ О преследовании гиксосами египетской религии говорится и в надписи Хатшепсут в Спеос-Артемидос: «Я восстановила то, что было в развалинах... со времен пребывания азиатов в Северной стране и в Аварисе, которые вместе с шемау были заняты разрушением. Они поставили себе царя и правили в неведении Ра, и не было никого, кто действовал бы по приказам бога до тех пор, пока не явилось мое величество».⁵⁰⁾ Вполне исторично указание Манефона, что Аварис был столицей гиксосов. Наконец, вполне правдоподобно указание Манефона, что гиксосский царь Салатис наложил дань на Египет и ежегодно являлся в Египет, чтобы там собирать жатву. С этим прекрасно вяжутся слова папируса Саллье № 1: «вся страна ему платила дань изделиями и всеми хорошими вещами Та-мери (Египет)».⁵¹⁾ С другой стороны, целый ряд приведенных выше фактов заставляет предполагать существование обширного гиксосского государства, которое [137] охватывало часть Сирии. Это подтверждается также и тем, что Яхмос I, изгнавший гиксосов из Египта, принужден был в течение шести лет осаждать город Шарухен в Палестине, который, очевидно, был одной из твердынь гиксосского могущества в Сирии.⁵²⁾ Поэтому у нас нет никаких оснований предполагать, как делает Вейлль, что этот рассказ Манефона, так же, как и соответствующие египетские рассказы и упоминания об изгнании гиксосов в более поздних египетских надписях, есть не что иное, как различные вариации одной и той же старинной легенды о том, какие бедствия претерпевал Египет, будучи завоеван иноземцами и как он был освобожден тем или иным египетским фараоном от ига завоевателей. Конечно, во всех этих рассказах имеются чисто беллетристические и даже легендарные элементы, но все они восходят к вполне реальному историческому факту завоевания Египта азиатами, на что указывает ряд вполне документальных надписей и исторических памятников.⁵³⁾

Вторжение гиксосов в Египет и завоевание ими всей страны было, очевидно, довольно длительным процессом. Воспользовавшись внутренней слабостью Египта, глубокой

социальной смутой и раздроблением государства на целый ряд мелких самостоятельных княжеств, среди которых несколько выделялись лишь Фивы, где укрепилась династия «царей юга», азиатские племена стали постепенно проникать в Дельту, захватывать там пастбища для своего скота; отряды азиатских воинов стали поступать на службу к мелким царькам Нижнего Египта, образуя основу их военной силы. Вожди азиатских племен стали получать поместья и даже целые области в свое управление. Наконец, вслед за этим мирным проникновением произошло крупное военное вторжение. Ослабленный изнутри Египет стал добычей азиатских завоевателей гиксосов. Это, очевидно, произошло еще при последних царях 13-й династии. Так, на одном обломке каменного косяка, найденном в Танисе, сохранилась надпись царя Нехси, в которой упоминается «памятник Сэта из Ра-Ахета».⁵⁴⁾ Статуя этого Нехси была найдена в Леонтополе [Тель-Мокдам] во внутренней Дельте. Надпись на этой статуе содержит характерные слова «Любимый Сэтом из Авариса».⁵⁵⁾ Упоминание в этих надписях имени бога Сэта, который считался египтянами богом пустынных иноземных стран и всегда сопоставлялся с азиатским богом Белом и которого надписи называют богом гиксосов, а также упоминание гиксосской столицы Авариса ясно указывают на то, что царь Нехси [негр] был одним из маленьких царьков, который сохранил свою власть при гиксосах, но принужден был подчиниться власти верховного гиксосского царя, на что указывает упоминание Сэта в его надписях. Это становится особенно заметным, если сравнивать его надписи с надписями его предшественников Мер-мешау и Себекхотепа IV, которые себя обычно называли «любимый богом Пта из Мемфиса». Изменение государственного режима нашло свое отражение в изменении государственной религии.

Списки Иосифа и Африкана содержат по шести имен гиксосских царей. Египетские памятники и, главным образом, скарабеи этой [138] эпохи сохранили нам значительно большее количество имен, однако, все же крайняя скудость документальных данных все еще не позволяет в полной мере охарактеризовать эпоху гиксосского завоевания. Очевидно, одним из первых гиксосских царей, правивших в Египте, был некий Нубти-Сэт, к царствованию которого, судя по одной надписи Рамзеса II, относится начало особой храмовой эры, связанной с установлением культа Сэта в Танисе. Возможно также, что этот царь построил первое святилище Сэта в Танисе. Египетские памятники не сохранили нам никаких сведений об именах тех первых трех гиксосских царей Салатис, Бнон и Апахнан, которые сохранила нам позднейшая историческая традиция. Как предполагали Генгстенберг и Ольмстед, имя «Салатис» есть не что иное, как семитское слово «правитель».⁵⁶⁾ Возможно, что это был иноземный титул, который впоследствии стал собственным именем. Имя Бнона можно сопоставить с египетским именем Бебнем, которое встречается в Туринском царском папирусе.⁵⁷⁾ Значительно лучше известен нам Хи-ан, которого мы можем отождествить с пятым гиксосским царем по списку Иосифа, носившим имя Ианнас. На многочисленных скарабеях и печатях Хиана сохранились его титулы: «правитель иноземных стран», «благодетель» и «благодетель бог», которые указывают на постепенную замену иноземной титулатуры традиционными титулами египетского фараона. Хиан принимает даже чисто египетские титулы и имена «сын солнца Сусер-ен-Ра-Гор, охватывающий страны, любимый своим двойником».⁵⁸⁾

Рис. 27. Нижняя часть статуи времени Среднего царства. На пьедестале надпись с именем царя Хиана. Найдена в Бубастисе. Каирский музей. Гиксосская эпоха.

Имя Хиана «охватывающий страны» указывает на его стремление восстановить былую мощь египетских фараонов и объединить под своей властью Египет и соседние страны. Можно думать, что Хиан господствовал почти над всем Египтом. Имя его было найдено на куске черного гранита в Гебелеине, в Верхнем Египте, а также на пьедестале статуи [рис. 27] времени Среднего царства, обнаруженной в Бубастисе. Его власть, возможно, простиралась и на Палестину и, может быть, также и на Сирию, так как в Гезере были найдены [139] скарабеи с его именем. На расцвет Египта и усиление торговли в эту эпоху указывают находки египетских предметов с именем Хиана далеко за пределами Египта. Так, на Крите под фундаментами второго Кносского дворца была найдена алебастровая крышка сосуда с именем Сусер-ен-Ра Хиана,⁵⁹⁾ а в Багдаде был приобретен маленький базальтовый лев, на груди которого вырезана надпись с титулом и именем Хиана «благый бог Сусер-ен-Ра» [ныне хранится в Британском музее № 987]. Очевидно, время царствования Хиана было временем наибольшего усиления гиксосской державы и гиксосских царей, правивших в Египте.⁶⁰⁾

Рис. 28. Верхняя часть статуи правителя времени гиксосского завоевания. Каирский музей.

Далее на скарабях этой эпохи встречается целый ряд азиатских имен гиксосских царей, среди которых выделяются имена Анат-хер и Якоб-хер, в состав которых входят имена сирийской богини Анат, культ которой, очевидно, в эту эпоху стал проникать в Египет, и имя ханаанского героя, может быть, племенного эпонима Якова.⁶¹⁾ С именем Анат-хер можно сопоставить египетское имя Анати, [140] встречающееся в Туринском папирусе.⁶²⁾ А имя Якоб-хер уже сопровождается чисто египетской титулатурой «сын солнца, дарующий жизнь»,^{62a)} что указывает на то сильное влияние, которое египетская культура оказала на иноземных завоевателей. Многие из этих мелких гиксосских царьков правили, недолго, многие, возможно, правили лишь в отдельных областях, подчиняясь верховному гиксосскому царю. Отметим в заключение трех крупных гиксосских царей, носивших довольно обычное в то время имя Апопи, которое встречается на египетских надписях, а также в списках Манефона в греческой форме Апофис. Чисто египетское имя первого из этих Апопи — Аа-усер-ен-Ра встречается на обломке письменных принадлежностей писца Иту. Особенный интерес в этой надписи представляет традиционная египетская титулатура царя, снабженная рядом любопытных эпитетов. Так, составитель этой надписи называет Аа-усер-ен-Ра «царем Верхнего и Нижнего Египта, дарующим жизнь вечно, подобно Ра ежедневно, сыном солнца от плоти его, живым подобием Ра на земле, подобно которому нет ни в одной стране, [героем] в день битвы, имя которого больше, чем имя всякого другого царя прославлено вплоть до иноземных стран». Этот маленький гимн, составленный в честь гиксосского царя, уже ясно свидетельствует о попытках восстановления египетской культуры и даже официальной египетской религии, очевидно, подвергавшейся гонению при первых гиксосских царях.⁶³⁾

Рис. 29. Бронзовый кинжал гиксосской эпохи. На ручке иероглифическая надпись с именем гиксосского царя Неб-хепеш-Ра. Найден в Саккара. Каирский музей. (в книге показан клинком вверх. HF)

Власть Аа-усер-ен-Ра простиралась не только на Нижний, но и на Верхний Египет, на что указывает камень с его именем, найденный в Гебелейне и хранящийся ныне в Каирском музее. Судя по дате математического папируса Ринда, Аа-усер-ен-Ра царствовал не менее 33 лет, время, вполне достаточное для организации крупного и сильного государства.⁶⁴⁾ Имя следующего гиксосского царя Апопи Нехепеш-Ра сохранилось на электронной художественно исполненной ручке [рис. 29] бронзового кинжала, найденной в Саккара, а также на одном фрагменте сосуда.⁶⁵⁾ Наконец, имя последнего царя Апопи, носившего, кроме того, имя Аа-кенен-Ра, обнаружено на фрагменте сосуда из Митрахинэ, далее на жертвеннике с надписью, в которой царь говорит о себе, что он «живой Гор, успокоивший обе страны, благой [141] царь Аа-кенен-Ра сделал этот памятник для отца своего Сэта, владыки Хат-уарита, так как он поверг все страны под его сандалии», а также на статуе царя Мер-мешау, найденной в Танисе, где Апопи опять называет себя «любимым Сэтом».⁶⁶⁾ Все эти надписи ясно указывают на объединительные и завоевательные тенденции этих гиксосских царей, при которых произошла столь любопытная ассимиляция между иноземным культом Сэта и традиционными формами древнеегипетской религии.

Столицей гиксосского государства, как указывает Манефон, был город Аварис в восточной части Дельты, в Саисском номе, к востоку от Бубастисского рукава Нила. Очевидно, это название Аварис вполне соответствует египетскому названию Хат-уарит, которое часто встречается в надписях гиксосских царей, а также в папирусе Саллье № 1, в качестве города, посвященного богу Сэту. Так, в тексте папируса Саллье говорится: «Случилось, что земля египетская принадлежала нечистым и так как не было в то время владыки царя ж. з. с., случилось, что царь Секенен-Ра ж. з. с. был правителем ж. з. с. юга и что нечистые города Ра находились в зависимости от Ра-Апопи ж. з. с. в Хат-уарите, и вся земля ему платила дань своими изделиями и хорошими вещами Египта. И вот, Апопи-Ра ж. з. с. назвал Сутеха своим владыкой и не служил больше никакому другому богу, который был во всей стране за исключением Сутеха; и он построил ему храм прекрасной работы и вечный у ворот царя Апопи-Ра ж. з. с, и он подымался каждый день, чтобы приносить ежедневные жертвы Сутеху. И князья правителя ж. з. с. находились там с гирляндами цветов, совсем так, как это делали в храме Ра-Горахте».⁶⁷⁾

Целый ряд памятников гиксосской эпохи с надписями, в которых упоминается «Сэт, владыка Хат-уарита» заставили некоторых исследователей предположить, что Аварис находился около Таниса. Так, на статуе царя Нехси из Тель-Мокдама сохранилась надпись: «Любимый [Сэтом], владыкой Хат-(уарита)». А на более поздней статуе царя Мернепта, найденной в Танисе, сохранилась аналогичная надпись «Любимый Сэтом, владыкой Хат-(уарита)».⁶⁸⁾ Это как бы подтверждается и раскопками Монтэ в Танисе, которые показали, что городские стены Таниса построены азиатами по правилам палестинской строительной техники. По палестинскому обычаю под этими стенами был похоронен ребенок.⁶⁹⁾ Однако ряд исследователей придерживается другой точки зрения. Вейлль, опираясь на литературные тексты и позднейшую традицию, считает, что Аварис и Гелиополь был одним и тем же городом.⁷⁰⁾ Наконец, Петри обнаружил остатки укрепленного лагеря гиксосской эпохи около Телль-эль-Иехудиэ и предположил, что именно они являются развалинами Авариса. Главными аргументами Петри в защиту такой локализации являются его указания на то, что Аварис был построен гиксосами для защиты Египта от иноземных завоевателей и поэтому он должен был находиться на дороге Вади-Тумилат; далее, что Аварис стоял на Бубастисском канале и, следовательно, должен был находиться между Мемфисом и Бубастисом. Петри очень резко возражает против локализации [142] Авариса около Таниса, так как в таком случае Манефон не мог бы говорить, что Аварис стоял на Бубастисском канале, а должен был указать местонахождение Авариса на Пелузийском, Танисском или Мендесском каналах.⁷¹⁾ Против локализации Петри высказался Эд. Мейер, который полагал, что ввиду своих незначительных размеров Тель-эль-Иехудиэ не мог быть столицей гиксосов, а был лишь маленьким гиксосским лагерем.⁷²⁾ Недостаток данных не позволяет в данное время точно локализовать местоположение Авариса. Однако несомненен тот факт, что Аварис находился в восточной части Дельты, очевидно, особенно густо заселенной гиксосами. Аварис должен был занимать выгодное географическое положение, являясь своего рода стратегическим подступом к Египту. С другой стороны, находясь в восточной части Дельты, Аварис являлся географическим центром большой гиксосской державы, в состав которой входил Египет, а также, возможно, некоторая часть Палестины и Сирии. Ведь образование большого египетского государства с крупными владениями в Азии заставило также и египетских фараонов 19-й династии, в частности Рамзеса II, перенести столицу именно в эту восточную часть Дельты. Эта часть Дельты была особенно сильно укреплена гиксосами, на что указывают остатки укрепленного лагеря, обнаруженного Петри в Вади-Тумилат около Тель-эль-Иехудиэ. Петри нашел здесь скарабеи, типично гиксосскую керамику и бронзовое оружие, в частности бронзовые кинжалы с узким плоским клинком, постепенно или резко суживающимся к концу. Находка пяти погребений с гиксосскими скарабеями и множество скарабеев, обнаруженных как внутри лагеря, так и вокруг него, в

особенности скарабея с именем Апопи и оправленного в золото скарабея с именем Хиана, позволили Петри отнести этот лагерь к гиксосской эпохе. Особенный интерес представляет этот укрепленный лагерь с точки зрения эволюции военной техники гиксосов. Первоначально этот лагерь был защищен лишь массивным земляным валом, т. е. защитники его строили свою оборону исключительно на применении отрядов лучников и, возможно, колесниц, которые должны были исключить, всякую возможность рукопашного боя возле лагеря или его штурма. Однако впоследствии этот земляной вал был заменен стенами, что свидетельствует о заимствовании гиксосами элементов древнеегипетского фортификационного искусства.⁷³⁾ Весьма возможно, что такое же гиксосское укрепление находилось в Абусир-эль-Мелеке около входа в Фаюмский оазис.⁷⁴⁾

Гиксосские цари правили в Египте немногим более одного столетия, приблизительно с конца XVIII века до 1580 г. до х. э. Длительное господство иноземцев в Египте должно было вызвать реакцию местного населения, стремившегося к восстановлению независимого египетского государства.

Борьба за объединение, как и в предшествующие периоды, началась, в Верхнем Египте, который все еще сохранял некоторую независимость, и население которого было менее связано с азиатами. Эту борьбу за освобождение Египта от иноземного ига возглавили энергичные [143] правители фиванского нома. Весьма возможно, что борьбу с гиксосами вели два фиванских правителя, жившие еще при Апопи III и носившие имена Секенен-Ра и прозвища «Великий» и «Храбрый». Секенен-Ра Храбрый был рослый воин, умерший от раны в голову, как ясно видно на его мумии. Может быть, он получил эту рану в бою с гиксосами. Во всяком случае образ его сохранился в исторической легенде, текст которой дошел до нас на папирусе Саллье № 1, который хранится в Британском музее.

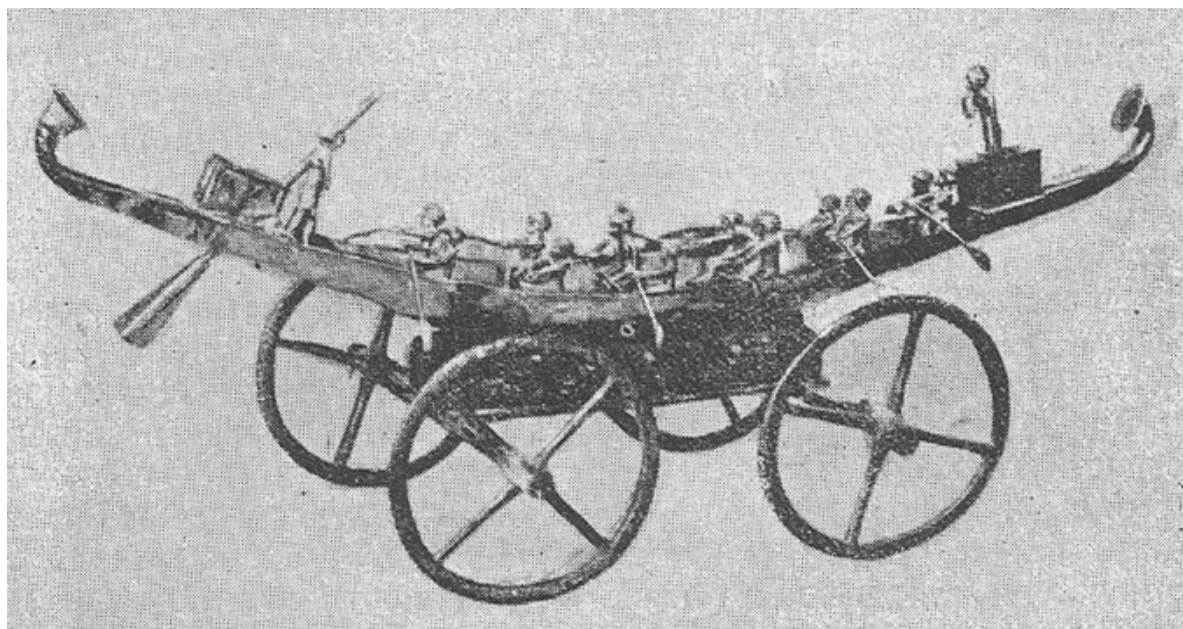

Рис. 30. Золотая модель погребальной лодки на колесах, принадлежавшая фараону Камесу. Начало Нового царства.

В этой легенде рассказывается о том, как царь Апопи, живший в Аварисе и поклонявшийся Сэту, посылает гонца к царю Секенен-Ра, правившему в «южном городе» [Фивах] и поклонявшемуся Амон-Ра, с требованием, «чтобы прогнали на пруд гиппопотамов, которые находятся в [каналах] страны, чтобы они вернули мне сон как днем, так и ночью».⁷⁵⁾ Чрезвычайно характерно здесь противопоставление гиксосской

религии Сэта египетскому культу Амона. Война за освобождение Египта облекается в форму религиозной войны под знаменем государственного бога Египта. Эта борьба с гиксосами разворачивается в подлинную большую освободительную войну за восстановление независимого египетского государства при фиванском царе Камесу, от которого сохранилось его копье и золотая ладья [рис. 30] из его гробницы, покрытые надписями. Перед именами царя помещено изображение льва. Камесу был мощным правителем, совершавшим походы в Нубию. Его имя сохранилось на скале в Тошке между Дерром и Абу-Симбелем. Очевидно, Камесу поставил своей целью объединить под своей властью не только весь Верхний Египет, но и Нубию, чтобы все соединенные силы юга противопоставить гиксосам. Имя Камесу сохранилось и в позднейших исторических легендах, как [144] имя народного героя, борца за освобождение страны от иноземного ига. В одном школьном упражнении на историческую тему подробно описывается та война, которую Камесу вел с гиксосами. Религиозная тенденция этого исторического рассказа видна уже в первых строках. Камесу изображается в качестве могущественного фиванского царя, которому покровительствует сам верховный бог солнца Ра. По словам автора, Камесу был «могучий царь в Фивах... навеки наделенный жизнью — прекрасный царь. Сам Ра поставил его царем и воистину даровал ему победу».

Дальше рассказывается о том, что Камесу, замыслив начать войну за освобождение Египта от ига гиксосов, созывает в своем дворце совет вельмож, жалуется им на раздробленность страны и сообщает им свой план начать военные действия против иноземных угнетателей.

«Его величество так начал говорить в своем дворце перед собранием вельмож своей свиты: «Я хочу знать, к чему мне служит моя сила. Один князь сидит в Аварисе, а другой — в Нубии, а я сижу здесь вместе с азиатом и негром. Каждый владеет куском Египта и делит страну со мною... вплоть до Мемфиса. Смотри, он уже владеет Шмуном, и никто его не останавливает... Я устремлюсь на него и распорю ему его живот: мое желание спасти Египет и разбить азиатов».

Но несмотря на то, что причины войны изложены достаточно четко, аристократы, созванные царем на совещание, не разделяют его образа мыслей и не одобряют военных планов царя. Они указывают на экономическую мощь и независимость южного Египта и советуют царю вести миролюбивую политику, ограничиваясь в случае необходимости лишь оборонительными действиями против врага. По словам вельмож, южному Египту пока не угрожает непосредственная опасность от азиатов, сидящих далеко на севере, в Аварисе.

«Вельможи его палаты ответили ему: «Смотри! ведь если бы азиаты и дошли до Кузы и все бы показали нам свои языки, то все же мы спокойны в нашем Египте. Элефантина сильна, и середина страны принадлежит нам до Кузы. Самые лучшие ее поля вспахиваются для нас, а наши быки — в Дельте. Пшеницу посылают для наших свиней, а наших быков у нас не отнимают... Он владеет страной азиатов, а мы владеем Египтом. Если же они придут и на нас нападут, то мы будем иметь дело с ним».

Однако соображения вельмож, советующих царю сохранить в стране существующее положение и продолжать миролюбивую политику, не кажутся царю достаточно убедительными. Камесу одушевлен стремлением освободить весь Египет от ига иноземцев. Очевидно, в данном случае автор этого текста ставит своей целью изобразить «народного героя» Камесу в качестве главного инициатора освободительной войны.

«Но эта речь не понравилась его величеству. «Ваша мысль неправильна, и я все же буду сражаться с азиатами... плачет вся страна. В Фивах скажут обо мне: «Камесу — защитник Египта»».

Дальше описывается ход военных действий, начатых Камесу, несмотря на оппозицию вельмож. Египетское войско, в состав которого [145] входят отряды союзных нубийских племен, движется вниз по Нилу, очевидно, опираясь на довольно значительный флот. Население поддерживает египетскую армию, снабжая ее всем необходимым. Опираясь на эту поддержку населения, Камесу одерживает над гиксосами большую победу, уничтожает их укрепления и захватывает крупную добычу.

«Тогда я отправился победоносно вниз по течению, чтобы прогнать азиатов по приказу Амона, который руководится истинными мыслями. Мое храброе войско шло впереди меня, как огненное пламя; вспомогательные войска маджаев были нашими [союзниками]... чтобы уничтожить бедуинов и опустошить их стоянки. Запад и восток доставляли жиры и вино, и войско всюду было снабжено продовольствием. Я послал вперед сильный вспомогательный отряд маджаев, а я остался на страже... чтобы удержать Тети, сына Пеги в городе Нефруи-Си. Я не выпустил его и удержал азиатов. Я провел ночь на моем корабле с радостным сердцем. Когда наступил день, я ринулся на него, как сокол. Когда наступило время «запаха рта», я прогнал его и разрушил его стену и убил его людей. Я заставил его жену спуститься [пленицей] к гавани, и мои воины были подобно львам, нагруженные добычей, стадами, жиром и медом; и они поделили эти вещи с радостным сердцем...».⁷⁶⁾

Таким образом, главной целью всего этого исторического рассказа является описание одного из эпизодов войны за освобождение Египта от власти гиксосов и прославление царя Камесу, в качестве одного из героев этой борьбы с иноземцами. Особенно характерны в этом отношении слова царя „В Фивах скажут обо мне: «Камесу — защитник Египта»”.

Однако окончательная победа над гиксосами была одержана лишь позднее, при первом фараоне 18-й династии, Яхмосе I. Прекрасный исторический документ этой эпохи, автобиография начальника гребцов Яхмоса, сына Иабаны, сохранила описание перипетий этой последней упорной борьбы египтян с гиксосами. В этой автобиографии, высеченной на стенах гробницы Яхмоса в Эль-Кабе, очень кратко описываются важнейшие события его жизни, его подвиги и награды во время последней войны египтян с гиксосами. Очевидно, это был один из последних этапов войны. Центр гиксосского могущества в Египте, город Аварис был осажден египетскими войсками. В осаде Авариса принимали участие египетская пехота и военные корабли. Под стенами Авариса происходили упорные бои на суше, а также на кораблях. Дело доходило до ожесточенных рукопашных схваток. Весьма возможно, что силы сражавшихся были приблизительно одинаковы, а укрепления Авариса достаточно сильны, чтобы долго противостоять атакам египетских войск. Этим, очевидно, объясняется продолжительность осады Авариса, которую Яхмос описывает в следующих словах:

«Осаждался город Хат-уарит [Аварис]. Я обнаружил храбрость в пешем [бою] перед лицом царя. Я был назначен на корабль «Сияние в Мемфисе». Сражались на воде, на канале Па-дждед-ку около Авариса. Я участвовал в рукопашном бою. Я взял руку. Сообщили об этом [146] царскому вестнику. Пожаловали мне «Золото храбрости». Снова сражались на этом месте. Я снова участвовал в рукопашном бою. Я взял руку. Мне пожаловали «Золото храбрости» во второй раз».

Бои под Аварисом, шедшие, возможно, в течение нескольких лет, были прерваны восстанием, происшедшим в Верхнем Египте. Очевидно, аристократические группы, не одобрявшие войны с гиксосами и недовольные военной политикой фиванского царя Яхмоса, подняли против него восстание в южной части страны. Таким образом, свидетельство автобиографии Яхмоса, сына Иабаны, подтверждает характеристику миролюбивой в данных условиях политики египетской аристократии, которая дана в рассказе о подвигах Камесу. В надписи Яхмоса, сына Иабаны, это восстание описано таким образом:

«Сражались в этом Египте, находящемся к югу от этого города [Эль-Каба]. И тогда я взял живого пленника. И я спустился в воду. И вот он был взят в плен, как на улице города. [Но] я переправился с ним через воду. Сообщили об этом царскому вестнику. Пожаловали мне золото во второй раз».

Однако это восстание лишь отсрочило падение Авариса и разгром гиксосов. Восстание, очевидно, было подавлено. Египетские войска были снова брошены на север, и неприступная твердыня гиксосского могущества в Дельте Нила — Аварис — была взята египетскими войсками. Яхмос, сын Иабаны, в своей автобиографии сообщает о взятии Авариса в очень кратких словах, очевидно, как о событии, хорошо известном. Текст этой надписи в соответствующем месте гласит:

«Взяли Аварис. Я взял там в плен одного мужчину и трех женщин, итого четыре головы. Его величество пожаловал их мне в качестве рабов».⁷⁷⁾

Взятие Авариса египетскими войсками принудило гиксосов освободить весь Нижний Египет и отступить в Азию. Очевидно, в боях под Аварисом гиксосы потерпели очень большой урон. Небольшое количество пленных, захваченных Яхмосом, указывает на то, что эти бои под Аварисом были чрезвычайно ожесточенными и кровопролитными и что, безжалостно уничтожая врагов, египтяне пленных почти не брали. Но несмотря на очень крупные потери в войсках и хотя все укрепленные пункты гиксосов были взяты египтянами, гиксосам удалось сохранить часть своих войск, сосредоточив их в Палестине. Желая обезопасить Египет от вторичного нашествия гиксосов и окончательно сломить силы векового врага Египта, Яхмос во главе египетской армии вторгся в Палестину, перенеся, таким образом, военные действия в Переднюю Азию. К сожалению, у нас нет подробных сведений о том, как протекал этот последний этап борьбы египтян с гиксосами. Мы можем лишь предположить, что эта борьба была весьма упорной и египтянам далеко не сразу удалось сломить силы гиксосов в Палестине. Так, в надписи Яхмоса говорится, что южнопалестинская крепость Шарухен была взята египетскими войсками лишь после того, как «осаждали Шарухен в течение шести лет». Добившись решительных успехов в Палестине, Яхмос продвинулся [148] вплоть до Сирии для того, чтобы окончательно сокрушить силы гиксосов. Так, в другой надписи этого времени говорится: «наследственный князь, казначей царя Нижнего Египта, единственный друг царя Яхмос Пен-Нехбет захватил для него в Джахи одного живого пленника и одну руку».⁷⁸⁾ Во время этих походов Яхмоса I в Сирию египетские войска не только разгромили силы гиксосов, но и захватили большую добычу. Так, в надписи на скале в каменоломнях Маасара около Турра говорится: «притащили камень при помощи быков, которые его величество захватил во время своих побед над Фенеху».⁷⁹⁾

Успешные действия египетских войск против гиксосов в значительной степени задерживались восстаниями, которые неоднократно вспыхивали в Египте и, очевидно, были направлены против Яхмоса и того курса военной политики, который он неуклонно и последовательно проводил в течение своего царствования. Об этих восстаниях сообщает в

своей автобиографической надписи Яхмос, сын Иабаны. Первое восстание, упомянутое нами выше, произошло во время осады Авариса. Второе восстание, описанное Яхмосом, произошло после взятия Шарухена. Это восстание тоже было поднято на юге. «Тогда пришел враг с юга. Но судьба приблизила его гибель. Боги юга схватили его. Его величество нашел его в местности Тинт-та-Аму. Его величество захватил его в качестве живого пленника и всех людей его взял в плен. Я захватил в плен двух воинов на корабле врага. Мне было пожаловано пять голов [рабов В. А.] и участки земли, 5 стат пахотной земли в моем городе. То же самое сделано было по отношению ко всем морякам». Наконец, в той же надписи описано и третье восстание, поднятое неким мятежником по имени «Тети-Ан», который по словам надписи собрал вокруг себя «слабых сердцем». Но и это восстание было подавлено. Таким образом, несмотря на недовольство некоторых групп населения военной политикой правительства, стремившегося довести до победного конца войну с гиксосами, окончательно сломить их силы и освободить Египет от их гнета, и несмотря на неоднократные восстания, вспыхивавшие против Яхмоса в южной части страны, Яхмосу все же удалось довести до конца войну с гиксосами и не только изгнать их из Египта, но и сломить их силы в Передней Азии.⁸⁰⁾

Крупные успехи, одержанные египтянами во время их войны с гиксосами, до некоторой степени, очевидно, объясняются военным союзом с Критом и помощью, оказанной Критом Египту во время этой войны. Весьма возможно, что гиксосские цари включили в состав своего крупного государства не только Египет, но и Крит. Поэтому интересы Египта и Крита совпадали. Начав войну за освобождение Египта от ига гиксосов, фиванские цари, весьма возможно, заручились военной помощью Крита, заключив с ним союз. Это предположение подтверждается археологическими данными и древнеегипетскими надписями. Так, мы знаем, что во время какой-то крупной, очевидно, политической, катастрофы подверглись разрушению роскошные дворцы Кносса и Феста. А в древнейшем слое нового дворца [148] в Кноссе была найдена крышка алебастрового сосуда с именем гиксосского царя Хиана. Все это как-будто указывает на то, что Крит в XVIII веке до х. э. подвергся опустошительному нашествию и завоеванию со стороны гиксосов. С другой стороны, карнакская надпись Яхмоса I содержит интереснейшие данные относительно союза, заключенного между Египтом и Критом, очевидно, с целью ведения совместной войны против гиксосов. Крупную роль в этом деле сыграла египетская царица Яххотеп, мать фараона Яхмоса, которая, весьма возможно, вышла замуж за царя Крита и потому названа в надписи Яхмоса «Повелительницей берегов Хаунебт».

Видная политическая роль царицы Яххотеп особенно подчеркнута в том маленьком гимне в честь царицы, который вставлен в большую официальную надпись фараона Яхмоса I, сохранившуюся на камне, найденном перед 8-м пилоном в южной части храма Амона в Фивах.⁸¹⁾ Текст этого гимна гласит:

«Давайте восхвалять владычицу страны,
Повелительницу берегов Хаунебт.
Высоко имя [ее] в каждой иноземной стране.
Она составляла планы для множества,
Супруга царя, сестра,
Дочь царя, мать почтенная царя,
Знающая вещи,
Заботящаяся об Египте.
Она собрала его войско
и защитила его.
Она привела обратно его беглецов,

Она собрала его эмигрантов,
Она успокоила Верхний Египет,
Она покорила его повстанцев,
Супруга царя, Яххотеп живущая».

Судя по этой надписи, царица Яххотеп, будучи «повелительницей берегов Хаунебт», т. е., очевидно, Критской морской державы, сумела организовать большую армию и послать ее на помощь Египту во время войны с гиксосами. Эта военная помощь Крита оказалась чрезвычайно эффективной. Опираясь на соединенные египто-критские войска, в частности на сильный критский флот, Яхмос смог разбить гиксосов и после упорной борьбы взять их главный город Аварис. Один отрывок из той же надписи Яхмоса содержит ясное указание на то, что именно в царствование Яхмоса был заключен военный союз между Египтом и Критом. Текст этого отрывка гласит:

«Он [Яхмос] схватил человечество [хенмемет],
Он взял народ [рехит].
Люди [пат] возносят ему хвалу.
Все люди говорят:
«Он — наш владыка». [149]
Ханебу говорят:
«Мы сопутствуем ему».
Страны говорят: «мы принадлежим ему».⁸²⁾

Очевидно, фраза «Ханебу говорят: «Мы сопутствуем ему», т. е. «находимся в его свите» указывает на заключение союза между Египтом и Критом и на ту помощь, которую Крит оказал Египту во время войны с гиксосами. Так, в результате длительной и упорной борьбы Египет был освобожден от власти иноземцев-гиксосов и при царях 18-й фиванской династии на развалинах гиксосского царства возникло новое и сильное египетское государство. Однако воспоминания об этой смутной эпохе борьбы Египта за свою независимость еще долго сохранялись в памяти народа. Так, в надписи Мернепта описывается то «время нижеегипетских царей, когда страна египетская находилась под их властью и презренные над ней господствовали, в то время как цари юга были слабыми».⁸³⁾ Не менее мрачными красками описано господство гиксосов в надписи царицы Хатшепсут в Спеос-Артемидос из Стабл-Антар у Бени-хассана. В этой надписи царица перечисляет свои постройки в Среднем Египте и говорит: «Я восстановила то, что было в развалинах... со времен пребывания азиатов в Северной стране и в Аварисе, которые вместе с шемау производили разрушения. Они поставили себе царя и правили в неведении Ра, и не было никого, кто действовал бы по приказу бога до тех пор, пока не явилось мое величество».⁸⁴⁾ Силы гиксосов были действительно очень велики, и победа египетских войск над ними имела решающее для Египта значение, обусловив весь последующий расцвет страны. Это значение победы египтян над гиксосами настолько высоко расценивалось в позднейшие времена, что величайшие фараоны 18-й династии, желая особенно подчеркнуть в своих надписях победы над врагами, упоминают о своих победах над «правителями гиксосов», очевидно, потомков тех племен, которые некогда завоевали Египет. Так, Тутмос III говорит, что он разбил «правителей иноземных стран, которые напали на него».⁸⁵⁾ А Аменхотеп II в тексте своей надписи на стэле в Амаде с гордостью сообщает о том, что «нет никого, кто мог бы натянуть его лук, ни в его войске, ни среди правителей иноземных стран и князей Ретену».⁸⁶⁾

И действительно, победа египтян над гиксосами открыла египетским фараонам дорогу в Азию и заложила основы той великой военной державы, которая была создана египетскими фараонами 18-й династии. Опираясь на многочисленную и мощную армию,

пополненную колесницами и лошадьми, заимствованными египтянами у гиксосов, египетские фараоны завоевали обширные области Передней Азии и Нубии, подняв Египет на вершину его могущества. [150]

Глава пятая.

Военная политика Египта в эпоху ранней 18-й династии

Завоевание Египта гиксосами, которые вторглись в Нильскую долину из Передней Азии и прочно укрепились в Дельте, не могло не оказать некоторого влияния на дальнейшие судьбы египетской истории. Гиксосы, весьма возможно, организовав довольно крупное государство, присоединили к нему Нижний Египет и построили здесь свою столицу Аварис. Господство гиксосов в северном Египте длилось в течение целого столетия. Из Дельты гиксосы, очевидно, совершали военные набеги в области Верхнего Египта. Иногда во время высшего расцвета своего могущества им удавалось устанавливать свое господство над всей страной. Недаром один из крупнейших гиксосских царей Хиан называл себя «царем Верхнего и Нижнего Египта», «охватывающий [собирающий] страны». И великодержавные тенденции гиксосских царей и длительное их господство в Египте должны были послужить причиной усиления культурных взаимодействий между азиатскими завоевателями и египетским населением. А это, в свою очередь, указывает на некоторые изменения, в развитии древнеегипетской культуры. Таким образом, нельзя говорить, что так называемая гиксосская эпоха была временем полного и абсолютного упадка Древнего Египта. Если высшие представители тысячелетней древней египетской культуры смотрели на гиксосов, как на «прокаженных», «поганых» или «нечистых», как на варваров, то это ни в коем случае не означает, что азиатские завоеватели были диким первобытным народом. Имеются все основания предполагать, что египтяне, несмотря на военный разгром своего государства, сумели сохранить свою культуру; египетский народ сохранил полностью свою жизнеспособность и даже нашел в себе внутренние силы для заимствования у победителей ряда элементов иноземной азиатской культуры. Лошадь, завезенная гиксосами в Египет, была акклиматизирована египтянами в Нильской долине и в значительной степени способствовала развитию транспорта и особенно военного дела. С этого времени в Египте появляется колесница, также, очевидно, заимствованная египтянами у азиатских [151] пришельцев. ¹ Колесницы, запряженные конями, используются, главным образом, в военном деле, что дает возможность создать новые боевые колесничные части. Этот новый род войск обладает большой подвижностью и передвигается значительно быстрее, чем прежняя малоповоротливая пехота. Таким образом, фиванские правители и впоследствии цари сумели не только сохранить боеспособность своих войск, но даже использовать новинки военной техники иноземцев.

Гиксосское нашествие, конечно, ослабило Египет в хозяйственном отношении. Однако, южный Египет, сохранив политическую независимость, сохранил также до некоторой степени прежний уровень экономики. Ведь не надо забывать, что громадная нильская магистраль и Фаюмский оазис, реорганизованный при фараонах Среднего царства, должны были давать большое количество воды, необходимой для развития оросительного

земледелия. Таким образом, основная база аграрного хозяйства Верхнего Египта все еще сохраняла свою действенность. Техника, строительное дело, а также ремесла, в частности художественные, достигшие значительного развития в предшествующую блестящую эпоху Среднего царства, сохранили прежние традиции: ремесленники и мастера еще не утратили своих прежних навыков, своего высокого технического совершенства и умения, выработанного в течение многих веков. Один из гиксосских царей, построивших храм в Аварисе, с гордостью говорит, что он соорудил множество «окованных медью мачт для этого бога», т. е. для Сутеха, в честь которого был, очевидно, воздвигнут этот храм иноземным правителем.²⁾

Торговля, издавна связывавшая Египет с рядом соседних стран, не только сохранила свое прежнее значение, но даже могла получить некоторое дальнейшее развитие в гиксосскую эпоху. При гиксосах Дельта Нила была включена в большое переднеазиатское государство гиксосов и тем самым должна была теснее сблизиться в торговом отношении с рядом переднеазиатских стран и народов, особенно с Сирией, старинной торговой страной, морские порты которой поддерживали тесные торговые связи с островами Эгейского моря, с Малой Азией и рядом прилегающих континентальных областей. С другой стороны, Верхний Египет, оторванный от Дельты, но сохранивший свою хозяйственную и политическую независимость, должен был сблизиться с прилегающими областями Африки, с их оазисами, а главным образом, с богатой золотоносной Нубией, издавна бывшей важнейшим хозяйственным резервуаром и крупнейшим районом египетской хищнической торговли. К сожалению, недостаток надписей и памятников материальной культуры, а также неразработанность этой проблемы не позволяет нам углубить ее, но следует думать, что дальнейшие исследования прольют более яркий свет на эту темную страницу египетской истории.

Недостаточно еще выяснен вопрос и о взаимоотношениях Египта с Критом в гиксосскую эпоху и особенно в царствование Яхмоса. Однако карнакская стела содержит ряд интересных указаний на укрепление связей между племенами Эгейского моря и Египтом. Так, в текст этой стелы вставлен маленький гимн в честь египетской царицы «супруги [152] царя Яххотеп», которую автор этой надписи называет «повелительницей берегов Хаунebt».

В этой же самой надписи говорится, что Яхмос объединяет не только различные группы египетского населения, но и различные страны подчиняются его власти и даже далекие «Ханебу говорят: «сопутствуем мы ему»».³⁾

Автор особенно подчеркивает великодержавную политику Яхмоса и среди его союзников в первую очередь упоминает эгейцев; это, конечно, указывает на установившиеся в XVIII—XVI вв. до х. э. довольно тесные и близкие взаимоотношения между Египтом и племенами, населявшими острова Эгейского моря. Это отчасти подтверждается целым рядом памятников материальной культуры и искусства.⁴⁾

Гиксосское нашествие ослабило Египет. Пределы египетского государства значительно сократились. Фиванские правители сохранили свою независимость и свою власть лишь на юге, потеряв Дельту и свои владения в Азии. Однако Верхний Египет сумел сохранить хотя бы до некоторой степени свою экономику, сумел обеспечить некоторое функционирование оросительного земледелия, ремесла и даже внешней торговли. Особенно характерны слова египетских вельмож, собранных на совет фиванским царем Камесу. Как говорится в цитированном ранее тексте таблички Карнарвон, эти вельможи, настроенные миролюбиво и не склонные к войне с гиксосами, всячески подчеркивают благосостояние Египта во время гиксосского господства:

«...если бы азиаты и дошли до Кузы и все бы показали нам свои языки, то все же мы спокойны в нашем Египте. Элефантина сильна, и середина страны принадлежит нам до Кузы. Самые лучшие ее поля вспахиваются для нас, а наши быки в Дельте. Пшеницу посылают для наших свиней, а наших быков у нас не отнимают... Он владеет страной азиатов, а мы владеем Египтом. Если же они придут и на нас нападут, то мы будем иметь дело с ним».⁵⁾

Но особенно существенно, что египтяне сохранили, хотя и в сильно урезанном виде, свое государство, свою хотя и ослабленную государственную независимость, свое народное самосознание и свою культуру. Следует отметить, что к этой эпохе относятся ценнейшие произведения древнеегипетской культуры, ясно свидетельствующие, что, несмотря на иноземное вторжение, египетский народ сохранил свою культурную самобытность, которая нашла выражение в области литературы, искусства и науки.

Так, именно к гиксосской эпохе относится текст известного папируса Весткар, содержащий один из интереснейших образцов сказочной литературы Древнего Египта. В этом тексте описываются чудеса, совершаемые египетскими кудесниками при дворе фараонов Древнего царства. Некоторые из этих эпизодов напоминают близкие по сюжетам библейские рассказы, что, наряду с другими фактами, очевидно, указывает на наличие культурных связей между Египтом и Палестиной.⁶⁾ Сохранились и некоторые памятники египетского искусства того времени. Хранящаяся в Каирском музее нижняя часть статуи [153] гиксосского царя Хиана является прекрасным произведением монументального искусства, сохранившего художественные традиции великого прошлого. Особенно показательны изящные изделия художественного ремесла этого времени. Среди них выделяются золотые барки из гробницы Камесу, скарабеи царя Хиана, роскошное оружие Яхмоса, наконец, тончайшие украшения и драгоценности царицы Яххотеп [рис. 31], которые могут смело соперничать с лучшими образцами древнеегипетского художественного ремесла [рис. 32]. Наконец, имеются все основания предполагать, что египетские зодчие и в ту смутную эпоху строили во славу египетских и иноземных богов величественные храмы, свидетельствующие о сохранении древних архитектурных форм. Так, мы знаем, что один из Апопи построил в Аварисе храм.⁷⁾ Наконец, о сохранении древних форм самобытной египетской культуры говорят и научные трактаты, сохранившиеся в текстах математического папируса Ринд [Британский музей № 10057] и медицинских папирусов Смиса, Херста и Эберса. Папирус Ринд был написан неким писцом Яхмосом в конце гиксосской эпохи, а папирус Эберса при Аменхотепе I. Следовательно, эпоха гиксосов и непосредственно следующая за ней эпоха ранней 18-й династии была временем не упадка египетской культуры, а бережного сохранения великого культурного прошлого, великих достижений тысячелетней культуры египетского народа.

Таким образом, народ, экономика и культура Египта выдержали натиск гиксосов. Египтяне нашли в себе достаточно сил для того, чтобы после векового господства изгнать иноземцев из своей страны. Освобождение Египта от гнета иноземцев и объединение всей страны в единое и независимое государство фараоном Яхмосом повлекло за собой быстрый рост хозяйственной жизни, тем более что и ранее были налицо все предпосылки для этого дальнейшего экономического развития. Египет снова ощутил необходимость в добавочной рабочей силе. Рабовладельческое хозяйство экономически крепнущего и растущего Египта нуждалось в новом притоке большого количества рабов, а также в доставке различных видов привозного иноземного сырья, главным образом металла. Таким образом, рост производительных сил властно требовал расширения внешней торговли и тем самым военно-агрессивной политики, теснейшим образом связанной со всем типом рабовладельческого хозяйства и деспотического государства того времени.

Поэтому египетские фараоны ранней 18-й династии были принуждены снова вступить на путь завоеваний, продолжая военную политику фараонов 11-й и 12-й династий, времени наивысшего расцвета Среднего царства. Однако на этот раз более быстрый рост экономики и более тесные связи с соседними странами, а также использование культурных достижений соседних народов, наконец, заимствования в области военного дела значительно способствовали более широкому и крупному размаху военной агрессии египетского государства, которое в XVI веке до х. э. стало постепенно превращаться в крупнейшую военную державу. [154]

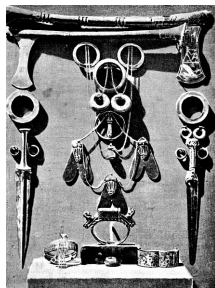

Рис. 31. Оружие царя Яхмоса и драгоценности царицы Яххотеп. Каирский музей. Новое царство. 18-я династия. [155]

Рис. 32. Кинжал с именем царя Яхмоса. Каирский музей. Новое царство. 18-я династия.

Преследуя гиксосов и стремясь окончательно сломить власть этих «правителей иноземных пустынных стран», Яхмос I вторгся вслед за их отступающими из Египта полчищами в Переднюю Азию. Большинство египтологов, как, например, Масперо, Брэстед или Тураев, изображают этот азиатский поход Яхмоса в качестве «последнего шага в деле освобождения Египта». ⁸⁾ Брэстед подчеркивает, что «Яхмос преследовал гиксосов к северу от Шарухена и оттеснил их по меньшей мере на безопасное расстояние от границы Дельты». ⁹⁾ Наконец, Масперо полагает, что причиной этого азиатского похода была либо новая угроза Египту со стороны гиксосов, либо стремление Яхмоса не дать им времени для передышки и лишить их возможности собраться с силами и вновь предпринять наступление против Египта. Все эти предположения вполне правдоподобны, но не полностью доказаны. Конечно, гиксосы еще в царствование Яхмоса представляли довольно значительную и грозную для Египта силу. На это указывает длительность борьбы Яхмоса с гиксосами и в частности длительность осады Авариса. Можно предполагать, что гиксосы оказали сопротивление египетским войскам даже в Палестине. Однако документами этого доказать нельзя, так как в надписи Яхмоса, сына Иабаны, этого *en toutes lettres* не сказано.

Наконец, в источниках мы нигде не найдем указаний, что гиксосы после взятия Авариса грозили Египту новым нашествием. Конечно, нельзя отрицать того, что Яхмос вторгся вслед за отступающими гиксосами в Азию для окончательного их уничтожения. Но установление этого факта, которое мы найдем у большинства историков, не может [156] целиком объяснить крупного исторического значения азиатских походов Яхмоса I. Мы должны признать, что наряду с этим, важной причиной его походов была экономическая необходимость получения из Азии различных видов сырья, необходимость доставки рабов, и, наконец, алчное стремление к захвату добычи, которое всегда лежало в основе большинства войн древних завоевателей. Наконец, возродив и объединив под своей

властью древнее египетское государство, Яхмос счел своим долгом возобновить и традиционную завоевательную политику своих великих предшественников, Сенусертов и Аменемхетов времени Среднего царства. К этому его принуждала сила традиции, идеи великодержавия, зародившиеся еще в эпоху Среднего царства, к этому его особенно властно побуждала рабовладельческая аристократия, в значительной степени строившая свое благополучие на военном ограблении соседних стран.

Изгнание гиксосов и объединение всего Египта дало возможность Яхмосу I до некоторой степени восстановить былую мощь и прежнюю военную силу египетского государства. Египетский фараон снова начинает осознавать себя не только в качестве владыки «двух стран», т. е. Верхнего и Нижнего Египта, но также в качестве могущественного царя, претендующего на господство над соседними иноземными племенами и странами, и даже отчасти на мировое владычество. Эта ярко выраженная великодержавная идеология ясно звучит в словах карнакской надписи Яхмоса I, найденной перед 8-м пилоном в южной части храма Амона в Карнаке и ныне хранящейся в Каирском музее.¹⁰⁾ В этой надписи сохранился любопытный образец хвалебной песни, своего рода панегирик, составленный в честь могущественного фараона. Автор этой песни называет Яхмоса «царем царей во всех странах», «владыкой лет, подобным его величеству богу Ра», сравнивая его таким образом, с верховным солнечным божеством. В соответствии с этим, Яхмос называется царем, который «правит над всем солнечным миром», к которому «приходят жители юга, севера, востока и запада». Несомненно преувеличивая могущество Яхмоса, льстивый писец не жалеет высокопарных эпитетов, чтобы всячески превознести силу и мощь египетского фараона. Однако наряду с этими торжественными общими фразами, отражающими лишь великодержавные тенденции своего времени, мы найдем в этой надписи и более ясные указания на вполне реальные завоевательные походы Яхмоса в Нубию и в Сирию. Так автор надписи говорит:

«Азиаты приближаются к нему боязливymi стопами и стоят в его судебной палате. Его меч в Хентхеннофере.¹¹⁾ Ужас перед ним — в стране Фенеху.¹²⁾ Страх перед его величеством (царит) в стране этой, как перед богом Мином». ¹³⁾

Нет никакого сомнения, что восстановление военной мощи египетского государства и возобновление завоевательной политики египетскими фараонами произвело сильное впечатление в соседних странах, главным образом в Нубии и в Сирии.

Мы имеем некоторые основания предполагать, что Яхмос ранее всего обеспечил свой западный фланг и в некотором отношении свой [157] тыл, установив мирные, а может быть, даже дружеские или союзные отношения с ливийскими племенами, населявшими области, расположенные к западу от Дельты. Это было крайне необходимо, ибо только в таком случае Яхмос мог направить свои главные силы против гик-сосов и, разгромив их в Дельте, начать их преследование в Азии. Если бы Яхмос не обезопасил Египет с этой стороны, он не мог бы развернуть крупных военных операций, предпринятых им впоследствии. В частности, на мирные взаимоотношения Яхмоса с ливийскими племенами указывает тот факт, что дочь египетского фараона носила имя «Яхмос — владычица Темеху». ¹⁴⁾

К сожалению, мы располагаем весьма немногочисленными и очень обрывочными сведениями о походах Яхмоса I в Азию. Так, в автобиографической надписи Яхмоса, сына Иабаны, всего лишь в нескольких словах говорится о крупных военных успехах египетского войска в Палестине, Этот сподвижник царя Яхмоса описывает осаду и взятие города Шарухена:

«Осаждали Шарухен в течение шести лет, и его величество взял его. Затем я взял пленных там, двух женщин и одну руку. Пожаловали мне «Золото храбрости», дав мне военнопленных в качестве рабов».¹⁵⁾

Судя по этим словам, борьба Яхмоса с азиатскими племенами, возможно, с гиксосами, была упорной и длительной, причем особенно длительной была осада Шарухена, который был, очевидно, большой и сильной крепостью. Берч предполагал, что название Шарухен обозначало Саронскую долину, однако, новейшие исследования показывают, что, очевидно, это предположение Берча неправильно. Название Шарухен встречается в начале Аннал Тутмоса III и в списке Шешонка I, где мы находим название šrh3m. Далее

это географическое название мы можем сопоставить с библейским названием שריהן, которое встречается в Книге Иисуса Навина в перечне городов и селений колена Симеона. Этот перечень начинается с Вирсавии и кончается Бет-Лавоофом и Шарухеном, «тринадцать городов и их селений». Близкие фонетически географические названия мы

найдем и в другом перечне книги Иисуса Навина в форме שלהים Шелихим, а также в 1-й Книге Паралипаменон в форме Шаарим שערים. Все эти названия встречаются в перечнях географических названий области Иуды и, очевидно, указывают на довольно плотную заселенность этой местности в данную эпоху, причем одни и те же географические названия продолжали существовать в течение довольно длительного времени, лишь несколько изменяя свою фонетическую форму. Судя по всем этим указаниям, Шарухен, упоминаемый Яхмосом, находился в южной части Палестины, близ северных [158] границ области колена Симеона. Можно думать, что Шарухен находился к северо-востоку от Вирсавии, может быть, около нынешнего Тель-эль-Шериа. Интересно, что добросовестный специалист по библейской географии XVI века поместил Шарухен под названием Sarohen на своей карте Tribus Simeon под № 68 между городами Selim и Sesenna, а на стр. 135 дал краткое примечание «Sarohen civitas Jos. 19».¹⁶⁾

Очевидно, Шарухен был крупным укрепленным городом, возможно, и даже наверно, большим торговым центром и в то же время крепостью, лежащей на большой торговой и военной дороге, шедшей из Египта через Синайский полуостров в южную часть Палестины. Поэтому вполне естественно, что Яхмос, стремясь проникнуть в Палестину, должен был закрепить за собой господство над всем этим важным стратегическим районом, важнейшим центром которого был Шарухен. Несмотря на упорное и длительное сопротивление, Шарухен был после осады взят египетскими войсками. Таким образом, перед египетским фараоном открылась дорога в Палестину и в Сирию.

Большинство исследователей, в частности Кормак, в своей специальной работе, озаглавленной «Египет в Азии»,¹⁷⁾ указывает, что Яхмос I после взятия Шарухена двинулся дальше и проник в Финикию, которую египетские надписи этого времени называют Джахи. Однако, очевидно, здесь следует различать два отдельных похода, отделенные один от другого довольно значительным промежутком времени. Характерно, что второй поход Яхмоса в Азию не упоминается в надписи Яхмоса, сына Иабаны, а лишь кратко описывается в значительно более поздней надписи Яхмоса, сына Пеннехбет, в следующих словах:

«Я следовал за царем Верхнего и Нижнего Египта Неб-пехтет-Ра правоугласным. Я захватил для него в Джахи одного живого пленника и одну руку».¹⁸⁾ Очевидно, эта страна Джахи находилась на финикийском побережье. Стремясь установить морской путь в Сирию и укрепиться на важном в торговом и в военном отношении финикийском побережье, Яхмос предпринимает поход в страну Джахи, чтобы закрепить господство Египта не только в южной Палестине, но и на финикийском берегу. Весьма возможно, что

египетское войско, разграбив богатые области южной Финикии, вывезло отсюда большую добычу. Во всяком случае, в надписи на скале в каменоломнях Маасара около Турра говорится, что «притащили камень при помощи быков, которых его величество захватил во время своих побед над Фенеху».¹⁹⁾ На рельефах, сохранившихся от этого времени, имеются интересные изображения обработки и доставки на быках каменных глыб, очевидно, предназначенных для постройки большого здания. Упоминание в особой надписи быков, привезенных из Азии, указывает, что добыча, захваченная царем во время второго азиатского похода, была действительно настолько велика, что заслуживала упоминания. Здесь, конечно, наряду с быками были захвачены у покоренных азиатов в большом количестве пленные, обращенные в рабство, и прочие ценности. [159]

Изгнав гиксосов из Египта, окончательно сломив их военную и политическую мощь, обезопасив и укрепив северо-восточные границы египетского государства, больше того, закрепив за Египтом некоторое влияние на Синайском полуострове, в южной Финикии и в южных пределах Палестины, Яхмос обратил свое победоносное оружие против южных нубийских племен. Весьма возможно, что наиболее непокорные, независимые и самостоятельные племена Нубии воспользовались борьбой Яхмоса с гиксосами для восстания против власти фараона. Когда главные военные силы Яхмоса были отвлечены на север, в Дельту, и даже втянуты в большой сирийский поход, нубийские племена, возможно, отделились от Египта. С другой стороны, Яхмос должен был не только покарать мятежные племена, но также прочно закрепить за собой господство в богатых областях золотоносной Нубии. Расширение египетского хозяйства и развитие египетской торговли, в частности внешней торговли, главным образом, с Ливией, островами Эгейского моря и с Сирией, требовали закрепления египетского господства в Нубии, древней и важнейшей сырьевой базе египетского государства.

Один из наших главных источников по истории царствования Яхмоса, автобиография Яхмоса, сына Иабаны, в которой исторические события расположены в хронологической последовательности, помещает нубийский поход Яхмоса I непосредственно после взятия Шарухена. Следовательно, можно думать, что нубийский поход Яхмоса I был предпринят им вскоре после его первого азиатского похода, который окончился занятием египетскими войсками важного стратегического пункта Шарухена. Верный сподвижник фараона в кратких, но выразительных словах описывает это «нубийское побоище».

«После того, как его величество разгромил азиатов ментиу-сатет, он поднялся по реке до Хентхеннофера для того, чтобы уничтожить нубийские племена лучников иунтиу-сетиу. Его величество произвел большое побоище среди них. Тогда там я взял в качестве добычи двух живых людей и три руки. Наградили меня золотом в двойном количестве, дав мне двух рабынь. Его величество поплыл вниз по реке, сердце его — радостно, переполнено мужеством и силой. Он схватил южан и северян».²⁰⁾

Однако Яхмосу не удалось сразу установить господство Египта даже в областях Нубии, непосредственно прилегающих к Египту. Местные нубийские племена, очевидно, чувствовали себя еще достаточно независимыми, чтобы оказывать упорное сопротивление египетским войскам. К сожалению, соответствующие места из автобиографий Яхмоса, сына Иабаны, слишком неясны и кратки для каких-либо твердых выводов. Однако в этом важном документе ясно говорится, что «появился враг на юге» и «боги юга схватили его». Начальник моряков Яхмос с гордостью рассказывает о разгроме южных врагов египетского фараона около Тинт-та-Аму.²¹⁾ Судя по тому, что враг и все его люди были взяты в плен, этот мятеж южных, возможно, нубийских племен, был организован каким-нибудь египетским аристократом или местным правителем, который сделал неудачную [160] попытку поднять против Яхмоса южан. Однако когда Яхмосу удалось захватить в

плен вождя повстанцев, то местные племена, потеряв свое временное руководство, сдались на милость победителя. Характерно, что Яхмос не сообщает в своей надписи имени вождя восставших.²²⁾ Может быть, это сделано им с целью предать это имя мраку вечного забвения.²³⁾

Объединение всего Египта в единое и независимое государство, изгнание гиксосов, завоевательные походы в Финикию и в южную Палестину, а также в Нубию дали возможность фараону Яхмосу усилить египетское государство и возобновить наряду с традиционной завоевательной, столь же традиционную строительную политику своих предшественников. На это указывают две надписи, высеченные на стенах каменоломни в Маасара около Турра неподалеку от Каира. В этих надписях видный государственный чиновник «хранитель царской печати, единственный друг царя и главный казначей Неферперет» сообщает об открытии новых каменоломен в 22-й год царствования Яхмоса I:

«Открыты были новые каменоломни. Добыт был хороший белый камень для храмов на миллионы [лет] для храма Пта, прекрасного бога Амона в южной части Фив, для всех памятников, воздвигнутых ему его величеством. Притащили камень при помощи быков, которые его [величество захватил во время своих побед над] Фенеху».²⁴⁾

Военно-грабительские походы, предпринятые Яхмосом в Финикию и Палестину, снова наполнили сокровищницу фараона золотом, серебром и прочими ценностями, вывезенными из соседних стран в виде добычи и дани. В большой карнакской надписи подробно перечисляются богатые дары Яхмоса фиванскому храму Амона, очевидно, заново отстроенного и заново снабженного новой и роскошной утварью по приказу царя. Длинный перечень, содержащий подробное перечисление различных золотых и серебряных предметов, а также прочих ценных вещей, характеризует особую заботу, проявленную царем в деле украшения и обогащения фиванского храма. Очевидно, царь чувствовал необходимость передать часть захваченных благодаря войнам богатств сильному фиванскому жречеству.

В этой надписи мы читаем: «Приказал его величество соорудить памятники для своего отца Амона-Ра: большие ожерелья из золота с большими розетками из настоящего лазурита, печати из золота, большие кувшины из золота, кувшины немес и хесет из серебра, столы из золота, жертвенники из золота и серебра; сосуд для двойника из золота и подставка для него из серебра; плоский сосуд из серебра: сосуды немес из красного гранита, наполненные мазями; большие ведра из серебра, окаймленные золотом [с ручками] из золота; арфу из черного дерева, украшенную (?) золотом. Приказал его величество построить большой корабль «Начала реки» — «Усерхетамон» — имя его, из нового кедра лучшего с террас для того, чтобы совершать [в нем хорошие] путешествия [на Новый год]... Я соорудил колонны из кедра...».²⁵⁾ [161.]

Вместе с богатствами, с награбленной добычей и тяжелой данью в Египет стали все шире и глубже проникать иноземные влияния, главным образом, из древних и культурных государств Передней Азии и Эгейского бассейна. На это указывают некоторые памятники материальной культуры времени царствования Яхмоса, в частности его роскошное и драгоценное оружие и золотые украшения, относящиеся к тому же времени. На богато украшенной боевой секире с именем царя Яхмоса сохранилось изображение переднеазиатского грифона рядом с традиционной древнеегипетской сценой царского триумфа. Так, восстановление великодержавной политики египетского государства сочеталось с одновременным проникновением в Египет довольно значительных иноземных влияний.

Но несмотря на роскошь, на ценность и высокое художественное совершенство золотых изделий и драгоценностей, относящихся к периоду царствования Яхмоса I, нельзя все же преувеличивать культурного расцвета того времени. Ведь Египет только начинал выходить на арену широкой международной политики, лишь постепенно выдвигаясь на одно из первых мест среди государств передней Азии. К сожалению, от этой эпохи сохранилось довольно мало памятников. Так, в Британском музее, в одном из крупнейших мировых музеев, где хранится ценнейшая коллекция египетских древностей, мы можем отметить лишь очень небольшое количество твердо датированных вещей царствования Яхмоса. Среди них следует указать на большой массивный алтарь из гранита, посвященный храму Амону-Ра в Карнаке самим царем, далее голову царской жены Нофрет-ари, другую голову статуи, изображающей ту же царицу, «главную царскую жену и владычицу двух стран», ушебти царя и, наконец, стэлу судьи Пен-Амона, на которой изображен умерший судья и «великая жена царя, владычица двух стран Яхмос — Нофрет-ари правогласная».²⁶⁾ Несмотря на длительное царствование, Яхмос еще не смог, опираясь на эксплуатацию как местного египетского населения, так и завоеванных и разграбленных соседних стран, оставить после себя столь же пышную и прочную память, как его преемники, которые продолжали его завоевательную политику. Однако Яхмос был первым, кто начал эту новую эру завоеваний. Жречество, входившее в состав высшей рабовладельческой аристократии, очевидно, поддерживало внешнюю политику царя. По крайней мере усердный жертвователю храмам был объявлен богом, и его культ совершался даже в значительно более позднее время.²⁷⁾

В царствование Яхмоса I Египет превращается в сильное рабовладельческое государство. Объединение и укрепление внутренних ресурсов в руках централизованного правительства способствует расширению внешней агрессии и дальнейшему развертыванию военной политики. Ничто не может удержать египетских фараонов этого периода от завоевательных походов против давних врагов Египта — темнокожих нубийцев «подлой страны» Куш, ливийцев северной Африки и западных областей и многочисленных азиатских племен, перед силой которых египетские правители часто испытывали [162] страх, богатствам которых они жадно завидовали и которых они всегда остро ненавидели, как своих самых опасных противников.

Рис. 33. Стэла с изображением фараона Аменхотепа I, держащего левой рукой иноземного пленника. Лувр.

Поэтому вряд ли можно думать, что миролюбивый характер какого-либо фараона или стремление еще больше укрепить внутренние силы страны могли содействовать развитию мирной политики Египта в этот бурный и грозный период египетской истории, когда агрессивный настроенный правящий класс рабовладельческой аристократии толкал правительство на все новые и новые завоевания, обрекая страну на все тяготы военного времени. Поэтому нельзя согласиться с норвежским историком Либлейном, который полагает, что преемник Яхмоса, Аменхотеп I обладал миролюбивым характером и помимо того должен был заботиться о восстановлении порядка в стране после иноземного господства.²⁸⁾ Источники не дают нам никаких оснований говорить о «миролюбивом характере» Аменхотепа I. Памятники нередко изображают его в традиционной позе воинственного фараона, поражающего своих врагов в той обычной сцене триумфа [рис.

33], которая сохраняла свое политико-сакральное значение со времен глубокой древности. Этим самым как бы наглядно указывалось, что [163] Аменхотеп I считал необходимым продолжать завоевательную политику предшествующего периода.²⁹⁾ Едва ли в его царствование еще остро чувствовалась необходимость в установлении внутреннего порядка в стране после смут, которые происходили в период гиксосского завоевания. Ведь Яхмос царствовал свыше 20 лет, так что в его царствование объединенный Египет снова смог превратиться в сильное и сплоченное государство, как я старался показать выше. Наконец, если надписи того времени сохранили мало сведений о его военных походах, то нельзя все же говорить о «миролюбивом характере» фараона. В данном случае применять *argumentum ex silentio* было бы по меньшей мере неосторожным. Ведь многие надписи и документы этого времени могли безвозвратно исчезнуть, а многие, может быть, еще до сих пор не вскрыты заступом археолога.

Однако все же сохранились некоторые довольно ясные свидетельства, несомненно, указывающие на военные походы Аменхотепа I. Так, Яхмос, сын Иабаны, служивший в египетском военно-речном флоте еще при Яхмосе I, описывает поход Аменхотепа I в Нубию. Он рассказывает в своей автобиографии, как «царь Верхнего и Нижнего Египта Джесер-ка-Ра (Аменхотеп I) правогласный» «отправился вверх по реке в страну Куш, чтобы расширить пределы «Черной страны» [Египта]. Его величество захватил в плен нубийского иноземца (букв. лучника — иунти-сети, т. е., очевидно, вождя нубийских племен лучников. В. А.) среди его войска». Описывая далее разгром нубийских полчищ египтянами, Яхмос, сын Иабаны, с гордостью говорит, что египтяне часть нубийцев взяли в плен, а часть уничтожили. Заслугу этой победы египетский командир отчасти приписывает самому себе, так как, по его словам, он во время этого похода был «во главе нашего войска». Яхмос далее рассказывает, как храбро он сражался, как он лично взял пленников, представил их царю и был награжден царем за свою доблесть и назначен «воином правителя». Разгромив нубийцев, египтяне, по словам Яхмоса, «преследовали его (т. е. нубийского правителя В. А.) людей и его скот».^{29a)} Этот краткий, но выразительный полурассказ, полурассказ о нубийском походе Аменхотепа I вскрывает завоевательный и агрессивный характер внешней политики Аменхотепа. Царь предпринимает поход против Нубии для того, чтобы «расширить пределы Черной страны», т. е. чтобы завоевать богатые области Нубии, издавна привлекавшие к себе взоры египетских завоевателей, в частности фараонов Среднего царства, которые вели упорную борьбу за завоевание Нубии. Во всяком случае этот поход Аменхотепа I далеко превосходил размеры карательной экспедиции или разбойничьей *razzia*. Египетские войска преследуют бегущих нубийцев и их скот, захватывают пленных и, возможно, берут богатую добычу. Брестед с некоторым основанием полагает, что во время этого похода Аменхотеп I достиг области 2-го нильского порога. Это доказывается тем, что Яхмос в своей надписи говорит, что он доставил фараона в Египет от водохранилища Верхней страны.

С другой стороны, это подтверждает и нахождение надписи, помеченной 8-м годом царствования Аменхотепа I, на скале около острова [164] Уронарти, недалеко от Семнэ, т. е. именно там, где фараоны Среднего царства создали укрепленную пограничную линию, использовав для этой цели нильские пороги и построив здесь ряд мощных укреплений.³⁰⁾

Нубийский поход Аменхотепа I был достаточно крупным, чтобы сохраниться в памяти его современников. Он упоминается не только в надписи Яхмоса, сына Иабаны, но и в надписи Яхмоса Пен-нехбета, который, правда, кратко, но все же достаточно ясно сообщает, что он «следовал за царем Верхнего и Нижнего Египта Джесер-ка-Ра, правогласным» и «взял в плен для него в стране Куш одного живого пленника».³¹⁾ Наконец, в надписи некоего «Великого чистого жреца Амона в Фивах, писца у врат храма Амона Пентаурта» мы находим своеобразный титул фараона «Владыки двух стран

Джесер-ка-Ра, владыки сияния Аменхотепа в стране Карай, благого бога». Имеются все основания предполагать, что эта область Карай находилась на далеком юге, очевидно в Нубии.^{31a}

После похода в Нубию Аменхотеп I был принужден совершить военный поход против ливийских племен. Трудно точно установить дату этого похода. Можно предполагать, что этот поход в Ливию Аменхотеп I совершил, очевидно, после своего похода в Нубию. По крайней мере, Яхмос Пен-нехбет в своей автобиографии описывает сперва нубийский поход, а потом поход в Ливию. Так как авторы египетских автобиографий обычно придерживались строго хронологического порядка в своих повествованиях, то, очевидно, и в данной автобиографии эти походы Аменхотепа I описаны в хронологической последовательности. К сожалению, мы имеем очень мало сведений об этом походе. Мы знаем из надписи Яхмоса сына Пен-нехбета, что этот египетский военный командир «служил царю Джесер-ка-Ра правогазному» и что он «взял в качестве добычи для него к северу от Иаму-кехек три руки».³²⁾ Эти ливийские племена Иаму-кехек, весьма возможно, обитали в местности, расположенной к западу от Дельты, может быть, в пустынных районах, прилегающих к оазису Юпитера Амона, как предположил Бругш, сопоставивший племенное название Иаму-кехек с греческим названием племени Иобакхов, упомянутым у Птолемея.³³⁾ Некоторые историки, как Эд. Мейер, очевидно, основываясь на скудости сохранившихся сведений о военных походах Аменхотепа I против ливийских племен, указывают, что «как правило, здесь царил мир».³⁴⁾ Однако трудно с этим согласиться, так как применение *argumentum ex silentio* и в данном случае следует считать необоснованным. Аменхотеп I совершенно так же, как и последующие египетские фараоны, принужден был вести военную и ярко выраженную агрессивную политику по отношению ко всем соседним племенам, включая ливийцев. Этого требовала создавшаяся международная обстановка, этого требовало египетское рабовладельческое хозяйство, нуждавшееся в постоянной доставке рабов, сырья и добычи, этого требовала рабовладельческая аристократия, видевшая в войнах главный источник своего обогащения. [165]

Несколько преуменьшая значение военной деятельности Аменхотепа I, историки обычно изображают его царствование в качестве мирного периода затишья военной агрессии египетского государства. Так, Кормак, посвятивший специальную монографию взаимоотношениям между Древним Египтом и Сирией, пишет: «Памятники Аменхотепа I, сына и преемника Яхмоса, не содержат в себе указаний на то, что какой-либо сирийский поход был предпринят в его дни».³⁵⁾ Однако это не совсем правильно. В автобиографии архитектора Инени описываются крупные постройки, предпринятые Аменхотепом I, и в перечне материалов, использованных для этой цели упоминается «бронза и азиатская медь», очевидно, привезенная фараоном из Сирии в качестве добычи, захваченной во время сирийского похода.³⁶⁾ Его преемник Тутмос I в своей надписи указывает, что его владения простираются вплоть до Евфрата. Однако, насколько известно, эта надпись Тутмоса I относится к тому времени, когда Тутмос I еще не совершал столь крупных завоеваний в Азии. Отсюда можно сделать вывод, что, очевидно, эти завоевания были сделаны в Азии его предшественником, т. е. Аменхотепом I.³⁷⁾

Крупные завоевательные походы Аменхотепа I дали ему возможность присоединить к Египту довольно обширные области. Так, например, к Египту была присоединена довольно значительная часть Нубии, которая при Аменхотепе I была соединена с южными областями Египта в один большой административный округ. С целью наилучшей организации этих вновь присоединенных областей, а также для того, чтобы систематически эксплуатировать их естественные богатства и в то же время держать в повиновении местные нубийские племена, завоеванные нубийские области были

соединены с южными номами Верхнего Египта и во главе всего округа был поставлен особый высокий чиновник, получивший титул «царского сына Куша и начальника южных областей». О жизни и деятельности одного из таких сановников, некоего Гормина, мы узнаем из его надписи, в которой он сообщает, что он «провел многие годы в качестве главного начальника Нехена [Гиераконполя]» и «приносил его дань к Владыке Двух стран». С гордостью рассказывает он, что он «достиг преклонных лет в Вавате, будучи любимцем своего господина». Он «ежегодно приходил на север к царю с данью для него». ³⁸⁾ Либлейн вполне справедливо предполагает, что Гормин еще до нубийского похода Аменхотепа I мог занимать должность номарха Нехена и именно поэтому был назначен царем на должность вновь образованного большого округа, в состав которого вошли присоединенные к Египту нубийские области и главным городом которого был объявлен Нехен. ³⁹⁾

Богатая добыча, захваченная Аменхотепом I во время его завоевательных походов, дань, наложенная на покоренные соседние племена, и эксплуатация богатых областей, присоединенных к Египту, в частности богатейших золотоносных районов Нубии дали возможность фараону продолжить строительную деятельность своего предшественника во славу египетских богов, строя в честь них храмы, воздвигая им памятники и щедро одаряя их храмы и их жрецов. В Нубии, в [166] горах Ибрим, Аменхотеп I приказал высечь пещеру, посвященную богине Сатит, одной из богинь нильских порогов. В его царствование систематически эксплуатировались каменоломни в Сильсиле. При его гробнице в западной равнине была построена часовня, а в Карнаке были воздвигнуты монументальные храмовые ворота и колоссальная статуя. Наконец, в Омбосе было сооружено несколько помещений из белого туррасского известняка. ⁴⁰⁾ О довольно значительной строительной деятельности Аменхотепа I повествует в своей автобиографической надписи придворный царский зодчий Инени в следующих словах:

«Аменхотеп I, он воздвиг в качестве своего памятника для своего отца Амона, владыки Фив [Несут-тауи], соорудив для него большие ворота [высотой] в 20 локтей у двойного фасада храма, из белого айянского известняка, которые сын солнца Аменхотеп, живущий вечно, сделал для него». ⁴¹⁾ Можно предполагать, что Инени в данном случае описывает как раз те ворота в южной части Карнакского храма, которые были обнаружены под более поздней кладкой. Это тем более вероятно, что на это уже более ясно указывают дальнейшие слова в надписи того же Инени:

«Аменхотеп I воздвиг в качестве своего памятника для своего отца Амона, владыки Фив [Несут-тауи], построив его дом, воздвигнув его храм, соорудив южные ворота, построенные высотой даже в 20 локтей из прекрасного белого известняка...» ⁴²⁾

«...его двери были сделаны из меди, выделанной в виде одного куска: отдельные его части были сделаны из электрума. Я наблюдал за тем, что сооружал его величество... бронза, азиатская медь, нагрудные украшения, сосуды, ожерелья. Я был начальником всех работ, все должности были под моим наблюдением...». ⁴³⁾

Как предполагает Брэстед, этот роскошный храм Амона, описанный Инени, главным строителем фараона Аменхотепа, есть не что иное, как заупокойный храм Аменхотепа I, обнаруженный Шпигельбергом в 1896 г. в Дра-абу-ен-Негга в западной части Фив. Очевидно, это были крупные и заметные для того времени постройки, может быть, связанные с первым праздником хеб-сед, т. е. тридцатилетним юбилеем царя. ⁴⁴⁾

Памятники изобразительного искусства того времени сохранили образ царя-воителя, победителя иноземных врагов и покорителя соседних стран и племен. Характерна

маленькая деревянная стела, изданная Розеллини и описанная Масперо. На ней изображен Аменхотеп I, заносающий свой меч над поверженным иноземным врагом.⁴⁵⁾ На деревянных стелах Британского музея и Лувра сохранились любопытные варианты этой традиционной сцены царского триумфа. В одном случае художник изобразил царя на своей колеснице, на другом памятнике фараон сжимает в своих руках двух полузадушенных иноземцев, наконец, царь повергает мощным ударом наземь захваченного врага. Описывая эти типичные сцены царского триумфа, сохранившиеся от времени царствования Аменхотепа I, Масперо полагает, что не следует переоценивать значения этих трафаретных изображений, которые [167] лишь чисто внешним образом фиксируют воинственность царя, создавая своего рода обманчивую видимость («Ce sont là de simples apparences bslliqueuses aux quelles il est prudent de ne point se laisser tromper»).⁴⁶⁾ Я уже указывал, что, с другой стороны, мы не имеем никаких оснований недооценивать захватнического характера военных походов Аменхотепа I против нубийцев, азиатов и ливийцев, так как на это самым недвусмысленным образом указывают подлинные документальные надписи его времени.

У нас имеются все основания предполагать, что Аменхотеп I сделал энергичную попытку возобновить великодержавную завоевательную политику своих великих предшественников времени Среднего царства. Подобно им, он претендовал на политическое влияние в Сирии, изображая себя в качестве победителя иноземных племен и, возможно, совершая походы в Азию. Подобно им, он начал строительную деятельность в Фивах, в Карнаке и в Дейр-эль-Бахри. Подобно им, он заботился о развитии изобразительного искусства, стремясь увековечить свой образ завоевателя и обожествленного правителя в произведениях искусства, порой высокого художественного совершенства. Так, государственная власть, следуя древней традиции, использует формы искусства и религии для укрепления авторитета царя и царской власти с целью оправдать политику захватнических войн и упрочить классовый строй, основанный на рабовладельческой эксплуатации.

Эта близость идеологии времени Аменхотепа I к эпохе Среднего царства, может быть, сознательно, особенно резко подчеркивается тем, что строительная и художественная деятельность египетских мастеров времени Аменхотепа I особенно близко примыкает к деятельности египетских зодчих и художников предшествующего периода расцвета Египта. Как обнаружили раскопки Нью-Йоркского музея изящных искусств в 1923—1924 гг., Аменхотеп I построил маленький храм в Дейр-эль-Бахри, т. е. именно там, где фараоны Среднего царства построили одно из замечательнейших сооружений своего времени, знаменитый заупокойный храм с колоннадами и пирамидообразной надстройкой. Во время американских раскопок под двором храма Хатшепсут были найдены подлинные фундаменты маленького храма, построенного фараоном Аменхотепом I и царицей Нофрет-ари. Тут же были найдены и кирпичи с их именами, которые были впоследствии использованы для других построек, а также вотивные предметы этого времени. Из Дейр-эль-Бахри происходит далее прекрасная статуя фараона Аменхотепа I, изображенного в виде Озириса, а также верхняя часть стелы с изображениями Аменхотепа I и фараона Среднего царства Ментухотепа Небхеру-неб-Ра, что особенно резко показывает стремление Аменхотепа I подчеркнуть свою тесную связь с царями Среднего царства. Оба этих ценнейших памятника времени ранней 18-й династии ныне хранятся в Британском музее.⁴⁷⁾ Не менее характерно и то, что гробница Аменхотепа I была воздвигнута в Дра-abu-ен-Негга среди гробниц фараонов 11-12-й династий, как видно из текста папируса Аббот.⁴⁸⁾ Как предполагает Масперо, эта гробница [168] Аменхотепа имела форму мастабы-пирамиды, воспроизводя тем самым тип гробницы Ментухотепа в Дейр-эль-Бахри. Наконец, нельзя не отметить и тех тесных связей, которые соединяют статуарное искусство времени Аменхотепа I с искусством

Среднего царства. В этом отношении особенно типичны прекрасная туринская статуэтка Аменхотепа I⁴⁹⁾ и каирская статуя того же царя⁵⁰⁾ и голова колосса во дворе обелиска в Карнаке.⁵¹⁾ Тщательный стилистический анализ этих статуй показывает, что художники времени Аменхотепа I в своем творчестве были еще прочно связаны с искусстве иными традициями предшествующего периода, хотя в произведениях их мастерства постепенно начинают пробиваться элементы нового стиля, характеризующего искусство Нового царства.

Все это указывает на то, что идеология времени царствования; Аменхотепа I, весьма возможно, вполне сознательно, тесно смыкалась с идеологией времени Среднего царства. Идеология в данном случае помогала рабовладельческой деспотии внушать массам в зримых образах мысль, что новое египетское государство, полностью оправившееся после гиксосского завоевания и острой социальной борьбы, снова возобновляет завоевательную политику царей времени Среднего царства.

Так, уже в царствование Аменхотепа I были созданы материальные, политические и моральные основы для дальнейшего развертывания военно-захватнической политики, которая получила уже значительно больший размах в царствование Тутмоса I.

Судя по надписям этого времени, Египет при Тутмосе I выступает на арену широкой международной политики и крупных завоеваний в качестве могущественного великодержавного государства, претендующего на видное и влиятельное положение не только в Палестине Финикии и в Сирии, но и в сопредельных с ними странах Передней Азии, а также в районе Эгейского моря. Очевидно, сила египетского оружия дала себя чувствовать в странах Передней Азии. Опираясь на многочисленное и сильное войско, овладевшее передовой боевой техникой того времени, египетский фараон претендует уже не только на «расширение границ» Египта, но и на господство во всех странах, «которые окружает солнце», т. е. на мировое господство. Так полностью оформляется в этот период египетской истории великодержавная идеология и великодержавная политика египетского государства, которые в конечном счете привели к истощению сил египетского народа, а также к дальнейшему упадку и крушению египетского государства.

Четко и образно формулируется эта великодержавная политика египетского государства в томбосской надписи, высеченной на скалах острова Томбос близ 3-го нильского порога. В этой надписи возвещается о нубийском походе Тутмоса I, о его победах в Нубии и о постройке крепости на острове Томбос для защиты южных границ Египта. И вместе с тем в этой надписи торжественно провозглашается великодержавная политика, которая при Тутмосе I достигает значительной зрелости и значительного напряжения. Автор в следующих словах описывает могущество фараона: [169]

«...в качестве верховного правителя двух стран, чтобы править над тем, что окружает бог солнца, над югом и севером в качестве правителя уделов Гора и Сэта, объединителя двух стран.

Он сел на престол Геба, облекшись сиянием двух корон юга и севера, посохом своего величества.

Он завладел наследством своим. Он опустился на престол Гора для того, чтобы расширить пределы Фив и территорию Хафтет-хер-Небес,⁵²⁾ чтобы племена хериуша и иноземцы работали для них.

Бог чувствует отвращение к племенам ханебу. Пойманы племена акбет. Южане приходят вниз по реке, северяне приходят вверх по реке, все страны соединяются, чтобы принести свою дань благому богу, извечному Аа-хепер-ка-Ра, живущему вечно, могучему Гору, владыке двух стран... Племена хериуша, начальники их племен приходят к нему, падая на землю. Внутренние племена соседних стран посылают к нему, преклоняясь перед находящейся на его челе владычицей змеей».⁵³⁾

Правящий класс рабовладельческой аристократии, заинтересованный в развитии рабовладельческого хозяйства, всячески стремился к расширению завоевательной политики. Поэтому великодержавная идеология и военно-захватническая политика египетского государства, претендующего на мировое господство, торжественно провозглашается с высоты престола. Эти идеи проповедуются упорно и настойчиво, они приобретают устойчивую, почти стандартную форму, которая находит свое внешнее выражение в строго установленной, напыщенной и часто однообразной фразеологии. Так, в надписи высокого чиновника времени Тутмоса I, придворного царского архитектора, который носит пышные титулы «князя, начальника житницы Амона, начальника работ в Карнаке» мы находим краткую и яркую характеристику военного могущества египетского фараона:

«... благой бог, сокрушающий нубийские племена сетау, владыка могущества, уничтожающий азиатские племена ментиу. Он установил границу свою у «Рога земли» и болот Кебех... Племена хериуша приносят свою дань, подобно податям юга и севера. Отправляет его величество ее в Фивы, отцу своему Амону ежегодно».⁵⁴⁾

В этой надписи уже ясно указывается, что иноземные племена хериуша, вносящие дань, как полузависимые племена, приравниваются полностью к подданным фараона, которые платят ему ежегодную подать. Таким образом, египетское государство включает в свои пределы, в качестве полностью завоеванной и целиком подчиненной фараону страны, области, населенные «жителями песков» — хериуша. Характерно в данном отрывке и указание на то, что эту дань фараон передает в фиванский храм Амона. Очевидно, уже в эту эпоху жречество начинает постепенно превращаться в могущественную высшую группу рабовладельческой аристократии, которая активно участвует в эксплуатации завоеванных стран. Получая значительную часть военной добычи, жрецы Амона полностью поддерживали завоевательную политику египетского государства этого времени. [170]

Особенно характерно во всех этих текстах указание на то, что Тутмос I расширил границы Египта, тем самым превратив Египет в сильнейшую страну. Об этом читаем мы и в абидосской надписи, в которой Тутмос I перечисляет все, что он сделал для египетских богов, храмов и жрецов, в частности для храма Озириса в Абидосе. Великодержавная политика Египта определяется в кратких, но ярких словах этой надписи:

«Я установил границы «Любимой страны» [Египта] до [тех пределов], которые окружает солнечный диск. Я сделал сильными пребывающих в страхе. Я отвратил зло от них. Я поставил Египет превыше всякой страны...».⁵⁵⁾ Таким образом, в этих словах ясно звучит претензия египетского государства установить мировое господство, сделав Египет первым, высшим и господствующим государством среди всех известных тогда государств.

Великодержавная политика Египта находит свое выражение в резко выраженной завоевательной политике. Тутмос I поэтому особенно гордится своими завоеваниями,

которые привели к «расширению границ» страны. На это отчетливо и определенно указывается в следующих словах томбосской надписи:

«(Он) взял границы земли в свое владение. (Он) сокрушил обе крайние части ее своим могучим мечом, ища сражения, но не нашел никого, кто противостоял бы ему. Он проник в долины, которых [его царственные] предки не знали. Не видели их те, которые носили двойную диадему коршуна и змеи... Южная граница его достигает до этой земли (Нубии), северная же до перевернутой воды, которая течет вниз по течению реки, идя вверх по течению. (Подвластны) ему острова великого круга (океана), вся земля — под его ногами».⁵⁶⁾

Таким образом, весь мир, известный египтянам того времени, казалось, преклонился перед мощью египетского фараона. Очевидно, уже его предшественник Аменхотеп I во время своего азиатского похода достиг берегов Евфрата, текущего на юг, что особенно удивляло египтян, привыкших к тому, что их Нил течет на север. Во время своего нубийского похода Тутмос I установил границу Египта далеко в южных пределах Нубии. Наконец, и острова Эгейского моря принуждены были признать первенство Египта, державшего в своих руках важные порты и побережье Сирии и владевшего довольно значительным флотом, который, очевидно, был принужден поддерживать флот сирийских прибрежных государств. Таким образом, Египет действительно превратился в сильнейшее военное государство того времени, которое господствовало в северо-восточной Африке, в Палестине, в Финикии, Сирии, а также в восточной части Средиземного моря.

Широковещательные слова надписей не были пустым бахвальством. Документальные надписи совершенно точно указывают, как далеко на самом деле были раздвинуты границы египетского государства в эту эпоху. Так, в Анналах Тутмоса III указывается, что Тутмос III во время похода в Азию поместил свою надпись на берегу Евфрата около надписи своего отца, царя Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ка-Ра (Тутмоса I).⁵⁷⁾ А другая надпись, находящаяся на острове Арко, ясно [171] указывает, что Тутмос I во время своего похода в Нубию спустился на сорок миль к югу от 3-го нильского порога.⁵⁸⁾ Таким образом, Тутмос I действительно не только продолжил завоевательную деятельность своих великих предшественников времени Среднего царства и своих преемников, первых фараонов 18-й династии, но и во многом их превзошел. Благодаря его завоеваниям, в состав египетского государства была включена большая и плодородная область Донгола «вплоть до страны Карай» (т. е. Напаты) и до местности, которую образные египетские надписи называют «Рогом земли». Весьма возможно, что под этим названием египтяне понимали совершенно пустынную и скалистую местность, которая тянется на протяжении 25 миль там, где Нил пробивается через район 4-го порога.⁵⁹⁾

Некоторые надписи, сохранившиеся от времени царствования Тутмоса I, позволяют нам иногда в общих чертах, а иногда и с отдельными подробностями восстановить картину его военных походов в Нубию и в Сирию. Значительно лучше известна нам завоевательная деятельность Тутмоса I в Нубии, так как об этом повествуют одновременно несколько надписей: автобиография Яхмоса, сына Иабаны, и Яхмоса Пен-нехбета, сведения которых подтверждаются и иллюстрируются документальными данными официальных надписей в Томбосе, на острове Сехель и между Махатта и Ассуаном.

Наиболее подробные сведения об этом походе сохранились в автобиографической надписи Яхмоса, сына Иабаны. Этот преданный слуга фараона, который всю свою жизнь прослужил в военно-речном Нильском флоте, сражаясь под знаменами трех фараонов, очевидно, уже в конце своей долгой жизни принимал участие в походах Тутмоса I. Он сообщает, что царь двинулся вверх по реке, направляясь в местность Хентхен-Нофер.

Целью этого похода, по словам Яхмоса, было намерение царя «заставить раскаяться за военные действия в горных странах и покарать за нападения в горной области». Однако вряд ли это было истинной целью этого похода; это был скорее повод, приличное внешнее обоснование, которое дало возможность египетскому правительству объявить этот разбойничий поход в качестве оборонительного, имевшего своей целью защитить мирное население Нубии от постоянных налетов жителей пустынных гор. На самом деле, истинной целью этого нубийского похода Тутмоса I было завоевание всей Нубии с целью эксплуатации ее естественных богатств, а также захват добычи и рабов. И об этом достаточно ясно говорится в следующих словах той же самой надписи: «Были приведены их люди в качестве живых пленников. Его величество поплыл вниз по реке, (зажав) все страны в своем кулаке».⁶⁰⁾

Яхмос Пен-Нехбет в своей автобиографической надписи, крайне сжатой и лаконичной, подчеркивающей лишь самое важное, также отмечает единственно существенный для рабовладельцев того времени факт захвата «живых пленников», обращавшихся в рабство. «Я захватил для него (царя. В. А.) — пишет Яхмос — двух живых пленников в стране Куш, помимо живых пленников, которых я доставил из страны Куш, не считая их».⁶¹⁾ [172]

Брэстед этот отрывок переводит: «beside three living prisoners, whom I brought off in Kush without counting them».⁶²⁾ Однако в тексте не имеется никаких данных для того, чтобы обычный знак множественного числа принять за идеографическое начертание слова «три», которое могло бы быть обозначено

фонетически. Не обосновано Брэстедом также и то толкование, которое он дает фразе «не считая их». Брэстед полагает, что это были пленники, которые не были включены в официальный подсчет (not included in the official count). Брэстед в данном случае дает слишком расширительное и произвольное толкование текста. Гораздо проще и правдоподобнее предположить, что Яхмос Пен-Нехбет имел в виду лишь то, что он доставил столько пленных, что не мог их даже подсчитать или, как у нас говорят, «без счета». Это предположение подтверждается словами соответствующего места из надписи Яхмоса, сына Иабаны, в котором о том же самом походе говорится, что в результате этого похода «их народ был доставлен в качестве живых пленников», т. е. все данное нубийское племя было обращено в рабство.⁶³⁾ Очевидно, действительно этот нубийский поход Тутмоса I окончился полным разгромом нубийских племен. Яхмос, сын Иабаны, описывая этот поход, в образных выражениях рисует победу Тутмоса I. По его словам, царь был разгневан, как пантера, и сам метнул первое копьё, которое застряло в теле поверженного врага, очевидно, вождя нубийского племени. Возвращаясь обратно в Фивы, царь приказал повесить на своем корабле тело убитого нубийского вождя вниз головой для устрашения всех непокорных врагов Египта.⁶⁴⁾ В официальной томбосской надписи мы найдем подтверждение этого рассказа. Автор надписи в ярких словах повествует о блестящей победе Тутмоса I над нубийскими племенами и описывает опустошительные результаты этого грабительского и завоевательного похода египтян в Нубию. Египетское войско, по словам автора, полностью разгромило нубийцев и предало всю страну огню и мечу. Повторение отдельных деталей боя и даже отдельных выражений, примененных в надписи Яхмоса, сына Иабаны, ясно указывает, что обе надписи описывали одни и те же реальные факты, зафиксированные, очевидно, совершенно точно различными свидетелями и даже, возможно, участниками этого похода.⁶⁵⁾

Так, в томбосской надписи говорится, что «низверг он (т. е. царь. В. А.) вождя нубийских племен сетау. Негр беспомощен в его руке. Он соединил его границы с двух его сторон. Не было потерь среди (людей) с заплетенными косами, которые пришли, чтобы помочь ему. Не осталось ни одного (в живых) среди нубийских племен сетау, павших во время побоища. Отброшены они в свои области. Их трупная вонь [173] распространилась по долинам их».⁶⁶⁾ В образных словах автор надписи повествует о том, как кровь текла рекой по стране и как хищные птицы терзали тела убитых врагов. Судя по тексту этой надписи, Тутмос I опирался в Нубии на союзные египтянам племена. Впрочем, уже надписи Древнего царства содержат указания на то, что целый ряд нубийских племен не только сохранял добрососедские отношения с Египтом, но даже оказывал ему поддержку во время войны. Так, например, в надписи Уны ясно говорится, что контингенты союзных нубийских племен входили в состав египетского военного ополчения.

Документальные данные о завоевательном походе Тутмоса I в Нубию и о большой победе, одержанной им над нубийцами, сохранились в двух документальных и по деловому лаконичных надписях, которые высечены на скалах на острове Сехель, а также у 1-го порога между Махатта и Ассуаном. Обе эти надписи относятся к 3-му году царствования Тутмоса. В сехельской надписи царский сын страны Куш, очевидно, наместник Нубии, по имени Тура сообщает о том, что:

«Гор, могучий бык, любимый богиней Маат, царь Верхнего и Нижнего Египта Аа-хеперка-Ра, сын солнца, Тутмос, дарующий жизнь вовеки.

Год 3-й, первый месяц (пахон) наводнения, день 22-й.

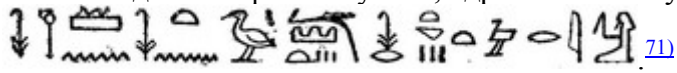
Проплыл Его Величество по этому каналу победоносной с силой, возвращаясь после сокрушения жалкой страны Куш. Царский сын Тура».⁶⁷⁾

Ассуанская надпись содержит ту же дату и столь же краткое упоминание о возвращении царя из Куша после одержанной им там победы. Отличается эта надпись лишь более пространной и более напыщенной титулатурой царя, которая должна была подчеркнуть величие и могущество победоносного фараона.⁶⁸⁾

Завоевание обширных и богатых областей Нубии потребовало хозяйственной и экономической организации этой страны египтянами. Чтобы теснее связать Нубию с Египтом и обеспечить судоходство по Нилу в районе порогов, был восстановлен древний канал, имевший большое экономическое и военное значение, так как он облегчал перевозку грузов, людей и войск. О восстановлении этого канала мы читаем в другой сехельской надписи, содержащей ту же дату, что и две только что упомянутых надписи. В этой второй сехельской надписи царский сын страны Куш, по имени Тура, сообщает, что царь приказал прорыть заново этот канал, обнаружив, что он был завален камнями и ни один корабль не мог по нему пройти. По словам Тура, царь прошел по каналу вниз по течению, радуясь тому, что он сокрушил своих врагов.⁶⁹⁾ Очевидно, здесь имеется в виду та же победа над нубийскими пленниками, которая описывалась во всех цитированных выше источниках.

Большую роль в организации административного и хозяйственного управления завоеванными областями Нубии должен был сыграть наместник Нубии Тура. Весьма возможно, что в надписи, высеченной на южной стене храма Тутмоса III в Семнэ, описывается именно его жизнь, так как мы совершенно точно знаем, что именно Тура занимал должность «царского сына Куша» в Нубии.⁷⁰⁾ Эд. Мейер полагает, что [174] Тура был назначен наместником Куша еще при Аменхотепе I. Однако это предположение

ничем не может быть доказано. Наоборот, в автобиографической надписи в Семнэ, возможно принадлежащей именно этому Тура, говорится, что он занимал при Аменхотепе I должность, начальника житницы Амона и управлял работами в Карнаке и лишь Тутмос I назначил его на должность «царского сына (Куша)». ⁷⁰ Поэтому можно думать, что Тура был назначен на этот высокий пост лишь в начале царствования Тутмоса I, который, весьма возможно, при восшествии на престол выдвинул на важнейшие должности своих приверженцев. Во всяком случае, коронационный манифест Тутмоса I, текст которого сохранился в Вади-Хальфа и в Кубане, адресован «сыну царя, начальнику стран юга

Тури» ⁷¹

С гордостью говорит этот чиновник, что он получил от царя множество ценных наград и подарков и что царь выделял его среди вельмож дворца. ⁷² Очевидно, Тура оказал важные услуги египетскому правительству, организуя хозяйственное и административное управление Нубии, прорывая каналы, собирая подати, управляя золотыми рудниками, набирая войска среди туземцев и сохраняя порядок в завоеванных областях этой страны.

Стремясь укрепить свое господство в этой далекой южной стране, Тутмос I построил на острове Томбос крепость. О постройке крепости говорится в томбосской надписи, причем название, присвоенное ей, должно было ясно указывать, что эта крепость должна была стать твердыней военного могущества египтян в Нубии. Опираясь на нее, египетские войска должны были властвовать над страной, населенной нубийскими племенами девяти луков «подобно молодой пантере среди бегущего скота». ⁷³ О постройке этой же крепости Тутмосом I сообщается и в асуанской надписи Тутмоса II. Автор надписи говорит, что крепость была построена Тутмосом I для «отражения восставших иноземцев, нубийских племен иунтиу-сетиу». ⁷⁴

Тутмос I не ограничился завоеванием Нубии до 3-го нильского порога и присоединением к Египту богатой и плодородной области Донгола. Продолжая завоевательную политику своего предшественника, он поставил перед собою цель покорить Сирию и пробить, наконец, окно из узкой долины Нила в широкий переднеазиатский мир. Египет, всегда нуждавшийся в сирийских товарах, должен был твердой ногой встать на важных караванных путях, ведших через Синайский полуостров, в Палестину, по долине Оронта в области северной Сирии и затем далее в Малую Азию и в Месопотамию. Наряду с этим, стремясь установить свою гегемонию во всей восточной части Средиземноморского бассейна, Египет должен был прочно захватить в свои руки богатые торговые города сирийского побережья. Богатства Сирии манили к себе алчные взоры и жадные руки египетских завоевателей. Жажда захвата большой военной добычи — золота, ювелирных изделий, скота и рабов, в которых столь нуждалось растущее хозяйство [175] Египта, в значительной степени руководила египетским правительством при Тутмосе I. Наконец, завоевание Сирии давало возможность Египту выступить на широкую арену международной политики в качестве сильнейшей великой державы. Эксплоатация крупных богатств Сирии и использование важных торговых и стратегических преимуществ Сирии, старинной страны обширной транзитной торговли, должны были содействовать обогащению казны египетского фараона и сразу выдвинуть Египет в первые ряды крупных мировых держав.

Стремясь к осуществлению этой великодержавной политики, Тутмос I уже в самом начале своего царствования предпринял большой завоевательный поход в Сирию. К сожалению, подробного официального отчета об этом походе в надписях того времени не сохранилось. Однако некоторые сведения о нем мы можем получить из автобиографии Яхмоса, сына Иабаны. Этот неутомимый египетский полководец, стоявший на этот раз во

Пен-нехбет считал главным результатом этого азиатского похода захват колесниц и коней.

Во время этих военно-захватнических походов выковывалась боевая мощь древнеегипетской армии и формировались кадры высшего офицерства, тесным кольцом окружавшего царя и бывшего его наиболее существенной опорой, вдохновителем и проводником великодержавной захватнической политики, которая столь систематически проводится египетскими фараонами этого времени. Боевой дух и воинственность этих аристократов постоянно поддерживались и разогревались щедрыми пожалованиями царя, который часть военной добычи, награбленной в Нубии и в Сирии, отдавал своим ближайшим сподвижникам. Так, Яхмос, сын Иабаны, с гордостью говорит, что в награду за свои подвиги он получил от царя золото в двойном количестве. Помимо того, царь жаловал наиболее отличившимся в боях военным командирам драгоценное оружие, своего рода особый и высоко ценный знак воинского отличия. Такой царский подарок, красивый кинжал, украшенный надписью, содержащей титулы и имя царя «благой бог Аа-хепер-ка-Ра, дарующий жизнь», был найден в гробнице Яхмоса [177] Пенхата, сына Ахотепа близ Фив.⁸⁰⁾ Очевидно, и этот воин принадлежал к аристократической плеяде военных командиров того времени, которые все носили имя первого египетского завоевателя 18-й династии, основателя второго фиванского государства, Яхмоса I.

Важнейшим следствием крупных военно-грабительских и захватнических войн фараонов 18-й династии, в частности Тутмоса I, было обогащение высших слоев жречества, в первую очередь больших фиванских храмов. Жречество, входившее в состав правящего класса рабовладельческой аристократии, получало крупную долю военной добычи. Обычно царь после каждого военного похода щедро дарил храмам, чиновникам и жрецам рабов, золото и прочие ценности. Больше того, царь лично наблюдал за перестройкой и украшением старых храмов и постройкой новых, жертвуя в храмы богатые дары, всячески заботясь об украшении святилищ богатой и ценной утварью, сооружая статуи наиболее почитаемых богов. Эта постоянная забота царя о храмах и об их внешнем благолепии должна была наглядно показывать народу, на каком нерушимом союзе царя с высоко аристократическим жречеством зиждилась деспотическая система управления страной и весь классовый строй рабовладельческой страны. Религия и жречество окружали особу царя ореолом божественности, получая за это из царской казны щедрую плату, главным образом натурой и ценностями.

Надписи времени Тутмоса I ясно подчеркивают эту тесную связь между царем и высшим жречеством. Автобиография царского архитектора Инени, текст абидосской стэлы, некоторые более поздние надписи и результаты раскопок позволяют нам хотя бы вкратце охарактеризовать деятельность Тутмоса I по восстановлению и украшению храмов.

Довольно подробно описывает строительную деятельность Тутмоса I один из его приближенных и сподвижников, царский зодчий, носивший пышные титулы «князя, начальника житниц Амона и начальника работ», Инени. В своей автобиографии он рассказывает, что он наблюдал за сооружением «великих памятников», которые приказал воздвигнуть царь в Фивах, «когда ставились священные колонны и столбы, когда по обе стороны воздвигались великие пилоны из прекрасного белого камня Аяна, когда ставились священные мачты у двойных врат храма из настоящей сосны, лучшего дерева с террас. Их верхушки были из электрума».⁸¹⁾ Далее Инени повествует о том, как он «наблюдал за сооружением большого портала [носившего название] «Амон могучий силой»; большая дверь его была из азиатской меди; на ней была божественная тень Мина, сделанная из золота. «Я наблюдал — говорит далее Инени — за сооружением двух великих обелисков из [настоящего камня у двойных врат храма]. [Я наблюдал] за

постройкой священной ладьи длиной в 120 локтей и шириной в 40 локтей для доставки этих обелисков, дошедших благополучно, в целости и причаливших к земле у Фив. (Я наблюдал за рытьем озера, сделанного его величеством в западной части) города: его берега были обсажены всякими приятными деревьями. Я наблюдал за тем, как высекалась пещерная [178] гробница его величества, будучи один, когда никто не видел (этого) и никто не слышал (об этом)». ⁸²⁾

Обследование развалин большого Фиванского храма в Карнаке позволило восстановить его отдельные части и в частности те, которые были сооружены Тутмосом I, что в значительной степени подтвердило сведения, сообщаемые в автобиографической надписи Инени. В средней части двора между третьим и четвертым пилоном большого Карнакского храма до сих пор еще высится один из тех больших обелисков Тутмоса I, о сооружении которых сообщает в своей надписи Инени. Высота этого действительно большого обелиска достигает 23 м, база его равняется 1,84 м². Поверхность его покрыта тремя вертикальными строчками иероглифической надписи, из которых средняя принадлежит времени Тутмоса I. Тутмосом I были построены 4-й и 5-й пилоны этого храма, а также два колонных зала, из которых один находился между 4-м и 5-м пилоном, а второй вслед за 5-м пилоном. Эти два зала были украшены 16-гранными деревянными колоннами, воздвигнутыми еще в царствование Тутмоса I, как мы узнаем из позднейшей надписи Тутмоса III, в которой говорится о замене деревянных колонн Тутмоса I новыми колоннами, сделанными из камня. Впрочем две из деревянных колонн Тутмоса I были заменены каменными еще при Тутмосе I, как видно из одной плохо сохранившейся надписи. ⁸³⁾

Экономический расцвет Египта и связанная с этим обширная строительная деятельность первых фараонов 18-й династии значительно способствовали росту столицы египетского государства, знаменитых Фив. Поэтому гробница Тутмоса I сооружена значительно дальше от города, чем гробница его предшественника Аменхотепа I. Гробница Тутмоса I высечена уже не в Дра-абу-ен-Негга, а гораздо дальше в более уединенном и пустынном месте, которое более соответствовало представлениям египтян об обители мертвых. Французскому археологу Лоре посчастливилось найти в марте 1898 г. гробницу Тутмоса I в уединенной и пустынной Долине царей [Бибан-эль-Молук]. Эта гробница (№ 38), находящаяся в одной из отдаленных частей Долины царей, вполне соответствует описанию, сохранившемуся в автобиографии Инени. В гробнице было найдено несколько предметов из погребальной утвари Тутмоса I: кварцитовый саркофаг фараона, ящик для его канопа, крышка от одной канопы, алебастровый сосуд с надписью Тутмоса II и несколько обломков стекла. Все эти предметы ныне находятся в Каирском музее. ⁸⁴⁾

Интересные сведения, характеризующие заботу Тутмоса I о восстановлении, украшении и обогащении храмов, сохранились в тексте большой надписи, найденной в Абидосе и ныне хранящейся в Каирском музее. В этой надписи подробно описываются работы, произведенные по приказу Тутмоса в абидосском храме Озириса, и дары, пожертвованные в этот храм фараоном. Текст надписи является своеобразным диалогом между жрецами Озириса и царем. Отвечая царю, жрецы благодарят за его милости и возвеличивают его за благодеяния храмам: [179]

«...как приятно это сердцам людей — говорят они — как прекрасно это перед лицом богов! Ты соорудил памятник Озирису, Ты сделал прекрасным Хентиаментиу [Первого среди западных], великого бога изначальности...

...Работали на него цари Верхнего и Нижнего Египта с тех пор, как основана была эта страна. Ты был рожден для него. Он создал тебя в праведности сердца своего, чтобы ты восстановил святилище богов и благоустроил храмы их.

Ты — золото: тебе принадлежит серебро. Открыл для тебя Геб находящееся в нем. Дал тебе Татенен вещи свои. Работают на тебя все иноземные страны. Все страны под твоей властью... ...Приказывает Его Величество начальнику печати руководить работами

... Соорудить памятник этот отцу своему Озирису, Украсить статую его навеки. «Хорошо выполни великие тайны дела, чтобы никто не видел, чтобы никто не слышал, чтобы никто не знал его тела.

Я соорудил для него переносную ладью из серебра, золота, лазурита, черной меди и всяких драгоценных камней».

По приказу царя, начальник печати и верховный казначей выполняет целый ряд работ. В тексте абидосской надписи он как бы отчитывается в этих работах в следующих словах:

«Я доставил для него многочисленные жертвенные столы, систры сехем и шешет, ожерелья, кадельницы, круглые столы...

Я соорудил для него священную ладью из нового соснового дерева, лучшего соснового дерева с террас: ее нос и ее корма из электрума, заставляя воды празднично сиять, чтобы совершать ее плавание в ней во время ее праздника «Округа Пеки».

В конце этой надписи царь перечисляет свои благодеяния храмам. Он говорит:

«Я соорудил памятники богам.

Я сделал прекрасными святилища богов на будущие времена. Я благоустроил их храмы. Я восстановил то, что было разрушено. Я превзошел то, что было сделано раньше».⁸⁵⁾ В этой надписи ясно указывается, что царь имеет возможность сделать эти пышные и богатые дары храмам и жрецам, так как он владеет большими богатствами, полученными им из соседних завоеванных им стран. В этом отношении очень показательны слова надписи: «Работают на тебя все иноземные страны. Все страны под твоей властью».⁸⁶⁾ [180]

Так все больше и больше укреплялась тесная связь, соединявшая высшие военные, чиновные и придворные круги с верхушкой жречества, так консолидировался правящий класс рабовладельческой аристократии, возглавлявшийся священной особой обоготворенного царя, власть которого освящалась религией и жречеством.

Широкая и энергичная завоевательная политика Тутмоса I заложила основы экономического расцвета Египта, что нашло свое внешнее выражение в строительной деятельности фараона и в расцвете искусства. Построив свои монументальные пилоны у храма Амона в Фивах, Тутмос I думал этими сооружениями завершить архитектурный ансамбль огромного Фиванского храма. Поэтому он начал величественные, но, к сожалению, не оконченные постройки, которые должны были соединить храм Амона с храмом Мут. Только крупные экономические ресурсы могли позволить ему начать серию этих грандиозных архитектурных сооружений, задуманных в очень крупном масштабе.⁸⁷⁾ Соответственно с этим расцветом монументальной архитектуры в царствование Тутмоса I наблюдается и расцвет изобразительного искусства, в частности скульптуры. Прекраснейшим образцом монументальной скульптуры этого времени является голова

колоссальной статуи фараона, некогда стоявшей во дворе обелиска в Карнакском храме; ныне эта голова хранится в Каирском музее. Один из лучших специалистов в области древнеегипетской культуры Г. Масперо отметил высокое художественное совершенство, которое выделяет это произведение искусства среди памятников этой эпохи. По мнению Масперо, характерной чертой этого скульптурного портрета великого завоевателя является «переход от старого стиля к новому». Лицо Тутмоса I, живо и реалистически трактованное, напоминает черты фараона Сенусерта. Однако для этого произведения египетского искусства эпохи Нового царства уже характерны «уверенность резца и индивидуальный характер головы».⁸⁸⁾ Таким образом, и в искусстве мы наблюдаем здесь преемственную традиционную связь с великим прошлым времени Среднего царства и в то же время черты новой грандиозности, нового размаха и нового индивидуализма, столь типичные для эпохи Нового царства, когда египетское государство, ломая свои старые рамки, выходит на широкую арену мировой великодержавной международной политики.

Так были созданы все необходимые политические, экономические и военные предпосылки для дальнейшего развертывания военно-агрессивной политики египетского государства. Разумеется, не могло быть сил, которые были бы в состоянии приостановить этот процесс. Развитие рабовладельческого хозяйства Древнего Египта требовало усиления экономических связей с соседними странами, развития внешней торговли, завоевательных походов, захвата сырья, добычи, рабов и территорий. Однако некоторые историки, чрезмерно преувеличивающие значение личного фактора в истории, пытаются показать, что слабость и миролюбие Тутмоса II явились причиной задержки дальнейшего развертывания завоевательной политики египетского государства. Так, еще в 1877 г. Бругш указывал, что Тутмос II был слабым и незначительным правителем, который во многом уступал своей [181] значительно более энергичной и умной сестре Хатшепсут.⁸⁹⁾ Такого же мнения придерживался и Эберс, полагавший, что Тутмос II находился под сильным влиянием «могучего и предприимчивого характера своей сестры».⁹⁰⁾ Масперо в своем классическом труде, посвященном истории Древнего Востока, подчеркивает «мягкое и грустное выражение его глаз», переданное художником на крышке его саркофага, а также то, что, судя по его мумии, Тутмос II был слабым и болезненным человеком.⁹¹⁾ Наконец, Эрман, как бы резюмируя все отдельные высказывания, подчеркивает, что преемник Тутмоса I «Тутмос II и его сестра Хатшепсут не продолжали дела их отца и таким образом уже завоеванное было утеряно».⁹²⁾ Однако конкретные исторические факты опровергают эту установившуюся в буржуазной египтологии точку зрения. Личные черты характера, тем более нашедшие свое выражение лишь в изображениях фараона, а также его телосложение и его болезни не могли изменить процесса дальнейшего развертывания военно-агрессивной политики Египта, который был обусловлен всем ходом его истории. И действительно, документальные данные, сохранившиеся в надписях времени Тутмоса II, это подтверждают. Так, в надписи, высеченной на скале близ дороги, ведущей из Ассуана в Филэ, ясно указывается на военное могущество фараона. Надпись гласит:

«Вот его величество в своем дворце, но слава его величественна. Страх перед ним в стране. Ужас (царит) в странах Ханебу. Обе половины двух владык (Горов) под наблюдением его. Племена девяти луков под стопами его. Приходят к нему азиаты ментиу, неся дань, а нубийские племена лучников иунти-сетиу, неся корзины. Его южная граница — у «Рога земли». Северная — у окраины болот Сатет (Азия), находящихся под властью его величества. Не отстраняется рука его посла в странах Фенеху».⁹³⁾

В этой надписи особенно характерно, что Тутмос II претендует на сохранение своего военного господства во всех тех странах, где властвовал его воинственный предшественник. Фараон подчеркивает, что военное влияние египетского могущества и

страх перед египетским фараоном и, очевидно, его войском чувствуется не только в самом Египте, но и за его пределами, в частности в Азии, в Нубии и даже в островных районах Эгейского моря. Характерно и то, что в этой надписи применены выражения, чрезвычайно близкие к фразеологии надписей предшествующего царствования. Этим как бы подчеркивается продолжение традиционной завоевательной политики египетских фараонов. С гордостью указывает Тутмос II, что он сохраняет прежние границы египетского государства, как бы претендуя этим на сохранение всех прежних завоеваний своего отца.

Торжественные эпитеты прилагаются к имени фараона Тутмоса II и в автобиографических надписях его вельмож, как, например, царского зодчего Инени, который следующими словами определяет могущество фараона:

«Сокол в гнезде... царь Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ен-Ра воцарился над Египтом. Он правит над Красной страной. Он овладел двумя берегами, победоносный». ⁹⁴⁾
[182]

Вся эта пышная фразеология может на первый взгляд показаться одним лишь традиционным набором стандартных фраз. Однако сохранившиеся от времени царствования Тутмоса II документальные надписи указывают на завоевательные походы фараона, которые имели своей целью упрочить военное господство Египта в соседних странах, в Нубии и в Сирии. Уже на первом году своего царствования Тутмос II предпринимает военный поход в Нубию, довольно подробно описанный в надписи, высеченной на скале близ дороги, ведущей из Ассуана в Филэ.

В этой надписи повествуется, как фараону сообщают о восстании, начавшемся в «жалкой стране Куш», среди тех, кто ранее находился «под властью владыки двух стран», и кто ныне вознамерился начать против него враждебные действия. Весть об этом восстании непокорных нубийских туземных племен достигла мирного египетского населения. Испугавшись восстания, египтяне со своими стадами устремились под защиту крепости, сооруженной «царем Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ка-Ра, живущим вечно, для отражения восставших иноземцев, нубийских племен лучников иунтиу-сетиу в Хентхеннофере, для тех, кто находится к северу от великой страны Куш».

В образных выражениях описывает автор надписи гнев фараона, вызванный известием о восстании нубийских племен.

«Поднялся его величество, как пантера, когда он услышал об этом.

И сказал его величество:

«Я клянусь тем, как любит меня бог Ра, как благоволит мне отец мой, владыка богов Амон, владыка Фив, что я не оставлю среди них в живых ни одного мужчины...»

«Тогда отправил его величество многочисленное войско в Нубию..., чтобы сокрушить всех восставших против его величества и враждебных владыке двух стран. И тогда это войско его величества прибыло в жалкую страну Куш... И это войско его величества сокрушило этих иноземцев : они не оставили среди них в живых ни одного мужчины, согласно всем приказам его величества, за исключением одного из этих детей вождя жалкой страны Куш, который был привезен живым в качестве живого пленника вместе с их людьми к его величеству и повержен под ноги благого бога. Появился его величество на престоле, когда привели живых пленников, захваченных этим войском его величества.

Сделана была эта страна рабой его величества, подобно тому, как она была ранее. Народ ликовал, воины радовались, воздавая хвалу владыке двух стран; восхваляли они этого бога, прекрасного в проявлениях своей божественности».⁹⁵⁾

Эта надпись проливает яркий свет на взаимоотношения между Египтом и покоренными областями Нубии в эпоху ранней 18-й династии, в частности в царствование Тутмоса II. Благодаря хорошо поставленной разведке и своевременной информации фараон заранее узнает о подготовке и о начале большого восстания, которое разгорается среди покоренных египтянами племен Нубии. Очевидно, несмотря на многочисленные походы фараонов 18-й династии в Нубию, нубийские племена [183] лучников иунтиу-сетиу, населявшие «жалкую страну Куш», в частности области Хентхеннофер, не были полностью замирены, еще сохраняли свой прежний дух непокорности и независимости и пользовались каждым удобным случаем, чтобы поднять восстание против своих поработителей. Далее в этой надписи указывается, что местное египетское население со своими стадами в момент восстания нубийских племен скрывается и ищет спасения за крепкими стенами крепости, построенной в Нубии предшественником Тутмоса II фараоном Аа-хепер-ка-Ра [т. е. Тутмосом I]. Этот факт лишний раз подтверждает, что эти области Нубии еще далеко не были полностью замирены и египтяне принуждены были в этих областях опираться на свои крепости и на помещенные там военные гарнизоны. Однако, несмотря на недоброжелательное отношение местного нубийского населения, египтяне довольно энергично колонизовали эти области Нубии. Когда же среди нубийцев вспыхивали восстания против египетского господства, египетское население принуждено было искать убежища и прятаться за стенами египетских крепостей, важнейших опорных пунктов египетского господства в Нубии.

Наконец, в этой надписи в кратких, но выразительных словах описывается и самый поход, совершенный в Нубию, вернее, крупная карательная экспедиция, направленная для наказания непокорных и восставших против египетского господства нубийских племен. В нескольких местах надписи подчеркивается, что на этот раз в Нубию было послано «многочисленное войско», причем не указано, что во главе войска шел царь. Поэтому можно предположить, что в этом нубийском походе Тутмос II личного участия не принимал. Автор описывает разгром, произведенный египетским войском среди восставших нубийских племен, почти полное уничтожение среди них всех мужчин и захват «живых пленников», которые во главе с одним сыном вождя восставшего нубийского племени были доставлены в столицу египетского фараона. В конце надписи подчеркивается как наиболее существенный результат этого похода полное покорение восставших областей, которые «снова, как раньше, стали рабами его величества», что снова дало возможность египтянам безнаказанно эксплуатировать живую силу и естественные богатства Нубии.

Мы осведомлены и о военном походе, который Тутмос II совершил в Азию. К сожалению, об этом азиатском походе Тутмоса II сохранились крайне скудные известия в автобиографической надписи Яхмоса Пен-нехбет. Соответствующий отрывок этого текста гласит:

«Я следовал за царем Верхнего и Нижнего Египта Аа-хепер-ка-Ра правогласным. Доставлено было из страны Шасу очень большое количество живых пленников. Я не пересчитывал их».⁹⁶⁾

Эта краткая запись Яхмоса Пен-нехбет об азиатском походе Тутмоса II интересна в том отношении, что она дает возможность установить два существенных, важных факта:

1) во главе египетского войска стоял сам фараон, так как Яхмос Пен-нехбет «следовал за царем»; следовательно, этому азиатскому походу, очевидно, придавалось большое значение; [184]

2) важнейшим результатом этого военного похода был захват такого большого количества пленников, что их даже нельзя было пересчитать. Следовательно, это был типичный военно-грабительский поход с целью максимального захвата пленников для дальнейшего обращения их в рабство и использования на работах в Египте.

Брэстед высказывает предположение, что в данной надписи Яхмос Пен-нехбет описывает лишь один эпизод большого азиатского похода Тутмоса II, имевшего своей целью захват города Нии.⁹⁷⁾ Очевидно, в данном случае Брэстед вслед за Дюмихеном и Марриэтом относит ко времени Тутмоса II фрагмент плохо сохранившейся надписи в средней колоннаде храма в Дейр-эль-Бахри. Однако, как доказал Зете, царский картуш в обрывках этой надписи следует читать не Аа-хепер-ен-Ра, а Аа-хепер-ка-Ра и, следовательно, этот поход совершил не Тутмос II, а Тутмос I.⁹⁸⁾ К тому же необходимо иметь в виду, что Яхмос Пен-нехбет не мог ограничиться описанием лишь одного эпизода данного похода. Как видно из всего контекста его автобиографической надписи, он всегда в очень краткой и сжатой форме описывал весь данный факт в целом, отмечая лишь наиболее важное.

Стараясь продолжать завоевательную политику своих предшественников, Тутмос II старался также продолжать и их строительную деятельность, которая должна была во внешних и зримых формах увековечить его победы и его воинские подвиги. К сожалению, в настоящее время очень трудно точно установить, какие именно постройки были воздвигнуты самим Тутмосом II, так как во время его царствования происходили крупные династические междоусобия. Однако все же имеются некоторые основания предполагать, что военная добыча, захваченная Тутмосом II в Азии и в Нубии, дала ему возможность продолжить блестящую строительную деятельность его предшественников. Так, в восточной части Фиванского храма Амона, в западной нише комнаты № 11, расположенной к северу от гранитного святилища, сохранились изображения Тутмоса II; его титулы и имена сохранились в комнатах № 13, 19 и 22. Сцены с изображениями Тутмоса сохранились также на двух камнях, найденных в развалинах этого храма.⁹⁹⁾ Можно думать, что Тутмос II воздвиг какие-то постройки и в Гелиополе. Во всяком случае на это указывает надпись на памятном камне Берлинского музея № 15699. На этом памятном камне изображены фараон Тутмос II, царица Яхмос и царица Хатшепсут, стоящие перед богом Ра-Горахте.¹⁰⁰⁾ Поэтому имеются основания предполагать, что эта надпись происходит из храма, построенного Тутмосом II в Гелиополе в честь местного гелиопольского бога Ра-Горахте.

Но не следует преувеличивать строительной деятельности Тутмоса II и приписывать ему все те здания, построенные царицей Хатшепсут, на которых имя царицы заменено именем Тутмоса II. Так, например, на восьмом пилоне фиванского храма Амона в Карнаке, который находится в южной части Карнака около священного озера, изображения и имена царицы Хатшепсут заменены изображениями и именами фараона Тутмоса II. На левой восточной башне [185] 3-го пилона мы видим изображение Тутмоса II (первоначально Хатшепсут), стоящего перед львиноголовой богиней Урт-Хекау и богиней Хатхор; позади царя жрецы несут священную ладью Амона. На правой западной башне этого же пилона снова изображен Тутмос II (первоначально Хатшепсут), стоящий перед богами Амоном и Хонсу; позади царя стоят богиня Урт-Хекау и бог Тот, ведущий запись.¹⁰¹⁾ Так же беззастенчиво присвоил себе Тутмос II изображения и надписи царицы Хатшепсут, сохранившиеся на стенах ее храма в Дейр-эль-Бахри. На западной стене святилища богини Хатхор Тутмос II приказал высечь свое изображение на месте прежнего

изображения царицы Хатшепсут. Фараон изображен с веслом и с угольником в руках перед богиней Хатхор. Такую же узурпацию первоначального изображения царицы Хатшепсут находим мы на левой стене комнаты, расположенной у западного угла верхнего двора. Здесь Тутмос II (первоначально царица Хатшепсут), сопровождаемый своим двойником, подносит жертвенные умащения итифаллическому богу Амону.¹⁰²⁾ Наконец, в зале Амона, расположенной у северного угла верхнего двора, опять на месте царицы Хатшепсут изображен Тутмос II перед богом Амоном.¹⁰³⁾ Совершенно аналогичным образом присвоил себе Тутмос II изображения и надписи царицы Хатшепсут в храме 18-й династии в Мединет-Абу, а также в храме Гора у 2-го порога близ Вади-Хальфа (древнее Бохани).

Памятниками строительной деятельности Тутмоса II являются также статуи, сооруженные им во время своего царствования, в частности статуи его отца Тутмоса I, ныне хранящиеся в Туринском музее, и статуя его матери, царицы Мут-нофрет, найденная в заупокойном храме царевича Уаджмес в западной части Фив и ныне хранящаяся в Каирском музее. На этих статуях сохранились трафаретные надписи, в которых Тутмос II с гордостью заявляет, что он соорудил эти статуи в качестве «своего памятника».¹⁰⁴⁾ Тутмосу II принадлежат далее два колосса из тех шести, которые находились перед южным фасадом 8-го пилона. На одной из этих колоссальных статуй Тутмоса II сохранилась следующая надпись:

«Благой бог, владыка двух стран, Царь Верхнего и Нижнего Египта, Аа-хепер-ен-Ра, сын солнца от плоти его, любимый им Тутмос Нефер-хау соорудил памятник свой для отца своего Амона-Ра, владыки престолов двух стран, владыки неба, находящегося в Фивах»...¹⁰⁵⁾

Все эти памятники Тутмоса II красноречиво говорят о тех крупных богатствах, которые и в его царствование продолжали притекать в Египет из покоренных областей Нубии и Сирии в результате военных походов, которые совершил фараон, продолжая традиционную завоевательную политику своих предшественников. [186]

Глава шестая.

Район египетских завоеваний в Передней Азии (Палестина, Финикия и Сирия)

Географическое положение Сирии чрезвычайно своеобразно. Сирия лежит на стыке трех материков. Своей континентальной частью Сирия теснейшим образом связана с Передней Азией, так как восточные области Сирии граничат с сирийско-месопотамской степью, а южная часть Сирии, так называемая Палестина, постепенно переходит в безводную пустыню Аравийского полуострова. Своей приморской частью, сирийским, финикийским и филистимским побережьем Средиземного моря Сирия широко открывается навстречу европейскому материку, тесно связанная древними торговыми путями с островами восточного Средиземноморья, с Кипром, Критом и архипелагом Эгейского моря. А юго-

западной оконечностью Сирия через Синайский полуостров тесно примыкает к черному африканскому материку, в частности, к древней африканской стране, Египту. Это промежуточное положение Сирии между тремя материками, где находились очаги древнейших и величайших культур древнего мира и образовались древнейшие и наиболее могущественные государства древности, не могло не наложить некоторого своеобразного отпечатка на исторические судьбы народов, населявших Сирию в древности. Расположение Сирии на стыке древнейших морских и караванных торговых путей, соединявших крупнейшие государства, области и города древнего мира, превратило Сирию уже в древности в страну торговли, в значительной степени транзитной.

Географическая раздробленность Сирии, обособленность ее отдельных частей, как, например, финикийского побережья или долины Оронта, защищенной с запада и с севера горными хребтами Ливана и Антиливана, а также отсутствие больших рек, которые могли бы содействовать политическому и культурному объединению всей страны, не создали благоприятных естественных условий для образования здесь единого и могущественного государства. И, действительно, Сирия в течение всей своей истории всегда была раздроблена на ряд [187] постоянно враждовавших между собой карликовых «государств». Политической раздробленности Сирии способствовало и то, что уже с глубокой древности Сирию со всех сторон окружали высоко культурные большие и сильные государства, которые всегда стремились к завоеванию богатых областей Сирии и к захвату ее цветущих торговых городов. На юго-запад от Сирии находился Египет, на восток — Вавилония и Ассирия, на северо-восток — государство Митанни, на север — Хеттское государство, наконец, на запад от Сирии на Средиземном море властвовала критская талассократия. Окруженная могущественными соседями Сирия не имела достаточных сил для сопротивления, и поэтому она уже издревле постоянно попадала под власть и под культурное влияние то одного, то другого из этих крупных соседних государств.¹⁾ Таким образом, Сирия была вечным яблоком раздора, объектом напряженной, упорной и длительной борьбы наиболее могущественных государств древневосточного мира. На полях Сирии разворачивались самые крупные сражения, сирийские крепости непрерывно подвергались осадам и штурмам. Вся Сирия была грандиозным плацдармом, на котором разворачивались военные силы крупнейших древневосточных стран. И поэтому нет ничего удивительного в том, что египетское государство со времен глубокой древности стремилось к завоеванию Сирии, Финикии и Палестины. Эти страны манили к себе египтян своими естественными богатствами, высоко развитым земледельческим хозяйством, цветущими торговыми городами. Египтяне всегда стремились захватить богатые земледельческие области Сирии, прочной ногой встать на скрещении важнейших торговых путей древневосточного мира, и, соприкоснувшись через Сирию с великим передне азиатским миром, выйти на арену мировой международной политики. Только через Сирию египтяне могли пробить окно в Азию; через Сирию лежал для египетских фараонов путь к дальнейшему развертыванию их великодержавной политики, целью которой было установление мирового господства.

Многие области Палестины, Финикии и Сирии, в силу благоприятных условий, уже в глубокой древности превратились в богатые и цветущие земледельческие районы. Южная часть сирийского побережья, благодаря своей плодородной почве, хорошо орошаемой множеством речек, давала возможность для значительного развития земледельческого хозяйства. В особенности отличается своим плодородием знаменитая Саронская низменность, которую некоторые исследователи называют «райским садом».²⁾ Плодородная и легко обрабатываемая почва этой низменности обильно орошается многочисленными речками, которые несут свои воды к морю. Этот благодатный край в настоящее время покрыт полями пшеницы, лугами и прекрасными садами, в которых растут виноград, апельсины, лимоны, оливки, винные ягоды и финиковые пальмы. Не

менее плодородны и некоторые внутренние области Палестины. Такова Иерихонская долина, прекрасно орошаемая Вади-кельтом. Благодаря жаркому климату и обилию влаги здесь хорошо растет финиковая [188] пальма и даже хлопчатник.^{2а)} К западу от долины Иордана простирается Галилея со своими плодородными равнинами и склонами гор, хорошо орошаемыми горными источниками и потоками. Эта часть Палестины, в особенности Иезреельская долина, была густо заселена, о чем до сих пор свидетельствуют многочисленные развалины и холмы, скрывающие в себе остатки древних городов.^{2б)} Большим плодородием отличается и область к востоку от Иордана. Здесь на плоскогорьях находятся прекрасные пастбища, дающие возможность в большом количестве разводить скот. В хорошо орошаемых долинах золотятся поля пшеницы, которые снабжают значительным количеством хлеба Палестину и Сирию. Находящаяся здесь древняя область Васан славилась своими сельскохозяйственными богатствами, скотом и зерном. Эта область сохранила свое сельскохозяйственное значение вплоть до последнего времени. Так, в начале XX века по специальной железной дороге из Муцериба в Дамаск ежедневно ходили 10-12 товарных поездов, а на караванном пути из Геннисарета в Хайфу постоянно передвигаются 8000 верблюдов, которые перевозят зерно.³⁾

Не меньшим плодородием отличаются и некоторые области Финикии и Сирии. В хорошо орошенной приморской полосе Финикии, в особенности в районе Марата, Берита, Сидона, Тира и Акко, имеются все необходимые почвенные и климатические условия для широкого развития земледелия и садоводства. Здесь до настоящего времени в больших фруктовых садах разводят апельсины, лимоны, фиги, бананы, абрикосы, персики, миндаль, гранаты, айву, фисташки, орехи, яблоки и груши. Около Триполиса в огромном количестве выращивают маслины. На западных склонах Ливана сажают маслины, табак и виноград. Там, где нет возможности выращивать эти ценные растения, сеют пшеницу, ячмень, рожь и табак. Большим плодородием отличаются также внутренние части средней и южной Сирии, в особенности благодатная долина Оронта. В египетских надписях сохранились указания на земледельческие богатства этой страны, которую египтяне называли страной Джахи. Так, в Анналах Тутмоса III под 29-м годом его царствования при описании его пятого сирийского похода в следующих словах описываются богатства страны Джахи.

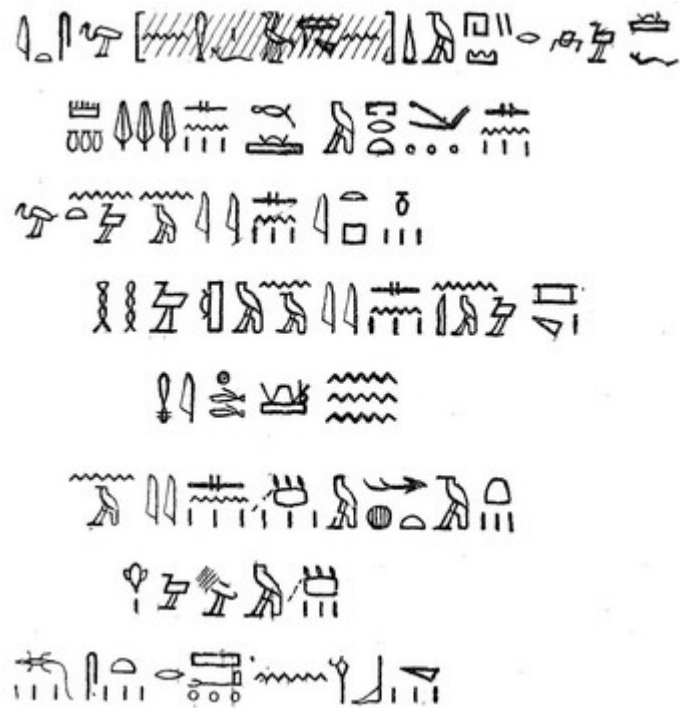
«Когда нашел [его величество эту страну]

Джахи на всем ее протяжении,

Сады их были полны плодами их.

Найдены были вина их, находящиеся в давяльнях их, подобно потокам воды.

Хлеба у них на террасах^{*)} было в таком количестве, что его было больше, чем песка на берегах».⁴⁾ [189]

Благоприятные естественные условия способствовали тому, что в Палестине и в Сирии уже со времен глубокой древности жили люди. Крупные раскопки, произведенные в различных частях Сирии и Палестины, показывают, что эти страны были заселены уже со времен неолита и что в Палестине человек обитал даже в эпоху древнекаменного века. Так, в пещере, расположенной на северо-западном берегу Галилейского озера, в позднемустье́рском слое был найден череп человека, очень близкий к черепу неандертальца. Тут же были обнаружены ручные ударники, скребки и остроконечники, а также другие орудия позднемустье́рского и ориньякского типа. Такие же орудия, несомненно, относящиеся к эпохе верхнего палеолита,¹ были найдены в пещере в Мугхарет-эль-Вад около Шукбах к северо-западу от Иерусалима.² В значительно большем количестве были найдены орудия неолитической эпохи, которые в наиболее древних неолитических слоях непосредственно примыкают к орудиям эпохи [190] верхнего палеолита. Эти орудия переходного типа были найдены у мыса Собачьей реки, близ ее истоков около Молочного и Медового родника, а также близ Хараджеба и Джаиты у подножья горы Санин. Большинство этих кремневых орудий относится к типу скребков, ножей, шил, резцов и наконечников копий, причем последние отличаются особенно тщательной обработкой. Новыми орудиями, типичными уже для этой новой ранне-неолитической эпохи, являются пилы, трехугольные наконечники стрел и многочисленные топоры трехугольной формы. Начинают появляться полуполированные орудия, в частности, топоры, резцы и кинжалы, которые свидетельствуют о возникновении и развитии техники полировки камня.³ Ценнейшие комплексы памятников неолитической эпохи были обнаружены при раскопках древнего Гезера, расположенного в западной части долины Аялона, которая отделяет среднюю Палестину от южной. Этот древний хананейский город, расположенный на плодородной равнине, в течение долгого времени сохранял крупное экономическое и политическое значение, на что указывают соответствующие упоминания Гезера в Библии.⁴ Археологическое обследование развалин Гезера, произведенное еще Макалистером, с ясностью показывает, что древнейшее поселение восходит здесь к новокаменному веку. Можно думать, что самый древний археологический слой Гезера восходит к 5-му тыс. до х. э., а может быть, и к более древнему времени. Скалистые горы, расположенные около Гезера и отделяющие плодородную прибрежную полосу земли от континентального плоскогорья, изобилуют естественными и искусственными пещерами, в которых в течение неолитического

периода жили люди. Характерна для неолитической эпохи и керамика, найденная как в неолитических слоях Гезера, так и в других местностях Палестины. Эти сосуды слеплены от руки, причем более крупные, возможно, сделаны из нескольких отдельных вылепленных частей. Сосуды самой различной формы (кувшины, амфоры, чаши) обжигались на солнце или на открытом огне. Тулова сосудов, обычно приближающиеся к шаровидной форме, довольно часто снабжены выступающими или прилепленными петлевидными ручками. Орнамент этих сосудов чрезвычайно примитивен; в большинстве случаев грубый линейный вдавленный или налепленный узор воспроизводит форму тех веревок, которыми сосуды связывались во время обжига. Иногда встречаются ряды вдавленных углублений или выступающих шишковатых выпуклостей.⁸⁾

К концу доисторического периода относится вал, окружающий неолитическое поселение Гезера. Этот вал, достигающий двух футов толщины и шести с половиной футов высоты, грубо сложен из маленьких кусков дикого камня, скрепленного глиной. Каменные орудия все еще сохраняют прежнюю форму. Однако появляется и новый тип усовершенствованной каменной пилы.⁹⁾

Памятники неолитической культуры были обнаружены не только в Палестине, но и в различных местностях Сирии. Важные центры древней неолитической культуры находились в северной Сирии, в районе, прилегающем к нижнему течению Евфрата и к горным хребтам Амана [191] и Тавра. Здесь в Сакче-Гези было найдено очень древнее поселение, которое своими нижними наиболее древними слоями восходит к неолитической эпохе. В первом слое были обнаружены грубые орудия из кремня, обсидиана, слоновой и простой кости, а также ступочки от веретена, которые указывают на появление прядения и ткачества. Оригинальные формы некоторых сосудов воспроизводят форму тыквенной бутылки. Глубокий черный цвет их поверхности достигался обжигом на тлеющем огне и последующей тщательной полировкой. Для этих сосудов типичен вдавленный орнамент, состоящий из линейных геометрических узоров, как, например, треугольников, заполненных внутри параллельными линиями.¹⁰⁾ Во втором слое встречаются сосуды из серой глины с лощеной поверхностью и с тонкими стенками, в редких случаях снабженные ручками. Наконец, третий слой, уже частично относящийся к халколитической эпохе, содержит расписную керамику, близкую к керамике Суз, к так называемому эламскому стилю I-bis.¹¹⁾ Следовательно, именно здесь в северной Сирии мы видим постепенное развитие типа материальной культуры конца неолита и начала палеометаллической эпохи, типа расписной керамики, столь характерной для Древнего Элама и для культуры Анау в Средней Азии.¹²⁾ Вряд ли можно предполагать наличие какой-либо племенной миграции на столь большой территории, скорее наличие одного протоазианического этнического слоя, одной протоазианической культуры.

Благоприятные естественные условия, в частности, хорошая плодородная почва и наличие воды, способствовали раннему возникновению земледелия в различных районах Сирии и Палестины. Пшеница и ячмень встречаются здесь в качестве дикорастущих растений, которые были акклиматизированы в этой местности уже в эпоху глубокой неолитической древности. Просо было известно древним земледельцам Сирии и Палестины также с древнейших времен. Наряду с зерновыми злаками, появляются древнейшие культуры технических растений. Уже в эту эпоху возделывали лен и умели изготавливать ткани, отпечатки которых сохранились на черепках из Мицпа. Земледельческая техника этого времени была еще очень примитивной. Большое значение имела мотыга, которая лишь постепенно уступала свое место примитивному плугу. Исследователи предполагают, что одним из древнейших домашних животных была свинья, затем был приручен бык, получивший громадное хозяйственное значение в качестве рабочего скота.

Интереснейшее изображение первобытного палестинского плуга сохранилось на стенах одной пещеры в Гезере.¹³⁾

Эта ранняя земледельческая культура получила развитие в эпоху халколита, которая в большинстве стран Древнего Востока является временем образования классового общества и государства. Новейшие раскопки, производившиеся в течение последних двух десятилетий, обнаружили большое количество поселений, погребений и памятников мегалитической и халколитической культуры на территории Древнего Востока, в частности, в Палестине и в Сирии. Большой [192] интерес в этом отношении приобретают памятники, раскопанные к северо-востоку от Мертвого моря в местности Телелат-эль-Гхассуль. Судя по найденным здесь вещам, в 4-м тыс. до х. э. здесь жили земледельцы, которые вели в этом районе прочный оседлый образ жизни. Сохранились остатки домиков из сырцового кирпича, иногда даже на каменном фундаменте, причем под домами были обнаружены детские погребения, может быть, остатки древних человеческих жертвоприношений. Техника изготовления орудий все более и более совершенствуется. Каменные серпы, мотыги, топоры и тесла постепенно заменяются бронзовыми топорами. Аналогичный прогресс наблюдается и в керамическом производстве. Появляется гончарный круг, на что ясно указывают глиняные сосуды, впервые сделанные на гончарном круге. Сосуды эти украшены типичным геометрическим орнаментом¹⁴⁾ или рельефными изображениями женских грудей и змей. Эти древние религиозные символы богини земли и плодородия живо напоминают нам эмблематику великой богини-матери, которой с древнейших времен поклонялись жители островов Эгейского моря и прилегающих областей Сирии и Палестины. Этот типично земледельческий культ свидетельствует об укоренившихся формах древнего земледельческого хозяйства и быта. И действительно, уже в древнейших слоях Гхассуля были найдены обугленные зерна ячменя (*Hordeum sativum*). Громадное историческое значение имеют настенные росписи, обнаруженные в этом интереснейшем поселении эпохи халколита. Строго стилизованные, но в то же время высоко художественные рисунки, выдержанные в рамках усложненного геометрического стиля, дают своеобразную символику солнечного культа, который, по мнению Б. Грозного, можно сближать с мифологическими и космогоническими воззрениями древних шумерийцев. И вместе с тем эта полихромная стенная роспись из Гхассуля живо напоминает многокрасочную орнаментацию глиняных сосудов в Тель-Арпачия близ Ниневии, которые, по мнению Грозного и Дюссо, относятся к халафскому, вернее субарейскому культурному кругу 4-го тыс. до х. э. Б. Грозный связывает гхассульскую культуру с многочисленными мегалитическими памятниками, в частности дольменами восточного Заиорданья, а также с дольменными памятниками, расположенными к западу от Каспийского моря и к югу от Ленкорана. Это дает ему возможность снова поставить вопрос о среднеазиатской прародине этих древних племен Передней Азии. Не вникая в подробный разбор этой сложнейшей исторической проблемы, я ограничусь лишь указанием на то, что все эти новые и очень ценные археологические данные позволяют нам сделать один существенный исторический вывод. Мы теперь с несомненностью можем утверждать, что уже в 4-м тыс. до х. э. на территории Передней Азии, а в частности в Сирии и в Палестине жили древние протоазианские племена, создавшие довольно высокую земледельческую культуру и стоявшие на пороге образования классового общества и государства, ибо совершенно аналогичные памятники халколитической техники, керамики с типичным геометрическим узором, а также древнейшей религии [193] земли, воды, женщины и солнца мы находим в Древнем Египте и в Древнем Шумере в эпоху архаики и образования древнейших архаических государств.¹⁵⁾

Значительное развитие земледелия и различных ремесел, в частности керамики и металлургии, повлекли за собой рост производительных сил, появление избыточных

продуктов и вслед затем торговли как внутренней, так и внешней. В середине 3-го тыс. на территории Сирии и Палестины, совершенно так же, как в Древнем Египте в эпоху Среднего царства, появляются первые более или менее крупные города, центры ремесленного производства и довольно широкой в территориальном отношении как морской, так и караванной торговли. Находясь на важных торговых путях, соединяющих Аравию, Египет, восточное Средиземноморье, Малую Азию, Месопотамию в единый экономический и культурный мир, эти города уже в 3-м тыс. достигли значительного расцвета. На это указывают раскопки некоторых из этих городов, развалины которых сохранились до нашего времени. Так, например, на территории Палестины были обнаружены остатки целого ряда городских поселений, восходящих к 3-му и к 2-му тыс. до х. э. Таков Лахиш, развалины которого были обнаружены между Газой и Хеброном. Будучи расположен на большой торговой дороге, ведущей от филистимского побережья и из Газы в континентальную часть Палестины, этот город уже в 3-м тыс. до х. э. достиг большого расцвета. Очевидно, его стратегическое положение было оценено уже в глубокой древности, так как он был расположен на холме, господствующем над рекой и большой торговой дорогой. Город был окружен стеной из тонких кирпичей, защищенной угловыми башнями. Жители этого города обитали в маленьких и грубо построенных домиках. В развалинах этого города были обнаружены различные виды оружия и орудий из закаленной меди, в частности местные виды боевых топоров, ножей, тесел, а также наконечники булав, напоминающие аналогичные предметы, найденные в Египте и в Вавилонии. Большим своеобразием отличается найденная здесь керамика, в частности сосуды с выступающими ручками, толстые чаши, снабженные краем и оригинальным носиком, а также красные лощеные сосуды, покрытые росписью. Среди найденных предметов особенный интерес представляют деревянная печать с изображением оленя и марки горшечников на сосудах, которые указывают на возникновение письменности. Все эти памятники свидетельствуют о значительном росте материальной культуры в этих древнейших городах Палестины, которые служили связующим звеном между Египтом и странами Передней Азии и поэтому подвергались сильному культурному влиянию, как со стороны Египта, так и со стороны Месопотамии и северной Сирии.^{16 17}

Крупное торговое значение имел также и Гезер, который, как мы видели выше, возник в виде сравнительно небольшого поселения уже в неолитическую эпоху. Расположенный к северо-востоку от Лахиша, Гезер лежал на важном торговом пути, соединявшем Саронскую долину и средиземноморское [194] побережье, в частности, Иоппию с областями и городами континентальной Палестины. Развалины Гезера, находящиеся около современного Телль-Гезер в 10 км к юго-юго-востоку от Лудда были раскопаны сперва Макалистером, а потом, начиная с 1934 г., А. Роу. Судя по данным этих раскопок, можно предполагать, что Гезер был населен уже начиная с 4-го тысячелетия до х. э. (рис. 34). В 3-м тысячелетии до х. э. Гезер уже представляет собою довольно значительный город, укрепленный пункт, обнесенный стеной. Крепостные укрепления древнего Гезера дают некоторое представление об уровне материальной культуры, строительной техники и фортификационного искусства того древнейшего населения Палестины, с которым столкнулись египетские войска в эпоху Среднего царства и вошли в прочное соприкосновение во время завоевательных походов египетских фараонов 18-й династии. Эти стены Гезера, заменившие примитивный вал неолитической эпохи, были сложены из больших каменных глыб, грубо отесанных молотом. Промежутки между этими глыбами были заполнены мелкими камнями. Стены были укреплены прямоугольными башнями, расположенными на расстоянии 90 футов друг от друга и снабженными внутренними помещениями. На северной стороне находились ворота, защищенные двумя фланкирующими башнями. Вход был так расположен, что входящий в ворота противник был принужден поворачивать направо, обнажая для удара левую часть своего тела. Вход в ворота в случае военной опасности преграждался деревянными баррикадами. Южные

ворота были также защищены деревянными башнями, между которыми был расположен прямой проход, очевидно, наглухо закрывавшийся во время военных действий или осады города.¹⁸⁾

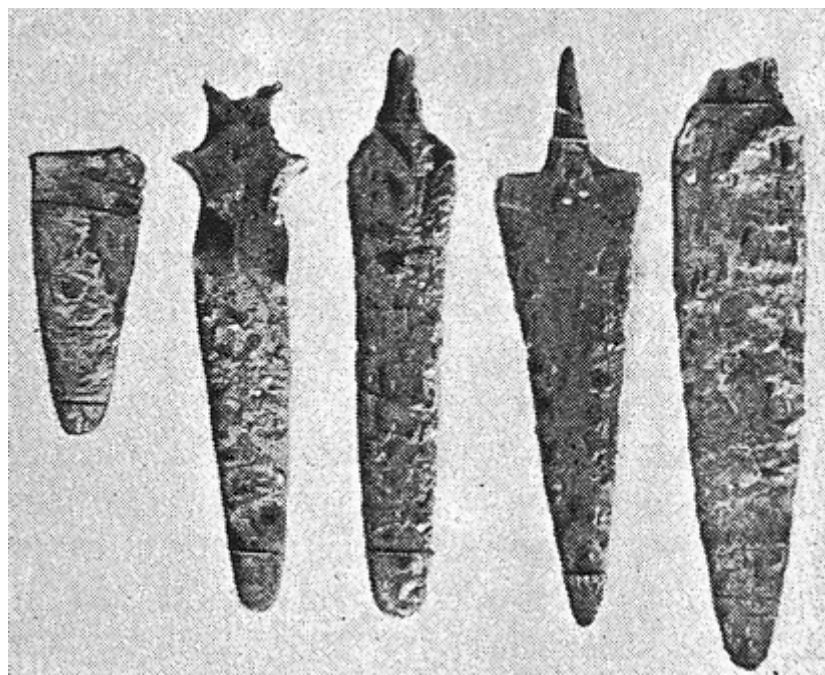

Рис. 34. Кинжалы бронзовой эпохи из Гезера.

К северо-западу от Мертвого моря, на западном краю долины Иордана были обнаружены развалины древнего города, который археологи и исследователи сопоставляют с библейским Иерихоном. Этот город был расположен на важном перекрестке торговых путей, соединявших южную часть долины Иордана и область Мертвого моря через горную Иудею с прибрежными филистимскими областями и плодородной равниной Сарона. Из этого же города шел не менее важный торговый и военный путь на север, вдоль долины Иордана через Бет-шан к Геннисаретскому озеру в Галилею и далее в Среднюю [195] Сирию. Крупные раскопки, произведенные здесь еще в начале нашего столетия Зеллином и Ватцингером, а также рядом других археологов, обнаружили много ценнейших памятников, которые позволяют утверждать, что этот город существовал еще в дохананейский период, очевидно, в 4-м и в 3-м тысячелетии до х. э. Уже в эту эпоху город представлял собой сильную крепость, особенно защищенную с востока, очевидно, от кочевников, которые своими набегами всегда тревожили земледельческое население этого района. Две городские стены (рис. 35), наружная и внутренняя, по своей форме живо напоминают аналогичные городские стены, обнаруженные при раскопках аккадского города в Хафадже. В древнейших слоях Иерихона были найдены кремневые орудия. Значительно лучше сохранились остатки города более позднего, хананейского или, точнее, древнехананейского периода. В эту эпоху город занимал довольно большую территорию (235 000 м²), хотя по своим размерам уступал Гезеру и Мегиддо. Подобно Гезеру, Иерихон был защищен стенами, которые сохранились высотой до 8 м (рис. 36-37). Верхняя часть стен сложена из сырцового кирпича. Также, как и в других палестино-сирийских городах, стены снабжены башнями, расположенными на определенном расстоянии друг от друга. Очевидно, Иерихон представлял собой довольно значительную крепость, важный опорный пункт, защищавший земледельческий район близ Иорданской долины. Наибольшую опасность, очевидно, в эту эпоху представляли восточные кочевники. Несмотря на сильные укрепления, город и городская стена разрушены именно с восточной стороны. Среди вещей, найденных в развалинах Иерихона, следует отметить каменные орудия, пережиточно применявшиеся в течение довольно долгого времени, а

также медные и бронзовые изделия самобытной сирийской формы, что указывает на автохтонные корни и самостоятельное развитие различных видов сирийско-палестинского ремесла, достигшего высокого развития уже в конце 3-го и в начале 2-го тысячелетия до х. э. [рис. 38]. Однако широко развитая торговля в значительной степени способствовала возникновению иноземных влияний в области континентальной Палестины, в частности в районе Иерихона. На это указывает керамика, близкая к эгейской, а также элементы хеттских влияний. Судя по археологическим данным, Иерихон был довольно значительным экономическим, военным и культурным центром Древнего Ханаана, в котором издревле поклонялись лунному божеству. Самое название «Иерихон» некоторые исследователи толкуют как теофорное название «Лунного города».¹⁹⁾

Наконец, среди городов этого времени следует отметить Хаджор (Хацор), в области колена Нафтали к северо-западу от озера Мером около современного Тель-эль-Кедах [Хурбет-наккас] в 11 км к северо-востоку от Сафад. Название этого города встречается в несколько измененной форме Хацура в текстах дипломатических писем из Амарнского архива. Египетская форма этого названия Хаджор²⁰⁾ встречается в сирийско-палестинских списках Тутмоса III и Аменхотепа II, а также в тексте папируса Анастази I.21.7. Литературная традиция [196]

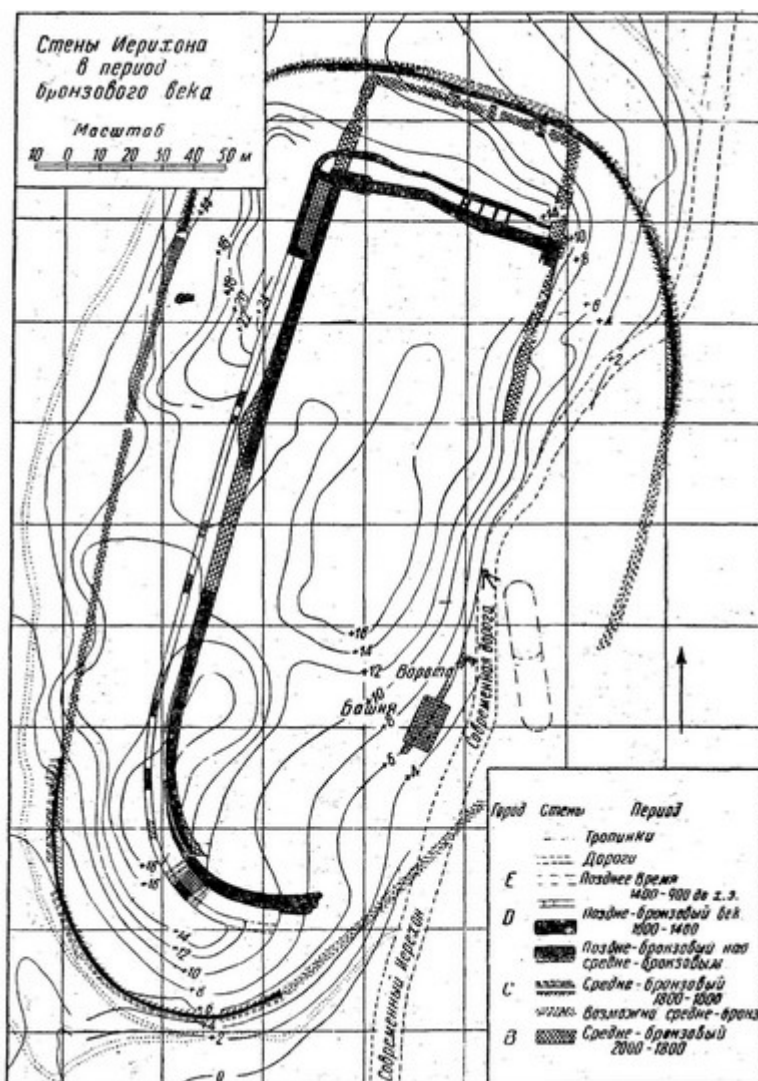

Рис. 35. Стены Иерихона в период бронзового века. [197]

Рис. 36. Кладка стен Иерихона.

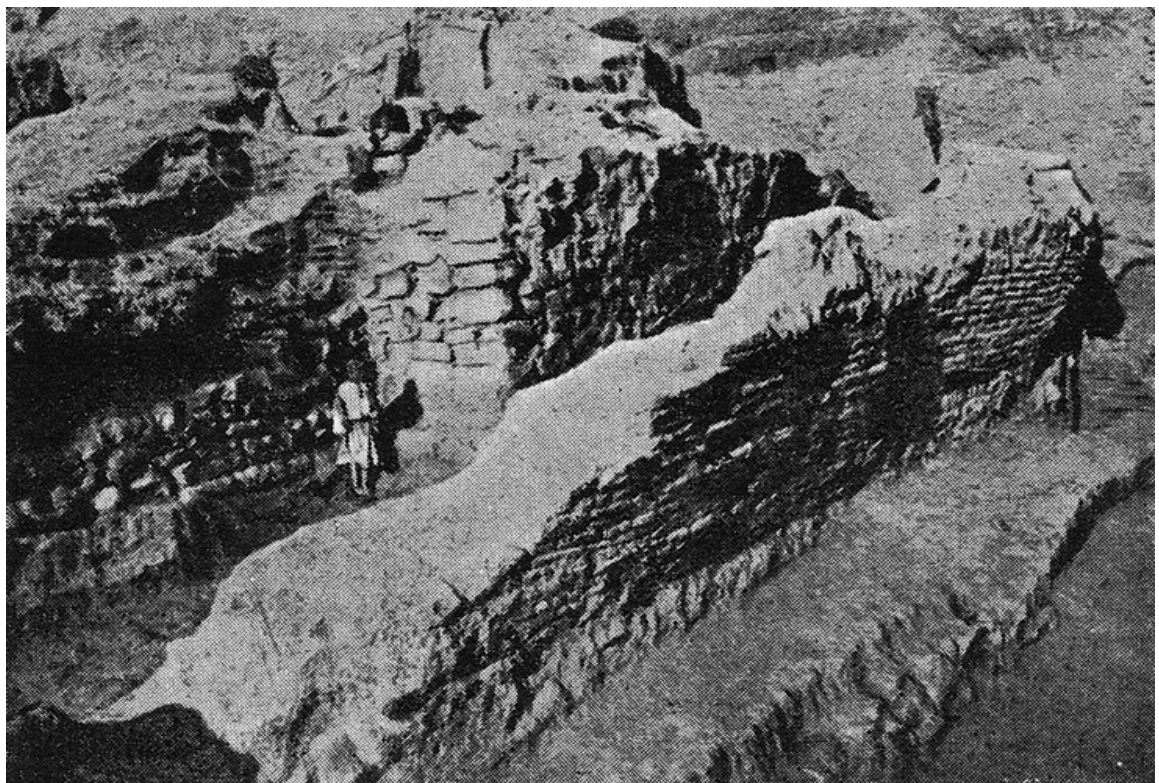

Рис. 37. Кладка стен Иерихона. [198]

более позднего времени сохранила воспоминания о значительных крепостных укреплениях Хаджора, который был, очевидно, важным укрепленным пунктом, расположенным на стыке дорог, ведущих из северной части долины Иордана к финикийскому побережью, в частности к крупнейшему торговому городу Тиру, а также из Палестины в области средней Сирии. Археологические данные указывают, что Хаджор

был населенным пунктом уже в конце 4-го тыс. до х. э. Так, Иирку отмечает наличие керамики, найденной на территории Хаджора и относящейся к 6000—3000 гг. до х. э. Однако лишь систематические раскопки смогут в дальнейшем пролить более яркий свет на этот важный вопрос исторической географии древней Палестины.²¹⁾

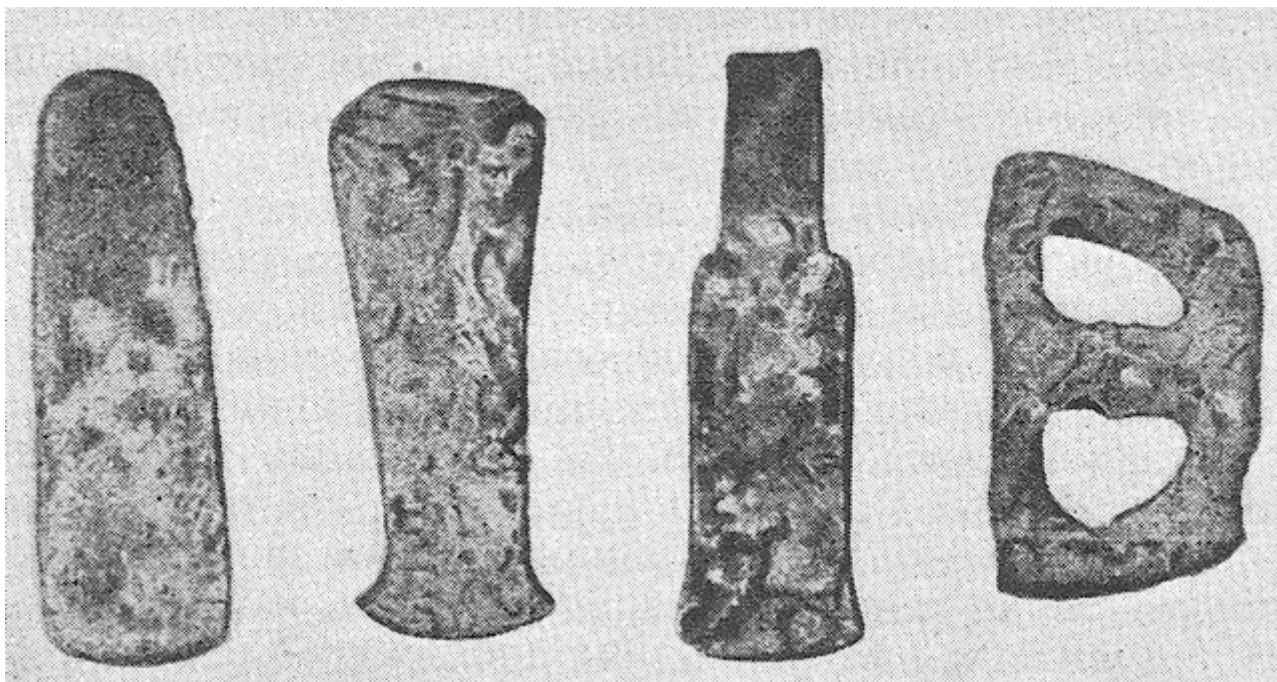

Рис. 38. Топоры раннебронзовой эпохи из Иерихона.

В экономическом отношении районы Палестины, заселенные, начиная с 4-го тыс. до х. э., распадаются на две основные части: на горные области и на равнины и долины, среди которых наибольшее значение имела долина Иордана. Горные области, неудобные для орошения, были богаты лесом и поэтому лесное хозяйство и вывоз леса имели здесь первенствующее хозяйственное значение. Большое количество древесной золы, обнаруженной в Кириат-Сефер в горной области между Газой и Хеброном, указывает на широкое применение дерева и на значительное развитие деревообделочного ремесла в ту древнюю эпоху, когда в этих лесных областях жилища, весьма возможно, строили из дерева. Аналогичные поселения были обнаружены и в горах Офель.²²⁾ В равнинах и в долинах, где почва была плодородной и где было достаточно воды для искусственного орошения, развилось земледельческое хозяйство, возникшее еще в глубокой древности, в эпоху неолита. Результаты раскопок в Гезере дают нам возможность восстановить основные черты древнего земледельческого [199] хозяйства, которое уже в 3-м тысячелетии до х. э. в этой части Палестины стало основным и главным видом хозяйственной деятельности. Среди домашних животных, прирученных еще в течение предшествующего периода, следует отметить коров с длинными, слегка загнутыми рогами и овец. Для перевозки тяжестей пользовались ослом, для охраны скота собакой. Главными хлебными злаками были ячмень, пшеница и овес. Кроме того, возделывались бобы и другие огородные растения, а в садах росли гранаты, маслины, смоковницы, виноград, фисташковые и терпентинные деревья. Для обработки почвы все еще пользовались первобытным плугом, который мало чем отличался от того, которым пользовались в ту же эпоху в Древнем Египте. При жатве употребляли серп из дерева или из кости с острыми кремневыми зубьями. Молотили зерно саями, нижняя часть которых была снабжена острыми кремнями, наконеч, веяли зерно при помощи деревянных вил.²³⁾

Значительное развитие земледелия содействовало росту населения. Чрезвычайное плодородие почвы в низменностях, равнинах и долинах рек, благоприятные климатические условия и достаточное количество влаги как в виде естественных осадков, так и в результате применения особых приемов искусственного орошения давали возможность собирать обильный урожай. Незначительная территория земледельческих районов Палестины и высокое развитие ремесленного производства, а также торговли были основными причинами большой плотности населения уже в 3-м тыс. до х. э. Так, например, большой плотности достигало население в плодородной земледельческой равнине Иезрееля и в богатой Саронской низменности. Большое количество поселений, городов и различных населенных пунктов, расположенных поблизости друг от друга и рассеянных по всей территории Палестины, свидетельствует о большой плотности населения.

Избыток земледельческого населения сосредоточивался в городах, расположенных на торговых путях и уже в древности приобретших крупное экономическое и военное значение. Территория города Мицпа уже в 3-м тыс. до х. э. была очень плотно населена. Этот город, носивший название «Белой стены», лежал на скрещении двух важных торговых путей. Один из них соединял южную часть долины Иордана с филистимским побережьем и Саронской низменностью, а также с торговыми городами побережья, в частности с Иоппией. Другой, не менее важный торговый и стратегический путь, ведущий из Египта через Вирсавию, Хеброн, Иерусалим в Сихем и дальше в северную Сирию, проходил в непосредственной близости от города Мицпа. Этот город, расположенный на возвышенности, господствовавшей над двумя важнейшими торговыми путями, был, очевидно, значительным складочным торговым пунктом и даже крепостью. Он был окружен стеной, и в его развалинах было обнаружено огромное количество черепков, остатки кипучей жизни некогда густо населенного города. Аналогичные черепки были найдены и в других местах этого горного района, где в эту эпоху возникали многочисленные [200] поселения. Все это указывает на довольно значительную среднюю плотность населения Палестины.²⁴⁾

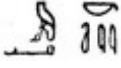
Во 2-м тыс. до х. э. Палестина представляет собой еще более густо населенную страну. В палестинском списке Тутмоса III содержится перечень 119 палестинских городов и поселений, завоеванных Тутмосом III. Этот перечень был высечен по приказу Тутмоса III на 6-м и 7-м пилоне храма Амона в Фивах в так называемом Карнакском храме после победы египетского войска при Мегиддо. Следует обратить внимание, что в этом списке не упоминаются города нагорной Палестины и южной части долины Иордана, как, например, Хеброн, Бет-шемеш, Иерусалим, Иерихон, Сихем и др. Вместе с тем этот список городов и поселений Палестины, завоеванных Тутмосом III, является довольно точным документальным источником по исторической географии Палестины. Перечисленные в нем географические названия находят себе соответствующие эквиваленты в географических названиях Палестины, встречающихся в амарнских письмах и пережиточно сохранившихся в современной топонимике Палестины. Богатый материал, подтверждающий историчность и подлинность географических названий палестинского списка Тутмоса III, дают также и результаты новейших археологических раскопок и обследований. Таким образом, палестинский список Тутмоса III является надежным источником для изучения исторической географии Палестины и истории ее завоевания в середине 2-го тыс. египтянами. Большое количество географических названий, сохранившихся в этом списке, свидетельствующее о плотности населения Палестины в этот период, дает нам внешние рамки и ценный материал для изучения Палестины в середине 2-го тыс. до х. э.²⁵⁾

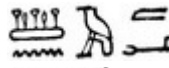
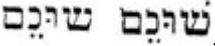
Среди географических названий, приведенных в палестинском списке Тутмоса III, некоторые дают ценный материал для изучения истории Палестины и Египта в середине

2-го тыс. до х. э. Таково название города Хадити , соответствующее библейскому названию Хадид. Можно предполагать, что этот город находился около современного Хадите, в 5 км северо-востоку от Лудда. Этот древнепалестинский город находился на пути следования египетского войска. Расположенный на скрещении дорог, ведущих из Газы через Лидду в Иезреельскую равнину, а также из городов средиземноморского побережья, в частности из Иоппии, в области и города континентальной Палестины, в частности в Иерусалим, Хадити занимал важное стратегическое положение и был, весьма возможно, значительным торговым и укрепленным пунктом. Вполне естественно, что египтяне должны были придавать большое значение захвату этого города. Поэтому египетский писец отметил его в своем списке. Этот город, лежавший в непосредственной близости от Шефельской равнины, сохранял свое военное значение вплоть до поздней эпохи Маккавеев, когда он был укреплен Симоном Маккавеем. Название этого города упоминается также в Книгах Неемии и Эздры, где оно упоминается [201] наряду с городом Лод (Лидда-Лудд). Археологические данные также подтверждают предположение о том, что Хадити-Хадид находился около современного Хадите. Обнаруженная здесь керамика указывает на то, что здесь существовало поселение уже в XVII веке до х. э. ²⁶⁾

Громадное экономическое и стратегическое значение имела для египтян Иезреельская равнина, где обычно разыгрывались самые упорные и самые кровопролитные бои за военное и политическое господство над Палестиной, Сирией и Финикией. Иезреельская равнина была богатейшей житницей всей Сирии в широком смысле этого географического термина. Не меньшее значение имел этот район и в торговом отношении, так как отсюда открывались важнейшие торговые пути в долину Иордана, к побережью Средиземного моря и, наконец, через Галилею в долину Оронта. Здесь были расположены важнейшие военные опорные пункты, которые во все времена были твердынями военно-политического господства над всей Палестиной и Сирией. В этом отношении особенное значение имел город Мегиддо на юго-западном краю Иезреельской равнины, господствующий над горными проходами, ведущими на юг. Через Мегиддо проходила также одна из наиболее удобных дорог от побережья к областям долины. Развалины древнего Мегиддо находятся на месте современного холма Телль-эль-Мутеселим, который был раскопан частично в 1903—1905 гг. Шумахером и где были произведены крупные раскопки американскими археологами чикагского Восточного института под руководством Фишера и Гюи в 1926—1928 гг. Раскопки обнаружили здесь следы очень древнего поселения доисторической эпохи, восходящего к 4-му тыс. до х. э. Имеются основания предполагать, что пещеры около Мегиддо были использованы в качестве жилищ в эпоху раннего и среднего бронзового века. Впоследствии эти пещеры были превращены в гробницы, в которых были обнаружены каменные орудия, в частности пилы, и наряду с ними керамика конца бронзового века (2500—1300 до х. э.). Изучение керамики, найденной в гробницах и развалинах Мегиддо, дает нам возможность судить о высоком развитии материальной культуры, в частности керамического производства. Так, здесь была обнаружена целая гончарная мастерская с деревянным гончарным кругом и глубокими бассейнами для воды. В гробнице № 39 были найдены изящные сосуды с восемью ручками и красным орнаментом, а в гробнице № 13 — стеклянные вазы с сеточным узором. В XVIII веке до х. э. Мегиддо, очевидно, уже был довольно значительным городом, входившим в состав гиксосского государства, на что указывает большое количество египетских скарабеев, главным образом гиксосской эпохи, найденных в развалинах Мегиддо. Следовательно, уже в эту эпоху египетские влияния проникали в некоторые области Палестины, как, например, в Иезреельскую равнину, в частности, в Мегиддо. Несмотря на свое крупное экономическое и военное значение,

Мегиддо по территории не был особенно большим городом, уступая по размерам более поздним и более крупным городам Газе и Самарии. Вся площадь холма Телль-эль-Мутеселим равняется [202] всего лишь 46 000 м². Древнейшее упоминание о Мегиддо встречается в египетских надписях времени Тутмоса III. В Анналах Тутмоса III описывается большая битва у стен Мегиддо между египетским войском и войсками сирийских князей, осада и взятие египтянами этого важнейшего стратегического пункта Палестины. Значение Мегиддо было правильно оценено Тутмосом III, который сравнил его завоевание с завоеванием тысячи городов.

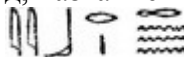
Название Мегиддо встречается на почетном месте²⁷⁾ в самом начале палестинского списка Тутмоса III. Очевидно, этот город находился тогда в центре внимания египетских завоевателей. Название Мегиддо упоминается и в амарнских письмах. Судя по этим упоминаниям, Мегиддо и в это время сохранял свое крупное военное значение. Так, Зататна, правитель Акко, пишет фараону, что Зирдамиашда бежал от Намиавазы в Мегиддо, где в это время находилось египетское войско.²⁸⁾ Хананейские глоссы, сохранившиеся в этих письмах, указывают, что Мегиддо уже в эту эпоху был заселен семитами. Название Мегиддо встречается и в списке городов Сети I; очевидно, египтяне даже в эпоху 19-й династии придавали значение захвату этого города. Свое значение Мегиддо сохранил и в позднейшие времена. В Библии описывается, как именно здесь разгорались крупные битвы между израильянами и хананеями.²⁹⁾ В царствование Соломона Мегиддо был превращен в довольно значительную крепость. Возможно, что именно к этому времени относятся остатки укреплений обнаруженных во время американских раскопок. Так, на южном краю холма были найдены части большой постройки израильского типа, похожей по плану и кладке на дворец Омри в Самарии. А на вершине холма была раскопана прямоугольная крепость с тремя главными дворами, с главными воротами, расположенными на северной стороне и со стенами, которые были облицованы большими камнями.³⁰⁾

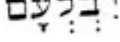
Большое значение имел и город Шунем, упоминаемый в палестинском списке Тутмоса III под названием ,³¹⁾ которое, очевидно, соответствует названию библейского города . Этот город находился у подножья гор Малого Хермона на равнине, образуемой долинами рек Кисон и Вади-Джалуд, на месте современного Солам в 11 км к югу от Назарета. Он был расположен на важном скрещении торговых дорог, ведущих из Газы через Мегиддо к берегам Геннисаретского озера и от морского побережья к Бет-шану и долине Иордана.³²⁾ Название этого города упоминается и в амарнских письмах в форме Шунама.³³⁾ По названию и по местоположению древнеегипетское Шунем вполне соответствует библейскому Шунем, который находился в области колена Иссахарова. Здесь по библейскому [203] преданию филистимляне, ведшие войну с Саулом, разбили свой лагерь.³⁴⁾ Следовательно, этот пункт и в ту эпоху имел стратегическое значение. Из Шунема согласно Библии происходила последняя жена Давида.³⁵⁾ Название Сунема встречается и в Onomasticon Евсевия, который о нем пишет следующее:

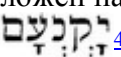
«Et usque hodie Vicus ostenditur nomine Sulem in quinto milliario montis Thabor contra astralem plagam».³⁶⁾

Все эти данные позволяют с большой долей вероятности локализовать древний Шунем у западного подножия гор Малого Хермона. Древнее поселение, очевидно, находилось около источника, несколько выше современного арабского местечка. Остатки керамики,

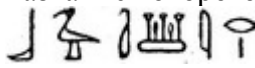
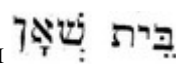
обнаруженные на этом месте, указывают на существовавшее здесь уже в конце 3-го и в начале 2-го тыс. до х. э. поселение.³⁷⁾

У самого входа в равнину Иезрееля находился город, название которого упоминается в палестинском списке Тутмоса III в форме Ибрааму ³⁸⁾ очевидно,

соответствующей библейскому названию Иеблеам ³⁹⁾ Этот библейский город находился в области колена Манассии, вернее, находился в области колена Иссахарова, но принадлежал колену Манассии. Судя по библейскому тексту, этот город восходил к древним хананейским временам и представлял собой важный укрепленный пункт. В Книге Иисуса Навина говорится о том, что: «Сыны Манассиины не могли выгнать жителей городов сих, и хананеи остались жить в земле сей. Когда же сыны Израилевы пришли в силу, тогда хананеев сделали они данниками, но изгнать не изгнали их».⁴⁰⁾ Судя по одному упоминанию во 2-й Книге царей, город Иеблеам находился в Иезреельской равнине около возвышенности Гур неподалеку от Мегиддо.⁴¹⁾ В другом месте Библии⁴²⁾ этот город называется Билаам. Это название сохранилось до настоящего времени в названии источника Валаама в 2 км к югу от Дженнин на самом южном краю Иезреельской равнины, у истоков реки Кисона. Таким образом, этот город господствовал над долиной верхнего течения Кисона и над горными проходами, ведущими из Иезреельской равнины в долину Иордана. Здесь до настоящего времени возвышается большой холм [телль], возможно, скрывающий в своих недрах развалины древнего Иеблеама. Найденная здесь керамика позволяет предполагать наличие древнего поселения, существовавшего с 1800 по 300 гг. до х. э.⁴³⁾

Большое торговое и стратегическое значение имел город Анкнааму ⁴⁴⁾ упоминаемый в палестинском списке Тутмоса III. Очевидно, это название обозначает «Источник Кнааму» и весьма возможно соответствует библейскому названию Иокнеам. Этот библейский город находился неподалеку от горы Кармела и морского [204] побережья в долине нижнего течения реки Кисона и, таким образом, защищал с запада долину Кисона и тем самым был ключом к Иезреельской равнине. Он находился в области колена Зебулона, но был расположен на самой границе области колена Иссахара. По библейским данным, Иокнеам ⁴⁵⁾ был древним городом, в котором некогда царил туземный, возможно, аморрейский царь, впоследствии подчинившийся израильтянам. Можно думать, что по своему названию и по своему местоположению этот город соответствовал современному Телль-Каймун, расположенному в долине реки Кисона в 19 км к юго-востоку от Хайфы. В этой местности, богатой ключами, были найдены остатки керамики, указывающие на то, что здесь уже в эпоху Тутмоса III находилось некое поселение.⁴⁶⁾

Но, конечно, особенно важное значение среди городов Иезреельской равнины имел город, название которого встречается в палестинском списке Тутмоса III в форме

⁴⁷⁾ очевидно, соответствующей библейской форме Бет-шан и современному названию Бейсан. Этот город занимал очень выгодное географическое положение, будучи расположен в узкой долине Нар-Джалуд у выхода из долины Иордана, там, где почти смыкаются на севере предгорья малого Хермона, а на юге горы Гильбоа. Поэтому этот город был важным торговым центром, где скрещивались торговые пути, шедшие от побережья через Иезреельскую равнину в долину Иордана и дальше в области Заирордания. Одновременно Бет-шан был важным стратегическим центром, так как он господствовал над одной из важнейших дорог, которая вела вдоль Вади-Джалуд из Иезреельской равнины в долину Иордана. Развалины этого города были обнаружены в 5

км к западу от впадения Нар-Джалуда в Иордан. Крупные раскопки здесь были произведены археологической экспедицией Пенсильванского музея под руководством Алана Роу в 1927—1928 гг. Судя по этим раскопкам, Бет-шан был заселен со времен глубокой древности. Его археологические слои восходят до неолита, причем его наиболее ранние слои соответствуют аналогичным слоям в Иерихоне и в Мегиддо. Уже в 3-м тысячелетии до х. э. Бет-шан был значительным торговым центром, куда проникали вместе с иностранными товарами иностранные культурные влияния. Так, в развалинах Бет-шана были найдены египетские предметы времени Среднего царства, как, например, маленькое стеатитовое кольцо с надписью «Пусть царь воздаст хвалу богу Ра» и аметистовый скарабей с орнаментальной иероглифической надписью (рис. 39). В XVIII веке до х.э. Бет-шан представлял собой хорошо защищенную крепость, которая находилась в руках гиксосов, как на то указывает типично гиксосская керамика, найденная в 10-м слое. Со времен египетского завоевания, точнее со [205] времен царствования Тутмоса III, Бет-шан подпадает под сильное египетское влияние, став одним из важнейших опорных пунктов египетского господства в Палестине. В развалинах Бет-шана в археологическом слое, относящемся ко времени Тутмоса III, были обнаружены остатки двух храмов. Южный храм был, очевидно, посвящен местному азиатскому богу Мекалу, как на то указывает интереснейшая стела с изображением бога Мекала и с египетской иероглифической надписью: «Мекал — бог Бет-шана», а также с обозначением имени владельца стелы: «Строителя^{*)} Амон-ем-апта»,⁴⁸⁾ найденная в развалинах этого храма. Храм Мекала состоял из нескольких внутренних помещений. Среди них следует отметить внутреннее святилище с каменным алтарем для жертвенной пищи, к западу от святилища большой двор, куда приводили быков, предназначенных для жертвоприношения, комнату с большим ступенчатым алтарем, комнату с большой круглой печью для приготовления жертвенной пищи, южный коридор с каменной массебой и ямой для жертвенной крови и маленькую комнату с двумя спальнями. Во всех этих помещениях было найдено множество интереснейших памятников материальной культуры и предметов религиозного культа, которые указывают на сильное скрещение своеобразных форм местной сиро-палестинской культуры с ярко выраженными иноземными влияниями. Так, например, здесь были найдены культовые статуэтки сирийской богини Ашторет, хананейские светильники, сирийские кинжалы и наряду с ними базальтовая головка статуэтки египетского типа, египетские скарабеи и печати, золотые булавки кипрского типа, критский алтарь, кипрские чаши, сиро-хеттские цилиндры, рельеф с изображениями львов и собак месопото-тамского типа и целый ряд других аналогичных предметов.

Рис. 39. Аметистовый скарабей с именем фараона Сенусерта I. Из Бет-шана. Среднее царство. 12-я династия.

Большой исторический интерес представляет и северный храм, также построенный во время царствования Тутмоса III. Здесь мы наблюдаем тот же самый своеобразный, типичный для этой эпохи культурный синкретизм. Наряду с целым рядом предметов, относящихся к местному сирийскому культу богини Ашторет (костяная статуэтка, форма для изготовления статуэтки, женская головка), здесь были обнаружены египетские скарабеи, сточные трубы критского типа, аналогичные трубы первой среднеминойской эпохи и, наконец, интереснейшие [206] культовые предметы, относящиеся к древнему культу змеи. Таким образом, можно предполагать, что весь этот храм был посвящен божеству змеи, возможно, связанному с культом месопотамского божества Шаан или Шахан, сына солнечного бога Шамаша. Очевидно, отсюда происходит и само название города Бет-шан, т. е. «Дом змеи Шан». В более поздних археологических слоях было найдено множество ценнейших памятников, указывающих на то, что Бет-шан имел большое политическое и культурное значение в эпоху Аменхотепа II, Сети I и Рамзеса II. В эпоху израильско-иудейских государств Бет-шан сохранял свое значение в качестве довольно крупного торгового города и военной крепости, как видно из упоминания этого города в Библии. Таким образом, во все периоды истории Древней Палестины

Бет-шан был значительным городом, в котором скрещивались разнообразные культурные влияния, шедшие из Месопотамии, Малой Азии (рис. 40), Эгейского моря и Египта. Поэтому египетские завоеватели должны были принять все меры к тому, чтобы его завоевать, подчинить своему влиянию и превратить в оплот своего господства в Палестине и в Сирии.⁴⁹⁾

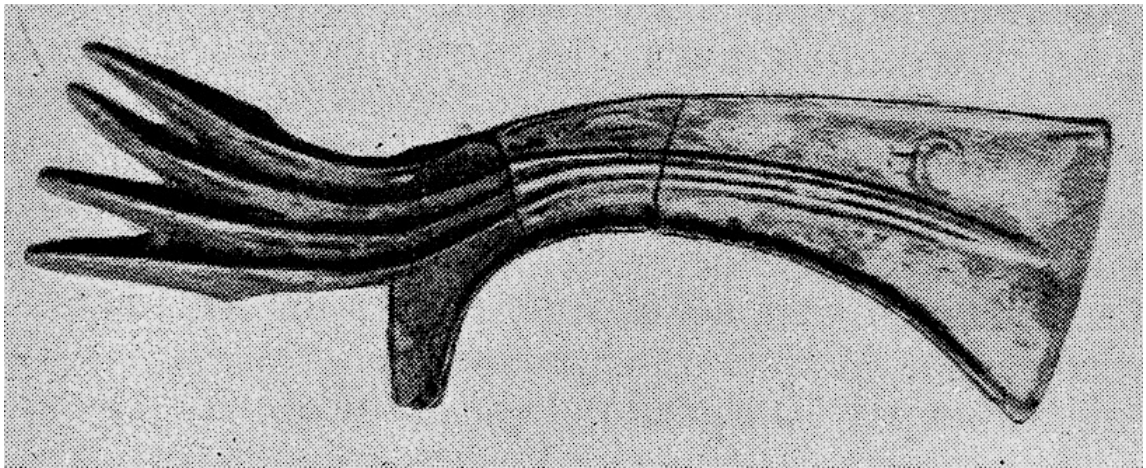
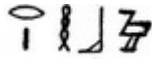

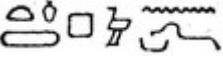

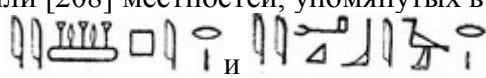
Рис. 40. Хеттский бронзовый топор из Бет-шана.

Неподалеку от Бет-шана находился город Рехеб , упоминаемый в палестинском списке Тутмоса III. Весьма возможно, что этот древний город Рехеб находился в 4 км к югу от Бейсана, может быть, его развалины скрываются в холме Телль-ес-Сарем. На это указывает близость египетского названия Рехеб к названию расположенного здесь святилища Шейх-эрхаб. Название города Рехеб встречается рядом с названием Бет-шана в надписи Сети I, найденной в развалинах Бет-шана и тексте папируса Анастази (22,8) и в палестинском списке Шешонка. Наконец, в Ономастиконе Евсевия упоминается Рооб, расположенный в 6 км к югу от Бейсана. Остатки керамики, найденной около Телль-ес-Сарема, заставляют предполагать, что здесь находился город, заселенный уже начиная с 2000 г. до х. э. [207] Весной 1932 г. Иирку обнаружил здесь следы своеобразной филистимской керамики.⁵⁰⁾

Большое торговое и военное значение имели и города северной Палестины, открывавшие дорогу в Келесирию и в богатую долину Оронта. Палестинский список Тутмоса III упоминает некоторые из этих городов, как, например, Кененрату ,⁵¹⁾ Это название можно сопоставить с библейским названием города Киннерет ,⁵²⁾ который находился в области колена Нафтали и по имени которого получило свое название «озеро Киннерет» (Геннисаретское озеро). Если это сопоставление правильно, то Киннерет был очень древним городом, так как его египетское название встречается уже в тексте папируса Ленинградского Эрмитажа № 1116 A-recto, в котором упоминается «Посол из Кенерет». Известный специалист по исторической географии Палестины К. Раумер вполне справедливо указывает на то, что Киннерет не мог находиться, как думал Иероним и другие, на месте позднейшей Тивериады, так как Киннерет был расположен в области Нафтали, а Тивериада лежала в области Зебулона. Можно предположить, что египетский Кенерет и библейский Киннерет был расположен на месте современного Телль-ель-Орейме, на северном берегу Тивериадского озера. Керамика, найденная на этом месте, дает основания думать, что именно здесь находился этот город, заселенный уже с XVII века до х. э.⁵³⁾

Наконец, одним из самых северных городов Палестины, упоминаемых в палестинском списке Тутмоса III, был город Тапун ,⁵⁴⁾ который Олбрайт, а вслед за ним Иирку сопоставляют с современным Телль-Диббин, расположенным в долине верхнего течения Малого Иордана близ предгорий Большого Хермона в 30 км к северу от озера Мером (Хуле). Этот город по своему географическому положению должен был иметь большое торговое и военное значение, так как он господствовал над горными проходами,

ведшими из Палестины, в частности, из долины малого Иордана в Келесирию и далее в области северной Сирии. Поэтому египетские завоеватели должны были включить в сферу своего политического влияния этот опорный пункт, господство над которым давало им возможность проникнуть далее на север в богатые области средней и северной Сирии. Ирку посетил Телль-Диббин весной 1932 г. Согласно его наблюдениям здесь уже в эпоху Тутмоса III существовал населенный пункт; поэтому можно предположить, что именно здесь находился город, который в египетской надписи носит название Тапун.⁵⁵⁾

К сожалению, до настоящего времени не представляется возможным определить местоположение двух городов, поселений или [208] местностей, упомянутых в палестинском списке Тутмоса III, а именно .⁵⁶⁾

Совершенно несомненно, что эти географические названия тождественны с аналогичными именами, встречающимися на скарабях гиксосской эпохи. Очевидно, это были названия городов или областей, которые являлись важными опорными пунктами хананейско-гиксосского господства в Палестине. Именно поэтому египетские завоеватели стремились подчинить их своей власти.^{56a)}

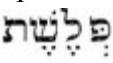
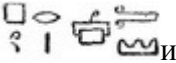
Этот краткий обзор исторической географии Палестины с 4-го до середины 2-го тыс. до х. э. дает нам некоторое представление о Палестине в эту эпоху и о ее значении для египетских завоевателей. Естественные условия, в частности плодородная почва хорошо орошаемых долин, равнин и низменностей, с древнейших времен способствовали значительному развитию скотоводства и земледелия, а удобное географическое положение на стыке важнейших торговых путей, соединявших Месопотамию, Малую Азию, район Эгейского моря и Египет, явилось причиной раннего возникновения высоко развитой караванной торговли и целого ряда крупных торговых городов. Археологические данные указывают нам на то, что Палестина была заселена уже с эпохи неолита и что, начиная с 4-го тыс. до х. э., в Палестине возникают крупные торговые, политические, военные и культурные центры, в которых скрещиваются различные иноземные влияния. Высокий рост земледельческого и ремесленного хозяйства, высокое развитие материальной культуры и торговли способствовали тому, что в Палестину со всех сторон стекались крупные богатства. И это манило алчных иноземных завоевателей, в частности египетских фараонов. Египтяне еще со времени Среднего царства стремились в Палестину с целью захватить в свои руки богатые земледельческие районы, крупные торговые города и важнейшие торговые пути, ведущие из Палестины во все стороны. Крупное развитие внешней торговли в эпоху XVIII династии принудило египетских фараонов этого времени предпринять систематическое завоевание Палестины и даже отчасти колонизацию этой страны, чтобы через Палестину открыть себе широкий путь к торговым путям и рынкам Передней Азии.

Крупное значение для египетских завоевателей имела также Финикия, которая занимала узкую прибрежную полосу вдоль Средиземного моря. Южную границу собственно Финикии образовывали гора Кармел и город Иоппия, на востоке Финикия граничила с сирийской степью и с горной цепью Антиливана, а на западе естественной границей Финикии было Средиземное море. Значительно труднее обозначить северную границу Финикии, ибо финикийское экономическое и культурное влияние проникало вплоть до северносирийских областей, лежавших в предгорьях Тавра.

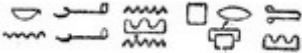
Происхождение названия этой страны «Финикия» и жившего здесь народа «финикийцы» толкуется исследователями различно. Зете производил это слово от египетского слова *fnḥw*. Однако эти слова [209] могут быть объяснены и иначе. Еще Масперо указывал на

то, что египетское слово *fnḥw* обозначает всякого рода азиатских пленников, независимо от их племенного происхождения. По мнению Масперо, слово *fnḥw* происходит от корня «фокху, фанкху» — обозначающего «тянуть, брать, разрушать». Очевидно, этим словом обозначали азиатских пленников, которых использовали для тяжелых работ в Египте.⁵⁷⁾ К этому мнению примыкает и Эд. Мейер. Он указывает на то, что выражение «все страны фенеху» — встречается еще в эпоху Древнего царства, в частности в надписях времени Неусерра (A. Z., 45, 140), а затем в эпоху Среднего царства в «Рассказе Синухета». В эпоху Нового царства слово *fnḥw* обозначает всякого рода иноземных азиатов и применяется параллельно с географическими обозначениями Ретену и Ментиу, а также в противопоставлениях с нубийцами. Детерминируется это слово *fnḥw* знаком веревки, иноземца или азиата. Очевидно, это древнеегипетское слово служило для обозначения связанных и покоренных иноземцев и иноземных стран и было скорее прилагательным, чем племенным обозначением и поэтому вряд ли обозначало именно «финикийцев». Э. Мейер предполагает, что слова *Φοίνικες*, *Φοίνιξι* являются чисто греческими словами, которые происходят от греческого слова *φοινός*; впоследствии к нему был присоединен суффикс *ικ*. Очевидно, греки обозначали этим словом как финикийских торговцев, так и товары, которые они с собой привозили, в частности, пурпур и пальму.⁵⁸⁾ Сами финикийцы этого названия к себе не применяли. Страна, заселенная ими, а также соседние страны с середины 2-го тыс. до х. э. назывались Канаан. Это географическое название встречается в египетских надписях Нового царства, в амарнских письмах, а также в Библии, где оно обозначает всю страну, лежащую между Иорданом и Средиземным морем, включая сюда Филистимскую страну и всю Финикию.⁵⁹⁾ Финикийские города существовали на средиземноморском побережье со времен глубокой древности, как указывают египетские надписи и находки в Рас-Шамра, обнаруживающие ту тесную связь, которая существовала между северно-сирийской культурой и культурой позднейших финикийских городов.^{59a)}

Филистимское и финикийское побережье, населенное различными племенами, уже во 2-м тысячелетии до х. э. представляло собою некое культурно-историческое единство, тесно связанное с Палестиной и с Сирией. Это нашло свое отражение в географических терминах, которые, не отличаясь большой точностью, служили для обозначения либо всего средиземноморского побережья от египетского потока (эль-Ариш) до реки Оронта (включая таким образом Филистимскую страну и Финикию), либо для обозначения всей страны между Иорданом и Средиземным морем вплоть до гор Ливана. Так само название

«Палестина» — , соответствующее древнеегипетскому *Plst* — и греческому *Παλαιστίνη*, происходит от [210] этнического названия «филистимляне» и, очевидно, раньше обозначало лишь юго-западную часть Ханаана.⁶⁰⁾ Название «Ханаан»

или «Канаан» , также встречающееся в древнеегипетских надписях, обозначало равным образом Палестину, причем оно охватывало также Финикию и филистимское побережье. В амарнских письмах название «Канаан», встречающееся в форме ^{mat}*Ki-na-aḥ-hi*, обозначает всю Сирию, однако, позднее в древнеегипетских надписях мы встречаем

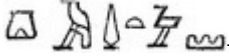
одновременно упоминание «Канаана и Палестины» .⁶¹⁾ В египетских надписях для обозначения Финикии часто применяется название «Джахи», однако, это название служит также для обозначения Финикии и прилегающих к ней стран. Так, Тутмос III называет коалицию враждебных Египту сирийских князей «все области Джахи» или «Ретену». Таким образом, египетское название «Ретену» было столь же растяжимым географическим термином, так как им пользовались для обозначения либо палестинского нагорья, либо всей Сирии. В целях некоторого уточнения египтяне стали

отличать Нижнее Ретену, или Северную Сирию, от Верхнего Ретену, т. е. от страны, расположенной к югу от нее. Однако и Верхнее Ретену все же осталось столь же неопределенным географическим понятием, как Кanaan, Джахи или Палестина. Впрочем и в позднейшие времена название «Сирия» не отличалось большой точностью. Так, Тибулл пишет: «Alba Palaestino sancta columba Syro».⁶²⁾

Богатые земледельческие области палестинско-финикийского побережья, цветущие приморские города издавна привлекали к себе внимание египетских торговцев-колонистов и завоевателей. Уже в надписях Среднего царства мы найдем указания на раннее проникновение египтян в эту важную приморскую область. Так, в текстах «черепков проклятия» упоминается слово dmi-t «гавань». Можно думать, что это название служило для обозначения портового города на палестинско-финикийском побережье или для обозначения «людей из гавани» сирийского побережья, которые всегда казались опасными конкурентами для египетского торговца и не менее опасными мятежниками для египетского завоевателя. Именно поэтому это название помещалось среди других географических названий тех местностей, где гнездились враги фараона и названия которых должны были быть подвергнуты ритуально-магическому уничтожению.^{*)}

В текстах тех же «черепков проклятия» мы найдем и другое название местности Ij-sipj, которое можно сопоставить с названием Arṣasara, т. е. «страной (ᶜrṣ) Шапа или Ашапа», упоминающимся [211] значительно позднее в надписях времени Ассархаддона. Очевидно, эта местность находилась между областью Газы и Египетским Потоком (эль-Ариш). Следовательно, этот район, позднее заселенный филистимлянами, уже в 3-м тыс. до х. э. был известен древним египтянам и входил в сферу их культурно-политического влияния.⁶³⁾

Среди многих городов палестинского побережья большое экономическое, политическое и военное значение имела Газа, упоминаемая в древнеегипетских надписях в форме

 — Gdt и в амарнских письмах в форме al-Ḥa-za-ti-ki.⁶⁴⁾ Эти названия

соответствуют греческому названию Γάζα, библейскому и современному арабскому Ghuzzeh.

Библейские легенды изображают Газу в качестве древнего города, овеянного ореолом сказочного могущества. Недаром с библейской Газой связаны предания о древних великанах-богатырях, очевидно, восходящие к глубокой древности. Раскопки Газы, произведенные английским археологом Флиндерсом Петри в 1933—1934 гг., позволяют предполагать, что древнее поселение Газы, во всяком случае расположенные здесь гробницы, близкие к гробницам Тель-Фара, относятся к средней эпохе бронзы, а несколько более поздние погребения — к поздней эпохе бронзы. Росту экономического и политического значения Газы сильно способствовали благоприятные естественные условия. Газа была центром плодородного прибрежного района, богатого финиковыми пальмами, маслинами и гранатами и хорошо снабженного колодцами с питьевой водой. Между Газой и Хеброном простирался район, богатый лесом.

У Газы скрещивались важные торговые пути, шедшие из Египта в Палестину, Финикию и даже в Сирию, а также пути, ведшие от побережья в глубь страны, в частности, к Иерусалиму. Из Газы в Иерусалим вели две дороги. Одна дорога, западная, шла через Рамлу, а другая, — южная, вела через Хеbron. В Газе караваны обычно делали большую остановку, путники и вьючные животные отдыхали, люди запасались водой и продуктами, торговцы приступали к своим торговым операциям. Это значение Газы сохранила и до

настоящего времени, так как она лежит на важном пути, идущем из Дамаска в Аравию, к магометанским святыням.⁶⁵⁾ Согласно Арриану, Газа была расположена в 20 стадиях от моря, а на самом морском берегу лежала особая гавань Газы или Маюма (Majuma, Majuma Ascalonis sive Jamnia). Эта гавань была невелика, годилась лишь для мелких кораблей, но все же являлась лучшим портом между Египтом и Хайфой. Очевидно, сюда направлялись египетские моряки, шедшие в Финикию, делавшие здесь остановку и отсюда направлявшиеся далее на север, в Иоппию и в Библ. Уже во 2-м тыс. до х. э. Газа была довольно значительным городом. Раскопки, произведенные Флиндерсом Петри на [212] холме Tell-el-Ajjul, показали, что территория Газы занимала 33 акра, в то время как Лахиш занимал 1 акр, Таанах — 12 акров, Мегиддо — 12 акров и даже такой значительный город, как Гезер, всего 22 акра.⁶⁶⁾ Широко развитая сухопутная, караванная и морская торговля превратила Газу в крупнейший торговый центр, где встречались купцы и колонисты из Египта, с островов Эгейского моря и из Ханаана. Керамика, найденная в Газе, обличает некоторое эгейское влияние, а драгоценные золотые изделия и украшения выдержаны в местном, а также в египетском стиле. Вполне естественно поэтому, что население Газы и всего близлежащего района было довольно смешанным. Целый ряд вещей, найденных в Газе Флиндерсом Петри, можно отнести не только к гиксосской эпохе, но также к гиксосской культуре. В частности, погребения с лошадьми Петри считает чисто гиксосскими, полагая, что именно кочевники-гиксосы, приведшие в Египет лошадей, осели в некоторых городах Палестины и Нижнего Египта.⁶⁷⁾ Чрезвычайно характерно для синкретизма различных культур на почве Палестины и филистимского побережья, в частности, большое количество гиксосских скарабеев, которые, по мнению Флиндерса Петри, обычно изготовлялись в самой Палестине. Таким образом, здесь сложилась своеобразная ханаанская культура, пропитанная уже в 2-м тыс. до х. э. довольно сильными гиксосскими, египетскими и эгейскими влияниями.

Севернее Газы, приблизительно в центре филистимского побережья, находился важный в торговом и в военном отношении город Иоппия, библейский יָפוֹ, современная Яффа. В античных преданиях сохранились далекие предания о Иоппе, как об очень древнем городе, в котором сохранились реликвии мифологической старины. Так, Помпоний Мела сообщает, что «Est Ioppe ante diluvium, ut ferunt, condita» (I, 11), а по словам Плиния «Joppe, Phoenicum antiquior terrarum inundatione ut ferunt» (Hist. nat., V, 13), причем «Joppe insidet collem, praejacente saxo, in quo vinculorum Andromedae vestigia ostendunt» (Hist. nat., V, 14). Далее Плиний сообщает, что М. Скавр, будучи эдилом, показывал здесь скелет чудовища длиной в 40 м. Аналогичное мифологическое предание сохранилось и в словах Иеронима: «Hic locus est in qui usque saxa monstrantur in litore in quibus Andromeda religata Persei quondam sit liberata praesidio» (К Ионе, 1). Очевидно, Иоппе был древним религиозным центром, в котором долго сохранялись древние культы и предания. Недаром Плиний сообщает, что «colitur illic fabulosa Derceto» (ibid., loc. cit.).⁶⁸⁾ И действительно, Иоппе был очень древним городом. Название Иоппе встречается уже в Палестинском списке Тутмоса III в египтианизированной форме יָפוֹ יָפוֹ Ипу,⁶⁹⁾ а также в папирусе Гарриса № 500. В египетском рассказе повествуется о том, как военачальник Тутии при помощи военной хитрости овладел городом Иоппе, который, очевидно, [213] в те времена был хорошо укрепленным городом и имел крупное военное значение.

Иоппе и «область Иапу» упоминаются и в амарнских письмах, причем, судя по одному письму, Иоппе и Газа в те времена находились под властью одного правителя по имени Яхтири, который с гордостью пишет фараону о том, что он охраняет «ворота Газы и ворота Иоппе», очевидно, двух наиболее укрепленных городов филистимского побережья. Это военное значение Иоппе объясняется ее географическим положением и экономическим значением. Расположенный на плодородной Саронской низменности

Иоппе был центром богатейшего земледельческого района. Даже теперь Яффа окружена роскошными фруктовыми садами и оливковыми рощами. Уже в древности Иоппе был крупным торговым центром, расположенным на важных торговых путях. Через Иоппе шла большая торговая дорога, ведущая из Египта через Газу на Дор и далее к городам финикийского побережья. Из Иоппе другая важная дорога вела от филистимского побережья через Лод (Лидду) в области континентальной Палестины, в частности к Иерусалиму. Поэтому Иоппе уже в древности стал крупным центром морской и караванной торговли. Так, из областей Ливана строевой лес везли через Иоппе в Иерусалим, как для постройки первого, так и для сооружения второго иерусалимского храма.⁷⁰⁾ Через Иоппе шла значительная часть товаров, направлявшихся в Палестину, Сирию и Финикию из Египта, а также из Передней Азии в долину Нила. Вследствие этого Иоппе должен был подпасть под сильное египетское влияние, на что мы находим некоторые указания в амарнских письмах. Тот же самый Яхтири, правитель Иоппе, сообщавший фараону, что он «охраняет ворота Газы и Иоппе», в порыве верноподданнических чувств рассказывает, что его еще ребенком «рабису», т.е. египетский наместник, привез в Египет, где он служил царю. Иоппе до позднего времени сохранял свое значение важного торгового центра, особенно в торговле Египта с Палестиной и Сирией.⁷¹⁾

Между Газой и Иоппе находились два древних филистимских города Аскалон и Ашдод. Будучи расположен в богатом земледельческом районе, окруженный фруктовыми садами и виноградниками, Аскалон был довольно значительным городом, название которого упоминается в текстах древнеегипетских «черепков проклятия» времени Среднего царства наряду с названиями других городов Финикии и Палестины — Гебала, Арки, Усу (Палайтира), Яримута, Иерусалима, Хамата и Аялона.⁷²⁾ Весьма возможно, что из древнего Аскалона шел важный торговый путь в области континентальной Палестины, в частности в Лахиш и далее в Иерусалим. Поэтому Аскалон уже в древности превратился в крупный торговый и военный центр. Укрепления, сохранившиеся от гиксосской эпохи, свидетельствуют о том, что в XVIII веке до х. э. Аскалон был довольно значительной крепостью. Египетские фараоны придавали большое значение Аскалону и поэтому всегда старались держать его под своей властью. В эпоху 18-й династии Аскалон находился под довольно сильным египетским влиянием. На это указывает подобострастное письмо [214] Видии, правителя Аскалона, обращенное к египетскому фараону. Убеждая фараона в своих верноподданнических чувствах, Видия облекает свое обращение к египетскому фараону в самую раболепную форму и с гордостью говорит, что он защищает «место царя, которое находится на моем попечении».⁷³⁾ Однако, будучи древним центром ранее сильного и независимого ханаанского княжества, Аскалон всегда стремился к восстановлению своей независимости. Поэтому аскалонские правители пользовались каждым удобным случаем, чтобы отпасть от Египта. Так в XIV веке до х. э. правители Аскалона примыкают к племенам хабири и поддерживают их в их борьбе с Египтом. Об этом сообщает фараону Абд-хипа, правитель Иерусалима в следующих словах:

«Страна Газри, страна Ашкалуна⁷⁴⁾ и город Лакиси дали им пищу и все необходимое (им)».⁷⁵⁾

Впоследствии египетским завоевателям приходится вести упорную борьбу с Аскалоном, который долгое время сохранял свое значение в качестве сильной крепости. Так, например, Рамзес II во время своего второго сирийского похода берет штурмом хорошо укрепленный Аскалон. Аскалон упоминается и в стэле Мернепта среди занятых и опустошенных египетскими войсками местностей Палестины.⁷⁶⁾ Впоследствии Аскалон еще долго славился в качестве сильного филистимского города, в котором очень долго сохранялись древние ханаанско-сирийские культы. Так, Аскалон был завоеван иудеями,

но не был включен в перечень иудейских городов (Судей, I, 18, Ис. Нав., 15, 45-47). В Аскалоне вплоть до античной эпохи поклонялись богине Деркетю, древнесирийской наяде с рыбьим хвостом. Культ этой сирийской богини был связан с религиозным обычаем, запрещавшим есть рыбу, которая, очевидно, была одной из важнейших статей вывоза аскалонских моряков, рыбаков и торговцев (Diod. Sic, I, 4; Ovid, Metamorph., IV, 44-46). Вплоть до позднего времени аскалонцы сохраняли фанатическую приверженность к своим древним религиозным верованиям и обрядам. Они считались ярыми врагами иудеев и христиан. При Юлиане они убивали христианских стариков и девушек и бросали их тела на съедение свиньям (Philo, De legat. ad Caj., p. 1021; Chronicon paschale ad a. 361).⁷⁷⁾

Несколько севернее Аскалона в долине реки Элах, недалеко от моря лежал древний филистимский город Ашдод.^{77a)} В библейских легендах представление об Ашдоде связывалось с древними преданиями о великанах, что позволяет относить Ашдод к древней ханаанской эпохе. На значительную древность Ашдода указывает и долгое сохранение в нем языческих культов и алтарей, которые были разрушены Иудой и Ионафаном Маккавеями (I Маккав., V, 68; X, 77-84; XI, 4). Ашдод, господствовавший над морским берегом, долиной реки и дорогами, ведущими в области континентальной Палестины, в частности в Гат, был сильно укрепленным городом и поэтому имел важное военное значение. В Библии описываются крепостные стены Ашдода (II Парал., 26, 6), а Геродот сообщает, что Псамтик взял Ашдод лишь после 29-летней осады (Геродот, II, 157). Поэтому можно предполагать, [215] что Ашдод и в более древние времена был довольно значительным торговым и военным центром.

Наконец, самым северным из городов, лежавших на филистимском побережье, был Дор,^{77b)} расположенный в северной части плодородной Саронской равнины, несколько к югу от горного мыса Кармел, около современной Тортуры (Тантуры). Эта древнефиникийская приморская крепость «Мигдол Ашторет» в ханаанскую эпоху стала крупным центром ханаанского царства (Ис. Нав., II, 23). Дор долго сохранял свое военное значение, защищая дорогу от побережья к городам Иезреельской равнины: Мегиддо, Таанаху, Бет-Шану и др. В Библии рассказывается, как Антиох Сидет осаждал сильную крепость Дора (I Маккав., 15, 11-14, 25). Даже в эпоху Иеронима сохранились воспоминания о могуществе Дора, хотя этот древний город уже лежал в развалинах. Так, Иероним писал: «Dor est oppidum jam desertum. Ruinae urbis Dor quondam potentissimae».⁷⁸⁾

Очевидно, Дор уже в глубокой древности был укрепленным торговым городом, имевшим большое экономическое, политическое и военное значение.

Самым южным городом, расположенным на собственно финикийском побережье, был Акко — библейский **אַכּוֹ**, греческий "Акῆ или "Акχουῦ Семидесяти толковников, современная «Акка». Акко лежал на берегу Средиземного моря, несколько севернее Кармела. Позади Акко простиралась плодородная равнина, значительно более широкая, чем в других частях Финикии, что способствовало раннему росту Акко в качестве центра важного земледельческого района, который и впоследствии носил название равнины Акры. Эта равнина с севера ограничена Тирской лестницей, с востока Галилейским нагорьем, а с юга горой Кармел и, таким образом, защищена естественными преградами со всех сторон.

Акко стал важнейшим центром южной Финикии, чему отчасти способствовало его выгодное географическое положение. Через Акко проходила важная магистраль, шедшая из Египта вдоль средиземноморского побережья Палестины и Финикии и дальше в области средней и северной Сирии. Из Акко торговые пути вели в долину Кисона и на Иезреельскую равнину и в области, прилегающие к Геннисаретскому озеру (Баал-Гад), а

также через область колена Зебулона и через Иордан по Мосту Иакова в крупный торговый центр Дамаск. Таким образом, Акко лежал на скрещении ряда торговых путей и был тесно связан со многими областями континентальной Палестины. В амарнскую эпоху правитель Акко держал под своей властью некоторые области Сирии, зависевшие от него в экономическом, политическом и военном отношении.^{79) 79a)}

Название Акко в древнеегипетской форме ^сЗК встречается в египетских надписях 18-й династии, например, в Палестинском списке Тутмоса III. Следовательно, уже в эту эпоху Акко был значительным приморским городом, который египетские завоеватели должны были [216] держать в своих руках, чтобы господствовать над южной частью филистимского побережья и над прилегающими к нему с востока областями Палестины, в частности, очень важным районом Йезреельской равнины. Недаром Зататна, правитель Акко, пишет, что «Акко подобен Мигдолу в Египте».⁸⁰⁾ Весьма возможно, что через Акко шел морской путь в Египет. Во всяком случае в амарнских письмах Акко упоминается в качестве гавани, через которую ездили в Египет. Именно поэтому египетское влияние в Акко в XIV веке до х. э. было довольно значительным. Правители Акко, носившие хуррито-митаннийские имена Зурата (Šarâtum) и Зататна (Šutatna), в своих письмах, обращенных к фараону, выражают ему в крайне подбострастной форме свои верноподданнические чувства.

Так, Зурата буквально раболепствует перед царем Египта:

«Так говорит Зурата, человек из Акко, слуга царя, пыль от его ног и земля, по которой он ступает: к ногам царя моего господина, солнца небес, семь раз и семь раз я припадаю на живот и на спину... Соответственно тому, что исходит из уст солнца на небе, точно так это будет сделано».⁸⁰⁾

О проегипетской политике правителей Акко можно судить и по другим письмам. Так, например, Шувардата, правитель Кельте и Харабу, пишет фараону, что ему в его борьбе с людьми СА-ГАЗ помогают Зурата, правитель Акко и Эндарута, правитель Акшапы.⁸¹⁾ Однако влияние Египта в Сирии в конце 18-й династии все более слабело: хетты, амориты и племена хабири все более и более вытесняли египтян из их сирийских владений. Многие области и города Сирии, Финикии и Палестины все больше и больше подпадали под власть враждебных Египту племен, в частности племен СА-ГАЗ — хабири. Поэтому и Акко в силу сложившихся обстоятельств принужден был отказаться от своей прежней верности Египту и даже поддерживать враждебных Египту сирийских князей, в чем его подозревали авторы некоторых амарнских писем.

Уже в XIV веке до х. э. Акко был сильно укрепленным городом. На это указывают слова Зататны, правителя Акко, обращенные к фараону: «Акко подобен Мигдолу в Египте».⁸¹⁾ Свое крупное военное значение Акко сохранил и в персидскую эпоху, когда он был укреплен персами специально для борьбы с Египтом в качестве важной морской базы финикийского побережья. Акко продолжал существовать и в ассирийскую эпоху; в ассирийских надписях название Акко встречается в форме Акки. Однако значение Акко начинает падать. Превратившись в провинциальный город великой ассирийской державы, Акко подпадает под власть Тира. Все же и впоследствии Акко сохраняет значение крупного стратегического центра, расположенного на важных торговых путях и военных дорогах. Недаром вокруг Акко в течение веков идет упорная борьба. В 1187 г. Акру (древний Акко) завоевывает Саладин, а в 1191 г. Ричард [217] Львиное Сердце и Филипп Французский. В 1291 г. Акру завоевывают турки, а в 1799 г. под Акрой С. Смес заставил отступить Наполеона, наконец, в 1832 г. Акру завоевал после шестимесячной осады Ибрагим-паша.⁸²⁾

Крупнейшим финикийским городом был Тир, игравший большую политическую, экономическую и военную роль в истории не только Финикии, но также Сирии и Палестины. Тир был расположен на острове недалеко от побережья севернее Акко и несколько к югу от долины реки Леонтеса. Прямо против Тира на материке лежал древний город Усу, который греки называли «Старым Тиром» (Палай-тирос). Тир и Усу лежали на важных торговых путях, которые вели из Египта в Финикию как по морю, так и вдоль берега. Из Усу караванные пути вели по долинам рек Леонтеса и эль-Бика в среднюю Сирию (Келесирию) и вдоль Вади-айн-Типе на галилейское нагорье в области Зебулона и Нафтали, в районы Геннисаретского и Меромского озера. Недаром греки называли город, расположенный на материке против Тира, «Старым Тиром». Благодаря выгодному географическому положению здесь уже в глубокой древности возник довольно значительный город. Так, в древнеегипетских «черепках проклятия», относящихся ко времени Среднего царства, упоминается название города ⁸³⁾ $\text{ʿIw3t}^{\text{c}}\text{i}$, которое можно сопоставить с древним названием Палай-тироса — Усу. Немецкий исследователь Альт, обративший внимание на это географическое название, полагает, что моряки, торговцы и иные частные жители Гебала и Палайтира, вернее Усу, могли уже в эту эпоху бывать в Египте и даже участвовать в народных восстаниях против фараонов.⁸³⁾ Однако такого рода объяснение не находит никакого подтверждения в надписях этого времени и является неудачной попыткой реакционного историка объяснять народные движения «иноземными» влияниями. Гораздо проще было бы предположить, что египетские фараоны считали Усу важным для Египта опорным пунктом своего влияния в Сирии и поэтому, опасаясь отпадения Усу от Египта, принимали меры «магической» защиты против «врагов из Усу». Название Усу, которое иногда сопоставляется с египетским названием id , встречается в клинописных текстах амарнских писем в форме Uzu , Usu , Usû и Ušû и возможно, соответствует библейскому ⁸⁴⁾ לֹּחַם Усу уже в те времена был главным связующим звеном между Тиром и материком, ибо из Усу в Тир доставлялись различные предметы первой необходимости, в частности пресная вода, дерево, солома, глина и т. д. Аби-Мильки, правитель Тира, в образных словах определяет значение Усу для Тира: «Усу, как посуда для воды для него, чтобы пить».⁸⁵⁾ О необходимости получения целого ряда предметов первой необходимости из Усу пишет в своем письме к фараону Аби-Мильки, правитель Тира, в следующих словах:

«Пусть обратит свое лицо, царь, мой господин и даст воду для питья своему слуге и дерево для своего слуги. И пусть знает царь, мой [218] господин, что мы поставлены перед морем. У нас нет воды и нет дерева».⁸⁶⁾

В другом письме Аби-Мильки сообщает фараону о том, что Тир в экономическом отношении зависит от Усу. Поэтому Аби-Мильки просит фараона отдать ему Усу, поставив его под власть Тира:

«Пусть царь обратит свое лицо на своего слугу и поручит своему наместнику, чтобы он передал Усу для воды для своего слуги, для доставки дров, для соломы, и для глины...»

Далее Аби-Мильки жалуется фараону на то, что Зимрида, правитель Сидона «взял Усу у слуги (который) покинул ее. И у нас нет воды, нет дерева, и мы уже не можем хоронить покойников».⁸⁶⁾ Таким образом, Тир в сильной степени зависел от своей материковой базы снабжения, главным центром которой был Усу.

В последующие времена эта зависимость Тира от Усу несколько уменьшилась, так как Тир соединился с материком полосой наносной земли, а также вследствие того, что море в этом месте отступило назад. Тир в результате этого потерял свое островное положение, но зато стал теснее связан со своей материковой базой.⁸⁷⁾

В амарнскую эпоху Тир уже играет довольно значительную политическую роль. Название Тира в форме ^{alt}Ṣur-gi, соответствующей библейскому названию **צור** и современному Сур, часто встречается в амарнских письмах. Очевидно, уже в эту эпоху Тир был крупным торговым городом, тесно связанным в экономическом отношении с Египтом, а также с городами финикийского побережья и областями континентальной Палестины и Сирии. Так, Риб-Адди, правитель Гебала, пишет египетскому фараону, что он послал всю медь, которую он имел в своем распоряжении, царю Тира. Египетское влияние должно было быть довольно сильным в Тире, так как он подобно Гебалу входил в группу финикийских, сирийских и палестинских городов, сохранявших верность Египту. Этим объясняется до некоторой степени та близость, которая иногда устанавливается между князьями Гебала и Тира, связанными между собой в экономическом отношении. Так, Риб-Адди, правитель Гебала, отправляет в минуту опасности свою сестру и своих детей в Тир. Положение Тира среди ряда конкурирующих, постоянно враждующих между собой торговых городов финикийского побережья требовало от правителей Тира ведения такой внешней политики, которая позволяла бы им в случае необходимости опираться на помощь крупной иноземной державы, как, например, Египта. Этим объясняется та проегипетская политика, которую, судя по некоторым письмам, пытался проводить Аби-Мильки, правитель Тира. В одном из своих писем к фараону Аби-Мильки выражает ему свои верноподданнические чувства и говорит, что он защищает «Тир, великий город, для царя, моего господина».⁸⁸⁾

Будучи окружен врагами Египта, среди которых видную роль играл аморито-сирийский князь Абд-аширга, Аби-Мильки, правитель [219] Тира, пытается в течение некоторого времени сохранять верность Египту и поэтому добросовестно сообщает фараону все последние новости политической жизни Сирии. Аби-Мильки пишет фараону о том, что целый ряд финикийских городов и областей Сирии присоединился к племенам СА-ГАЗ и объединился для захвата Тира:

«Тот, кто вверг в отчаяние страну царя — это царь Сидона. Царь Хазуры покинул свой город и присоединился к народу СА-ГАЗ».⁸⁹⁾

«Зимрида из Сидона и Азиру, враг царя, и народ Арвада поклялись и повторно заключили соглашение между собой, и они собрали свои корабли, свои колесницы, свою пехоту, чтобы завоевать Тир, служанку царя».⁹⁰⁾

Когда правитель Сидона стал теснить Тир, захватив Усу, Аби-Мильки обратился за помощью к египетскому фараону, прося у него помощи, воды, дерева, а также, чтобы он вернул ему власть над Усой.⁹¹⁾ Однако Египет был в эту эпоху слишком слаб, чтобы оказать эффективную помощь финикийским и сирийским правителям и князьям. Поэтому в Тире вспыхивает восстание против Египта и против его союзников, и Тир в результате этого начинает играть двойственную роль по отношению к Египту. Во всяком случае, Тир в эту эпоху играл в политической жизни Финикии и Сирии крупную политическую роль. Поэтому египтяне проявляли большой интерес к Тире и к тому, что в нем происходило. Этот интерес нашел свое отражение в известном литературном споре двух писцов, сохранившемся в тексте папируса Анастази I. Один писец пишет другому.

«Они рассказывают о другом городе, лежащем на море, носящем название Тир... воду привозят в него на кораблях; рыбой он богаче, чем песком».⁹²⁾

Севернее Тира между устьями Захерани и Бостренус лежал Сидон, один из крупнейших городов Финикии, расположенный подобно Тире на острове, который отделен от суши узким проливом. Из Сидона важные торговые пути вели по долине реки Захерани в северные области Палестины, в Галилею, а по долине реки Бостренуса в долину реки

Латани и далее вдоль Оронта в области средней и северной Сирии. Столь же важные торговые пути вели через Сидон по морю и по суше в Египет. Поэтому уже в очень глубокой древности Сидон выдвигается в качестве важнейшего торгового, политического и религиозного центра Финикии. Древние евреи называли Сидон (библейский צִידוֹן, современный Ṣaidā) «первенцем Ханаана», считая его северным пограничным городом Ханаана, который граничит с областью колена Зебулона.⁹³⁾ Сами сидоняне хвалились тем, что их родной город, а не Гебал или Берит был древнейшим городом Финикии. В Сидоне в течение долгого времени сохранялись древние финикийские культы и общефиникийские святилища богини Ашторет (Астарты) и Эшмуна (Эскулапа — Асклепия). Название города Сидона производилось от имени охотничьего бога Сид, а в более поздние времена сопоставлялось [220] с финикийским словом, обозначающим рыбу. На древность Сидона указывает далее и то, что название Сидона неоднократно упоминается у Гомера (Илиада, VI, 290; XXIII, 743; Одиссея, XV, 425), который так же, как и израильтяне, называл всех финикийцев сидонянами. Другие финикийские города считались более поздними городами, чем Сидон. Так, например, основание Арвада приписывалось сидонским изгнанникам.⁹⁴⁾ Все эти позднейшие указания на древность Сидона находят некоторое подтверждение и в археологических данных. На горах за Сидоном были найдены каменные орудия палеолитической эпохи; очевидно, эта часть финикийского побережья была заселена со времен глубокой древности.⁹⁵⁾

Название Сидона ^{alt}Ziduna неоднократно встречается и в амарнских письмах. Очевидно, в ту эпоху, т. е. в XIV веке до х. э. Сидон играл крупную политическую роль. Даже Аменхотеп III считал необходимым лично побывать в Сидоне, откуда он затем возвратился в Египет. Этот момент был поворотным пунктом в истории внешней политики Египта. Египетское правительство стало с того времени все меньше и меньше уделять внимания своим владениям в Передней Азии, которые именно в этот момент подверглись большой угрозе со стороны аморитских племен, примкнувших к племенам СА-ГАЗ.^{95a)} Судя по некоторым амарнским письмам, Сидон в течение первого времени сохранял верность Египту. Зимрида, правитель Сидона, в своих письмах заверяет фараона в своих верноподданнических чувствах в самой подобострастной, почти раболепной форме:

«К ногам моего господина, боги, солнце, дыхание моей жизни семь раз и семь раз я припадаю».⁹⁶⁾ Заверяя фараона в своей преданности, Зимрида говорит о своей готовности выполнить все его приказания, в частности, принять царские войска⁹⁷⁾ и сообщать ему обо всех событиях, происходящих в Амурру:

«И когда ты сказал относительно стран Амурри: «Слово (которое) ты услышал оттуда, перешли мне» (я ответил) «все, что я слышу, будет сообщено тебе».⁹⁸⁾

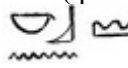
В борьбе Риб-Адди с врагами Египта в Сирии, Зимрида первое время поддерживает Гебал, в качестве верного союзника Египта, оказывая помощь правителю Гебала и даже давая ему приют.⁹⁹⁾ Однако в связи с усилением антиегипетской коалиции Сидон все больше и больше склоняется на сторону врагов Египта. Города, которые фараон отдал под власть Сидона, отпали от него и присоединились к племенам СА-ГАЗ.¹⁰⁰⁾ Оказавшись изолированным, Зимрида принужден также присоединиться к стану врагов Египта, чем объясняется двойственная политика Зимриды. Аби-Мильки, правитель Тира, который постоянно соперничал с Сидоном, обвиняет Зимриду в измене фараону, в двуличии, в том, что Зимрида обо всем информирует Азиру, главного вдохновителя и руководителя антиегипетской коалиции:

«Зимрида, царь Сидона, писал изо дня в день преступному Азиру, сыну Абд-аширты относительно всего того, что он слышал из Египта».¹⁰¹⁾ [221]

Зимрида не ограничился пассивной поддержкой врагов Египта, но даже предпринял активные военные действия против своего прежнего властителя, египетского фараона, которому он ранее так подобострастно клялся в верности. По словам Аби-Мильки, правителя Тира, Зимрида «поверг в отчаяние страну царя».

Окончательно отпавши от Египта, Зимрида объединился с аморитским царьком Азиру и с народом Арвада, захватил Усу и вознамерился вместе со своими новыми союзниками захватить Тир. Опираясь на военное и торговое значение Сидона, правитель Сидона начинает играть крупную роль в стане врагов Египта. По наущению Зимриды враги Египта захватывают крупный северофиникийский город Симиру. Войска Зимриды продвинулись к самому Тиру и, захватив Усу, блокировали Тир с суши, лишив его воды и дров, которые обычно подвозились на остров Тира из Усы. Не менее упорную борьбу вел Сидон в эту эпоху и с другим финикийским городом, Гебалом, правитель которого — Риб-Адди долго сохранял преданность Египту. Опираясь на поддержку Тира, отпавшего от Египта, и на Берит, правитель Сидона начинает открытые военные действия против Гебала. Объединенный флот Сидона, Берита и Тира захватывает в Вахлиа людей Риб-Адди, посланных в Симиру.¹⁰²⁾ Таким образом, Сидон, особенно усилившись в эту эпоху, всячески старается ослабить и даже разгромить своих постоянных соперников, в особенности крупнейшие и древнейшие торговые города Финикии, Гебал и Тир. Египтяне должны были учитывать крупное экономическое и военно-политическое значение Сидона. Этот город был хорошо известен египтянам. Его название, наряду с Тиром и с Беритом, упоминается в «Литературном споре», текст которого сохранился на папирусе Анастази I.¹⁰³⁾ Сидон в течение долгого времени сохранял значение крупного торговоремесленного центра Финикии. Традиция приписывала сидонянам открытие Полярной звезды, которая впервые стала указывать путь по морю сидонским мореходам во время их ночных плаваний.¹⁰⁴⁾ Сидонские ткани и в позднюю римскую эпоху славились в качестве особенно роскошных изделий ткацкого ремесла финикийян. Недаром Гораций говорит:

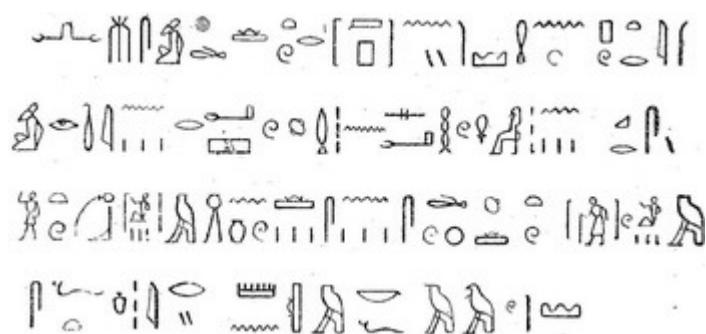
«Qui Sidonio contendere callidus ostro nescit Aquinatem potantia vellera fucum». (Horat., Epist., I, 10, 27-28).

Крупнейшим торговым городом северной Финикии был Гебал (финикийское название которого גבול соответствует древнеегипетскому названию ¹⁰⁵⁾ Гебал был расположен на средиземноморском берегу несколько севернее устья реки Адониса, около современного Джебейля, название которого сохранило [222] в искаженной форме древнее название Гебала. Из Гебала важные торговые пути вели на юг в Египет, на запад к островам Кипр, Крит и к архипелагу Эгейского моря, на север — к портам северной Сирии и южным берегам Малой Азии. Из Гебала шли различные торговые пути в области континентальной Сирии, в частности в богатую долину Оронта. Позади Гебала тянулась цепь Ливанских гор, покрытых соснами и кедрами, лучшим строевым лесом того времени, который высоко ценился во всем древневосточном мире. Таким образом, само местоположение Гебала способствовало превращению этого города уже в глубокой древности в важный торговый центр по экспорту леса. Гебал с очень древних времен вел большую торговлю с Египтом, в частности, и, пожалуй, главным образом, лесом. Сами финикийяне считали Гебал одним из древнейших городов Финикии, на что, в частности, в римскую эпоху, указывал Филон. По словам Филона, Гебал, или Библ, как его называли греки, возник в то время, когда сам бог Эл окружил свое собственное жилище стеною.¹⁰⁶⁾ И, действительно, имеются основания предполагать, что Гебал возник в очень древнюю

«солнце горных иноземных стран».² Весьма возможно, что эти тексты указывают на активную попытку фараона Пепи укрепиться в Гебале и подчинить своей власти эту часть финикийского побережья и прилегающих к нему областей Ливана. В эпоху Среднего царства, с ростом внешней торговли Египта, связи Египта с Гебалом значительно усиливаются. Египтяне в большом количестве вывозят из Сирии, главным образом, дерево, в частности, дерево «аш», которое Монтэ вслед за Лорэ отождествляет с киликийской елью, с морской или лесной сосной.¹¹³ [224]

Египетские моряки, торговцы, колонисты, чиновники и воины нередко посещают Гебал, который подпадает под сильную зависимость как в экономическом, так и политическом отношении от Египта. Египетские аристократы и чиновники получают звания, должности, а может быть, и владения, так или иначе связанные с Гебалом. Так, в древнеегипетских надписях 12-14-й династий встречаются титулы: «госпожа Гебала»,¹¹⁴ которые, весьма возможно, связаны с новым культом богини Хатхор — «владычицы Гебала».¹¹⁵ Имеются даже некоторые основания предполагать, что Гебал в эту эпоху подпадает под власть Египта и что правители Гебала подчиняются египетскому фараону. Цилиндрическая печать из лазурита, возможно, принадлежавшая одному из местных правителей, покрыта двумя типичными для эпохи Среднего царства надписями: одна надпись, начертанная египетскими иероглифами, содержит имя и титул: «царь Верхнего и Нижнего Египта, Аменемхет, любимый Хатхор» (покровительница Гебала. В. А.), вторая клинописная надпись передает имя самого владельца печати, финикийского правителя, подвластного египетскому фараону: «Иаким-иалу, слуга Аменемхета».¹¹⁶ Предположение о том, что в эпоху Среднего царства Гебал подчинялся Египту, подтверждается ценнейшими находками, сделанными в гробницах правителей Гебала. Роскошные предметы, выдержанные в египетском стиле, снабжены египетскими иероглифическими надписями, которые содержат чисто египетский должностной титул местного финикийского князя Гебала, занимавшего, очевидно, по поручению фараона, должность египетского наместника или правителя Гебала. Так, на роскошном серповидном мече, найденном в Гебале в гробнице № 2, мы видим египетскую иероглифическую надпись, которая гласит: «Князь Гебала, Ипшемуиб, воскресший, рожденный от князя Абишему, правогласного».¹¹⁷ Особенно характерно здесь сочетание чисто египетского титула с местными сиро-финикийскими именами князей Гебала. Но особенно примечательна иероглифическая египетская надпись, сохранившаяся на аметистовом скарабее, приобретенном в Джебейле и изданном еще Ренаном. Как предполагает Монтэ, этот скарабей происходит из гробницы № 4 в Гебале. Надпись на этом скарабее гласит: «наследственный князь (рпат хатиаа) Хем-ипи, сын Меджет-Табит-итефа, сильного могуществом, прекрасного двойником (ка)».¹¹⁸ Особенно характерны в этом отношении чисто египетские имена этих князей Гебала. Близкая к этому почти аналогичная титулатура египетского чиновника, правившего в Египте в эпоху Среднего царства, сохранилась на обломке алебастровой вазы, найденной в 4-й гробнице Гебала. В этой египетской надписи любопытнейшим образом сочетаются чисто египетские звания с титулом иноземного правителя «для двойника наследственного князя (рпат хатиаа) правителя правителей князя Гебала... воскресшего, владыки почтенного».¹¹⁹ Все эти надписи с несомненностью указывают, что в эту эпоху в Гебале правил египетский чиновник, носивший египетские должностные титулы и аристократические звания и даже египетское имя, больше того, происходивший из египетской семьи. Следовательно, Гебал в период [225] Среднего царства в течение некоторого времени находился под властью египетского фараона. И поэтому нет ничего удивительного, что Гебал в ту эпоху находился под сильным экономическим и культурным влиянием Древнего Египта. Бытовые вещи, художественные изделия, предметы роскоши, сосуды, оружие, украшения, скарабеи в большом количестве привозились из Египта, причем местные мастера в своей продукции часто подражали предметам, привезенным из Египта. Так, при раскопках в

Гебале, были найдены скарабеи из золота, серебра, хрусталя, яшмы, бронзовые статуэтки священного ибиса, павиана, младенца Гарпократа, ожерелье из бус. Гробницы князей Гебала были богато снабжены роскошными египетскими или египтианизированными изделиями, например, золотым ожерельем с головами соколов, ожерельем из 102 аметистовых бус, типично египетскими подобиями сандалий из серебра, золотыми браслетами, золотыми кольцами со скарабеями, серповидным мечом, украшенным изображением змеи, сделанной из золота и серебра, сосудами и ларцами из обсидиана и золота, на которых сохранились египетские иероглифические надписи с именами фараона Аменемхета III и Аменемхета IV. Весьма возможно, что эти египетские фараоны послали эти роскошные и изящные ларчики в качестве подарков владельцам гробниц в Гебале, местным правителям или князьям этого крупного сирийского города.^{119a)} Все это указывает на то, что египетская культура в эпоху Среднего царства оказывала сильнейшее воздействие на жизнь, быт, искусство и культуру сирийского населения Гебала, важного политического и культурного центра финикийского побережья того времени. И поэтому всякое нарушение этих торговых и культурных связей между Гебалом и Египтом должно было восприниматься как преступление или как тяжелое несчастье. Люди, восстававшие в Гебале против египетского влияния и господства, считались в Египте опасными врагами царя.¹²⁰⁾ А когда в конце Среднего царства в Египте подымается крупное народное движение, когда восстают народные массы, бедняки и рабы, что нарушает нормальный ход экономической жизни и влечет за собой разрыв торговых связей с соседними странами, автор одного поучения восклицает:

[226]

«Люди сегодня не плывут больше на север, в Гебал. Где мы достанем дерево аш для наших мумий, которое служит для погребения наших жрецов и смолой которого бальзамируют вождей вплоть до Кефтиу?».¹²¹⁾ Это ясно указывает на то, какое крупное место в системе внешней торговли Египта занимал вывоз из Гебала различных видов товара, в частности особых сортов дерева для выделки саркофагов и особой древесной смолы, из которой делали составы, необходимые для мумификации. Большое экономическое и политическое значение сохранял Гебал и в эпоху Нового царства, являясь важнейшим торговым центром Сирии и Финикии в XV и в XIV веках до х. э., что ясно видно из документов амарнского дипломатического архива.

Риб-Авди, правитель Гебала, который в этих документах обычно называется Губла, с гордостью говорит о богатствах своего города:

«...здесь находится очень большое количество серебра (и) золота, и в доме его богов каждый предмет имеется в большом количестве».¹²²⁾ Эти богатства, накопленные со времен предков жителями Гебала, номинально, а иногда фактически считались принадлежащими египетскому фараону. Поэтому владение Гебалом означало для Египта сохранение экономического контроля над всей прилегающей страной, которая в те

времена называлась Кинахни. Эта мысль отчетливо выражена в следующих словах Риб-Адди в его письме (№ 53), обращенном к царю Египта:

«Здесь в большом количестве имеется все возможное, принадлежащее царю: это — имущество наших предков. Если царь будет держаться в стороне от города, все города Кинахни будут утеряны для него».¹²³⁾

Значение Гебала для Египта очень резко подчеркивается в одном амарнском письме, автор которого сравнивает Гебал с Мемфисом, древней столицей Египта:

«Вот Губла. Каков Хикупта (Ht-k3-Pth — Мемфис), такова и Губла для царя, моего господина».¹²⁴⁾

Вряд ли, однако, из этих слов можно, следуя за Либлейном, сделать вывод, что финикийцы выселились из Пунта и сперва осели около Мемфиса, затем уже из Египта колонизовали финикийское побережье. Эта гипотеза Либлейна не находит подтверждения в источниках. Однако, финикийский город Гебал имел несомненно столь большое значение, что его без особых преувеличений можно было сравнить с одним из крупнейших городов Египта, с Мемфисом.

Давние связи Египта с Гебалом должны были неминуемо привести к тому, что египетское влияние стало очень сильным в Гебале. Риб-Адди, правитель Гебала, всячески выражает свою преданность фараону: «и (Губла) верный (город) царя».¹²⁵⁾

Когда в Сирии и Финикии образуется могущественная антиегипетская коалиция, Риб-Аади убеждает фараона, что он остается верным Египту и что как в прошлом он защищал Гебал, так и в будущем будет защищать от всех врагов царя: «когда Абди-аширта завоевал Сумурри, я защитил своей собственной рукой город».¹²⁶⁾ [227]

Очевидно, проегипетская группа в Гебале была довольно значительной. Риб-Адди в одном из своих писем говорит, что он в качестве друга Египта не одинок и что у него много сторонников среди городского населения: «многочисленен в городе народ, любящий меня. Немногие в нем враждебны мне».¹²⁷⁾

Однако враги Египта все ближе и ближе продвигаются к Гебалу. Азиру, князь аморитского племени, и враждебные египтянам племена хабири теснят Гебал и даже угрожают его независимому существованию. Теснимый врагами Риб-Адди просит помощи у фараона, указывая ему на то, что «если Губла будет взята, то уже не будет людей из Египта, которые сюда вступят».¹²⁸⁾

В связи с приближением врагов в Гебале разгорается ожесточенная внутренняя борьба. Часть населения во главе с некоторыми членами семьи самого правителя восстает против Египта, образует антиегипетскую партию и требует от правителя, чтобы он, изменив египетскому фараону, целиком присоединился к враждебной Египту коалиции финикийских князей, областей и городов:

«Народ Гублы, и моя жена и мой дом сказали мне: «присоединись ты сам к сыну Абди-аширты и пусть мы установим мир между собою».¹²⁹⁾

«И, действительно, теперь Азиру занял Сумурри. И народ Гублы обратил на это внимание, сказав: «Как долго сможем мы сопротивляться сыну Абди-аширты? Все наше серебро попало в руки врага». И они поднялись против меня, но я убил их».¹³⁰⁾

Следующая попытка восстания жителей Гебала против Египта и против преданного фараону правителя Гебала Риб-Адди окончилась более удачно для восставших. Риб-Адди был вынужден бежать из Гебала. Его брат поднял восстание и передал возмущившийся город сыновьям Абд-аширты.¹³¹⁾

Такова была та упорная борьба, которая разыгрывалась вокруг Гебала, последнего и важнейшего опорного пункта египетского влияния в Сирии, игравшего крупную роль в торговле и во внешней политике египетского государства. Целый ряд египетских надписей Нового царства указывает, что египтяне часто ездили в Гебал и вывозили оттуда различные товары. Так, один высокий чиновник по имени Сен-нофер во время царствования Тутмоса III ездил в Гебал, чтобы выменять ценные сорта дерева.¹³²⁾ Аналогичные рассказы о путешествиях египтян в Сирию сохранились и в текстах эпохи Рамессидов.¹³³⁾ Наконец, чрезвычайно интересна для характеристики взаимоотношений между Египтом и Гебалом статуя с именем Шешонка I и с финикийской надписью, найденная в Гебале. Следовательно, эти отношения сохранялись и были довольно прочными даже в позднюю ливийскую эпоху.¹³⁴⁾

Между Сидоном и Гебалом, несколько южнее Собачьей реки на морском берегу был расположен Берит (или Берут, современный Бейрут), один из древнейших городов северной Финикии, который по древности и по торговому и экономическому значению порой соперничал с Гебалом. И, действительно, вся местность вокруг Берита и [228] далее весь район, прилегающий к Собачьей реке и к Хараджелю, были заселены со времен глубокой древности. Именно в этих местах были обнаружены памятники неолитической эпохи: кремневые пилы и наконечники стрел. Согласно финикийским преданиям, Берит был основан богом Элом, являясь одним из древнейших финикийских городов. Расположенный в плодородной местности, окруженный с востока горными террасами, которые славились своими виноградниками, Берит уже во 2-м тыс. до х. э. стал крупным экономическим и культурным центром северной Финикии. Своеобразные религиозные культы, существовавшие в Берите, указывают на древность культурной традиции и на характерный для Финикии культурный синкретизм, возникший в результате тесной связи Финикии с целым рядом соседних стран. Особенно почитали в Берите бога Эшмуна — «восьмого» бога, сына Судука, культ которого близок к культу умирающего и воскресающего бога природы Адониса. Наряду с Эшмуном, в Берите поклонялись и богине Астроное, которая является лишь местной формой общесирийской богини Астарты. Особенно характерен для Берита культ семи братьев Эшмуна, «великих» богов (кабиров?), гномов, вооруженных молотками, покровителей металлургии и мореплавания, изображения которых помещались на носу и на корме беритских кораблей. Эти карлики и мастера-кабиры сближались с греческим Гефестом и древнеегипетским богом ремесленного творчества и искусного мастерства, мемфисским богом Пта и, главным образом, с посвященными ему статуэтками карликов-уродцев, так называемых патек (или патайков, очевидно, представляющих, судя по их изображениям и культовым особенностям, Пта-Эмбриона).

Говоря о культе мемфисского «Гефеста», о кабирах и патеках, Геродот проводит интереснейшее сопоставление между этими очень близкими финикийскими и древнеегипетскими религиозными верованиями:

Много еще подобных преступных деяний в неистовстве совершил Камбис против персов и союзников. Во время своего пребывания в Мемфисе он велел открыть древние гробницы царей и осматривал мумии покойников. Так он вступил и в святилище Гефеста и насмеялся над кумиром бога. Этот кумир Гефеста очень похож на изображения Патеков, которые находятся на носах финикийских триер. Для тех, кто не видал этих

изображений, я добавлю в пояснение, что они имеют вид карлика. Вступил Камбис также и в святилище Кабирос, куда не дозволено входить никому, кроме жреца. Кумиры этих богов после поругания он приказал сжечь. Эти кумиры похожи на изображение Гефеста. Они, как говорят, - сыновья Гефеста.^{Hdt)}

В горах близ Берита поклонялись Ваалу-Маркоду, владыке пляски, которого, пожалуй, можно тоже сблизить с египетским богом пляски — карликом Бесом. Так, в религиозных культах Берита нашли свое отражение раннее развитие металлургии, что объясняется близостью металлургических районов Малой Азии и Закавказья, далее торговое мореходство и древние культурные связи с Египтом. Издревле тесно связанный с Гебалом, Египет не мог не оказать некоторого влияния на культурное развитие соседних северофиникийских городов.¹³⁵⁾ Во всяком случае, согласно древней традиции, Берит [229] выступает в качестве древнего центра финикийской культуры. Недаром Санхуниатон, легендарный автор «финикийской истории», посвятил свой труд Аби-Ваалу, царю Берита уже в XI—XII веках до х. э.¹³⁶⁾

Точные документальные сведения относительно Берита находим мы в клинописных текстах амарнских писем XIV века до х. э., в которых название этого города встречается в форме ^{al}Veruta^{ki}. Судя по этим данным, морской путь из Египта шел в Берит или вернее через Берит, далее на север к Гебалу. Так, Аммунира, правитель Берита, пишет фараону: «...когда корабли царя, моего господина, придут ... в Берит...», тем самым указывая на наличие торговых связей между Египтом и Беритом.¹³⁷⁾ Берит, будучи одним из крупных торговых городов финикийского побережья, принимает активное участие в той острой политической борьбе, которая разгорается в Сирии и в Финикии в царствование Аменхотепа III и Эхнатона. Чаще всего название Берита в амарнских письмах встречается рядом с названиями Тира и Сидона, которые ведут тонкую дипломатическую политику, вернее лицемерную и двойственную игру с Египтом, объединившись в целях своего усиления в своеобразный Союз трех крупных приморских городов Финикии. Правитель Берита по имени Аммунира в своих письмах к фараону выражает ему свою преданность и изъявляет готовность принять египетские войска:

«И, действительно — пишет он — я приготовился со своими конями и со своими колесницами и со всем, принадлежащим мне, что находится у слуги царя, моего господина — для воинов царя, моего господина».¹³⁸⁾

В другом письме Аммунира обещает фараону защищать Берит и предоставить убежище правителю Гебала по имени Риб-Адди, который бежал в Берит, будучи тесним врагами.¹³⁹⁾ Очевидно, именно поэтому Риб-Адди, доведенный до крайности, решает бежать из своего города и укрыться за крепкими стенами Берита, заключив даже какой-то договор с Аммунирой.¹⁴⁰⁾ Может быть, в результате этого договора три объединенных города — Тир, Берит и Сидон, — к которым обратился за помощью Риб-Адди, готовы оказать помощь Египту и предоставить в его распоряжение некоторое количество своих кораблей, причем Аби-Мильки, правитель Тира, особенно старается угодить фараону. В своем письме он сообщает фараону:

«Человек из Берита пошел на одном корабле, человек из Сидона вышел на двух кораблях, а я выхожу со всеми своими кораблями и со всем своим городом. Поэтому пусть царь позаботится о своем слуге и защитит корабли царя в...».¹⁴¹⁾

Однако по мере усиления антиегипетской коалиции финикийских и сиро-аморитских городов и областей Берит, а также его союзники Тир и Сидон начинают сбрасывать свою дипломатическую маску «друзей фараона» и открыто выступают против союзников

Египта, в данном случае Гебала. С горечью пишет Риб-Адди о том, что жители Берита начинают относиться к нему враждебно и присоединяются к Азиру. [230]

„Когда я жил в Берите, то тогда там никого не было, кто бы пришел туда от царя, моего господина, и город сказал: «Риб-Адди, действительно живет в Берите. Где же здесь человек, который пришел из стран Берита, чтобы поддержать его? И тогда они присоединились к Азиру»".¹⁴²⁾

Наконец, Тир, Сидон и Берит открыто выступают против Гебала и тем самым против Египта. Объединенный флот трех больших финикийских городов захватывает в местности Вахлиа людей, посланных по приказу Риб-Адди в Симиру.^{142a)} Такова та довольно значительная политическая роль, которую играл Берит в деле организации антиегипетской коалиции в Финикии и в Сирии. Свое значение Берит сохранял и в более поздние времена. Его название упоминается наряду с другими названиями финикийских городов в известном «Литературном споре двух писцов».¹⁴³⁾

К северу от Гебала была расположена целая группа финикийских городов, среди которых ближе всего находилась к Гебалу Боцруна, упоминаемая в амарнских письмах. Название этого города в античные времена сохранилось в эллинизированной форме *Botrys*, а в настоящее время в современном названии *Boutroun*. Этот город был расположен на дорогах, ведущих через горный кряж Фаниэль, и господствовал над подступами к священной области, где жители Гебала и Берита ежегодно праздновали мистерии Адониса.¹⁴⁴⁾ Этот район был заселен уже в глубокой древности, на что указывает наличие здесь древних и высоко почитаемых по всей Финикии святынь. Очевидно, с древними религиозными верованиями было связано и название расположенного здесь горного кряжа Фаниэль, которое ставится в связь с финикийскими словами *Pnou-el*, *Pne-Baal*, соответствовавшими греческому *Θεοδ πρόσωπον* — «лицо бога».¹⁴⁵⁾

Севернее Боцруны между Холодной и Большой рекой, несколько отступя от морского берега, на горной террасе лежала Ирката, город, упоминаемый в амарнских письмах, в Библии, а также в ассирийских текстах.¹⁴⁶⁾ Этот город, расположенный между Триполи и Симирой, сохранил свое значение вплоть до античной эпохи, когда он получил название Цезареи Ливанской, на что мы находим соответствующие указания у античных авторов. К северо-западу от Иркаты, несколько севернее Большой реки, находился Сумур, довольно значительный финикийский город, название которого в различных вариантах (^{al}*Šumur*, ^{al}*Šu-mu-ri-(ki)*, ^{al}*Šu-mu-ur-(ki)*, ^{al}*Šu-mu-ra*, ^{al}*Ki Šu-mu-ri*, ^{al}*Zu-mu-ri*, ^{al}*Šu-mur*) нередко встречается в амарнских письмах. Сумур, по всем признакам, был довольно значительным хозяйственным центром богатого земледельческого района. Так, Абд-аширта, один из аморитских князей, пишет египетскому фараону, что если фараон пришлет ему воинов, то он сможет собирать урожай в Сумуре.¹⁴⁷⁾ Сумур был настолько значительным торговым городом, что даже стоял во главе самостоятельного и независимого севернофиникийского княжества, которое, однако, временами подпадало то под власть близко расположенного могущественного Арада, то принуждено было [231] подчиняться аморитам, один из князей которых, Абд-аширта, сообщает фараону, что он «охраняет Сумур и Уллазу».¹⁴⁸⁾ В амарнских письмах мы найдем указания на то, что амориты захватили Сумур и что в результате борьбы за Сумур город сильно пострадал. В своем письме к фараону аморитский князь Азиру обещает фараону отстроить Сумур в течение одного года.¹⁴⁹⁾ В качестве претендента на Сумур выступает и митанийский царь, который совершает поход в северную Финикию, захватывает Сумур и предполагает даже занять Гебал, но, испытывая нужду в питьевой воде, принужден вернуться в свою собственную страну.¹⁵⁰⁾ Таким образом, Сумур был втянут в острую политическую борьбу. Являясь выгодным

торговым центром, он представлял собою один из объектов борьбы за господство на северно-финикийских торговых путях. Свое значение Сумур сохранил и в более поздние времена. Название Сумура мы найдем в Библии (Бытия, 10, 18), а также в ассирийских надписях в форме Симира. Под этим названием Сумур входил в состав северно-финикийской провинции ассирийского государства.¹⁵¹⁾ Несколько севернее Сумура находился город Марат или Амор, название которого тесно связано с древним этническим названием страны и племени аморитов (Марту, Амурру); очевидно, именно здесь возникло древнее название Средиземного моря «Большое море Амурру». Это древнее название сохранилось в названии современной речки Амрит, близком к классическому Marathias. Хотя мы очень мало осведомлены о возникновении и древнейшем периоде существования этого финикийско-аморитского города, однако, следует признать, что этот город был довольно значительным. Своего расцвета он достиг в IV веке до х. э. При Александре Македонском это был большой и цветущий город.¹⁵²⁾

Неподалеку от Марата находился Арвад (или Арад). один из крупнейших морских городов северной Финикии. Арвад был расположен на морском острове, в 3 км от берега. Окружность острова не превышала 900 м. Поэтому дома здесь громоздились друг над другом, и население жило в большой тесноте. Город был прекрасно защищен морем, множеством рифов и, помимо того, мощными стенами циклопической кладки, отдельные части которой, состоящие из огромных глыб до 4,5 м длиной, сохранились до нашего времени. Очевидно, для сооружения этих стен, прочно, но грубо сложенных, без помощи какого-либо цемента, были использованы расположенные поблизости скалы. Эти массивные стены служили для защиты города не только от неприятеля, но и от морского прибоя, который постоянно угрожал затоплением незначительной территории острова. Очевидно, по той же причине жители города нередко устраивали свои жилища в естественных пещерах или же высекали искусственные пещеры в скалах. Арвад часто испытывал недостаток в питьевой воде, которую привозили с материка. Пользовались также дождевой водой, которую хранили в цистернах, и пресной водой подводного источника.¹⁵³⁾ Благодаря своему исключительно выгодному географическому положению, находясь на важных торговых путях, ведущих по морю к берегам северной Сирии, Малой Азии, на острова Эгейского моря, [232] на Кипр, Крит и вдоль Финикийского побережья в Египет, Арвад уже в древности превратился в крупный торговый и военный город, центр сильного и независимого финикийского княжества.

Название Арвада (^{al}Arwada) встречается уже в письмах амарнского дипломатического архива. Судя по некоторым упоминаниям в этих письмах, Арвад обладал большим военно-торговым флотом. Опираясь на этот флот, жители Арвада вели обширную морскую торговлю с Египтом, а при случае вполне реально угрожали сиро-финикийским владениям Египта. Правитель Гебала по имени Риб-Адди в одном из своих писем пишет египетскому фараону:

«Чьи корабли стоят против него? Разве это не корабли Арвада? Царь должен конфисковать корабли Арвада, которые находятся в Египте».¹⁵⁴⁾

Арвад не только лежал в центре скрещения важных морских магистралей, но и господствовал над дорогами, ведущими от севернофиникийского побережья к областям северной и средней Сирии, в частности к богатой долине Оронта с ее крупными городами Кадешем, Катной и Хаматом. Широко развитая торговля способствовала усилению Арвада, который господствовал над всей прилегающей областью. К северу от Арвада находился подвластный ему Гебал, к югу от него была расположена Симира, входившая в сферу его влияния, которая простиралась вплоть до горного кряжа Фаниэль. Власть Арвада распространялась и в глубь страны на восток, вплоть до Акко. По некоторым,

правда, более поздним сведениям, Арвад господствовал над всей страной до Хамата.¹⁵⁵⁾ В амарнскую эпоху Арваду удается сохранить свою независимость. Благодаря своему выгодному географическому положению и своему могуществу, Арвад держит себя независимо и самостоятельно по отношению к Египту. Заключив союз с Сидоном и с аморитским князем Азиру, Арвад вместе со своими союзниками выступает против Египта и захватывает Симиру.¹⁵⁶⁾ Ассирийский завоеватель, Ашшурназирпал II, в IX веке до х. э. гордится тем, что он «принял на морском берегу дань царей Тира, Сидона, Библа... и Арвада, расположенного среди самого моря». Даже в эпоху могущественного Ашшурбанипала один из финикийских царьков Иккилу, который, повидимому, правил в Арваде, пытался сопротивляться ассирийскому господству. Об этом сообщает ассирийскому царю, очевидно, один из его чиновников по имени Итти-Шамаш-Баллату в следующих словах:

«Иккилу не отпустил корабли, дабы они могли прибыть в гавань царя моего господина. Каждую гавань он присваивает лично себе. Всякому, кто прибывает к нему, он помогает в пути. У каждого, кто идет к гавани страны Ассирии, он уничтожает и разбивает его корабль, говоря: «Они послали его из дворца...».¹⁵⁷⁾

Все эти факты из позднейшей истории Сирии и Финикии ясно указывают на то, что Арвад сохранил свое крупное торговое значение [233] и свое независимое положение даже в эпоху наивысшего могущества военного ассирийского государства.

Самым северным из известных в настоящее время древних торговых городов финикийско-сирийского побережья был главный город страны Угарит, возможно, носивший одноименное название. Развалины этого города были тщательно обследованы и раскопаны французской археологической экспедицией под руководством Кл. Шеффера близ залива Минет-эль-Бейда на возвышенности Рас-Шамра, в 50 км к югу от устья р. Оронта.¹⁵⁷⁾

Географическое местоположение города Угарит было чрезвычайно выгодным, ибо здесь скрещивались наиболее важные торговые пути, соединявшие район Эгейского моря, Крит, Кипр, Малую Азию и Месопотамию с Сирией, Палестиной, Финикией и Египтом. Важные морские пути вели в Угарит из Египта вдоль финикийского побережья, а также с острова Кипр, который расположен ближе всего к тому месту сирийского побережья, где находился город Угарит. С другой стороны, Угарит среди всех остальных финикийско-сирийских городов средиземноморского побережья занимал особо выгодное положение благодаря тому, что он ближе всех остальных городов находился к Месопотамии, в частности к западной излучине среднего течения Евфрата, и поэтому лежал на том кратчайшем естественном пути, который вел через Кархемыш, Нию, Халпу и Нухашше из Месопотамии к Средиземному морю и далее через порт Угарит к островам восточного Средиземноморья и Эгейского моря. Из города Угарит на северо-восток караванные пути вели через долину Оронта в самые северные области Сирии и далее через Самаль и Сакче-Гези в Малую Азию и Закавказье. На юго-восток не менее важные пути вели на Угарит через долину того же Оронта в богатые области средней Сирии, в Хамат, Катну, Кадеш и далее в страну Убе и Дамаск. Это чрезвычайно выгодное географическое местоположение в узле крупнейших морских и караванных путей превратило Угарит в крупный торговый, политический и культурный центр, который становится известным уже по памятникам 3-го тыс. до х. э.

На глубокую древность развалин Угарита указывает то обстоятельство, что третий, самый нижний и глубокий археологический слой акрополя, достигающий в глубину до 7-9 м, относится к 3-му тыс. до х. э. Очевидно, уже в эту эпоху Угарит становится крупным

портом, куда из Кипра привозится медь и откуда транзитом товары переправляются из Сирии и Месопотамии, в Египет и на Эгейские острова.

Среди наиболее интересных находок, относящихся к этому периоду, следует отметить статую египетского посла Сенусерт-анх, относящуюся ко времени Среднего царства, точнее, ко времени 12-й династии. Древняя и широко разветвленная торговля способствовала раннему расцвету города Угарит. Судя по раскопкам, городская крепость, окруженная толстой стеной, была в военном отношении мощным укрепленным пунктом. И здесь же помещались наиболее важные государственные сооружения: храм, дворец и библиотека с клинописным архивом, где, возможно, находилась школа писцов. Близ [234] города на некрополе, расположенном на скале, возвышающейся над древним портом, было обнаружено множество погребений, некоторые из которых были богато снабжены могильным инвентарем. Эти находки дают наглядное представление о богатстве этого древнего торгового города. В виде примеров можно указать на то, что на некрополе было обнаружено 80 небольших кладовых с различными вещами, среди которых выделяются кипрские чаши, рукоятки сосудов, обломки стеклянного бокала, бронзовые изображения египетского бога Гора в образе сокола, статуэтка бога Решефа, украшенная золотом и серебром. Не менее ценные предметы были обнаружены на акрополе, а именно: склад бронзовых и других предметов, в котором находились мечи, кинжалы, топоры, копья, стрелы, долота, ножи, бронзовый треножник, украшенный кругом подвесками в виде гранатовых цветов, и т. д. Наконец, особую ценность представляет богатейший архив документов, свидетельствующий о высоком уровне развития культуры в древнем государстве Угарит. Все эти многочисленные памятники материальной культуры, тончайшие художественные изделия, предметы религиозного культа, важные исторические документы, а также упоминания, сохранившиеся в амарнских письмах, позволяют нам охарактеризовать историческое значение города и государства Угарит.

Находясь в тесных взаимоотношениях со всеми соседними странами, жители страны Угарит должны были испытывать сильное культурное воздействие древних и могущественных цивилизаций Египта, Великой Хеты и государств Эгейского мира. Я уже указывал на то, что еще в эпоху Среднего царства египетские предметы проникали в страну Угарит. К этому можно прибавить целый ряд аналогичных фактов, подтверждающих сильное культурное влияние Египта на страну Угарит. Так, при раскопках в Рас-Шамра был обнаружен храм с двумя большими прилегающими к нему дворами. В северном дворе были обнаружены большие гранитные статуи богов, подражающие египетским статуям 18-й и 19-й династий. Таким же образом египто-сирийского синкретизма является стела «Меми, царского писца и начальника казначейства», молящегося местному сирийскому богу Ваалу Сапуны. Вся стела выдержана в египетском стиле и снабжена египетской иероглифической надписью. В развалинах Рас-Шамры было найдено множество изображений сирийских божеств, также обнаруживавших следы своеобразного синкретизма. Так, головы богов иногда украшены типично египетскими головными уборами, в руках боги также держат египетские скипетры. Среди этих изображений характерна фигура обнаженной богини с головным убором богини Хатхор и с лотосами в руках, живо напоминающая египетское изображение богини Кадет — «святой».¹⁵⁸⁾ Синкретический культ сирийско-египетской богини Кадеш, близкий к культу Астарты-Анат, проник в эпоху Нового царства в Египет. На некоторых типично египетских стелах сохранилось изображение этой древневосточной богини плодородия, которой поклонялись как в Египте, так и в Сирии, наряду с Ваалом и Решефом (см. стелы Британского [235] музея №№ 191, 646 и 650, луврскую стелу, две стелы Государственного музея изобразительных искусств и стелы, изданные Мюллером и Грессманом). К этому же циклу типично сирийских и в то же время синкретических богов природы относится Ваал Сапуны, которого Дюссо считает богом северколиванских гор, а

Эйссфельдт истолковывает в качестве бога горы Джебель-эль-Акры, расположенной в 50 км к северу от Рас-Шамра. Культ этого древнесирийского бога горы и грозы, своего рода прототип древнееврейского Яхве, по мнению Эйссфельдта, сохранился вплоть до античной эпохи в виде культа эллинистического Зевса Касиоса.^{*1}

Таким образом, даже тот исторический материал, который принуждены давать в своих работах современные германские ученые, опровергает антинаучную фашистскую «теорию» нордического происхождения греческой культуры. Объективное изучение исторических фактов указывает на то, что многие элементы античной культуры выросли на почве скрещения культурных достижений древневосточных, в частности семитских, народов. Одним из важных центров такой синкретической культуры был древний Угарит. Наконец, следует отметить, что в некрополе Угарита было найдено бронзовое изображение египетского бога Гора в виде сокола, украшенного двойной царской короной объединенного Верхнего и Нижнего Египта, и рядом с ним второе аналогичное изображение сокола меньшего размера, но богато украшенное золотом. Весьма возможно, что в Угарит нередко приезжали и здесь даже селились египетские чиновники, торговцы и колонисты, которые привозили с собой египетские предметы, обычаи и религиозные верования,¹⁵⁹ способствуя усилению египетского влияния на население государства Угарит.

Рис. 41. Стэла с рельефным изображением северносирийского бога — громовержца Ваала.

Территориальная близость Угарит к Малой Азии и к северно-сирийским и малоазийским центрам хеттской культуры не могла [236] не оказать воздействия на развитие культуры страны Угарит, которая должна была неминуемо подпасть под довольно сильное хеттское влияние. Это влияние сказывается на том, что в Угарит проникали хеттские изделия, как, например, сиро-хеттские цилиндрические печати, и даже хеттские пиктографические надписи. Это влияние хеттской культуры сказывается также и в том, что местные сирийские боги, почитавшиеся в Угарите, изображались в смешанном сиро-хеттском стиле. Так, боги Угарита изображаются обутыми в типично хеттскую горную обувь с загнутыми сверху носками, идущими по гористой местности. Типична в этом отношении стела (рис. 41) с изображением «громовержца Ваала» и находящегося под его охраной туземного царька, выдержанная в смешанном, отчасти сирийском, отчасти хеттско-митаннийском стиле, пропитанном в некотором отношении египетскими влияниями.¹⁶⁰⁾ В XIII в. до х. э., в эпоху усиления хеттского государства, Угарит входит в сферу довольно значительного политического влияния хеттов. Так, хеттский царь Муватал, выступая против Рамзеса II, включает в свое войско отряды союзных и подчиненных ему государств Месопотамии и северной Сирии: Кархемыша, Угарит и Нухашше.¹⁶¹⁾

Вполне понятно поэтому, что князя Угарит, находясь между влияниями, шедшими из Египта и из хеттского государства, как между молотом и наковальней, должны были нередко вести колеблющуюся двойственную политику, основанную на постоянных компромиссах. Судя по списку покоренных азиатских городов времени Аменхотепа III, Угарит входил в сферу египетского влияния и, может быть, даже был одно время в руках египетских завоевателей. Название Угарит в египетской форме *ikrt* встречается не только в этом списке Аменхотепа III, но и в списке покоренных местностей Рамзеса II.^{*)}

Амарнские письма дают некоторое представление о том, какое промежуточное положение занимал Угарит в XIV веке до х. э. между Египтом и Хеттским государством. Князя Угарита принуждены постоянно лавировать между этими двумя крупнейшими государствами древневосточного мира, которые вели упорную борьбу за преобладание в Сирии и тем самым за господство в Передней Азии. Это видно из одного письма, которое Мисту, князь Угарита, пишет египетскому фараону в ответ на требование фараона послать ему дань. Находясь в некоторой зависимости одновременно от хеттского царя и от египетского фараона, Мисту стремится сохранить с ними обоими добрососедские отношения. Так, Мисту сообщает фараону, что хеттский царь требовал от него, чтобы он изменил Египту. Однако он, Мисту, не согласился на это и сохранил свою преданность фараону. Мисту жалуется фараону, что в результате этого он попал в тяжелое положение. Хеттский царь дважды выражал ему недовольство за уплату дани фараону, считая это неправомерным и даже угрожая ему [237] начать против него враждебные действия. Поэтому Мисту просит фараона о помощи.¹⁶²⁾

Сильное экономическое и культурное влияние оказывал на Угарит древний и высококультурный эгейский мир, в особенности близко расположенный к побережью северной Сирии остров Кипр. Характерно, что в развалинах Рас-Шамры была во множестве обнаружена прекрасная керамика позднеминойского типа; далее, здесь были найдены терракотовые головки быков и статуэтки стоящих женщин, напоминающие аналогичные микенские предметы, и самые разнообразные эгейские и микенские вещи, сделанные порой с высоким художественным мастерством, как, например, изображение богини природы с колосьями в руках, с обнаженной грудью и с изображениями стоящих коз, сохранившееся на крышке ларца из слоновой кости. К этому же типу вещей относится бронзовый треножник, любопытные образцы микенской керамики XIV—XIII в. до х. э., наконец, целая гробница микенского типа с остатками микенской керамики и множество отдельных эгейских, кипрских и микенских погребений.¹⁶³⁾

Археологические памятники с несомненностью указывают на сильные культурные влияния, проникавшие в Угарит из района Эгейского моря, из Малой Азии и из Египта. Изучение многочисленных надписей, главным образом больших мифологических поэм, найденных в архивах Рас-Шамры, подтверждает этот факт. Несмотря на большую филологическую трудность изучения этих текстов, большинство исследователей, в частности Виролло, Шеффер, Дюссо, Вейлль, де-Во, де-Лангхе и Олбрайт, считают возможным говорить о тесных связях, соединявших Угарит с целым рядом южносирийских и палестинских областей, вплоть до самого Синайского полуострова. На это указывают упоминания в текстах Рас-Шамры географических названий *mdbr Qdš* — пустыни Кадет, *Ašdd* — города Ашдода, *Šb^cnj* — имени героя южно иудейского города Беершеба, названия израильских колен Зебулона и Ашера, южнопалестинских областей Эдома и Негеба и целый ряд других фактов. Таким образом, Угарит был крупным и значительным государством северной Сирии, которое охватывало, по мнению Виролло, до 100 городов и селений и простиралось на юг до Нар-эль-Кебира (Элейтероса).

На резкое смешение племен и различных культурных влияний указывает одна надпись, в которой упоминается имя *Nkmd*, царя Угарита и названия соседних стран *ḥtj* (хуритов), *ḥtj* (хеттов), и *alšy* (алаши — Кипра). В другой надписи, не менее интересной, упоминаются иноземные враги страны Угарит. Это четыре религиозно-магических текста, в которых содержится просьба, обращенная к богу Мешару, владыке справедливости, отвратить иноземцев: человека Кадеша, хурита, хетта, алаши (Кипр), человека Субару и ряд других народов, которые грабят и угнетают страну Угарит.¹⁶⁴⁾ Эта надпись указывает на то, какую постоянную и упорную борьбу приходилось вести государству Угарит с соседними могущественными народами, постоянно стремившимися захватить богатый торговый город северносирийского побережья. В XV в. до х. э. египетские [238] фараоны смотрят свысока на далекий северносирийский город Угарит, который им кажется незначительной окраиной их могущественного государства. Так, Аменхотеп III пишет вавилонскому царю о его дочери:

«ведь это же не дочь одной из этих бедных стран, которую называют Ханигальбат, Гага и Угарит».¹⁶⁵⁾

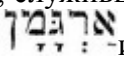
Однако, несмотря на это, египетское государство делает большое усилие для того, чтобы захватить в свои руки важные узлы северно-сирийской торговли. Аналогичную борьбу за овладение государством Угарит ведут и хеттские цари. Наконец, в XII в. до х. э. Угарит подпадает под власть эгейских завоевателей, которые мощной волной хлынули на финикийско-сирийское побережье.¹⁶⁶⁾

Таково было крупное историческое значение государства Угарит, на территории которого возникла и достигла высокого развития своеобразная синкретическая культура, оставившая грядущим поколениям и народам богатейшую мифологическую литературу и оригинальный древнейший из известных нам клинописный алфавит.

Этот краткий историко-географический очерк древней¹⁶⁷⁾ Финикии дает нам возможность хотя бы в самых общих чертах определить экономическое развитие этой своеобразной приморской страны древневосточного мира. Занимая очень плодородную, но крайне узкую и, в территориальном отношении, незначительную прибрежную полосу земли, древние финикийцы в глубокой древности должны были обратить внимание на интенсивное использование каждого клочка земли, пригодного для земледельческого хозяйства. Именно поэтому, не останавливаясь перед трудностями и не ограничиваясь обработкой земли, лежащей на побережье, они организовали особую террасную систему

земледелия, используя для этой цели горные склоны Ливана. Эта особая система землеустройства и земледелия, аналогии которой мы находим в древней Малой Азии, в Ассирии, на Филиппинских островах и в древней стране инков (Перу), заключается в том, что горные склоны искусственно превращаются в террасы и орошаются правильно распределенными водами горных потоков. Обычно эти горные террасы использовались для разбивки фруктовых садов и виноградников; плоды, виноград из финикийских садов, а также финикийское вино широко славились во всем древневосточном и даже античном мире. Замечательные навыки и богатый опыт финикийских виноградарей и виноделов были заимствованы и использованы их преемниками в далеком Карфагене, а впоследствии через них переданы римлянам. Говоря о том, что в Африке надо виноградники располагать на северных склонах гор, крупный римский специалист по сельскому хозяйству Колумелла в данном случае цитирует Магона и тем самым использует древний опыт и древние практические знания карфагенских и финикийских виноградарей.¹⁶⁸⁾

Разумеется, в силу особых условий рабовладельческого хозяйства технические способы обработки полей в течение долгого времени оставались крайне примитивными. Так, землю все еще вспахивали при помощи очень примитивного плуга, в который обычно впрягали [239] ослов, быков, а иногда и людей, очевидно, рабов.¹⁶⁹⁾ Молотили зерно при помощи скота, а также посредством особых приспособлений, что свидетельствует о некоторых успехах в области развития земледельческих орудий. На некоторый прогресс в области техники указывает и постепенная замена древних зернотерок мельничными жерновами. Недаром Финикия все же была одной из наиболее развитых в экономическом отношении стран Древнего Востока.¹⁷⁰⁾

Наряду с земледелием, в древней Финикии высокого развития достигли ремесла, как, например, изготовление стекла, металлургия, ювелирное дело и, наконец, ткацкое производство. Высокая техника изготовления тканей и, особенно, окраска их восходит к глубокой древности. Так, уже в надписях Рас-Шамры (№ 9011) упоминаются «3 (связки шерсти), которые были даны Smmn для пурпура, предназначенного для ткачей и весят 5 талантов, тысячу кебед и двести кебед». Финикийский пурпур нашел широкое применение в Сирии, Палестине и в Месопотамии. Само финикийское слово, служившее для обозначения красного пурпура, вполне соответствует древнееврейскому -и ассирийскому argamanu. Наряду с этим, существовало и другое слово uknātu (Syria, XV, 137), которое, возможно, соответствует ассирийскому takiltu и древнееврейскому tekelet. В переводе Семидесяти толковников и в Вульгате это слово переведено греческим словом *ὑάκινθος* или *ὑάκινθινος* и соответствующим латинским термином и, очевидно, поэтому обозначает «цвет гиацинта». Этот фиолетовый пурпур в середине 2-го тыс. до х. э. проник и в страну Митанни, куда он был завезен, весьма возможно, финикийско-сирийскими торговцами из Угарита. Так, в списках подарков, сделанных митаннийским царем своей дочери по случаю ее бракосочетания с египетским фараоном, несколько раз упоминается takiltu, очевидно, фиолетовый пурпур.¹⁷¹⁾ Техника изготовления и окраски высших сортов тканей процветала в Финикии до очень позднего времени. Недаром, римские поэты прославили в своих стихах знаменитые сидонские ткани:

Non, qui Sidonio contendere callidus ostro
nescit Aquinatem potentia vellerafucum,
certius accipiet damnum propiusve medullis
quam qui non poterit vero distinguere falsum.

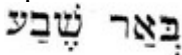
(Horat., Epist., I. 10. 26-29).

Ten lapides varios lutulenta radere palma
et Tyrias dare circum inluta toralia vestis.

(Horat., Serm., II. 4. 83-84).

Но особенное значение уже в глубокой древности приобрела в Финикии торговля. Поэтому Маркс назвал финикийцев торговым народом древности *rag excellence*.¹⁷²⁾ Уже древние надписи, найденные в Рас-Шамра и восходящие к 3-му тыс. до х. э., ярко характеризуют широко разветвленную торговую деятельность жителей города Угарит. Так, в мифологической поэме «О рождении милостивых [240] и прекрасных богов» говорится о древних героях, которые «оснуют город, чтобы подняться и направляться в пустыню (моря) камышей» (т. е. Красное море).

Эта «пустыня» или «пустынная область Алуш» *btk mδbr °elš* упоминается и в поэме «Охота Ваала» (ВН) и может быть, по мнению Дюссо, сопоставлена с библейской пустыней Алуш (Числа, XXXIII, 13 след.) Таким образом, эта пустыня должна находиться между пустыней Син и Синаем, т. е. в местности, лежащей между Красным и Средиземным морями. Дюссо предполагает, что этот древний, полупоэтический город, основанный по преданию «милостивыми богами» на своем пути из Ашдода в пустыню,

есть Беершеба, : «Колодец семи (т. е. ягнят)», древний иудейский город, расположенный на границе Эдома, южнее Хеврона. Весьма возможно, что древнее название этого города *Shiba^h* восходит к имени героя Шибани, который, согласно древнему преданию, должен построить °d, т. е. святилище, которое строится семь лет. На 8-й год Шибани празднует открытие этого святилища и приглашает на это торжество Негер-Медера, главу «милостивых богов». Тут же дается символическое описание гостеприимного и всем снабженного оазиса, в котором имеются «хлеб имвино», основные продукты питания. Путники, проходящие через этот оазис, встречаются таким приветствием:

«Ешьте хлеб, вот! «Пейте вино, вот!
Мир (*slm*) царя, мир царя (*mlkt*)
Входящим и выходящим!»

Древнее приветствие *Slm* — мир (мир по дороге!), которым встречают путников мирные жители торгового оазиса, закрепляется особым ритуальным жертвоприношением (*Slm*). Яства, которыми угощают путников, характеризуют основные формы древнефиникийского земледельческого хозяйства: хлебопашество и виноделие.¹⁷³⁾

Таким образом, сухопутно-караванная торговля древнего города Угарит охватывала обширные территории от северносирийского побережья до залива Акаба на берегах Красного моря, включая тем самым весь Ханаан. Район, примыкающий ныне к заливу Акаб, простирающийся на север до Мертвого моря, а на запад — до границ Синайского полуострова, представляет ныне почти сплошную пустыню, но в древности был цветущим краем. Здесь находилась страна Эдом, и были расположены южный Кадеш и Рехобот, а также Беершеба.¹⁷⁴⁾ С северо-запада к этой области прилегала страна Негеб, название которой в своей египетской форме встречается в палестинском списке Тутмоса III,¹⁷⁵⁾ полностью соответствуя библейскому названию южноиудейской области Негеб (Числа, XIII, 17). Эта область состоит из ряда небольших равнин, расположенных [241] между невысокими холмами. Здесь выпадает мало осадков, здесь нет рек и только местами встречаются источники и колодцы. Почва усеяна камнями, однако, дает возможность населению разводить скот. В том случае, когда весной в достаточном

количестве выпадают дожди, что обычно бывает каждые три года, живущие здесь арабы вспахивают почву и собирают довольно хороший урожай. Таким образом, здесь, как правило, вполне возможно развитие оазисной культуры, основанной, однако, на тщательной организации искусственного орошения.¹⁷⁶ Упорный труд человека и здесь давал значительные результаты, на что указывают многочисленные развалины римского и византийского времени.¹⁷⁷ Поэтому нет ничего удивительного в том, что и этот район представлял интерес для финикийской транзитной торговли, одним из далеких центров которой был севернофиникийский город Угарит.¹⁷⁸

Не меньшее, если не большее, значение имела для финикийцев морская торговля. С финикийцами, жившими на морском берегу, в этом отношении могли соперничать только жители и торговцы Эгейских островов, могущественной Критской талассократии, а также жители Родоса и древнего Кипра (государства Алаши), тесно связанного торговыми и культурными нитями с севернофиникийским государством Угарит. Наиболее типичным способом финикийского мореплавания было каботажное, вдоль финикийско-сирийского и филистимского побережья: при этом финикийские мореходы обычно ориентировались на Полярную звезду, которая именно поэтому стала называться Финикийской.¹⁷⁹ Однако финикийцы, которых недаром считали лучшими мореходами своего времени, отваживались и на более далекие и вместе с тем более опасные плавания в Египет, на остров Кипр и к островам Эгейского моря, выходя для этой цели в открытое море. Большие для своего времени гавани финикийских городов были полны кораблей различных типов. В надписях Тутмоса III упоминаются корабли, построенные из кедра, корабли кефтиу (критские корабли), корабли кенбет (библосские корабли) и корабли секет.¹⁸⁰ Финикийские торговцы вывозили в соседние страны, главным образом в Египет, самые разнообразные товары. Среди них следует отметить оливковое масло и оливковое дерево, которое редко встречается в Египте и которое египтяне ввозили из Сирии уже в эпоху Древнего царства, как указывают надписи и изображения из храма Сахура.¹⁸¹ Предметами финикийского вывоза были, наряду с этим, вино, кедровое масло, скот, косметические и медицинские средства.¹⁸² Совершенно исключительное значение в финикийской торговле и во всей финикийской экономике занимал лес. Горные цепи Ливана и Антиливана, расположенные в непосредственной близости от финикийских торговых городов, а также горные области Малой Азии, Закавказья, северной и средней Сирии и Палестины были покрыты в древности крупными лесными массивами. Значительные лесные богатства этих районов, изобиловавших кедрами, киликийской и приморской сосной, а также другими ценными породами леса, давали возможность финикийским торговцам в большом количестве [242] вывозить лес, в особенности, строевой и мачтовый в Египет и в Месопотамию, которые, не имея в достаточном количестве собственного дерева, всегда нуждались в привозном лесе.¹⁸³ Дерево было нужно в Египте для кораблестроения, для изготовления колесниц, луков, стрел, мачт и флагштоков, мебели, саркофагов, а кедровая и сосновая смола — для бальзамирования и мумификации. Прекрасно характеризует потребность египтян в дереве один рельеф эпохи Сети I, на котором изображено, как ливанские князья рубят кедры для египетского царя. Дерево финикийцы вывозили и в другие страны. Так, Хирам, царь Тира, послал кедры Соломону для постройки храма. В VIII в. до х. э. финикийцы поставляли лес в Ассирию, Саргону II для постройки дворца в Хорсабаде. Иногда Финикия уплачивала ассирийским царям дань кедрами. А на одном луврском барельефе изображен флот, груженный, очевидно, финикийским лесом.¹⁸⁴ Финикийцы, в качестве торговцев и лучших мореходов своего времени, прославились не только в древневосточном, но и в античном мире. О финикийских торговцах неоднократно упоминается в гомеровских поэмах, о них писали многие античные авторы. Так, Гораций подчеркивал, что купцы везут именно «из Тира, с Кипра ценных товаров груз» (Оды, III, 29). Финикийские мореходы в античную эпоху вошли в поговорку, недаром поэт сравнивает их с аргонавтами и «ратью Улисса».

Non huc Argoo contendit remige pinus
neque inpudica Colchis intulit pedem,
Non huc Sidonii torserunt cornua nautae,
laboriosa nec cohors Ulixei.

(Horat., Epod., XVI. 57-60).

Финикийцы были также и опытными кораблестроителями. В течение ряда веков они выработали усовершенствованную для своего времени технику кораблестроительного мастерства. Исследователи полагают, что древнейшим типом финикийского корабля является тяжелый, но очень приспособленный для моря корабль, шедший, главным образом, иод парусом и предназначенный для перевозки значительных грузов.¹⁸⁵⁾ Имеются некоторые основания предполагать, что финикийцы использовали опыт кораблестроительного искусства древних египтян, на что указывает древнейшее изображение финикийского корабля, сохранившееся на стене одной фиванской гробницы.¹⁸⁶⁾ В этом отношении интересно сопоставить египетское слово *fnḥw* — «кораблестроители» с племенным названием «финикийцы». Однако это сопоставление в научном отношении еще не доказано и требует детального изучения, так как слово *Φοίνικες* все же следует считать словом греческого происхождения.¹⁸⁷⁾

Значительное развитие земледелия и ремесла, а также высоко развитая, главным образом внешняя, торговля способствовала росту народонаселения, которое, ввиду очень небольшой и строго замкнутой территории, для древности было довольно плотным. Можно предполагать, что население филистимо-палестинского побережья от [243] Газы до Кармела было довольно значительным.¹⁸⁸⁾ Узкое финикийское и финикийско-сирийское побережье, с их крупными торговыми городами, были также густо заселены. В особенности многочисленно было население в районе Арвада, где на небольшом протяжении 3-4 миль был расположен целый ряд городов и поселений: Марат, Антарад, Энхидра, Карне. Развалины Марата, расположенные около современного Амрита, были описаны еще Э. Ренаном. Антарад и Энхидра описаны были античными авторами, в частности Птолемеем (V, XV, 16) и Страбоном (V, XVI, II, § 2). Антарад, достигший большого значения в римскую эпоху, находился на месте Тортозы, а Карне — несколько севернее (Карнун). Характерно, что Арриан пишет о «соседях Арада» (*οἱ Ἀράδω πρὸς οὐκὸς*. Arrian. Anab., II, XIII, 17) и что слово Aratout, Aratiorit соответствует семитской форме Arvadôt и поэтому обозначает не только один Арад, но «Арады», т. е. все те города и укрепленные пункты, которые были расположены друг за другом на побережье против укрепленного острова Арада.¹⁸⁹⁾ Именно поэтому эта богатая земледельческая и торговая страна, Финикия, уже со времен глубокой древности привлекала к себе алчные взоры египетских торговцев, переселенцев и завоевателей. Цветущие города Финикии были постоянной приманкой для египетских фараонов, которые стремились стать прочной ногой на финикийско-сирийском побережье, чтобы господствовать одновременно и над восточной частью Средиземноморья и над прилегающими областями Передней Азии.

Наконец, к востоку от Финикии простиралась богатая земледельческая страна, собственно Сирия, тесно связанная в экономическом, политическом и культурном отношении с Финикией и с Палестиной. Южная часть этой страны граничит с Галилеей в районе истоков Малого Иордана и охватывает собой долины реки Литани (позднее Леонтес), Ликос и верхнего течения Оронта. Северная Сирия простиралась от нижнего течения Оронта на западе до среднего течения Евфрата на востоке и границ Малой Азии на севере. Эту область египтяне обычно называли Нижним Ретену, отличая ее от Верхнего Ретену, т. е. палестинского нагорья. Области, прилегающие к среднему течению Евфрата и входившие в состав страны Ханигальбат и отчасти государства Митанни, египтяне в

своих надписях называли «Нахарина», т. е. «страна рек». Однако вся эта географическая номенклатура не может претендовать на достаточную ясность и точность.¹⁹⁰⁾

Сирия всегда казалась египтянам богатой земледельческой страной. С восторгом описывают писцы в своих надписях то изобилие, которое здесь царило. Так, египетское войско во время сирийского похода Тутмоса III, совершенного на 31-м году его царствования, было здесь полностью снабжено «хорошим хлебом и простым хлебом, маслом для воскурений, вином, медом, плодами в большем изобилии, чем где-нибудь в ином месте, известном воинам его величества, — без преувеличения».¹⁹¹⁾

Одним из таких богатейших районов южной Сирии являлась древняя страна Убе и расположенный в ней оазис Дамаска. Страна Убе, очевидно, никогда не представляла собою политического [244] единства, а была скорее географическим районом, поскольку в надписях всегда указываются «правители», или «даже цари страны Убе», очевидно, князья мелких независимых княжеств. В состав страны Убе входили Дамаск, Катна, Лапана, Рухицца и область Тахши. У западной границы Убе находилась страна Аруни, Катна находилась у северной ее оконечности. Как вполне обоснованно предполагает Кнудтзон, страна Убе, очевидно, была административным округом, организованным египетским правительством подобно тому, как аналогичные округа образовывали на северо-востоке Нухашше, на северо-западе — Амурру и на юге — Канаан.¹⁹²⁾

Наибольшее значение в стране Убе имел Дамаск, лежавший в плодородном и богатом оазисе, который образовали реки Амана и Фарпар. Равнина Дамаска невелика. Она тянется на 30 миль в длину и на 10 миль в ширину. Позади нее возвышаются горы из известняка и большие озера, в которые впадают реки. В этих озерах водится много рыбы, а берега их заросли густым камышом, среди которого скрываются дикие кабаны. Своим исключительным плодородием и богатой растительностью оазис Дамаска обязан обилию воды. Однако жизнь оазиса в значительной степени зависит от окружающей пустыни. Никакие преграды не защищают Дамаск от этих пустынь, и поэтому богатому городу всегда угрожали своим нашествием дикие кочевники.

Уже в середине 2-го тыс. до х. э. Дамаск представлял собой довольно значительный торговый город и крупный военный центр, за обладание которым ведут упорную борьбу сперва египетские фараоны, а затем аморитские царьки и князья Кадеша. Название Дамаска в своей египетской форме Tmśk встречается уже в палестино-сирийских списках Тутмоса III и в амарнских письмах в клинописной форме — ^{al}Di-maš-qa (var. Dumaska, Tīmašgi). Будучи завоеван еще войсками Тутмоса III, Дамаск испытывает на себе довольно значительное египетское влияние. Так, один из митаннийских князей, правитель Кадета, владевший страной Убе (^{mat}A-bi) и Дамаском, пишет фараону, что он пребывает его слугой.¹⁹³⁾ Страна Тахши, лежавшая к северу от Дамаска, и вся страна Убе настолько хорошо известны египтянам, что они в числе прочих областей и городов Сирии, упоминаются в «Литературном споре двух писцов».¹⁹⁴⁾ Страна Убе даже в смутную амарнскую эпоху продолжает сохранять свою верность далекому Египту. Так, Риб-Адди сообщает царю, что Азиру угрожает стране Убе, а поэтому советует царю послать против аморитского царька правителей Убе и Кумеди, которые, очевидно, еще подчинялись Египту.¹⁹⁵⁾ Однако угроза аморитского нашествия становится все более и более реальной опасностью для Дамаска и, наконец, Азиру захватывает Дамаск и укрепляется в нем вместе со своими братьями.¹⁹⁶⁾ С другой стороны, Дамаск нередко попадает под власть сильного сирийского города Кадеша и его князей, которые в эту эпоху ведут упорную междоусобную борьбу, стараясь в этой борьбе использовать ресурсы соседних богатых областей, в частности, страны Убе и Дамаска. Так, в амарнских письмах мы найдем указания на [245] то, что князья Кадеша опустошают страну Убе и что Этакама, князь

Кадеша, поднимает в стране Убе восстание против Египта. Князя Теиватти, Арзавия и Пиридашви предают страну Убе огню и мечу. Каждый день они шлют гонцов к Этакаме и приглашают его захватить страну Убе. Верный Египту сирийский князь рекомендует египетскому фараону прислать войска для того, чтобы сохранить силой власть над страной Убе. В эту борьбу за Дамаск вмешиваются и племена СА-ГАЗ, вторгшиеся в Сирию. Так, Этакаме, князь Кадета, пишет царю, что Намиаваза передал племенам СА-ГАЗ все города фараона в странах Тахши и Убе, но что он, Этакаме, их снова отнял у племен СА-ГАЗ.¹⁹⁷⁾ Все это ясно указывает на большое значение Дамаска, тесно связанного с Египтом, с Аморитским княжеством и с крупными городами Сирии, в частности с Кадешом. Все эти крупные политические силы старались миром или силой привлечь на свою сторону Дамаск, который был своего рода яблоком раздора в упорной борьбе, которую они вели между собой. Развалины древнейшего Дамаска, к сожалению, еще не вскрыты, но большие холмы, окружающие современный город, свидетельствуют о размерах и могуществе древнейшего Дамаска.¹⁹⁸⁾

Одним из важнейших городов южной Сирии был Кинза, который соседние народы называли «Кадеш», т. е. «святым», так как здесь, очевидно, издревле находилось известное во всей Сирии святилище богини Ашторет-Анат.¹⁹⁹⁾ Кинза-Кадеш был выгодно расположен в плодородной равнине, лежащей к северу от Риблы, в верхнем течении р. Оронта. Здесь скрещивались важнейшие торговые пути, ведущие из Палестины по долине Оронта в северную Сирию и от городов побережья, в частности Симиры, по долине Элейтероса вглубь Сирии. По этой дороге шел из Симиры в Кадеш в 1476 г. до х. э. Тутмос III.²⁰⁰⁾

Таким образом, использование хозяйственных ресурсов богатого земледельческого района долины Оронта и важное положение в центре скрещения различных торговых путей способствовали раннему превращению Кинзы-Кадеша в крупный торговый город. Наряду с этим Кадеш был весьма значительным укрепленным пунктом, сильной крепостью, выгодно расположенной на берегу Оронта, на высоком холме, который омывается с нескольких сторон Оронтом и одним из его притоков.

В течение ряда столетий Кадеш представлял собой важнейший стратегический пункт, защищавший доступ в области северной Сирии, вокруг которого велась ожесточенная борьба. Именно поэтому Тутмос III так упорно сражался с князем Кадеша под стенами Мегиддо и с такой гордостью сообщил о своей победе над ним, а Аменхотеп II поместил название Кадета — Kdš — в самом начале своего списка покоренных областей и городов Передней Азии.²⁰¹⁾ Именно поэтому под стенами Кадеша разгорелась решающая битва между войсками Рамзеса II и хеттского царя Муватала. Именно поэтому Эхнатон в своем письме к Этакаме сообщает, что египетский полководец Пахор будет защищать Кадеш.²⁰²⁾ Раскопки развалин древнего Кадеша, скрытых в холме Тель-Неби-Менд (в 26 км к юго-западу от Хомса, [246] на берегу Оронта), начатые французским археологом Пезар, установили, что Кадеш был очень древним городом, заселенным уже в 3-м тыс. до. х. э. Древнейшие упоминания о Кадеше мы найдем в египетских и хеттских надписях, в частности, в Анналах Тутмоса III, в азиатском списке Аменхотепа II, в амарнских письмах и в клинообразных надписях из Богазкеоя. В богазкеюйских надписях этот город всегда носит название Кинза, в амарнских письмах ^{al}Gi-iz-za, ^{mat}Gi-iz-za, ^{al}Ki-in-za, ^{mat}Ki-in-za, что заставляет предполагать, что местным сирийским названием этого города было Кинза. Вместе с тем в амарнских письмах встречается название ^{al}Ki-id-ši, ^{al}Ki-id-ša, ^{mat}Gi-id-ši, которое полностью соответствует египетской форме этого названия Kdšw, очевидно означающее «святой», т. е. «святой город богини Кадеш». Культ этой богини издревле процветал в этом городе, был широко распространен по всей Сирии и даже отчасти занесен в Египет.²⁰³⁾

Мы имеем основания предполагать, что Кадеш в середине 2-го тысячелетия до х. э. был большим могущественным городом, в сферу влияния которого входили обширные области Сирии. Так, во время войны с Тутмосом III князь Кадеша выступает в союзе с князем Меггидо и во главе ряда подчиненных ему князей областей Хару, Коде и Нахарина. Богатая Иезреельская равнина отчасти входила в сферу влияния Кадеша, поскольку князь Кадеша считает необходимым защищать ее против египетского фараона, опираясь в данном случае на укрепленные города Иокнеам, Бет-Шан, Иблеам, Таанах и Меггидо.²⁰⁴⁾ Тесные торговые и культурные взаимоотношения соединяют Кадеш с Катной, на что указывает тот факт, что дары Дуруши, князя Киззи, значатся в инвентарных списках сокровищницы храма в Катне.²⁰⁵⁾ В амарнскую эпоху князь Кадеша оказывают политическое влияние на Катну. Так, Этакама, князь Кадеша, уговаривает Акиззи, князя Катны, присоединиться к нему и даже сопровождает свои угрозы угрозами.²⁰⁶⁾ Такое же влияние оказывает Этакама и на страны Убе и Хоба, подстрекая их к восстанию.²⁰⁷⁾ В одном из своих писем к фараону сирийский князь Намиаваза жалуется на то, что князь Кадеша захватили города Šaddu и Ali.²⁰⁸⁾ Судя по амарнским письмам, Кадеш был тесно связан с Аморитским княжеством. Так, например, князь Тира Аби-Мильки пишет фараону, что Этакама, правитель Кадеша, и аморитский князь Азиру соединились для совместных действий против Намиавазы.²⁰⁹⁾ Об этом мы узнаем и из письма фараона к Азиру. Фараон обвиняет Азиру в том, что он заключил соглашение с князем Кадеша, явным врагом Египта.²¹⁰⁾ Отсюда совершенно ясно, что Кадеш в те времена вел последовательную антиегипетскую политику, ориентируясь на аморитских князей и на организованный ими антиегипетский союз сирийских и финикийских областей и городов. В связи с этим, князь Кадеша должны были искать сближения с хеттским царем, давнишним врагом и соперником Египта. Очевидно, именно поэтому Этакама, князь Кадеша, Арзавия, правитель Рухузи, и Теиватти, правитель Лапаны, присоединяются к хеттскому царю.²¹¹⁾ [247] Об этом же сообщает фараону некто Биери из Хашабу в следующих словах: «Этакама, человек из Кинзы, вышел навстречу войскам Хетты и поднял города, принадлежащие царю».²¹²⁾ Об этом же мы узнаем и из письма Иидая из Хази, а также из письма № 176.²¹³⁾ То, что об этом факте упоминается в четырех письмах, указывает на большое значение, которое придавалось в Сирии антиегипетской политике Кадеша. Однако князь Кадеша чувствуют себя настолько сильными, что пытаются вести самостоятельную и независимую политику, стремясь сохранить свою свободу действий даже по отношению к могущественному хеттскому царю. Поэтому хеттский царь Шубилулиума принимает ряд мер против возможных восстаний в Кадете. Так, согласно договору с хеттским царем Тетгие, князь Нухашше обязывается сопровождать своего господина, хеттского царя, в его походах против Хурри, Египта, Вавилона, Аштата, Алше, всякого врага в Мукишше, Халпе или Кадеше.²¹⁴⁾ Промежуточное положение Кадеша между могущественными государствами Египта, Великой Хеттой, Митании и сильным Аморитским княжеством являлось причиной острой внутренней борьбы между различными группировками и партиями. Этот факт нашел свое отражение в амарнских письмах, из которых мы узнаем о той ожесточенной борьбе, которую вели за власть над Кадешем братья Намиаваза и Этакама, сыновья Шутарны.²¹⁵⁾ В борьбе между собой они пытаются опереться на поддержку Египта и поэтому оба жалуются друг на друга фараону. Так, Этакама пишет фараону: «Намиаваза поступает дурно на твоих глазах, мой господин. Он причинил мне зло, на твоих глазах, он отнял у меня весь отцовский дом, начиная от Кадеша и предал огню мои города», Но Намиаваза не остается в долгу. Он также обращается к фараону с жалобой на то, что его братья Этакама и Арзавия перешли на сторону Азиру из племени СА-ГАЗ и разрушили Кинзу.²¹⁶⁾ Кадеш был крупным городом, хорошо известным в Сирии и в Месопотамии. Название Кадета в своеобразной форме *Ḫṭš* встречается в одном тексте из Рас-Шамра (Syria, 10, pl. 62, 2, 28), а также в вавилонской надписи времени Навуходоносора II в форме *Kidiš* (Unger, ZAW, 1926, 317). Это древнее название «святого» города Сирии

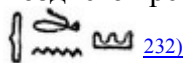
сохранилось до настоящего времени в названии расположенной поблизости от древних развалин мельницы el-Ḳedes (Gauthier, Acad. des Inscr., IV, 23, 1895, 443).²¹⁷⁾ Тесные торговые и культурные связи, соединявшие Кадеш с большими торговыми городами Финикии, Сирии, Палестины и с крупными государствами Месопотамии, Малой Азии, а также и Египтом, вызвали в конечном счете своеобразные формы ярко подчеркнутой синкретической культуры. Раскопки в Тель-Неби-Менд дали интересные образцы этого сирийского синкретизма. Так, обнаруженная здесь керамика близка к керамике северной Сирии и северной Месопотамии, в частности, Кархемыша. Многие найденные здесь произведения искусства и предметы религиозного культа близки к аналогичным хеттским вещам времени 18-20-й египетских династий. Таковы хеттские цилиндрические печати, бронзовая статуэтка бога Тешуба и большая [248] каменная статуя богини, сидящей на троне, живо напоминающая статуи из Зендширли.²¹⁸⁾ Наконец, отличным образцом этого сирийского синкретизма является египетская стела с изображением фараона Сети I, стоящего перед Амоном, Сэтом-Решефом и Хонсу, найденная в развалинах Кадеша. Особенно характерна фигура бога Сэта, изображенного в виде стоящего человека с конической тиарой на голове и с типично азиатскими чертами лица.²¹⁹⁾ Разумеется, крупное экономическое значение этого важнейшего торгового города Сирии, его несметные богатства и его важное стратегическое положение должны были властно привлекать к себе взоры египетских завоевателей, целью которых было полное покорение всей Сирии. В районе Оронта находился и другой крупный город, который египетские надписи называют Тунип. Название этого города неоднократно встречается в Анналах Тутмоса III, в его списке покоренных сирийских городов, в надписях Рамзеса II, а также в договоре самого хеттского царя с городом Тунипом. Судя по надписи Рамзеса II, этот город находился в стране Нахарина, а по прозаическому рассказу о битве под Кадешем он был расположен севернее Кадета к югу от Халпы. Можно предполагать, что этот город находился либо у современного Дунибе, в 30 км к юго-востоку от Хамата, либо около расположенного неподалеку Телль-Хана.²²⁰⁾ Однако точное его местоположение неизвестно, так как развалины его все еще не обнаружены.

Тунип в качестве крупного стратегического пункта был захвачен уже во время первых походов Тутмоса III в Сирию. Однако князь Тунипа, пытаясь, несмотря на это, вести самостоятельную и независимую политику, неоднократно восставали против власти египетского фараона. Об этом мы узнаем из описания 5-го похода Тутмоса III в Сирию, а также из описания его 7-го похода, когда фараон высадился в Уллазе, взял этот город и захватил здесь около 500 пленных и среди них сына тунипского князя.²²¹⁾ В конце концов Тунип был принужден подчиниться Египту, что способствовало проникновению египетского влияния в Тунип. На это, в частности, указывает постройка в Тунипе храма в честь египетского бога Амона. На стенах одной из фиванских гробниц изображен князь Тунипа, типичный азиат, одетый в своеобразную сирийскую одежду и принесший ко двору египетского фараона в качестве заложника своего малолетнего сына.²²²⁾ На установление тесных связей Тунипа с Египтом указывает далее одно амарнское письмо, в котором жители Тунипа просят фараона прислать им сына их князя Акит-Тешупа, так как его отец был увезен хеттским царем Шубилулиума в хеттскую страну.²²³⁾ Амарнские письма дают нам некоторое представление о политической роли Тунипа в XIV в. до х. э., который в этих текстах носит название: Tu-ni-ip^{ki}, ^{al}Tu-ni-ip, ^{al}Tum-ni-ip, ^{al}Du-ni-ip и ^{al}Du-ni-ip^{ki}. Судя по этим письмам, Тунип находился под сильным влиянием аморитов и даже иногда попадал под власть аморитского князя Азиру. Так, Азиру в одном из своих писем фараону сообщает, что он в данный момент живет в Тунипе.²²⁴⁾ В другом письме Азиру пишет фараону, что хеттский царь вступил в страну Амурру, захватил [249] Нухашше, лежащий в двух днях пути от Тунипа и угрожает самому Тунипу. Поэтому Азиру просит помощи у фараона. Об этом же самом пишет в тех же самых словах Азиру и в других двух письмах, обращенных к Хаи.²²⁵⁾

Из этого можно сделать вывод, что хеттский царь действительно угрожал Тунипу, и Азиру этим был действительно весьма обеспокоен. Разумеется, хетты, продвигаясь в Сирию, должны были рано или поздно овладеть Тунипом, который, очевидно, имел крупное стратегическое значение. Об этом мы узнаем из договора, заключенного Муваталом с Лабу, правителем Тунипа.²²⁶⁾ Крупное значение Тунипу придавал и Рамзес II. В своей надписи около Бейрута он с гордостью говорит, что он изгнал Муватала из Тунипа.²²⁷⁾ Таким образом, этот важный укрепленный город Сирии был одним из тех объектов, за который упорно боролись все могущественные завоеватели Сирии, придавая владению им большое военное значение.

Другим крупным городом Сирии была Катна, расположенная северо-восточнее Кадеша, на берегу одного из восточных притоков Оронта. Раскопки, произведенные французским археологом дю-Мениль дю-Бюйссон около современного Эль-Мишриффе, обнаружили развалины древней Катны и дали весьма ценный историко-археологический материал.²²⁸⁾ Во время этих раскопок были обнаружены дворец и храм древней Катны, которые, образуя единый архитектурный комплекс, были построены на большой искусственно сооруженной площадке, размером 120*69 м. Все это сооружение было окружено толстыми кирпичными стенами, сложенными на каменном фундаменте. Под фундаментом были обнаружены жертвы, принесенные во время закладки здания, в виде погребений детей, в возрасте от 2 мес. до 3 лет, помещенных в особые кувшины. На южной стороне дворца находился главный вход, защищенный круглой башней и выступающими стенами. Этот вход вел во внутренний двор, размерами 19,8*9,9 м, окруженный стеной, толщиной в 4 м. Из этого двора две двери, украшенные бронзой, вели в личные жилые покои царя, близ которых в северо-восточном углу дворца находился гарем. На северной стороне двора были расположены служебный двор и кладовые с кувшинами, а в северо-западной части дворца — тронный зал. Около дворца находился храмовый двор с круглым бассейном, покрытым крышей, покоившейся на четырех деревянных колоннах, базальтовые базы которых сохранились. В северо-восточном углу двора находилось святое место, откуда дверь вела в святое святых, скрытое в толще восточной стены; здесь хранилась золотая статуя богини Нин-Эгаль, покровительницы этого храма, и все сокровища, перечисленные в инвентарных списках. Эти списки были также обнаружены при раскопках храма Катны. Они были начертаны на 4 «табличках сокровищницы богини Нин-Эгаль» и на трех «табличках сокровищницы богов царя». В этих списках перечисляются огромные количества золота различных сортов: красного, коричневого, ординарного, двойного, тройного, четверного и всяких иных видов, а также золота из страны Тукриш. Наряду с золотом, перечисляется серебро, медь и бронза, [250] но железо в те времена еще составляло большую редкость. Вес всех предметов тщательно отмечен. Большинство весит не более нескольких шекелей, однако, вес двух золотых ваз достигает 80 мин и 6 шекелей. Некоторые предметы сделаны из лазурита и из иных драгоценных камней, а также из стекла. Здесь перечисляются сосуды или иные предметы, украшенные головами быков, львов, людей или страшного чудовища Хуава. Наряду с ними встречаются быки из лазурита, золотые рыбы и орлы. В списках перечислены имена 20 жертвователей, среди которых стоят имена князей Кинзы и Тунипа.²²⁹⁾ Само имя богини Нин-Эгаль, изображение жрецов с бритыми головами и тот факт, что храмовые инвентари написаны на аккадском языке, указывают на сильное аккадо-шумерийское влияние.^{229a)} Все это позволяет предполагать, что Катна была древним и крупным торговым центром, тесно связанным с Месопотамией еще в 3-м тыс. до х. э., ибо только в эту эпоху столь сильное аккадо-шумерийское влияние могло проникнуть в Катну. В XVIII в. до х. э. вокруг Катны был разбит большой гиксосский лагерь, окруженный большим валом, который был защищен у входов крепкими башнями.²³⁰⁾ Египетские влияния проникают в Катну, так же как аккадо-шумерийские, уже в глубокой древности. На это ясно указывает находка сфинкса с именем Иты, дочери фараона 12-й династии, Аменемхета II.²³¹⁾ В

последующие времена эти торговые и политические связи Катны с Египтом усиливаются. Этому в значительной степени способствует завоевание Катны Тутмосом III во время его походов в Сирию. Поэтому Катна упоминается в египетских надписях этого и более позднего времени, в частности в азиатском списке Аменхотепа в египетской форме

²³²⁾ Название Катны упоминается и в амарнских письмах. Судя по этим письмам, Катна в эту эпоху все еще поддерживает тесные связи с Египтом, сохраняя преданность и верность фараону. Аккизи, князь Катны в своих письмах фараону уверяет его в том, что Катна всегда, со времени отцов, сохраняла верность Египту. Для того чтобы убедиться в этом, царь должен спросить своих вельмож о том, как князь Катны некогда снабжал египетское войско пищей, питьем, скотом, медом и маслом. Аккизи остается верным слугой Египта. Он не поддается на уговоры Этакамы, князя Кадеша, и отвечает ему, что он — слуга египетского царя и поэтому не желает подчиниться хеттскому царю даже, если ему придется умереть. То же самое Аккизи сказал и самому хеттскому царю. Сохраняя полную преданность египетскому фараону, Аккизи, в качестве его верного слуги, информирует его о том политическом положении, которое создалось в Сирии и в связи с этим просит прислать ему военную помощь. На тесные связи, существующие между Катной и Египтом, указывает, наконец, и тот факт, что к Аккизи, князю Катны, приезжает особый египетский посол.²³³⁾

Однако, богатая и могущественная Катна привлекает к себе алчные взоры хеттских завоевателей, которые, надвигаясь на Сирию, захватывают [251] один город за другим и, наконец, овладевают Катной. Аккизи в одном письме к фараону жалуется на то, что хеттский царь сжег Катну и увел в плен ее жителей, которые теперь живут «вдали от стран своего господина». Поэтому Аккизи просит фараона выкупить пленных жителей Катны.²³⁴⁾ Из другого источника мы узнаем, что Катна присоединилась к коалиции сирийских князей, направленной против хеттского царя. Вместе с Нией, Нухашше и Арахти Катна восстала против власти хеттов. Однако это восстание было подавлено хеттами. Хеттский царь разгромил повстанцев, овладел Катной и разрушил город. Этот факт представляет для нас особый интерес, ибо он ясно показывает, насколько сильным было египетское влияние в Сирии и какую иногда глубокую вражду вызывало в Сирии продвижение хеттов.²³⁵⁾

К востоку от долины Оронта, между северной частью сирийского побережья и средним течением Евфрата, лежала страна Нухашше, которая неоднократно упоминается в египетских надписях времени 18-й династии, а также в письмах амарнского архива.²³⁶⁾

Во время своих завоевательных походов в северную Сирию Тутмос III достигает страны Нухашше и дважды подчиняет ее силой своего оружия. Во время своего 13-го похода в Сирию Тутмос III, вторгшись в страну Нухашше, возводит там на престол нового царя по имени Таху, над которым совершает обряд помазания головы елеем.²³⁷⁾ В это время князья Нухашше пытаются сохранить верность Египту, наряду с князьями Нии, Зинзара и Туаната, оставаясь верными слугами Египта. Однако растущая мощь хеттского государства становилась все более и более реальной угрозой для этих далеких северносирийских княжеств. Не будучи в состоянии сопротивляться наступлению хеттов, князь Нухашше, по имени Адду-Нирари, обращается к фараону за помощью. Адду-Нирари напоминает ему, что Тутмос III возвел на престол его деда Таху и что, следовательно, тесные нити связывают Нухашше с Египтом. Но теперь хеттский царь выступил против Нухашше и ему угрожает. Поэтому Адду-Нирари просит фараона либо прибыть лично во главе своего войска, либо прислать ему на помощь воинов и колесниц.^{237a)} Опасения Адду-Нирари, окруженного врагами, сбылись. Люди Аштаты вторглись в области Нухашше и Алеппо и их опустошили. Однако на помощь к князю

Нухашше пришел митаннийский царь, который находился в союзе с Египтом. Усиление Хеттского государства в равной мере угрожало интересам Митанни и Египта. Именно поэтому митаннийский царь нашел для себя выгодным выступить на защиту Нухашше, вернул ей земли, захваченные хеттами, и перечислил ее города и области в особом документе.²³⁸⁾

Ведя упорную борьбу с хеттами, князя Нухашше должны были тем самым вести борьбу и с аморитским царьком Азиру, который, очевидно, опираясь на поддержку хеттов, старался объединить вокруг себя все антиегипетские элементы Сирии. Об этом мы узнаем из писем самого Азиру, обращенных к фараону, в которых Азиру пишет, что «цари Нухашше враждебны мне»²³⁹⁾ и «что цари Нухашше, враждебные [252] мне, захватили мои города».²⁴⁰⁾ Судя по другому амарнскому письму, Азиру удалось, наконец, одержать некоторые успехи в борьбе против Нухашше. Автор этого письма Акиззи, князь Катны, сообщает фараону, что «шесть дней Азиру был в стране Амурру. Если царь в этом году не пришлет войск и колесниц, они станут подданными Азиру».²⁴¹⁾

Однако хетты все дальше и дальше продвигаются в глубь Сирии, захватывая ее области, княжества и города. Княжество Нухашше, расположенное на пути продвижения хеттов, несмотря на поддержку Митанни и Египта, не смогло противиться могущественным хеттским завоевателям и принуждено было признать их власть. Как видно из четырех писем Азиру, «хеттский царь прибыл в Нухашше» и даже «пребывает в Нухашше». Тот факт, что Азиру сообщает эту новость, облачая ее в стандартно-лаконическую форму, в четырех письмах, указывает на большое политическое значение этого сообщения.²⁴²⁾

Несмотря на крупные силы, которыми располагали хетты, князя Нухашше не покорились им полностью и пользовались каждым удобным случаем, чтобы поднять восстание против иноземного Хеттского государства. Так, во время смут, которыми сопровождалось восшествие на престол Шубилулиумы, Нухашше, Халпа и Кархемьш подняли восстание. Очевидно, эти три княжества, расположенные в северо-восточной Сирии и в прилегающих областях Месопотамии, были связаны общими экономическими и политическими интересами. Однако Шаррунша, князь Нухашше, вскоре счел для себя более выгодным переметнуться на сторону хеттов. Он послал к хеттскому царю послов со словами: «Я слуга царя хеттской страны — спаси меня». Как указывают хеттские источники, митаннийский царь Тушратта вторгся в страну Нухашше, угрожая смертью ее князю. Очевидно, восстание северносирийских княжеств против хеттов было в значительной степени инспирировано митаннийским царем. Однако его происки не удались. Хетты послали войска в Нухашше, и митаннийцы были оттуда вытеснены.²⁴³⁾

Несмотря на эту новую победу хеттов, княжество Нухашше не покорилось полностью хеттскому царю, и князя Нухашше попрежнему пытались восстановить свою независимость, хотя эти восстания сирийских областей и городов жестоко подавлялись хеттами. Так, после одного крупного восстания сирийских городов, князь Нухашше, по имени Шаррунша, был убит, а его мать, братья и сыновья были высланы в Хеттскую страну. Князем Нухашше был назначен некто Тетте, который принужден был заключить договор с хеттским царем. Согласно этому договору, Тетте обязан был сопровождать хеттского царя во всех его походах против хурритов, Египта, Вавилонии, Аштаты, Алше или всякого врага в Мукишше, Халпе или Кадеше.²⁴⁴⁾ Эта надпись представляет громадный исторический интерес, ибо она дает ценный перечень важнейших соперников и врагов Хеттского государства.

Но и этот союз Нухашше с хеттами был непрочен. Тетте, объединившись с сирийским князем Нинурташ, поднял восстание против [253] хеттов. Однако восставшим не удалось

объединить всех князей Сирии. Один из них Абиратташ, князь Барги, сохранил верность хеттам и одержал победу над Нинурташем. Это дало возможность хеттам расправиться с Нухашше и захватить ее крепости. После этого Нухашше теряет свою самостоятельность и окончательно подчиняется хеттам. Ее войска входят в состав хеттского войска Муватала под Кадешем. Больше того, Нухашше превращается в окраину хеттского государства; так, Хаттушиль III ссылает в Нухашше низложенного им Урхитешуба.²⁴⁵⁾ При хеттском царе Арнувандаше IV Нухашше входит в сферу хеттских интересов, и хеттские цари при помощи оружия стараются удержать за собой это важное для них сирийское владение. Таким образом, Нухашше было значительной северносирийской областью, лежащей на стыке между хеттами и Митаннийским государством, а также сирийскими владениями Египта.

К северу от Нухашше на большой плодородной равнине лежал город Халпа, название которого сохранилось в современных названиях Халеб и Алеппо. Местоположение этого города было очень выгодным в торговом и военном отношении, так как он лежал на скрещении важных торговых путей, ведущих из Средней Сирии в Малую Азию и от Сирийского побережья, в частности из Угарита, в области северной Месопотамии и, таким образом, в Кархемыш.²⁴⁶⁾ Именно поэтому уже в глубокой древности Халпа стала крупным торговым и военным центром, столицей сильного и независимого северносирийского княжества. Уже в конце 3-го и в самом начале 2-го тысячелетия до х. э. Халпа представляет собою довольно значительный город, тесно связанный с Месопотамией, как указывают надписи из Мари, в которых упоминается город $\square a-l a-a b^{ki}$ (или $\square a-l a-b i^{ki}$). Судя по этим надписям, цари Мари и Катанум и их чиновники предпринимали путешествия в Халпу, преодолевая для этой цели трудности далекого пути, ведущего в Халпу через Кархемыш. Эти путешествия обычно предпринимались с религиозной целью, главным образом для получения предсказаний от оракула «бога Адада, владыки Халпы» ($^{il}Adad-be-el \square a-l a-a b^{ki}$), культ которого пользовался широким распространением и большой известностью уже во время Зимрилима, царя Мари. Так, один из чиновников сообщает Зимрилиму:

«По приказу моего господина... я направился в Халпу, (чтобы получить) предсказания».

На широкое распространение культа Адада, бога Халпы, указывает и тот факт, что «Зимрилим посвятил свою статую Ададу, богу Халпы». И согласно документам богатейшего архива в Мари, культ Адада, бога Халпы, пользовался большим уважением в течение 2-го тыс. до х. э. Этот культ сохранился до ассирийской эпохи. Салманассар III в IX в. до х. э. остановился в Халпе, чтобы принести жертвы его божеству. Большое религиозное значение Халпы уже в 3-м тысячелетии до х. э. свидетельствует о древности Халпы, игравшей крупную политическую и культурную роль.²⁴⁷⁾

Халпа, в качестве крупного и могущественного княжества северной Сирии, упоминается и в хеттских надписях, восходящих к XX в. [254] до х. э. Хеттские цари, преемники Табарны, начавшие систематическое покорение северной Сирии, должны были рано или поздно столкнуться с князьями Халпы. Хаттушиль I и его внук Муршиль I опустошают и покоряют богатое княжество Халпу. Однако князья Халпы борются за свою независимость и нередко поднимают знамя восстания. С этой целью они пытаются опереться на государство Митанни, которое всегда соперничало с Хеттским государством, поскольку интересы этих двух государств резко сталкивались в северной Сирии. Разумеется, хеттские цари старались всячески воспрепятствовать сближению Халпы и Митанни. Так, хеттский царь Тудхалиаш II «недавно разрушил Халпу, так как ее союз с Ханигальбат является преступлением против ее прежнего хеттского владетеля». Лишь благодаря вмешательству митаннийского царя, Халпа и Нухашше спаслись от полного

разгрома и снова получили свои владения.²⁴⁸⁾ Во время вступления на престол хеттского царя Шубилулиума, князь Халпы воспользовался смутами в Хеттском царстве и восстал против хеттов. Однако Шубилулиума был достаточно силен, чтобы разгромить главную опору сирийских княжеств, государство Митанни, что дало ему возможность привести к повиновению Халпу и, может быть, находившиеся с ним в союзе города Мукишше и Кархемыш.²⁴⁹⁾ Чтобы теснее сблизить Халпу с Хеттским государством, хеттский царь назначает князем Халпы хеттского царевича Телипина, которому впоследствии наследовал его сын Рими-Шарма,²⁵⁰⁾ что было закреплено особым документом. С тех пор Халпа входила в состав Хеттского государства, хотя хеттским царям постоянно приходилось прибегать к оружию для того, чтобы удержать ее в сфере своего влияния.²⁵¹⁾ Признаком некоторой независимости Халпы является упоминание в египто-хеттском договоре богов Халны, которая все еще сохраняла свое значение в качестве древнего религиозного и культурного центра северной Сирии.

Название Халпы встречается в египетских надписях времени 18-й династии, в частности, в списке областей и городов Сирии, покоренных Тутмосом III. В этом списке название Халпы облечено в своеобразную египетскую форму,²⁵²⁾ которая вполне соответствует трехсложному семитскому слову \square a-la-bi^{ki}. Таким образом, вряд ли можно согласиться с мнением Ольмстеда, который полагает, что Халпа никогда не принадлежала египтянам («Aleppo itself seems never to have been Egyptian»).²⁵³⁾ У нас не имеется никаких оснований для того, чтобы заподозрить в данном случае точность азиатского списка Тутмоса III. Очевидно, Халпа была захвачена египетскими войсками и в течение некоторого времени находилась под властью Египта.

Не следует при этом забывать и того, что князя Халпы далеко не сочувственно относились к хеттским завоевателям, нередко против них восставали и в борьбе с ними должны были опираться не только на помощь Митанни, но также и на поддержку Египта.

Самым далеким районом проникновения египетского влияния и египетской культуры на северо-востоке были те области Сирии, которые прилегали к среднему течению Евфрата и вместе с соседними [255] областями северной Месопотамии входили в состав стран Нахарина, что означает в переводе «Страна рек». Эта страна Нахарина местным хурритским населением называлась Митанни, или Майтени, а в ассирийских надписях, и также в некоторых иных обычно называлась своим древним наименованием Ханигальбат. Семитское название этой страны «Нахарина» встречается в целом ряде вариантов: в ханаанском языке преобладала форма Nahrîm, Naharîm, в аморитском языке мы найдем форму Nahrînm — Naharînm, откуда происходят египетские формы: N-h-gy-n и N-h3-gy-n3. Весьма возможно, что в двойственном числе существовала форма Naharêm, вполне соответствующая древнееврейской Naharaim (в Aram Naharaim — см. Бытия, XXIV, 10; Второзак., XXIII, 5; Суд., III, 8 и др.). В амарнских письмах встречается форма Na□grima, соответствующая ханаанской форме Nahrîm или Nahrêm.²⁵⁴⁾ Название Nhrn встречается в надписях Тутмоса III, который сообщает о завоевании этой страны, а также о переправе через «воды Нахарины». В другой надписи Тутмос III говорит о том, что он переправился через Евфрат, чтобы достигнуть Нахарины. В эпоху 18-й династии Египет устанавливает довольно тесные взаимоотношения с этой далекой областью Месопотамии, на что указывает изображение посла Нахарины, сохранившееся на стенах одной гробницы. Аменхотеп II, как известно, совершает большой завоевательный поход в Нахарину и сооружает там памятную надпись. Тутмос IV и Аменхотеп III сообщают о покорении этой страны. Аналогичные сведения можно найти в победных надписях Сети I, Рамзесов I и II. Название Нахарины сохранилось в списках некоторых областей и городов Аменхотепа III, Сети I, Рамзеса II и Рамзеса III и, наконец, даже Тахарки.²⁵⁵⁾ Все это указывает на довольно значительное проникновение египтян в Нахарину и на огромное значение,

которое египтяне придавали своему господству в северной Месопотамии, ибо отдавали себе ясный отчет в том, что этот крайний северо-восточный форпост их владычества в Передней Азии является важнейшим узлом торговых и военных путей, соединявших Сирию, Малую Азию, Закавказье и Двуречье с далеким Египтом, пытавшимся пробиться через Сирию к основным центрам Передней Азии.

Одним из крупнейших центров Нахарины, вошедших отчасти в сферу влияния Египта, был древний и крупный город Кархемыш на правом высоком берегу Евфрата в северном конце длинной плодородной равнины. Развалины Кархемыша были обнаружены на холме, который лежал на 9 м выше течения реки. Судя по памятникам, здесь обнаруженным, это поселение существовало еще в эпоху неолита. Вещи эпохи халколита позволяют в общих чертах установить уровень культурного развития жителей Нахарины этого времени. В развалинах прямоугольных каменных домов была обнаружена керамика, близкая к керамике Сакче-Гэзи. Коричневый, черный и красный орнамент этих сосудов напоминает аналогичный орнамент керамики, найденной в Сузах. Наконец, для этой эпохи типичны скорченные погребения в кувшинах, обнаруженные под земляным порогом дома.²⁵⁶⁾ В 3-м тысячелетии до х. э., в эпоху бронзовой культуры, Кархемыш [258] превращается в крупный, и богатый центр, тесно связанный с рядом соседних стран. Больше того, Кархемыш становится мощной крепостью, окруженной толстыми кольцевыми стенами, местами воздвигнутыми⁺⁾ на прочном каменном фундаменте. Высокого развития достигает металлургия, на что указывают прекрасно сделанные бронзовые копья, кинжалы и серьги. Появляется гончарный круг и веретено, предвестники дальнейшего технического прогресса в области керамики и ткацкого дела. Целый ряд предметов и документов свидетельствует о торговых и культурных связях Кархемыша с соседними странами. В этом отношении характерны маленькая мраморная фигурка, напоминающая идолов с Кикладских островов, а также кинжалы, близкие по своей форме к эгейским. Стеатитовые цилиндры с шумерийскими изображениями и хозяйственные документы 1-й династии Вавилона, конечно, могли появиться в развалинах Кархемыша лишь в результате торговых связей с областями средней и южной Месопотамии.²⁵⁷⁾ С другой стороны, название Karkamisū встречается в клинописных надписях времени 1-й вавилонской династии. В XX веке до х. э. Кархемыш входит в сферу влияния хеттских царей и принужден подчиниться Хеттскому государству. Хеттский царь Хантиль I завоевывает Кархемыш. Однако тесно связанный торговыми и культурными связями с областями и городами северной Сирии и северной Месопотамии, Кархемыш неохотно подчиняется хеттам и нередко примыкает к антихеттским коалициям, в состав которых входят Нухашше, Ния, Халпа и могущественное Митаннийское государство. Так, под давлением Митанни Кархемыш восстает против хеттского царя Шубилулиума, но терпит поражение. После 7-дневного штурма хеттский царь овладевает Кархемышем и берет в плен 3300 человек.²⁵⁸⁾ После этого хеттский царь сажает князем в Кархемыш хеттского царевича Биашила.²⁵⁹⁾ Однако Кархемыш сохраняет значительную долю своего могущества. Так, при своем вступлении на престол, хеттский царь Муршиль II заключил с Биашилем договор, согласно которому устанавливались пределы княжества Кархемыш. Судя по этому договору, в его состав входили обширные области вдоль Евфрата, вниз по его течению, а также часть северной Сирии. Вполне естественно, что богатый Кархемыш, важнейший торговый и военный центр северной Месопотамии, должен был привлечь к себе внимание египетских завоевателей. Название Кархемыша²⁶⁰⁾ сохранилось в сирийском списке Тутмоса III. Однако впоследствии Кархемыш снова входит в орбиту влияния хеттов. Во время Кадешской битвы войска Кархемыша находятся в составе хеттской армии. Войдя в состав хеттского государства, Кархемыш, подобно Халпе, сохраняет видное и почетное место в так называемой Хеттской «федерации». В египто-хеттском договоре, наряду с хеттскими богами, упоминаются боги Халпы и Кархемыша. Судя по надписям Рамзеса III и по археологическим находкам на месте древнего

Кархемыша (современный Джерабис), Кархемыш в эту эпоху был завоеван «морскими народами», т. е. эгейцами. Однако, Кархемыш еще в течение долгого времени продолжает сохранять свое прежнее значение крупного города. С XIII по VI в. до х. э. этот город часто упоминается [257] в ассирийских надписях.²⁶¹⁾ То обстоятельство, что наиболее могущественные фараоны старались именно сюда нанести свой главный военный удар, указывает, с одной стороны, на их политическую дальновидность, с другой стороны, на то, что, очевидно, именно здесь проходил важный путь переднеазиатской торговли и военной политики древневосточного мира в XV—XIV вв. до х. э.

Население Палестины, Финикии и Сирии в середине 2-го тыс. до х. э. было чрезвычайно смешанным. Мы здесь не найдем ни «единых, чистых», ни господствующих или хотя бы даже «преобладающих» рас. Изучение главным образом лингвистических данных позволяет установить лишь наличие крайне сложного этнического конгломерата, воспроизводящего в общих чертах этнический конгломерат гиксосской эпохи. В этом отношении очень показательны документы, найденные в Таанахе и относящиеся ко 2-му тыс. до х. э. Одна треть имен, встречающихся в этих деловых документах, составляет ханаанскую группу, характерную наличием культа бога Эл. Среди остальных имен в большом количестве встречаются хурритские, в состав которых входят имена божеств Тешупа и Хипы. Аморитские имена, характерные тем, что они указывают на культ Адада и Аши-рат, встречаются довольно редко. Наконец, встречаются аккадские, египетские, хеттские, шумерийские, касситские, арамейские и даже иранские элементы.²⁶²⁾ Факт чрезвычайно сильного смешения племен на территории Палестины и Сирии принужден констатировать даже такие историки, как, например, Ungnad в своей статье «Die aeltesten Voelkerwanderungen» (1923). Выдвигая неправильную и доведенную до крайности теорию миграций, Унгнад все же принужден признать, что «в Палестине и в Сирии не было единой расы, но были смешения самого сложного типа». По мнению Унгнада, уже в древнейшие времена произошло «расовое смешение» семитов и суб-арейцев, что создало аморитский тип. Смешение племен усилилось благодаря завоевательным походам хеттов, аккадян и египтян.²⁶³⁾ На смешанный характер населения Сирии в середине 2-го тыс. до х. э. указывает в своем большом труде также и Эд. Мейер.²⁶⁴⁾

Восстановить в настоящее время все этнические напластования древнейшей Палестины и Сирии все еще является почти неразрешимой задачей, ввиду явной недостаточности лингвистического и археологического материала. Поэтому можно лишь очень издалека подойти к разрешению этого вопроса.

Библия сохранила далекие и смутные предания о племенах, в древнейшие времена населявших Палестину. Легендарность этих преданий выражается в том, что эти племена носят название «слабых» (тени — «мертвые», ср. $\nu\acute{\epsilon}\kappa\upsilon\epsilon\varsigma$ у Манефона) или, наоборот, изображаются в виде могущественных гигантов, великанов. Эти племена обычно носят в библии названия рефаимов, зузимов, емимов, анакимов и хорреев. Библейские предания указывают район расселения этих племен и отмечают, что все эти племена были уничтожены. «В 14-м году пришел Кедорлаомер и цари, которые с ним, и покорили рефаимов в Аштероф-Карнаиме, зузимов в Гаме, емимов в [258] Шаве-Кириафаиме, и хорреев в горе их Сеире, до эль-Фарана, что при пустыне» (Бытие, гл. XIV, ст. 5-6).

«... Ар отдал я во владение сынам Лотовым; прежде жили там емимы, народ великий, многочисленный и высокий, как сыны Енаковы; и они считались между рефаимами, как сыны Енаковы; моавитяне же называют их емимами, а на Сеире жили прежде хорреи, но сыны Исавовы прогнали их и истребили их от лица своего и поселились вместо них так, как поступил Израиль с землею наследия своего, которую дал им господь» (Второзак., II, 9-12).²⁶⁵⁾

Как и во многих других сказаниях, так и в этой библейской легенде сохранился далекий глухой отголосок реального исторического факта, а именно существования в глубокой древности туземных племен на территории Палестины. Особенно характерно в этом отношении племенное название анакимов (anaqim), которые «остались только в Газе, в Гафе и в Азоте» (Ис. Нав., XI, 21), и название которых близко соответствует географическому названию Jj-^cnk (местность ha-^cnāk), встречающемуся в «черепках проклятия» времени Среднего царства. Весьма возможно, что в этих названиях сохранилось воспоминание об одном из древних племен, населявших Филистимское побережье и прилегающие области Палестины в 3-м тыс. до х. э.²⁶⁶⁾ Далее, характерно упоминание в Библии хорреев, которые, как неоднократно указывалось, являются не кем иными, как хурритами.²⁶⁷⁾ Во всяком случае, твердо доказанным следует считать тот факт, что Палестина была заселена с древнейших времен и что со времени каменного века здесь жило особое автохтонное население.²⁶⁸⁾ Древним семитским плеч менем, населявшим Финикию, Сирию и Палестину в 3-2-м тыс. до х. э., были хананеи, название которых сохранилось в Библии и которые дали название всей стране Ханаан. В Библии они выступают в качестве коренного населения Палестины, с которым древние евреи ведут упорную и длительную борьбу. Судя по данным Библии, хананеи жили в северной части Палестины, в областях колен Эфраима, Манассии, Иссахара и Ашера, главным образом на Иезреельской равнине, которая была плодороднейшим земледельческим районом и где находились древние и крупные торговые города.²⁶⁹⁾ Однако можно думать, что хананеи населяли значительно большую территорию, так как страна Ханаан и по египетским надписям и по клинописным документам амарнского архива (Кинаххи — Канаан) охватывала собою всю Палестину, включая прилегающие области Финикии и Сирии.²⁷⁰⁾ Особую группу семитских племен образуют амориты, с древних времен населявшие сирийско-месопотамскую степь с ее оазисами, области средней Сирии, Ливана и Антиливана. Этот термин происходит от аккадского слова amurru (шумер. MAR-TU), которое сперва имело лишь географическое значение, но потом стало обозначать племенное единство и особые мелкие государства, образованные аморитами в средней и северной Сирии.²⁷¹⁾

Древний этнический слой Палестины и Сирии образовали хурриты, воспоминания о которых сохранились в Библии и название которых сохранилось в египетском названии Хару. Хурриты в древности [259] населяли обширную территорию от северо-западной Месопотамии до южной Палестины. Самое название племени Hur-gi (по-аккадски), Hur-la (по-хеттски) и Hur-w-u (по-хурритски) происходит от названия города Хурри или Хурра, по-хурритски Churvuche, который греки позднее называли Orthoe, сирийцы Urhoi и который находился близ современного турецкого места Urfa в северо-западной Месопотамии. Некоторые историки читали название этого племени «харри» и на этом основании сближали их с арийцами. Однако эта гипотеза не выдерживает научной критики. Б. Грозный доказал, что это племенное название следует читать Ch-u-ur и что оно не имеет прямого отношения к арийцам. Хурритские тексты из Богазкеоя указывают на свое родство с не индо-европейским текстом письма митаннийского царя Тушратты. Следовательно, хурритский язык является не индо-европейским языком.²⁷²⁾ Согласно библейским преданиям, хурриты населяли всю Палестину, в особенности западные склоны гор Иудеи, гор Сеира, к югу от Мертвого моря, а также районы Сихема.²⁷³⁾ Позднее их покорили эдомитяне, однако остатки их сохранились в стране Эдом и в прилегающих пустынях.²⁷⁴⁾ На значительное хурритское население в Палестине и Сирии указывают различные документы: клинообразные надписи с хурритскими собственными именами, инвентарь храма в Катне, содержащий хурритские собственные имена и термины, и, наконец, амарнские письма, в которых встречаются многочисленные хурритские имена, как, например, Абд-Хипа.²⁷⁵⁾ Хурритов мы находим и в северной Сирии, где они жили вперемежку с западными семитами или хананеями. Так, например,

на наличие хурритов и хананеев в Угарите указывают документы, найденные в Рас-Шамре, например, письма царя Никмеаша некоему Ибира. Имя Никмеаш (Nkmd), по мнению Виролло,¹ является именем хурритского происхождения, в то время как имя Ибира есть семитское имя (ср. עִבְרָא кн. Бытия, XI).²⁷⁶⁾

Наконец, следует упомянуть и о племени хабири, которое появляется в Палестине и в Сирии, начиная с XIV в. до х. э. и название которого особенно часто встречается в амарнских письмах. Судя по целому ряду документов, эти племена населяют некоторые области Передней Азии уже с середины 3-го тысячелетия. Так, воины хабири упоминаются в хеттских источниках, которые относят их ко времени аккадского царя Нарамсина, а также в эламских надписях Варад-Сина и Рим-Сина.²⁷⁷⁾ Далее, племена хабири упоминаются и в надписях, найденных в архивах столицы Мари и относящихся к XXI в. до х. э. Письма, обнаруженные в этих архивах, ярко характеризуют борьбу оседлых племен с кочевыми племенами sutû, жившими вдоль Евфрата в областях Hît и Rapîqu, с племенами Qutu, Turukku и Какти, жившими к востоку от Тигра, а также с племенами □abiri, Venê-ia-mina и Venê-si-im-a-al. [260] Племена хабиру в этих текстах упоминаются наряду с племенами, которые носят чисто семитские названия детей юга עִבְרָא и детей севера עִבְרָא, следовательно, все эти племена входили в одну группу западносемитских племен.²⁷⁸⁾ Название племени хабири встречается далее и в надписях, происходящих из Нузи и относящихся к XV в. до х. э.²⁷⁹⁾ Но особенно часто название «хабиру» встречается в амарнских письмах, в которых неоднократно упоминаются хабиру, захватывающие один город за другим в Палестине и в Сирии. Это название «хабиру» перемежается с названием «СА-ГАЗ», которое по всем признакам является идеограммой слова «хабиру». И в том и в другом случае мы встречаем чтение □abiri^{ki} и SA-QAZ^{ki}, следовательно, в данном случае имеется в виду название племени.²⁸⁰⁾ В настоящее время можно считать доказанным, что это племя хабиру тождественно с библейским племенем евреев, поскольку фонетически имеется полная возможность отождествить клинописное □a-bi-gu с древнееврейским עִבְרָא.²⁸¹⁾ Этим этническим названиям соответствует и древне-египетское אֲבִי, которым египтяне обозначали пленных, захваченных в Палестине во время своих завоевательных походов.²⁸²⁾

Этот пестрый разноплеменной состав Палестины, Финикии и Сирии препятствовал образованию в этих странах единого сильного государства. С другой стороны, племенное многообразие способствовало завоеванию этих стран могущественными завоевателями. Коалиции различных сирийских, финикийских и палестинских племен, не связанных между собой в племенном и культурном отношении, не объединенных в достаточной степени экономическими и политическими интересами, были рыхлыми образованиями, которые не могли дать достаточно сильного отпора иноземным завоевателям. Поэтому Палестина, Финикия и Сирия, состоявшие из разрозненных и слабых «карликовых» государств, быстро стали добычей египетских завоевателей, вторгшихся в Палестину в XVI в. до х. э.

Одной из важных причин завоевания Египтом Палестины, Сирии и Финикии была та крупная роль, которую они играли в экономической жизни Египта. Египетское хозяйство нуждалось в естественных богатствах этих стран. Благодаря давно установившейся торговле египтяне получали из Палестины, Сирии и Финикии различные товары. При помощи завоевания египетские фараоны старались расширить размеры торговли и увеличить получение различных ценностей благодаря захвату добычи и взиманию дани. Анналы Тутмоса III и амарнские письма вскрывают эту основную экономическую причину египетских завоеваний в Передней Азии.

Одной из важнейших статей вывоза из Финикии и Сирии было зерно, которым были столь богаты плодородные сельскохозяйственные районы [261] этих стран. Так, в письме некоего Хибия знатному аристократу говорится о том, что страна Амурри богата зерном:

«... спустился из страны Амурри и сказал мне: «Много зерна в стране Амурри до тех пор, пока не придет начальник (раби) от царя, моего господина».²⁸³⁾

Не ограничиваясь получением зерна, которое поступало в виде товара благодаря торговому обмену, египетские фараоны налагают на подвластных им князей Сирии дань зерном. Это видно из письма северносирийского князя Шум-Адду египетскому фараону:

«Царю, моему господину, моему солнцу скажи. Так говорит Шум-Адда, слуга царя, моего господина: «К ногам царя, моего господина я припадаю семь раз и семь раз. С тех пор как царь, мой господин, написал мне о зерне, я отвечаю: «Оно испорчено». Пусть царь, мой господин спросит своих заместителей (amêlûtu-rabisi-šu), приносили ли (его) наши отцы со дней Кузуны, нашего отца».²⁸⁴⁾

Не меньшее значение для экономики Египта имел скот, которым были богаты скотоводческие районы Палестины и Сирии и который египтяне вывозили из Сирии. Скот составлял один из важных видов народного богатства в этих странах. Именно поэтому во время постоянных междоусобных войн, которые непрерывно вели между собой князья Палестины, Сирии и Финикии, победители первым делом захватывали скот побежденного, как одну из наиболее существенных ценностей, как важнейший вид военной добычи. Так, в одном из своих писем к фараону Риб-Адди, правитель Гебала жалуется на притеснения сыновей Абд-аширты и их союзников, которые грабят Гебал и отнимают скот, в особенности на одного «злодея», который «отнял скот и угнал его».²⁸⁵⁾ Яркую картинку такого военного грабежа и захвата ценнейшей военной добычи, крупного рогатого скота, найдем мы в письме князя Яшдата египетскому фараону. Яшдата пишет:

«Царю, моему господину и солнцу и моим богам скажи:

«Так говорит Яшдата, верный слуга царя и пыль от ног царя. К ногам царя, моего господина и моего солнца и моих богов, семь раз и семь раз я припадаю. Пусть царь, мой господин, знает, что все возможное, что царь, мой господин, дал своему слуге, люди Тахнуки ограбили; они закололи моих быков (alpê-ia) и меня прогнали».^{285a)}

Судя по амарнским письмам, скот был одной из важных статей вывоза в Египет. Сирийско-палестинские князья обязаны были заготавливать скот для Египта и предоставлять его египетским чиновникам. Об этом пишет один из сирийских князей Дияата египетскому фараону:

«Быков и мелкий рогатый скот я заготовил согласно твоему приказанию на табличке, присланной мне».²⁸⁶⁾

«Действительно, я дал... царю моему господину 30 быков».²⁸⁷⁾ Об еще более крупной поставке скота египетскому фараону читаем мы в письме князя Шубанду, адресованному египетскому фараону:

«Царь, мой господин, солнце на небе, послал Ханию ко мне. И вот, я прислушался к слову царя, моего господина, внимательно. И вот я дал 500 быков и 20 девушек (5 me alpê ù 20 mârâtiu). И действительно, пусть царь, мой господин, солнце на небе, знает об этом».²⁸⁸⁾
[262]

Как я уже неоднократно указывал выше, египтяне в большом количестве издавна вывозили из Финикии и из Сирии различные сорта дерева, в особенности ценные сорта дерева, как, например, ливанские кедры и сосны, которые им были необходимы для кораблестроения, для постройки колесниц, для изготовления роскошной мебели, саркофагов, для постройки зданий и для иных целей. В целом ряде амарн-ских писем мы найдем указания на массовый вывоз дерева в Египет.

Так, князь Библа по имени Риб-Адди пишет египетскому фараону относительно отправки в Египет дерева уркаринну:

«Так как мой господин написал мне относительно дерева уркаринну, то знай: из страны Джалхи и из города Угарита доставляют его. Я не могу послать туда мои корабли, так как Азиру враждебен мне и все правители (amêlut-□a-za-nu-tum) заодно с ним. По их желанию ходят их корабли и берут то, что им нужно».²⁸⁹⁾

Из этого письма ясно видно, какое значение имели для бесперебойной доставки в Египет всех необходимых товаров мир и спокойствие в Палестине, в Финикии и в Сирии, ибо только в таком случае египетская торговля могла бы нормально функционировать. Египетское правительство полагало, что этот мир в раздробленной Сирии могла поддерживать только единая и сильная власть фараона и что в экономических интересах Египта было держать Сирию в повиновении при помощи военной силы.

Об отправке дерева уркаринну в Египет пишет египетскому фараону также и аморитский князь Азиру в следующих словах:

«Вот восемь кораблей и дерево уркаринну и большие бревна... все, что изошло из уст царя, моего господина (моего бога, моего солнца), я действительно выполняю».²⁹⁰⁾

Наряду с деревом, египетские фараоны получали от сиро-палестинских и финикийских князей различные металлы, в частности бронзу, медь и серебро, которое, как известно, особенно высоко ценилось в Древнем Египте. Об отправке в Египет наряду с деревом также и бронзы пишет египетскому фараону Абу-Мильки, князь Тира:

«Я послал Илимальку, посла к царю, моему господину, и я дал 5 талантов бронзы... дерево и 1... дерево (ginazu)».²⁹¹⁾

Медь в виде слитков, а также в виде изделий, как, например, в виде топоров, египтяне получали из Гебала, как видно из письма князя Гебала Риб-Адди египетскому фараону. В ответ на требование египетского чиновника Аманалпы прислать медь и медные топоры Рид-Адди пишет:

«Так как ты написал относительно меди и относительно топоров, я говорю: как действительно возвышена Белит, богиня Гебала, так (действительно) нет меди и топоров из меди (erê ù šî-en-nî erê) в моем распоряжении... так как я отдал ему топоры за мое освобождение от князя Тира».²⁹²⁾

В крупных торговых городах Финикии и Сирии были накоплены большие богатства, которые хранились в виде золота и серебра в храмовых сокровищницах. Вполне естественно поэтому, что египетские фараоны, которые считали себя хозяевами покоренной ими страны, нередко [263] обращались к местным князьям с требованием выслать им в качестве дани то или иное количество золота или серебра. О больших

богатствах, хранящихся в храмовой сокровищнице Гебала, пишет египетскому фараону Риб-Адди, князь Гебала:

«Пусть царь, мой господин, не держится далеко от города, так как большое количество серебра и золота находится в нем и в доме богов все имеется в большом количестве».²⁹³⁾

Благодаря широко развернутой торговле финикийские купцы сосредоточивали в своих руках большие богатства, большие ценности, которые они хранили в драгоценных металлах, в частности в серебре, столь высоко ценившемся в Египте. Однако во время частых междоусобных войн купцы теряли накопленные ими богатства. Победитель старался первым делом захватить как можно больше добычи и безудержно грабил захваченные им города, что, конечно, мешало финикийским князьям высылать в Египет драгоценные металлы, как того требовал египетский фараон. Так, Риб-Адди, князь Гебала, пишет фараону:

«Но вот действительно теперь Азиру захватил Сумуру, и народ Гебала, глядя на это говорил: «Как долго сможем мы противостоять сыну Абди-аширты? Все наше серебро попало в руки врагов».²⁹⁴⁾

Поэтому вполне естественно, что египетские фараоны должны были принимать все меры к тому, чтобы сохранять мир и спокойствие в подвластных им областях Палестины, Финикии и Сирии. Ведь только в этом случае в Египет могли беспрепятственно поступать те крупные ценности, которые египетские фараоны постоянно выкачивали из этих стран. И, действительно, сирийские князья посылали в Египет большое количество драгоценных металлов. Так, например, о крупной отправке серебра в Египет мы читаем в следующем письме:

«Я дал четыреста кусков серебра помимо одной тысячи (4 me kaspê mu□□il li-me-meš) в руки наместника царя, который стоит надо мною»...²⁹⁵⁾ Наконец, из Палестины, Финикии и Сирии египтяне получили большое количество рабов, в которых Египет в эту эпоху особенно нуждался в связи с небывалым развитием всего древнеегипетского хозяйства, а также в связи с тем крупным строительством, которое в эту эпоху развернули египетские фараоны. Об отправке рабов и рабынь в Египет в виде подарков фараону, в виде товара или дани мы часто читаем в амарнских письмах. Так, Абд-Хипа, наместник Иерусалима, пишет египетскому фараону:

«Шута, наместник царя, пришел ко мне. 21 девушку и 80 пленников я передал в руки Шуты, в качестве подарка царю, моему господину».²⁹⁶⁾

Об отправке рабов и рабынь в Египет пишет египетскому фараону и палестинский князь Милькили, которому, возможно, принадлежали два палестинских города Айялуна и Сарха.²⁹⁷⁾

«И я переслал через посредство Хайи царю, моему господину, 46... женщин, 5... мужчин и 5 пленников».²⁹⁸⁾

Египтяне закупают рабов даже в далеких северносирийских [264] областях, в которых, как, например, в Хамате правят хеттские царевичи. Так, царевич Зикар, который правит, очевидно, в одном из северносирийских городов, сообщает фараону об отправке ему партии рабов, которых он посылает фараону, якобы «в подарок». Однако, тут же прося царя прислать ему золото, царевич Зикар дает тем самым понять, что за свой «подарок» он желает получить плату, как за самый обычный товар. Приведу текст этого интересного

письма, которое ясно указывает на наличие торговых связей между Египтом и далекими северносирийскими городами. Зикар пишет фараону:

«И я послал моему отцу вместе с твоими послами моих собственных послов и партию из 16 человек я послал тебе в качестве подарка. И я желаю (получить) золота. Итак, мой отец, пришли золота. И что ты, мой господин, мой отец, пожелаешь, напиши, и я вышлю это тебе».²⁹⁹⁾

Наконец, об отправке большого количества быков и партии рабынь египетскому фараону сообщает князь Шубанду в своем письме, обращенном к египетскому царю. Судя по этому письму, к Шубанду прибыл египетский посол Хавия, который передал Шубанду приказ фараона выслать ему дань скотом и рабынями. Выполнив приказ посла, Шубанду пишет фараону:

«Царь, мой господин, солнце на небе, послал ко мне Хавию. И вот я внимательно выслушал слово царя, моего господина и вот я дал пятьсот быков и двадцать девушек (5 me alpr è 20 mârâtiu). Пусть царь, мой господин, солнце на небе, знает об этом».³⁰⁰⁾

Помимо поступления дани и самых различных товаров, египетские фараоны получали от палестинских, финикийских и сирийских князей продукты и фураж, необходимый для снабжения египетских войск, расквартированных в Палестине, Финикии и Сирии, что также составляло довольно значительную статью дохода египетской казны в завоеванных областях Передней Азии. Об этих поставках мы читаем в некоторых амарнских письмах. Так, например, Видия, князь Аскалона, пишет египетскому фараону:

«И действительно, я приготовил все возможное: пищу, напитки, быков... зерно, солому, все возможное, что царь, мой господин, приказал: и вот, действительно, я приготовил это. И вот, действительно, я приготовил дань для солнца, соответственно тому, что приказал царь, мой господин, солнце на небе».³⁰¹⁾

О такой же поставке продуктов для египетского войска пишет тот же самый Видия в другом письме к фараону:

«И, действительно, я выполнил слово царя, моего господина, сына солнца, и вот я заготовил пищу, напитки, масло, зерно, быков... для воинов царя, моего господина. Я приготовил все для воинов царя, моего господина».³⁰²⁾

О таких же крупных поставках различных товаров сообщает фараону и аморитский князь Азиру, подчеркивая в своем письме, что его страна полностью принадлежит египетскому фараону и что поэтому он во всем подчиняется правителям областей, египетским чиновникам. Азиру пишет в этом письме фараону: [265]

«Это, действительно, страна царя, моего господина, и царь, мой господин, поставил меня под (властью) правителей (amêlût-ha-za-nu-ti). Пусть посол моего господина придет. И то, что я сказал в присутствии моего господина, я дам. Продукты, корабли, масла, дерево уркаринну и (другое) дерево я дам».³⁰³⁾

Все эти многочисленные товары посылались из Палестины, Финикии и Сирии, как по суше караванами, так и морем, на кораблях, в Египет. Вполне естественно поэтому, что караваны один за другим тянулись из Сирии в Египет, а грузовые, главным образом, финикийские корабли постоянно бороздили морские просторы, отделявшие дельту Нила от больших приморских городов Финикии и Сирии. О доставке товаров из Сирии в Египет

мы также читаем в некоторых амарнских письмах: так Пун-Балу, князь Юрсы³⁰⁴ добавляет к письму, обращенному к фараону, приписку на имя Шахшихашиха, который, очевидно, был чиновником при египетском дворе. В этой приписке Пун-Балу пишет:

«Шахшихашиха, моему господину, так говорит Пун-Балу: к твоим ногам я припадаю. При моем вступлении в мой дом, там ничего не было, и поэтому я не послал тебе каравана. Но вот я готовлю тебе хороший караван (□arrâna-ga-na dam-ga-ta)».³⁰⁵

Обязанностью сирийских князей, подвластных Египту, было не только снаряжать эти караваны, но и сопровождать и охранять в пути как эти караваны, так и всякие иные, которые отправлялись из Египта через Сирию в более далекие страны, как, например, в Вавилонию, которая в те времена называлась Кардуниаш. Поэтому господство Египта в Сирии имело огромное значение для всей переднеазиатской торговли Египта, которая в эту эпоху значительно возросла. О сопровождении египетских караванов сирийскими князьями говорится в амарнских письмах. Так, например, один из южнопалестинских князей Мут-Балу пишет фараону:

«Царь, мой господин, послал ко мне Хайю, чтобы сказать: «Караваны на самом деле были посланы в Ханигальбат. Поэтому отправь их дальше». Кто я, чтобы не отправлять дальше караванов царя, моего господина? Вот Лабай, мой отец, служил царю, моему господину, и он посылал все караваны, которые царь посылал в Ханигальбат. Пусть царь, мой господин, посылает караваны в Кардуниаш. Я буду отправлять их так, что они будут в полной безопасности».³⁰⁶

Об отправке караванов египетскому фараону сообщает в своем письме и некий Таги. Он пишет египетскому царю:

«... я слуга царя и я думал о том, чтобы составить караваны при помощи моего брата, но он был почти что убит. Поэтому я не имею возможности послать мои караваны царю, моему господину... И вот теперь я подумал о том, чтобы послать царю, моему господину, мои караваны при помощи моих товарищей. И пусть царь, мой господин, знает, что я служу царю и нахожусь на страже».³⁰⁷

Столь же оживленными были и морские сношения с городами Финикии и Сирии. Египетские корабли постоянно посещали города [266] финикийского и сирийского побережья. С другой стороны, сирийские и финикийские города постоянно везли самые разнообразные товары в Египет. Об этом мы часто читаем в амарнских письмах. Так, Аммунира, князь Берита пишет египетскому фараону:

«... смотри, когда вошли корабли царя, моего господина, которые... в Берите, послала служанка царя, моего господина,... на кораблях царя, моего господина, послал я».³⁰⁸

О том, что корабли большого торгового города Финикии Арвада находились в египетских портах, сообщает египетскому фараону правитель Гебала в следующих словах:

«Чьи корабли стоят против меня? Разве это не корабли людей Арвада? И теперь они даже находятся у тебя. Возьми корабли и людей Арвада, которые находятся в Египте».³⁰⁹

С этими караванами и на этих кораблях из Египта шли самые различные товары в страны Передней Азии и, в первую очередь, в Финикию, в Палестину и в Сирию. Об отправке и доставке этих товаров читаем мы в целом ряде амарнских писем. Так, Таги пишет фараону:

«... Послал царь, мой господин... через Тухмайю мне и дал Тухмайя один... из золота и 12 пар платков киту».³¹⁰⁾

В другом письме Милькилу просит царя прислать ему лекарственные снадобья из мирры:

«... Пусть царь, мой господин, пришлет мирры (mi-ur-ga) в качестве лекарственного снадобья».³¹¹⁾

Однако Палестина, Финикия и Сирия нужны были Египту не только как торговые страны, прямая и непосредственная торговля с которыми имела огромное значение для развития всей древнеегипетской экономики, но и как страны с древней и высоко развитой транзитной торговлей. Через Финикию, Палестину и Сирию лежали важнейшие торговые пути в более далекие страны: в Вавилонию, в Ассирию, в Митанни, в хеттские области Малой Азии, наконец, из финикийских приморских городов открывались важнейшие морские торговые пути к островам восточного Средиземноморья, на Кипр, Родос и к островам Эгейского моря. Поэтому укрепление торговых связей с Палестиной, Сирией и с Финикией имело громадное значение для развития внешней торговли Древнего Египта в целом. Этими экономическими интересами Египта объяснялась в значительной степени завоевательная политика египетских фараонов 18-й династии, которые стремились стать прочной ногой в Палестине, Сирии и Финикии для того, чтобы открыть себе через эти страны пути для дальнейшего продвижения в Переднюю Азию.

Торговые отношения Египта с Вавилоном начинаются еще в эпоху Среднего царства. На это указывают четыре медных сундука с драгоценностями, найденные не так давно французским археологом Биссон де ла Рок в развалинах храма в Тод. В этих сундуках было обнаружено большое количество бус, различных амулетов, плоских и цилиндрических печатей. На некоторых из этих печатей сохранились клинообразные надписи и изображения азиатских божеств. На плоских [267] печатях имеются изображения орла с человеческой головой и крылатого льва. Среди амулетов следует отметить изображения зиккуратов, а также сфинксов с головами, украшенными тиарами. Все эти данные позволяют предполагать, что эти вещи происходили из Вавилона и что, следовательно, уже в эпоху Среднего царства между Египтом и Вавилоном начали устанавливаться торговые сношения.³¹²⁾

В эпоху Нового царства торговые сношения Египта с Вавилоном становятся значительно более интенсивными. В амарнских письмах мы найдем целый ряд указаний на отправку из Вавилона в Египет самых различных товаров, как, например, лазурита, серебра, изделий из дерева, украшенных золотом, изделий из дерева ушу, украшенных слоновой костью и золотом, масла, колесниц, лошадей и рабов.³¹³⁾ Интересные подробности об этих довольно частых отправках различных товаров из Вавилона в Египет сохранились в целом ряде амарнских писем. Так, вавилонский царь Кадашман-Энлил сообщает египетскому фараону Аменхотепу III об отправке ему лошадей, дерева, а также изделий из золота:

«... прекрасных лошадей... 20 бревен... харагабаш из золота... 120 шекелей в качестве подарка я послал тебе».³¹⁴⁾

В другом письме Кадашман-Энлил сообщает Аменхотепу III об отправке ему рабов, рабынь, колесниц и запряжек лошадей:

«25 мужчин и 25 женщин, всего 50 человек... я тебе послал... 10 колесниц из дерева и 10 запряжек лошадей в качестве подарка для тебя я послал».³¹⁵⁾

Вавилонский царь, очевидно, в обмен на товары, посланные им в Египет, просит фараона выслать ему золота и в очень настойчивой форме требует присылки в возможно короткий срок возможно большего количества золота. Это требование облечено в следующую форму:

«А относительно золота, о котором я тебе уже писал, то пришли мне золота, сколько бы его ни было, в большом количестве раньше, чем твой посол ко мне придет, теперь же срочно, во время этой жатвы, либо в месяце Таммузе, либо в месяце Аб, дабы я мог бы закончить то дело, которое я начал».³¹⁶⁾

Египетский фараон не остается в долгу у вавилонского царя и посылает ему большое количество ценных предметов. В одном письме, обращенном к вавилонскому царю Кадашман-Энлилю, египетский фараон Аменхотеп III сообщает об отправке в Вавилон большой партии весьма ценных предметов:

«Вот я послал тебе в качестве подарка для нового дома через посредство Шутти:
Одно ложе из черного дерева, покрытое слоновой костью и золотом.
Три ложа из черного дерева, покрытые золотом.
Один подголовник из черного дерева, покрытый золотом.
Одно большое кресло из черного дерева, покрытое золотом.
Пять кресел из черного дерева, покрытых золотом.
Четыре кресла из черного дерева, покрытых золотом — вес всего этого золота 7 мин и 9 шекелей золота. [268]
Вес серебра 1 мина 8 шекелей и подовина шекеля серебра... 1... из черного дерева, покрытый золотом.
Скамейка для ног из черного дерева, покрытая золотом.
... таблица из золота
... мина и 10 шекелей и 7 шекелей золота».³¹⁷⁾

Подробный перечень всех ценных предметов с точным указанием веса золота и серебра ясно указывает, что аккуратной доставке этих ценных товаров в Вавилон придавалось большое значение.

О характере ценных товаров, посылавшихся из Вавилона в Египет, можно судить по перечню различных предметов, которые были отправлены туда, очевидно, царем Буррабуриашем. Перечисляются следующие ценные предметы:

предметы из золота,
геммы из драгоценного халцедона,
геммы из камня-муширру,
предметы из прекрасного базальта,
предметы из лазурита,
предметы из слоновой кости,
предметы из черного дерева,
предметы из серебра,
сосуды из серебра,
сосуды из бронзы.³¹⁸⁾

Вавилонский царь, так же как и египетский фараон, был сильно заинтересован в дальнейшем развитии и укреплении этих торговых взаимоотношений, которые, очевидно, сулили большие выгоды обеим сторонам. На это указывают слова

Буррабуриаша Аменхотепу III, содержащие предложение установить тесные торговые взаимоотношения между Египтом и Вавилоном. Вавилонский царь пишет фараону:

«Так как прежде ты и мой отец находились в дружбе между собой, так пусть теперь и мы с тобой будем в дружбе между собой.

Пусть между нами не будет иных отношений (не будет сказано неприязненного слова). Чего бы ты не пожелал в моей стране, напиши, чтобы оно было послано тебе.

И что я пожелаю в твоей стране, я напишу, чтобы оно было доставлено мне». ³¹⁹⁾

Это обращение вавилонского царя к египетскому фараону облечено в типичную древневосточную форму предложения установить тесные торговые взаимоотношения. Очевидно, это была стандартная формула, принятая в дипломатическом языке того времени.

В другом письме, обращенном к египетскому фараону Эхнатону, сыну и преемнику Аменхотепа III, вавилонский царь Буррабуриаш предлагает Эхнатону укрепить торговые взаимоотношения, существовавшие ранее между Вавилоном и Египтом. Вполне резонно указывает в своем письме Буррабуриаш на то, что укрепление торговых взаимоотношений будет способствовать установлению более дружеских отношений между обоими государствами. Буррабуриаш пишет об этом Эхнатону в следующих словах:

«Раньше твой отец посылал Куригальзу много золота... что [269] превосходило это? Во дворце... Для того, чтобы соседние цари слышали следующие слова: «Золото находится здесь». Между царями установятся братство, хорошая дружба, союз и другие взаимоотношения в том случае, если тяжелыми будут камни, тяжелым будет серебро, тяжелым будет золото. 10... из прекрасного лазурита я послал тебе в качестве подарка. Владычице твоего дома я послал только 20 колец с печатью из лазурита. Пусть пришлют мне много золота от тебя. Пусть его доставят к концу этого года, чтобы я мог быстро закончить мое дело». ³²⁰⁾

Получив от вавилонского царя довольно большое количество лазурита (в одном случае одну мину, а в другом случае две мины), ³²¹⁾ Эхнатон послал вавилонскому царю по случаю своего будущего бракосочетания с вавилонской царевной большое количество самых разнообразных ценных предметов, которые дают нам некоторое представление о том, какие именно ценности и в каком количестве пересылались из Египта в Вавилон. В этом длинном перечне самых разнообразных драгоценных предметов указываются: изделия из золота, изделия из серебра, усыпанные камнями, сосуды с маслом, изделия из серебра и золота, статуи богов из золота, сосуды из золота, кольца и украшения из золота, колесницы, украшенные золотом, ложе, украшенное золотом, кресла, украшенные золотом, сосуды из серебра, клетка из серебра, ложе из серебра, зеркала из бронзы, сосуды из бронзы, ножи из бронзы, 2007 каменных сосудов с маслом, 163 сосуда и изделий из камня, множество сосудов и изделий из слоновой кости и свыше 1000 одежд. Вес золота в этих вещах достигал 1200 мин, вес серебра 293 мин и 3 шекелей, а вес бронзы 860 мин. ³²²⁾

Эти торговые взаимоотношения между Египтом и Вавилоном, конечно, должны были быть достаточно выгодными для обеих сторон. Поэтому понятно, что всякое ослабление их должно было вызывать недовольство той или иной стороны. Так, в одном из своих писем Эхнатону вавилонский царь Буррабуриаш жалуется фараону на то, что он получает от него слишком мало золота:

«С тех пор, как мои отцы и твои отцы установили между собой дружеские взаимоотношения, они посылали друг другу богатые подарки и они друг другу не отказывали ни в одной справедливой просьбе. Теперь же мой брат послал мне в качестве подарка лишь две мины золота. Теперь же, если золото имеется в большом количестве, то пришли мне столь же много, как присылал твой отец. Если же его имеется мало, то пришли половину того, что прислал твой отец. Почему же ты прислал только две мины золота? Теперь же, так как моя работа в Доме бога многообразна и я за нее серьезно взялся и ее выполняю, то пришли мне много золота. И ты, чего только ты ни пожелаешь в моей стране, напиши, чтобы тебе его доставили... В качестве подарка я послал тебе три мины прекрасного лазурита и пять запряжек лошадей для пяти деревянных колесниц».³²³⁾

В другом письме Буррабуриаш жалуется Эхнатону на то, что он не получает от него товаров, на которые он, очевидно, рассчитывал, и с горечью сообщает ему, что золото, которое он получил, после того, [270] как его положили в печь, оказалось низкопробным. Буррабуриаш пишет об этом фараону в следующих словах:

«Но твои послы приходили три раза, и ты не прислал ни одного прекрасного подарка. И я также не послал тебе ни одного прекрасного подарка. Мне не досталось ничего ценного, и тебе также не досталось ничего ценного. Что же касается до посла, которого ты послал, то те 20 мин золота, которые он доставил, оказались не полновесными, так как, когда его положили в печь, то получилось лишь 5 мин».³²⁴⁾

Низкое качество золота, посылаемого из Египта в Вавилон, вавилонский царь объясняет недостаточным контролем. Вавилонский царь полагает, что он получает золото плохого качества, так как фараон не сам лично наблюдает за его отправкой, а поручает это дело своему чиновнику. Так Буррабуриаш пишет фараону:

«Так как мой брат то прежнее золото, которое он послал, не сам лично осмотрел, но чиновник моего брата его запечатал и послал, то случилось, что когда я те 40 мин золота, которое они доставили, положил в печь, то полновесного (золота) не получилось».³²⁵⁾

Ослабление торговых связей между Египтом и Вавилоном, конечно, объясняется целым рядом причин, среди которых крупное место занимают внутренние трудности, которые в те времена переживал Египет. Однако на торговых взаимоотношениях между этими странами должна была отзываться и сложность доставки товаров из Египта в Вавилон. Путь из Египта в Вавилон был далеким и трудным. Караванам, которые везли товары, приходилось пересекать пустынные, часто безводные местности, порой населенные враждебными племенами, нередко нападавшими и грабившими караваны. На все эти трудности доставки товаров Буррабуриаш указывает в своих письмах к египетскому фараону. Так, в вводном письме он пишет:

«И так как мне сказали, что путь труден, что нет воды и что стоит жаркая погода, то я тебе не послал многих прекрасных вещей. Лишь 4 мины прекрасного лазурита в качестве небольшого подарка я послал моему брату, а также 5 запряжек лошадей послал моему брату. Когда погода станет хорошей, тогда мой будущий посол, который тогда отправится, доставит моему брату много прекрасных подарков и все, что мой брат пожелает, пусть мой брат (об этом) напишет. Из своих домов они ему это доставят. Я предпринял работу и поэтому написал моему брату. Пусть мой брат пришлет мне много прекрасного золота, чтобы я мог его применить для своей работы».³²⁶⁾

Затрудняли нормальную пересылку товаров, особенно ценных предметов, из Вавилона в Египет грабители и разбойники. На случай ограбления мирных караванов во владениях

египетского фараона жалуется Эхнатону вавилонский царь Буррабуриаш в следующих словах:

«А что касается Салму, моего посла, которого я послал к тебе, то его караваны дважды ограбили. Один караван ограбил Биримаза, а другой его караван — Памаху, правитель одной, принадлежащей тебе, страны...». ³²⁷⁾ [271]

В другом письме Буррабуриаш жалуется фараону на то, что в подчиненных Египту сирийских владениях караваны вавилонских торговцев были ограблены. Вавилонский царь требует от египетского фараона возмещения убытков и наказания виновных. Вавилонский царь указывает фараону, что если египетское правительство не примет надлежащих мер, то торговые взаимоотношения между Вавилоном и Египтом прекратятся. Те энергичные формы, в которые облачает свои жалобы вавилонский царь, показывают, как сильно страдала от этих разбойничьих нападений вавилоно-египетская торговля. Буррабуриаш пишет Эхнатону:

«Теперь мои торговцы, которые отправились вместе с Ахутабу, задержались в связи с делами в Кинаххи (Ханаане). После того как Ахутабу отправился дальше к моему брату в городе Хиннатуни, ³²⁸⁾ в стране Кинаххи, Шумадда, сын Балумме, и Шутатна, сын Шаратум из Акко, послав туда своих людей, моих торговцев убили и их деньги отняли. Я послал к тебе Аппу, чтобы он предстал перед тобой. Поэтому спроси его, и пусть он тебе скажет. Кинаххи — твоя страна, и ее цари — твои слуги. В твоей стране мне причинили насилие. Укrotи их и деньги, которые они отняли, возмести... А людей, которые убили моих слуг, убей и отомсти за их кровь. Если же ты этих людей не убьешь, то они и в другой раз совершат убийство, будут ли то мои караваны или твои послы, и тогда между нами перестанут ездить послы, и если это случится, то они отпадут от тебя». ³²⁹⁾

Таким образом, поскольку Египет был действительно заинтересован в нормальном развитии торговых взаимоотношений с далекими переднеазиатскими странами, как например, с Вавилоном, египетское правительство должно было прилагать все старания к тому, чтобы облегчить доставку товаров из Египта в страны Передней Азии. Но так как это было возможно лишь при существовании полного порядка и абсолютного спокойствия в Палестине, Сирии и Финикии, то для поддержания порядка и спокойствия требовалась сильная рука египетского государства, фараоны были кровно заинтересованы в том, чтобы всеми мерами обеспечить свое военное господство в Палестине, в Финикии и в Сирии, где проходили и пересекались важнейшие торговые пути того времени. Таким образом, чисто экономические потребности обуславливали развитие завоевательной политики египетских фараонов 18-й династии в Передней Азии и их упорное стремление полностью подчинить своей власти столь важные в торговом отношении страны Палестины, Финикии и Сирии.

Египетская торговля в эпоху Нового царства проникала не только в Вавилонию, но и в более отдаленные страны Месопотамии, например, в Ассирию и в Митанни. Из Ассирии египтяне получали колесницы, лошадей и лазурит. ³³⁰⁾ Об отправке этих предметов сообщает египетскому фараону Эхнатону ассирийский царь Ашшурбаллит:

«Моего посла направил я к тебе, чтобы увидеть тебя и увидеть твою страну. Одну колесницу, двух лошадей и 1... из прекрасного лазурита послал я тебе в качестве подарка». ³³¹⁾

Эта отправка ассирийского посла в Египет имела, очевидно, своей [272] целью содействовать установлению торговых взаимоотношений между Египтом и Ассирией. Ассирийский посол должен был «увидеть» фараона и «увидеть» его страну, чтобы

получить представление, в какой мере могли развиваться в дальнейшем торговые взаимоотношения между Египтом и Ассирией. Таким образом, перед этим ассирийским послом, отправленным в Египет, очевидно, была поставлена главным образом, информационная задача.

Как показывает другое сохранившееся письмо ассирийского царя Ашшурбаллита египетскому фараону Эхнатону, торговые взаимоотношения между Египтом и Ассирией стали налаживаться. Ассирийский царь в этом письме сообщает фараону об отправке ему «даров» и одновременно просит его выслать ему золота. Ашшурбаллит пишет фараону:

«Одну прекрасную колесницу моей запряжки и двух белых лошадей из моей запряжки, одну не запряженную колесницу и одну печать из прекрасного лазурита я послал тебе в качестве подарка... Золото в твоей стране подобно пыли. Я начинаю постройку нового дворца и хочу его воздвигнуть. (Поэтому) пришли золота столько, сколько потребуется для его облицовки. В те времена, когда Ашшур-надин-ахе посылал в Египет, тогда послали ему 20 талантов золота. В те времена, когда ханигальбатский царь посылал в Египет к твоему отцу, тогда послали ему 20 талантов золота».³³²⁾

Посылая колесницу и лошадей египетскому фараону, ассирийский царь не решается прямо указать то количество золота, которое он хотел бы получить от египетского фараона. Однако, напоминая фараону, что прежде ассирийские и митаннийские цари получали из Египта по 20 талантов золота, он как бы в вежливой форме намекает фараону о своем желании получить такое же количество золота.

Недостаток документов и археологических памятников не позволяет в настоящее время полностью осветить вопрос о торговых взаимоотношениях между Египтом и Ассирией. Однако находка египетских скарабеев Нового царства в ассирийских погребениях XIV—XIII веков в Мари уже указывает на проникновение египетских товаров в эту эпоху в области ассирийского государства.³³³⁾

Постепенное проникновение египтян в Палестину, в Сирию и в Финикию с юга-запада, а митаннийцев с северо-востока способствовало экономическому сближению Египта с государством Митанни и даже установлению непосредственных торговых взаимоотношений между ними, о чем мы находим некоторые сведения в амарнских письмах. Так, судя по этим письмам, в Египет из Митанни доставлялись различные товары и, главным образом, золотые изделия, золотые украшения, бронза, лазурит, различные виды драгоценных камней и изделия из них, ткани, одежды, масло, колесницы, лошади и рабы.³³⁴⁾

В развитии этой торговли были заинтересованы в равной мере как Египет, так и государство Митанни. По крайней мере, в одном письме к Аменхотепу III митаннийский царь Тушратта просит фараона прислать ему большое количество золота и обещает ему выслать в Египет все, чего только не потребует фараон. Эта стандартная фраза, [273] несомненно, указывает на желание митаннийского царя установить регулярные торговые взаимоотношения между Египтом и государством Митанни. В этом письме Тушратта пишет фараону:

«И у моего брата я просил много золота, говоря: «Гораздо больше, чем моему отцу, пусть уделит мне и пошлет мне мой брат». Ведь моему отцу ты послал много золота: большие жертвенные чаши из золота и большие кувшины из золота послал ты ему; пластинку из золота, напоминающего сплав меди, послал ты ему.

В то время, когда я послал Гилию к моему брату и просил у него золота, я, действительно, говорил так: «Пусть мой брат уделит мне в 10 раз большее количество золота, чем моему отцу, и пусть он мне пришлет так много золота, что его нельзя будет сосчитать». И так, пусть мой брат вышлет мне золото в таком большом количестве, что его нельзя будет пересчитать, и пусть мой брат мне вышлет больше золота, чем получил мой отец. Ведь в стране моего брата золота столь же много, как пыли... Поэтому пусть мой брат вышлет мне золота в очень большом количестве так, чтобы его нельзя было сосчитать. И чего только ни пожелает мой брат, пусть он пошлет за этим в свой дом и возьмет, и я дам в 10 раз больше того, что попросит мой брат.

И вот я послал в качестве подарка для моего брата один большой сосуд из золота, украшенный прекрасным лазуритом, ручку которого образует один тяжелый венок, состоящий из 20 прекрасных лазуритов и 19 кусков золота и в середине которого находится прекрасный лазурит, оправленный золотом, один тяжелый венок, состоящий из 42 прекрасных камней хулалу и 40 кусков золота... в середине которого находится прекрасный камень хулалу, оправленный золотом, 10 запряжек лошадей, 10 деревянных колесниц со всем тем, что к ним относится, и 30 женщин в качестве подарка я своему брату послал».³³⁵⁾

Неоднократные повторения просьбы прислать золото в большом количестве и сообщения о высылке различных ценных предметов в Египет мы находим в нескольких письмах митаннийского царя Тушратты, что указывает на стремление митаннийского царя установить торговые взаимоотношения между государством Митанни и Египтом. Так, в другом письме Тушратта пишет Аменхотепу III:

«Пусть мой брат пошлет мне так много золота, что его нельзя будет сосчитать... И вот в качестве подарка моему брату я послал: один закрытый сосуд, основание которого сделано из камня хилипа, оправленного золотом... резные камни из прекрасного камня хулалу, оправленного золотом».³³⁶⁾

Наконец, в других письмах Тушратта уведомляет Аменхотепа III о высылке ему различных ценностей, как, например, венка из прекрасного лазурита и золота, колесниц, лошадей и рабов, захваченных в качестве добычи в хеттской стране.³³⁷⁾

Некоторое представление о тех ценных предметах, которые посылались из страны Митанни в Египет, дают перечни свадебных даров, посланных царем Тушраттой Аменхотепу III, и подарков, посланных им же Эхнатону. В этих перечнях фигурируют лошади, колесницы, украшенные золотом, бич, украшенный золотом, [274]

печать из камня хулалу, украшенная золотом,
кожаная конская сбруя, украшенная золотом, серебром и камнями,
стальной кинжал, украшенный золотом,
лук, украшенный золотом,
кожаный щит, украшенный серебром,
золотое опахало от мух,
железные браслеты, украшенные золотом,
ожерелье из лазурита,
драгоценные украшения из золота и камней,
башмаки из кожи, украшенные жемчугом и золотом,
множество одежд, в частности из пурпура,
копье из бронзы, украшенное золотом,
топор из бронзы, украшенный золотом,

каменные сосуды с мирровым маслом и благовониями,
кувшины с маслом,
панцыри из бронзы и кожи для людей и лошадей,
копья из бронзы,
статуэтки из золота и серебра,
покрывала для постелей,
сосуды из бронзы,
конская упряжь и сбруя,
запряжки колесниц,
предметы из лазурита,
подвески из золота и лазурита,
нагрудные украшения из золота, лазурита и других камней,
украшения из золота и лазурита.
ожерелье из лазурита, других камней и золота,
перстни с печатями из лазурита,
статуэтки из золота,
разные камни, оправленные золотом,
золотые кольца и браслеты с камнями,
золотые сосуды,
зеркала из серебра,
золотые амулеты,
опахала, украшенные золотом,
подвески из золота и камней,
нагрудные украшения из серебра,
ткани и одежды,
каменные сосуды с мирровым маслом и другими маслами,
бронзовые сосуды.³³⁸⁾

Все эти товары отправлялись из страны Митанни в Египет сухим путем при помощи караванов, которые, очевидно, направлялись из Кархемыша в северную Сирию, а оттуда по большой дороге, шедшей по долине Оронта и далее, к финикийским городам или же через Палестину в Египет. Об отправке такого каравана сообщает [275] митаннийский царь Тушратта в одном своем письме Эхнатону:

«Я хочу послать Гилию к моему брату и большой караван хочу я снарядить для моего брата. И какие слова мой брат бы ни сказал, пусть он их выполнит. И так же поступать буду и я».³³⁹⁾

Эти последние слова, очевидно, являются стереотипной формулой, призывающей египетского фараона выполнять взятые им на себя обязательства. Митаннийский царь тем самым как бы напоминает в вежливой форме египетскому фараону, что торговые отношения, установленные между Митанни и Египтом, должны основываться на взаимном доверии и на выполнении взятых на себя обязательств. Митаннийский царь в этом письме соглашается выполнять свои обязательства лишь в том случае, если точно так же будет поступать и египетский фараон.

В эпоху Нового царства египетские фараоны пытаются установить непосредственные торговые взаимоотношения также и с хеттскими странами, откуда они могли получить целый ряд важных для Египта товаров, в частности некоторые виды сырья. Из хеттских стран, как видно из амарнских писем, египетские фараоны получали серебро, лазурит и рабов.³⁴⁰⁾ Можно предполагать, что ассортимент товаров, посылавшихся из хеттских стран в Египет, был значительно шире. Однако, к сожалению, ввиду недостатка документов и

соответствующих археологических памятников еще не представляется возможным дать полный перечень товаров, которые посылались из хеттских стран в Египет. Один более поздний документ, относящийся ко времени Рамзеса II, указывает, что египетские фараоны стремились к получению из хеттской страны железа.³⁴¹⁾ Разумеется, и в амарнскую эпоху железо казалось египтянам ценным видом металла, в котором они испытывали большую нужду. С другой стороны, и хетты нуждались в установлении торговых взаимоотношений с Египтом. Об этом ясно говорит хеттский царь Шуббилулиума в своем письме к египетскому фараону Эхнатону. Хеттский царь напоминает Эхнатону, что при его отце Аменхотепе III между хеттским государством и Египтом существовала взаимная дружба (at-te-gu-ut-ta), что хеттский царь и египетский фараон беспрекословно выполняли взаимные просьбы. Хеттский царь пишет об этом в таких словах:

«Я ни в чем не отказывал из того, что просил у меня твой отец. О царь, я действительно делал все. И о чем только я ни просил твоего отца, он ни в чем мне не отказывал. Он, действительно, все давал... Теперь ты, мой брат, вступил на престол своего отца и так же точно, как твой отец, и я мы взаимно просили (друг у друга) подарки, так и ты и я будем взаимно друзьями».³⁴²⁾

Таким образом, хеттский царь, напоминая фараону о тех дружеских взаимоотношениях, которые некогда существовали между ним и Аменхотепом III, имел в виду возобновление этих дружеских отношений с новым египетским фараоном. По мнению хеттского царя, эти дружеские взаимоотношения должны были заключаться в установлении нормальных торговых взаимоотношений. Предлагая египетскому царю возобновить эти торговые взаимоотношения, хеттский царь облекает свое предложение в форму, принятую в дипломатической [276] переписке той эпохи. Наряду с этим хеттский царь сообщает египетскому фараону об отправке ему в качестве подарка изделий из серебра общим весом в 18 мин и в том же письме просит фараона прислать ему две золотых и двесеребряных статуи, а также большой лазурит. Таким образом, это письмо хеттского царя заключало не только принципиальное предложение возобновить регулярные торговые взаимоотношения между Египтом и хеттским государством, но также и конкретное предложение об обмене некоторыми предметами. Так как хеттская страна была богата серебром, а в Египте своего серебра не было, вполне естественно, что хеттский царь посылает в Египет для начала именно изделия из серебра, которое всегда очень высоко ценилось в Египте.³⁴³⁾

Египетские цари устанавливали в эту эпоху непосредственные торговые взаимоотношения не только с могущественным хеттским государством, которое они называют «Великая Хета», но также и с другими малоазиатскими княжествами, как, например, с княжеством Арзава. Судя по некоторым данным, Арзава было независимым княжеством с лувийским населением, которое было расположено в южной части Малой Азии между горами Тавра и Средиземным морем. В одном сохранившемся до нашего времени письме Аменхотепа III, обращенного к «Тархундарабе, царю Арзавы» египетский фараон сообщает об отправке «царю Арзавы» куска золота весом в 20 мин, женских одежд, каменных сосудов с маслом, кресел из черного дерева, украшенных костью и лазуритом, и 100 кусков черного дерева.³⁴⁴⁾

В эпоху Нового царства получает дальнейшее развитие торговля Египта с островами Эгейского моря. На это указывают многочисленные изделия эгейского художественного ремесла, которые были обнаружены в различных районах Египта вплоть до Нубии, где, как, например, в Анибе, на расстоянии 1350 км от устья Нила и на расстоянии 350 км от южной границы Египта были найдены эгейские вещи. На развитие египто-эгейской

торговли указывают многочисленные черенки эгейских сосудов типа камарес, найденные в различных частях Египта и обломок каменного сосуда с именем царя и надписью «сосуд из Кафту», найденный в гробнице Тутмоса IV.³⁴⁵⁾

С другой стороны, египетские изделия были найдены и на эгейских островах, на Крите, на Родосе, на Кипре и даже в материковой Греции, как, например, в Микенах, где были найдены скарабеи и обломки глиняных глазурованных сосудов с именем Аменхотепа III и царицы Ти. На развитие египто-эгейской торговли указывают далее и изображения эгейских послов, несущих различные товары, на стенах многочисленных гробниц видных египетских чиновников времени 18-й династии, как, например, Менхеперраснеба, Аменемхеба, Сенмута, Усера и Рехмира.³⁴⁶⁾ Особенно интересно изображение эгейских послов, сохранившееся на стенах гробницы везира Рехмира, где мы видим, как этот крупный чиновник приводит к Тутмосу III наряду с посольствами других стран «вельмож Кефтиу и островов в Великом море», которые «приходят в мире и приносят дары свои на спине». Дары эгейских послов, тщательно изображенные египетским художником на стене этой гробницы, дают нам некоторое представление [277] о товарах, которые эгейские торговцы привозили в Египет. Это, главным образом, изделия критского художественного ремесла: кубки, лейки, крышки в форме голов быка, льва, грифона, козла, большие роскошные чаши из драгоценного металла с бутонами по краям, далее слитки меди и драгоценных металлов, груды серебра и золота, отлитого в форме колец, печочки из бус и слоновьи клыки.³⁴⁷⁾

Наконец, в эпоху 18-й династии получает довольно значительное развитие торговля Египта с Кипром, где в то время существовало государство, которое в амарнских письмах называется Алашиа.³⁴⁸⁾ Судя по некоторым из этих амарнских писем, египтяне получали с Кипра слоновую кость, дерево и, главным образом, медь, в которой египтяне в эту эпоху особенно нуждались ввиду значительного истощения медных рудников Синайского полуострова. Об отправке этих товаров в Египет кипрский чиновник (rabisu-šá-^{mât}A-la-š-ia) сообщает в особом письме египетскому чиновнику в следующих словах:

«Мой брат, я послал Шумитти девять талантов меди, два слоновьи клыка, один корабль, груженный деревом. Но он мне ничего не дал. Поэтому пришли мне теперь слоновью кость, мой брат. Теперь в качестве подарка тебе я послал пять талантов меди, три таланта хорошей меди, один слоновий клык, один кусок дерева уркаринну и один корабль, груженный деревом. Далее, мой брат, этот человек и этот корабль принадлежит царю, моему господину; поэтому пришли мне поскорее обратно корабль царя, моего господина. И все, что ты, мой брат, просил так, как этого ты желаешь, я дам тебе».³⁴⁹⁾

В другом письме, которое царь Алашиа адресует египетскому фараону, говорится об отправке в Египет большого транспорта меди. Очевидно, в обмен на эту медь кипрский царь просит фараона прислать ему целый ряд ценных товаров, которые, судя по этому письму, вывозились из Египта на остров Кипр. Кипрский царь пишет:

«И разве я тебе не послал через моего посла 100 талантов меди? А теперь далее, пусть твой посол привезет в качестве подарков ложе из черного дерева, украшенное золотом, и колесницу, украшенную золотом... и двух лошадей и 42 киту и 50 кусков... киту и две одежды из киту и 14 кусков черного дерева и 17 камен(ных сосудов) с хорошим маслом... и пусть мой посол придет к тебе и твой посол придет ко мне».³⁵⁰⁾

В этих последних особенно характерных словах кипрский царь, очевидно, выражает желание поддерживать регулярные торговые взаимоотношения с Египтом, которые, по всей вероятности, давали много выгод обеим сторонам.

В целом ряде писем кипрского царя говорится об отправке меди в Египет; это ясно указывает, что медь была главной статьей кипрского экспорта в Египет. Так, кипрский царь пишет фараону:

«... я пошлю тебе в качестве подарка 200 талантов меди. Теперь же то, что я послал тебе... это 10 талантов меди».³⁵¹⁾

В другом письме кипрский царь сообщает египетскому фараону об отправке в Египет 500 талантов меди, огромного для того времени транспорта. Однако кипрский царь выражает сожаление, что он [278] послал мало меди и объясняет это тем, что в стране царит «рука Нергала», бога смерти, т. е. очевидно, какая-то эпидемическая болезнь, может быть, чума. В обмен на эту медь кипрский царь просит египетского фараона прислать ему большое количество серебра, быка и масло. Кипрский царь пишет фараону:

«Теперь я послал тебе 500 талантов меди, в качестве подарка моему брату послал это я тебе. Пусть мой брат не принимает близко к сердцу, что мало меди. Ведь в моей стране рука Нергала, моего господина, убила всех людей моей страны, так что теперь здесь нет ни одного человека для производства меди. Поэтому пусть мой брат не принимает этого близко к сердцу. Твоего посла с моим послом пошли быстро, и всю медь, которую ты пожелаешь, я пошлю тебе, мой брат. Ведь ты — мой брат. Пусть мне мой брат пошлет серебра в большом количестве. Дай мне божественного серебра. И тогда я тоже пошлю моему брату все, что ты, мой брат, пожелаешь. Далее, мой брат, дай быка, о котором просил мой посол. И хорошего масла, мой брат, пошли мне, о мой брат, два сосуда... Далее, мой брат, народ моей страны говорит о дереве, которое царь Египта взял у меня. Поэтому, мой брат, возмести мне стоимость его».³⁵²⁾

В этом письме особенно ясно подчеркивается чисто торговый характер тех взаимоотношений, которые существовали в те времена между Кипром и Египтом. Кипрский царь охотно посылает в Египет различные товары, главным образом медь, но требует от фараона полного возмещения стоимости всех товаров, посланных им в Египет.

В другом письме кипрский царь сообщает фараону о получении им лошадей и обещает ему выслать все, что он у него попросит. Кипрский царь пишет:

«Привет моего брата я получил. Пять талантов и пять запряжек лошадей — это подарок моего брата... И что ты пожелаешь, напиши на табличке, и я тебе это пришлю. Чистого серебра пришли мне».³⁵³⁾

Судя по одному сохранившемуся письму кипрского царя, товары из Кипра в Египет посылались на кипрских кораблях. Иначе говоря, Кипр в те времена был крупным государством, обладавшим значительным морским флотом и занимавшим крупное место в морской, торговле. В этом письме кипрский царь пишет фараону:

«... талантов меди, все что было приготовлено, послал я тебе, и теперь я послал моему брату 80 талантов меди. Осталось еще 70 талантов меди... То, что я послал тебе, этого мало. Но теперь я взялся за это, а все, что ты пожелаешь, я пошлю тебе. И то, что я просил у тебя, пришли мне... Теперь я приготовил для моего брата много меди и корабли в большом количестве я построю».³⁵⁴⁾

Торговые взаимоотношения с Египтом доставляли большие выгоды Кипру. Поэтому кипрский царь озабочен сохранением мирных и дружеских отношений с Египтом, благоприятствующих развитию торговли между этими двумя странами. Всячески заботясь

о развитии этой торговли, кипрский царь, естественно, опасается конкуренции со стороны таких могущественных соперников, как, например, хеттского царя. Это видно из одного письма, в котором кипрский царь просит фараона [279] не заключать договора с хеттским царем и обещает ему аккуратно выполнять все взятые им на себя обязательства. Кипрский царь пишет:

«... и все мои просьбы пусть мой брат выполнит, и что он только не пожелает, пусть скажет мне, и я это выполню. С царем Хетты и с царем Шанхара не заключай договора. Что касается до меня, то какие дары мой брат мне ни посылал, я возвращал ему вдвойне. Твой посол явился ко мне точно, и мой посол явился к тебе точно».³⁵⁵⁾

Все эти документы показывают, что в эпоху 18-й династии Египет вышел на арену мировой истории в качестве крупной торговой державы древневосточного мира. Египет устанавливает торговые взаимоотношения не только с близлежащими странами Передней Азии, т. е. с Палестиной, Финикией и Сирией, но стремится сперва установить, а потом укрепить торговые связи и с более далекими странами, с Вавилоном, с Ассирией, с государством Митанни, с хеттскими странами, с островами Средиземного моря и в особенности с Кипром. Эта торговля, существовавшая еще в рамках натурального хозяйства, носила самый примитивный характер иногда непосредственного обмена, иногда продажи «товара», который оценивался на весовые металлические деньги. С этой торговлей самым тесным образом были связаны грабеж, захват добычи и получение дани или даров. Торговля еще не носит того оформленного и специализированного характера подлинной «коммерции», которая возникает в более позднюю эпоху появления денежного хозяйства. Еще не существует городского строя как такового, и представления о городе, как о специфическом экономическом центре. Внешнюю торговлю ведут почти исключительно высшие представители государственной власти и жречество, скопившие в своих руках крупные материальные ценности. Но все же именно этим развитием своеобразной примитивной грабительской торговли в значительной степени объясняется та широкая завоевательная политика египетских фараонов 18-й династии, которая в своем развитии привела к крупным завоевательным походам Тутмоса III и его преемников. Вся предшествующая история Египта подготовила египетское государство к этой завоевательной политике. Войны египетских фараонов Древнего и Среднего царства открыли египетским армиям дороги на северо-восток, наметив основные пути военной экспансии египетского государства. Во время этих войн получила свое оформление военная организация и техника военного дела Древнего Египта. Войны египтян с гиксосами обогатили военное искусство древних египтян. Египтяне заимствовали у азиатов много достижений их военного искусства, в частности технику сооружения крепостей, искусство осаждать и штурмовать вражеские крепости, египтяне заимствовали у азиатов колесницу и лошадь, что сделало египетскую армию более подвижной и маневренной. Так были созданы все предпосылки для развития широкой завоевательной политики, приведшей к завоеванию египетскими фараонами 18-й династии Палестины, Сирии и Финикии и к установлению египетской гегемонии в Передней Азии. [280]

Глава седьмая.

Обоснование и оправдание войны в древнеегипетском искусстве

(Сцены триумфа)

Война и военная политика требуют не только организации военных сил, но также организации народного сознания. Грудью защищает народ свою родную землю, свои поля, свои дома и семьи, давая отпор вторгшимся врагам и захватчикам. Но совсем не легко двинуть мирных крестьян и ремесленников в завоевательный поход, предпринятый в интересах агрессивно настроенного правящего класса рабовладельческой аристократии. Только принуждением можно погнать бедняков на захватническую войну, которая им не нужна, которая им сулит лишь раны, увечья, плен, рабство или смерть. Но одними палочными ударами не превратить человека, не желающего сражаться, в хорошего воина. Чтобы достигнуть этой цели, надо искусственно вызвать в нем «воинский дух», подогреть его энтузиазм, одурманить его запахом крови и бойни. Так делали фашисты, пользуясь технически усовершенствованными методами современной пропаганды: прессой, радио и кино. Тщетно пытаясь повернуть назад колесо истории, фашисты стремились восстановить в Европе самые отвратительные формы кровавого террора, отжившего деспотизма, рабовладельческой эксплуатации покоренных стран, проводя свою циничную и наглую военно-захватническую политику. Стремясь исторически оправдать и обосновать эту неслыханную в истории цивилизованных народов реакцию, фашистские «историки» всячески пытались фальсифицировать исторические факты для того, чтобы изобразить в идеальном свете рабовладельческий строй древневосточных деспотий. Говоря о древневосточных завоевателях, они часто говорили о «благородной личности сильного правителя», о «расовом героизме», об «обреченности вождя», однако, старательно скрывали истинные причины древних захватнических войн — алчное стремление к богатству правящей аристократии рабовладельцев, потребность рабовладельческого хозяйства в расширении кадров рабского труда и в хищнической эксплуатации соседних стран и народов. [281]

Международные бандиты, господствовавшие в гитлеровской Германии, пытались использовать в своих узкоклассовых интересах весь опыт мировой истории в области угнетения трудящихся масс. Несмотря на то, что XX век является веком небывалого развития науки и техники, несмотря на то, что мир живет ныне в совершенно иных, значительно более развитых, чем в древности, социально-экономических условиях, и вопреки тому, что нельзя безнаказанно насильственно изменять ход исторического развития, пытаясь вернуться к давно изжитому прошлому, фашисты *mutatis mutandis* воскрешали в современной цивилизованной Европе тот неистовый дурман крови, смерти и насилия, который так цинично и наивно проводился в массы рабовладельческой аристократией и особенно жречеством в странах Древнего Востока. И действительно, древнейшее деспотическое государство стремилось к полному подавлению свободного народного самосознания с целью превращения людей в немые и послушные орудия истребления, пользуясь для этой цели религией, искусством и литературой. Несмотря на то, что египетская культура в целом имела огромное историческое и прогрессивное

значение, была важным рычагом развития народа, несмотря на то, что египетский народ в течение своего многовекового существования создал крупные культурные ценности, вошедшие навеки в состав мировой культуры, современный исследователь найдет в религии, в искусстве и литературе Древнего Египта целый ряд сюжетов и мотивов, которые ярко характеризуют захватническую политику древнеегипетского государства. Религиозные сказания описывали кровавые битвы богов, религиозные гимны восхваляли и воспевали тех богов и богинь, которые одержали победу и установили свою власть над миром небесным и земным. На стенах храмов и дворцов изображались победы царя над иноземными врагами. Рассказ об этих победах облекался в художественную форму повести, поэмы или торжественного славословия. Поскольку древневосточное, в частности древнеегипетское искусство было теснейшим образом связано с религией, постольку эти облеченные в художественную форму картины битв и побед были выдержаны в древнем, условно схематическом стиле. Скованный религиозной традицией, этот стиль подчас доходил до почти гиероглифической эмблематики.

Среди древнеегипетских батальных сцен особое место занимают сцены триумфа египетского фараона над неприятелем. Эти сцены являются своеобразными произведениями религиозного искусства, проникнутыми глубоким политическим смыслом. Облеченные в строго традиционную, почти сакральную форму религиозно-политической иконописи, эти сцены должны были наглядным образом указывать на несокрушимую мощь царя и царской власти. Царь почти всегда изображается в качестве бога, который при помощи небесных верховных богов одерживает решительную и полную победу над врагом.

Таким образом, религия и искусство стремились оправдать и обосновать захватнические войны, внушая в то же время людям мысль, что боги; и земной бог в лице фараона обеспечат [282] Египту окончательную победу над врагами, поверженными под ноги царя.

Древнейшие сцены триумфа, сохранившиеся на египетских памятниках, восходят к архаической эпохе и тесно связаны с завоевательными войнами египетских фараонов первых династий. Эти войны велись, главным образом, в целях захвата западных и северо-западных областей Дельты, заселенных в ту древнюю эпоху ливийцами, а также южных областей Египта, занятых еще в те времена нубийскими племенами. На одном каменном наконечнике булавы, найденном в Гиераконполе, сохранилось изображение торжественного «появления» фараона Нармера после большой одержанной им победы. Помещенная тут же надпись приводит цифры захваченной добычи: «120 000 пленных, 1420 000 голов мелкого скота и 400 000 голов крупного скота».¹⁾ Можно думать, что Нармер вел, главным образом, войны с ливийскими племенами, судя по цилиндру из слоновой кости, на котором вырезано имя Нармера, снабженное рукой, бьющей палкой ливийских пленников.²⁾ При фараоне Мине египетским войскам пришлось вести борьбу также и с нубийскими племенами. Так, на одной табличке с именем Мины говорится о победе над нубийцами (сети).³⁾ Фараоны Ден-Семти-Усефай и Миебис вели упорную борьбу с кочевыми племенами восточной пустыни, которых египтяне называли иунтиу.⁴⁾ Наконец, фараон Семерхет начал завоевание Синайского полуострова, на котором находились столь необходимые для египетского ремесла медные рудники.

Одновременно с надписями, повествующими об этих войнах и победах египетских фараонов архаической эпохи, появляются и древнейшие символические изображения подвигов обоготворенного царя. Эти древнейшие известные нам египетские сцены триумфа рисуют фараона в священном облике обожествленного быка, льва или гигантского героя-сверхчеловека. На фрагменте шиферной таблички Луврского музея мы видим фараона, который в образе быка топчет и бодает поверженного врага.⁵⁾ Очень

близкое к этому изображение сохранилось в нижнем регистре известной шиферной таблицы Нармера, где фараон-победитель изображен также в виде быка, который топчет поверженного врага и своими рогами разламывает стены вражеской крепости. Этот древний тотемный облик обоготворенного фараона впоследствии уже не встречается в изобразительном искусстве Древнего Египта. Однако религия, всегда консервативная, сохранила этот древний звероподобный образ фараона. В религиозно-магических текстах пирамид 5-6-й династий фараон-победитель называется быком,

«Унис сильнее их (своих врагов. *В. А.*), когда он встает на своем берегу.

Попадают сердца их в пальцы его.

Внутренности их (достаются) находящимся на небе,

а красная кровь их находящимся на земле.

Их наследники впадают в бедность.

Дома их достаются вора́м (?),

Ворота их — великому Нилу. [283]

Радуется сердце Униса (дважды).

Унис этот — единственный бык неба.

Он прогнал делавших это против него.

Он уничтожил оставшихся позади».⁶⁾

На обломке шиферной таблички Британского музея⁷⁾ фараон изображен в виде льва, терзающего поверженного врага. Очевидно, более поздние изображения царя в виде победоносного сфинкса восходят к этому более древнему типу сцены триумфа, в которой образ обоготворенного царя-победителя отождествляется с тотемным образом священного льва, бога-покровителя царского рода. Во всех этих древнейших сценах триумфа царь-бык и царь-лев изображены в монументально-застывшей позе, полной торжественного величия и силы. Одинаковый наклон головы быка говорит о постепенной выработке религиозной схемы. В фигурах поверженных врагов уже чувствуются реалистические тенденции, которые сказываются в свободных и непринужденных позах и особенно в изгибе торса.⁸⁾ Наконец, на известной шиферной табличке Нармера мы уже находим классический тип сцены триумфа: фараон заносит свою булаву над головой поверженного и коленопреклоненного врага. Сакральный характер этой сцены подчеркнут священными изображениями головы богини Хатхор, помещенными в верхнем регистре рядом со священным именем царя.⁹⁾ В эпоху Древнего царства вырабатывается твердый канон этой торжественно-официальной сцены победы и триумфа царя над врагом. Некоторый схематизм этой сцены освящается религиозной традицией, заставляющей видеть в царе сверхъестественного богоподобного героя, больше того — божество, воплощенное в образе человека. Поэтому фигура царя всегда окружена религиозной эмблематикой и изображена в твердых, неизменных, строго канонических формах. На костяной табличке фараона Дена-Усефая мы видим царя, заносящего булаву над головой коленопреклоненного врага. Над именем царя возвышается священный сокол Гора, несколько вправо от него помещен высокий штандарт с фигурой бога Упуата.¹⁰⁾ Последующие изображения этой же самой сцены царского триумфа, как, например, рельеф Семер-хета на скале в Вади-Магхара на Синайском полуострове,¹¹⁾ изображение фараона 3-й династии Снофру, поражающего пленника, Хуфу, повергающего пленного врага,^{12) 13)} фараона Неусерра, заносящего свою булаву над головой коленопреклоненного пленника¹⁴⁾ и аналогичные изображения сцен триумфа Сахура¹⁵⁾ и Пепи I — Мерира¹⁶⁾ дают всегда один и тот же строго канонизованный образ обоготворенного царя, торжественно побеждающего поверженного врага. Этот же утвержденный религиозной традицией канон требовал и соответствующего строго установленного текста надписи, сопровождающей священное изображение и повторяющей в ряде незначительных вариантов основную мысль о победе царя над врагами и о сокрушении им иноземных

стран. Тут же появляются наряду с этим и первые священные титулы царя, религиозные эмблемы в виде крылатого солнечного диска и краткое, но выразительное указание на религиозно-магическую санкцию царской власти, выраженное [284] в трех иероглифах «магическая защита жизни позади (него)». ¹⁷⁾

Фигура пленника, связанная общей схемой с торжественной фигурой царя, с точки зрения египетского художника, не являлась сакральным изображением, которое могло иметь культовое значение. Поэтому фигура побежденного человека была уже в некотором отношении свободна от религиозной традиции и в меньшей степени скована рамками древнего канона. Художник находит возможным варьировать позы коленопреклоненного пленника, чтобы, не выходя из рамок общей схемы, все же дать некоторую попытку более или менее естественно изобразить поникшего и молящего о пощаде пленника.

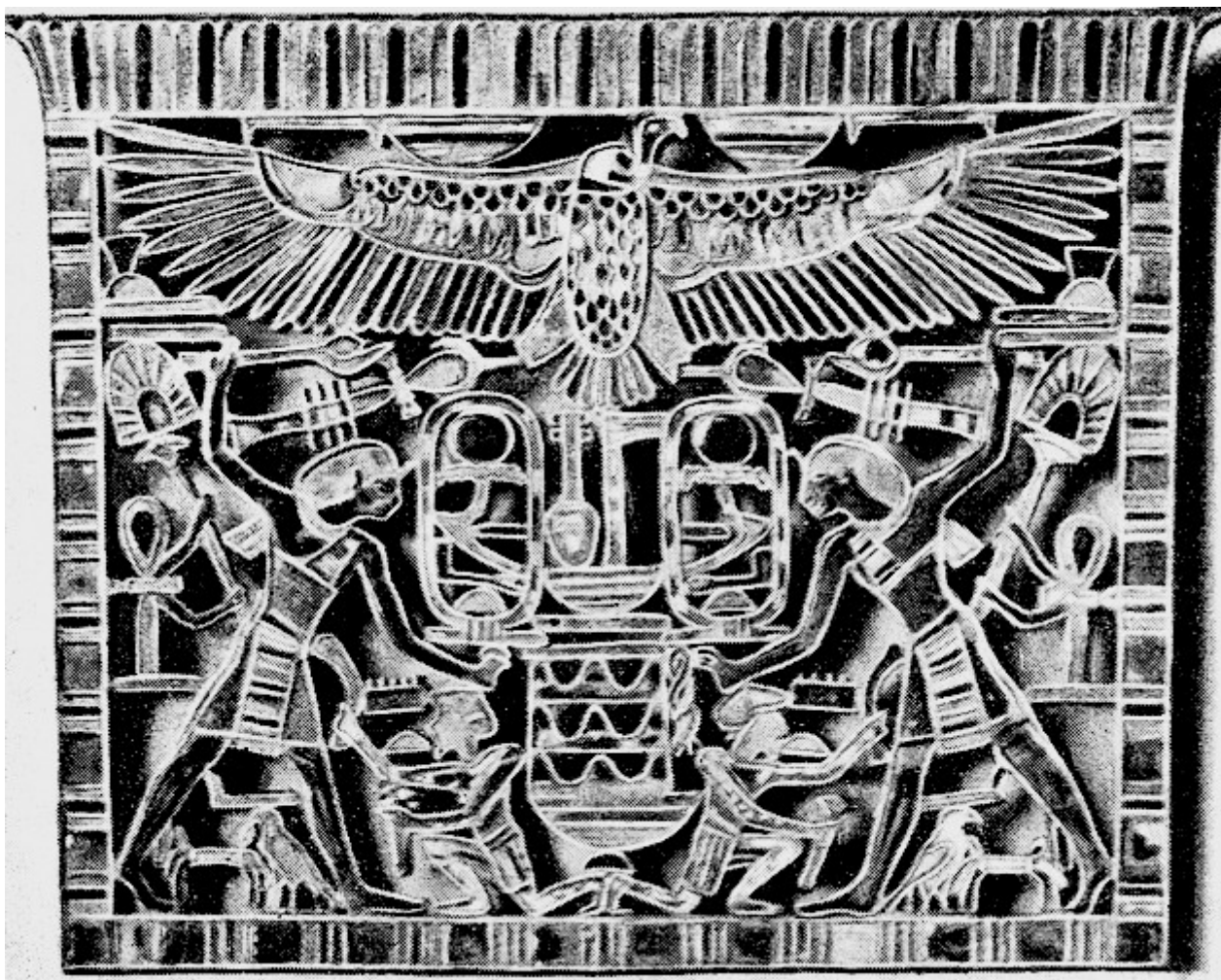

Рис. 42. Пектораль с изображением сцены триумфа фараона Аменемхета III. Среднее царство. 12-я династия.

Если религиозный характер сцен триумфа в эпоху Древнего царства находил свое выражение в торжественно-монументальной и сухо-лаконичной форме памятного рельефа, в крупном масштабе высеченного на камне, то этот же религиозный характер сцены триумфа в эпоху Среднего царства выражался в орнаментальной форме произведений тончайшего ювелирного искусства. Самый тип священного нагрудного знака, так называемой пекторали, может быть, имевшего [285]

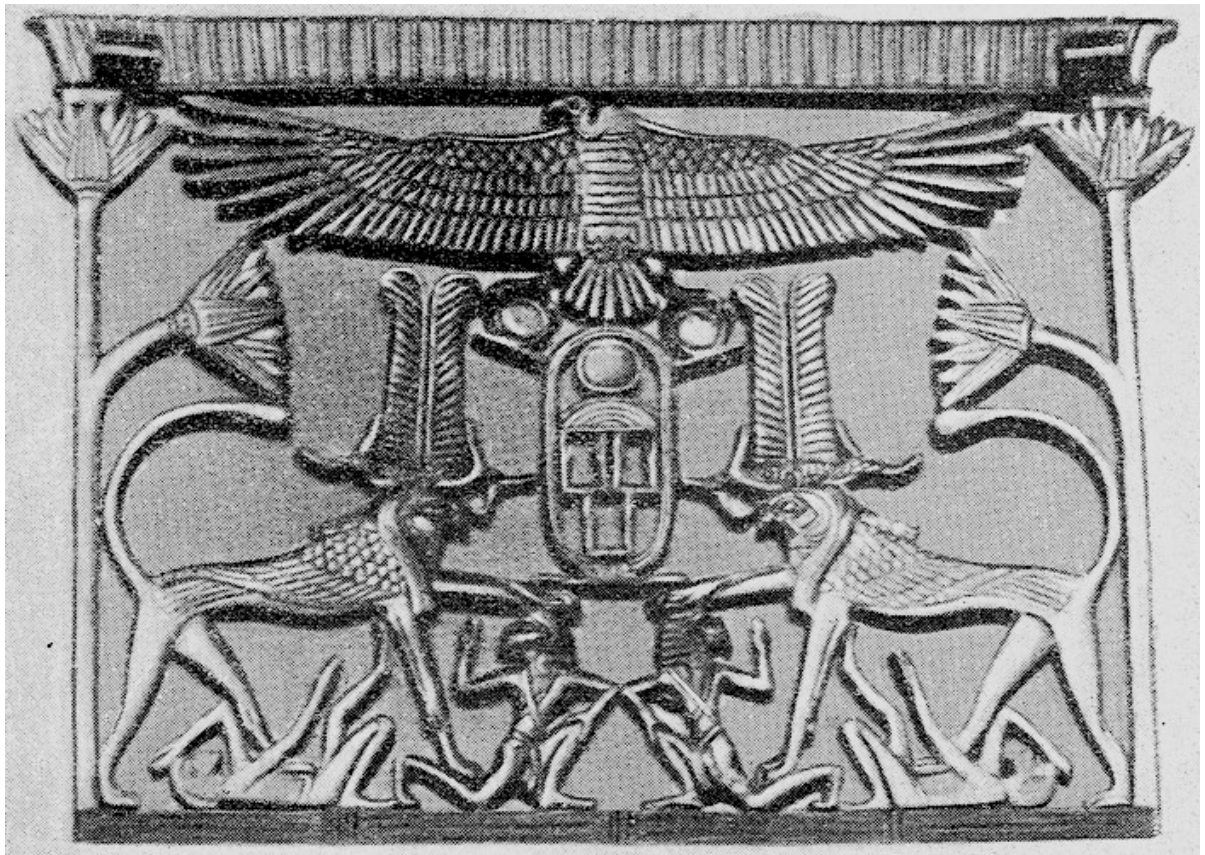

Рис. 43. Пектораль с изображением сцены триумфа фараона Сенусерта III. Среднее царство. 12-я династия. Золото. Найдена в Дахшуре. Каирский музей.

значение амулета или талисмана, вроде древнееврейских урим и тумим, принуждал художника к максимальному использованию древней канонической эмблематики, которая теперь господствует над сценой триумфа, иногда целиком подавляет ее, облакая все изображение в форму строго орнаментальной, доведенной до степени гиеро-глифической композиции совершенно застывшей схемы. В этом отношении очень характерны изображения на трех царских пекторальных эпохи 12-й династии, найденных в Дахшуре и хранящихся в Каирском музее. На пекторали Аменемхета III (рис. 42) мы видим фараона, заносащего обычным жестом булаву над головой поверженного и коленопреклоненного врага. Религиозная охрана царской власти и религиозное оправдание войны подчеркнуты здесь традиционным изображением священного коршуна, который простирает свои парящие крылья над всей сценой, выдержанной в обычном типе древних сцен триумфа. В своих лапах коршун держит священные знаки жизни и устойчивости. Позади фараона священный и гиероглифический знак жизни «анх», своего рода гиероглифическая абстракция божества жизни, держит в своих руках опахало. В центре помещены картуши с именем фараона «Маат-ен-Ра» и его титулом «Благой бог, владыка двух стран [Египта] и всех иноземных стран». Симметричное удвоение сценъ триумфа и картушей с именем царя еще больше подчеркивает резко [286]

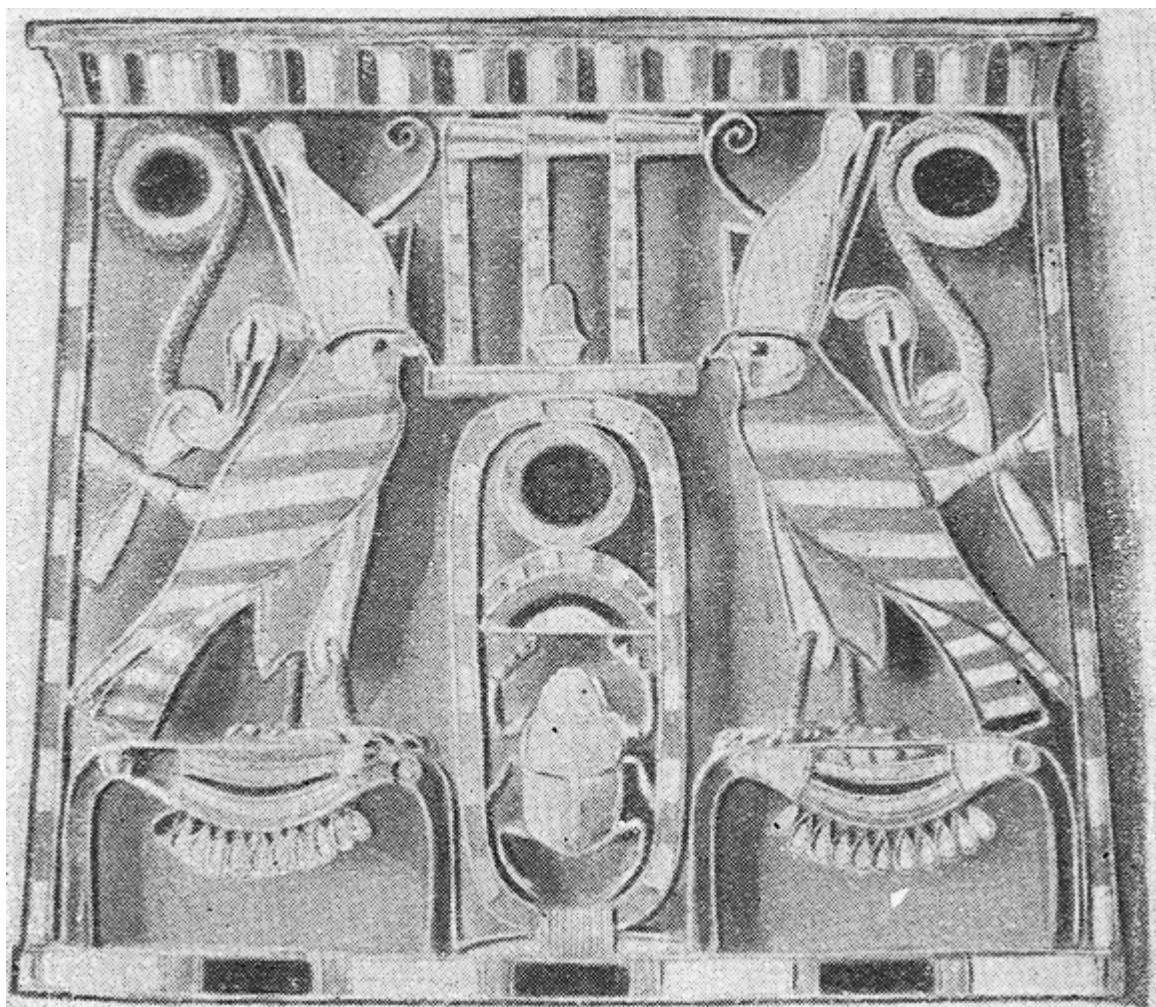

Рис. 44. Пектораль с именем фараона Сенусерта II. Среднее царство. 12-я династия. Золото. Найдена в Дахиуре. Каирский музей.

стилизованную орнаментальность всего изображения.¹⁸⁾ Композиция сцены триумфа на пекторали Сенусерта III выдержана в еще более, эмблематических формах (рис. 43). Царь изображен здесь в виде льва с головой сокола, голова которого увенчана бараньими рогами и двумя перьями бога Амона. Этот своего рода царский сфинкс топчет задней лапой лежащего пленника и повергает наземь передними лапами коленопреклоненного врага. Религиозный характер всей этой полусимволической сцены триумфа подчеркнут изображением священного коршуна, который держит в своих лапах знак печати и магической защиты и простирает свои крылья над всей сценой. Здесь мы видим опять ту же самую строго орнаментальную, почти геральдическую симметрию удвоенного сюжета, доведенного до последней степени почти гиероглифического эмблематизма.¹⁹⁾ Наконец, на пекторали Сенусерта II древний традиционный сюжет сцены триумфа

доведен до полной гиероглифической схематизации, где уже стирается грань между смысловым гиероглифом и священной эмблемой — почти религиозным символом. Царь изображен здесь в виде сокола с пшентом на голове. Сокол стоит на гиероглифе —

nb, означаем [287] город   — nbwt — «золотой город» 5-го верхнеегипетского нома Ombos, τα Ουφωνία (Страбон, 17, 815), где почитался Сэт. Положение царского сокола, стоящего над знаком Омбоса, т. е. Омбита или Сэта, как бы указывает на торжество, победу, триумф Гора над Сэтом и должно означать «Гор, торжествующий над Сэтом из Омбоса». Религиозная санкция царской власти подчеркнута здесь изображением солнца, с которого свисает урей с привешенным к нему знаком жизни

(рис. 44). Как и на двух предыдущих пекторалях, так и здесь композиция построена по принципу симметрического удвоения основного сюжета, что соответствует обычной дихотомии поэтической речи.²⁰⁾

В эпоху Нового царства композиция сцены триумфа претерпевает очень большие изменения. Консерватизм египетского искусства, египетской религии и всей культуры в целом требовали сохранения древней традиционной схемы и ее основного смысла. Поэтому совершенно в духе прежнего религиозно-официального искусства царь изображался в виде обоготворенного правителя, побеждающего своих врагов. Но по мере того, как все более и более стирались границы, отделявшие Египет от соседних стран и народов, по мере того, как египетская культура все более и более выходила из своего прежнего состояния изоляции, в Египет начинали проникать иноземные слова и формы, египетская религия стала воспринимать элементы иноземных религий. Египетские художники, всегда наблюдавшие то, что их окружало, и часто стремившиеся к точной передаче натуры, стали заботиться о реалистическом изображении иноземцев, все в большем и в большем количестве проникавших в Египет. Соответственно с этим и в сценах триумфа этой эпохи мы видим новые, более сильные реалистические тенденции, сказавшиеся в изображении иноземных пленников, что выгодно контрастировало с традиционно схематизованным изображением победоносного и обоготворенного царя.

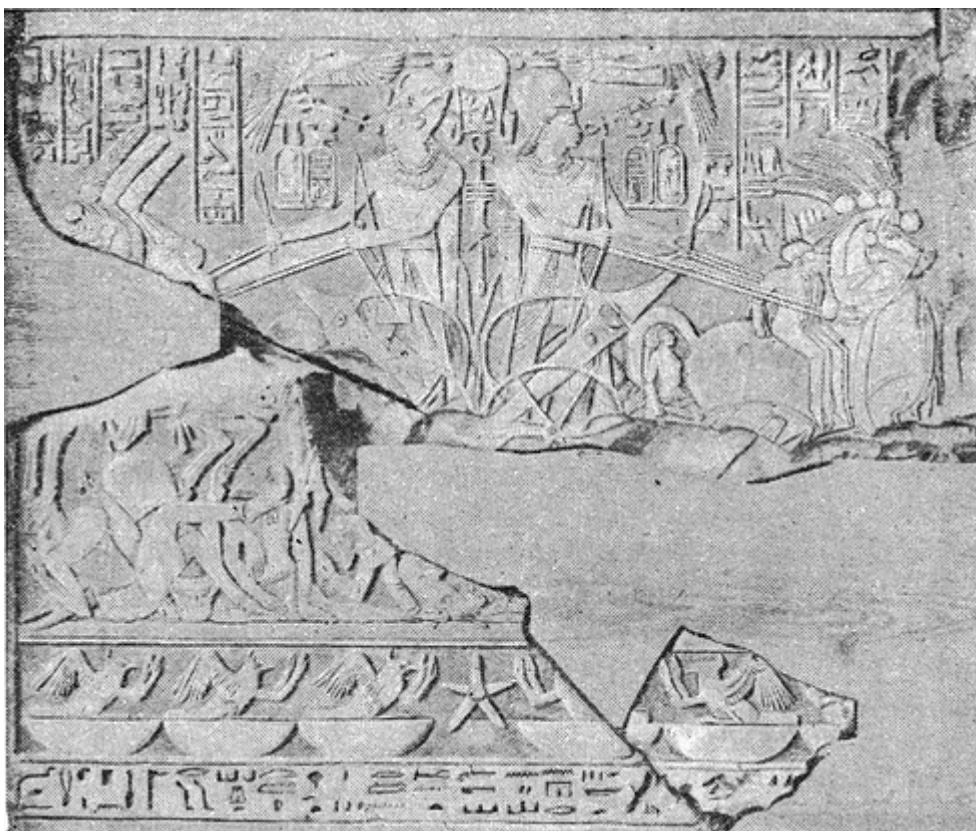
Наиболее близки к древним типам сцены триумфа те изображения времени 18-й династии, которые в скупом лаконизме содержания и формы воспроизводят основной скелет традиционной схемы. Таковы изображения на двух стѣлах времени Аменхотепа III, помещенных на скалах между Ассуаном и Филэ.²¹⁾ На одной стѣле изображен царь, заносающий булаву над двумя коленопреклоненными врагами. Перед царем стоит бог Амон, вооруженный серповидным мечом, и бог творческой силы Хнум. Позади царя изображен бог Пта. На второй стѣле мы видим аналогичное изображение царя, заносающего булаву над двумя коленопреклоненными врагами. Перед царем стоит бог Амон, а позади него — богиня Нейт. На обеих стѣлах над всей сценой парит крылатый солнечный диск бога Гора из Эдфу. В обоих случаях мы видим некоторое усложнение древнего типа сцены триумфа. Вместо одного поверженного пленника изображены два пленника. Наряду с этим значительно усилен элемент религиозной эмблематики. Фигуры богов, из которых некоторые вооружены серповидным мечом, как бы указывают на религиозную санкцию царской власти. Религия и [288] жречество тем самым не только охраняли авторитет царской власти, но и оправдывали военную политику государства. Фараоны 18-й династии, проводя широкую завоевательную политику в Сирии и в Нубии, в значительной степени опирались на жречество и на религию, что должно было вызвать более планомерное и глубокое внедрение в широкие слои населения идеологии обоготворения царя и царской власти.²²⁾ Широкий размах завоевательной политики Египта в эпоху Нового царства нашел отражение и в искусстве. Все в большем количестве и все чаще на стенах храмов и дворцов появляются монументальные сцены триумфа, битвы и победы, все в более монументальные формы облекает художник фигуру гигантского, величественного и обоготворенного царя. Наряду с качественной монументальностью, создающей стиль официального и торжественного величия, все ярче выступает на первый план чисто количественная монументальность, выражающаяся в грандиозных размерах царских статуй и рельефов, изображающих победоносного царя. Колоссы Мемнона и не менее грандиозные абусимбельские колоссы Рамзеса II дают яркое представление о том, как египетские художники пытались передать мысль о величии царя не только чеканной фронтальностью застывшей позы, но и подавляющими человека размерами статуи. Это стремление художника выразить силу внутреннего образа или внешнего впечатления количественным увеличением масштаба или механическим повторением отдельных изображений, искони существовавшее в древнеегипетском

искусстве, в эпоху Нового царства достигает особенно яркого выражения, в частности в сценах триумфа. Теперь уже считается недостаточным изобразить победу царя над одним или над двумя врагами. Постепенно создается новый стандарт усиленной сцены триумфа, во время которой царь поражает десять пленников, заносит над ними свой боевой топор, как на рельефе Аменхотепа II на третьем южном пилоне фиванского храма в Карнаке. Древняя традиция, освященная религией, сохранила неизменной позу царя и священную эмблематику в виде богини-коршуна, простирающей свои крылья над головой царя.²³⁾ Еще более показательна сцена триумфа знаменитого завоевателя Тутмоса III, сохранившаяся на южном фасаде 7-го карнакского пилона. Царь, изображенный в виде юного победоносного бога, избивает громадную кучу связанных сирийских пленников. Мысль о том, что религия, возвеличивая царя, в то же время оправдывает завоевательную политику государства, выражена здесь с предельной четкостью наглядно-символической схемы. Перед царем стоят бог Амон и богиня запада, которые как бы подводят к царю покоренные города, изображенные в виде пленников, тела которых образуют картуш с именем завоеванного города или страны.²⁴⁾ Несколько измененная композиция этой схемы сохраняется и в эпоху 19-й династии. На внешней стене большого колонного зала Фиванского храма Амона в Карнаке изображен Сети I в тот момент, когда он поражает булавой целую кучу пленных врагов перед фигурой Амона, протягивающего царю серповидный меч. В традиционной позе царя-триумфатора чувствуется ритм движения, наполненного внутренней силой и большим [289] напряжением. В позе стоящего рядом Амона прекрасно передан ритм абстрактного покоя. Амон, как и на предыдущем рельефе, держит веревку, к которой прикреплены головы пленников, а их тела образуют картуши покоренных местностей. Вся эта сцена выдержана в условно схематическом стиле торжественных и официальных изображений, становясь отныне трафаретным и традиционным каноном новой сцены триумфа.²⁵⁾ Не менее характерно и изображение Рамзеса III, избивающего кучу связанных пленников. Старая традиционная сцена доведена здесь до полной условности, при помощи которой художник пытается изобразить апогей победы и триумфа царя над врагами страны. Как и раньше, реалистические тенденции, столь характерные для египетского искусства Нового царства, ощущаются здесь лишь в изображениях пленников.²⁶⁾

В египетском искусстве эпохи Нового царства образ победоносного царя дается не только в традиционной сцене царского триумфа, но и в целом ряде вариантов этой сцены, всегда выражающей одну и ту же мысль о победе «богохранимого» царя над его врагами. В некоторых вариантах этой сцены особенно усиливается религиозно-эмблематическое оформление всего сюжета. Так, на деревянном рельефе Тутмоса IV царь изображен в виде идущего сфинкса, который топчет своими лапами поверженных врагов, а одной лапой поражает коленопреклоненного врага. Поза и человеческое лицо царя-сфинкса дышат спокойным величием и сознанием собственной силы. Над сфинксом парит крылатое божество. Правая, лучше сохранившаяся, часть надписи гласит: «Прекрасный бог Неферхеперу-Ра, дарующий жизнь, любимый Уаджит, богиней севера, поражает пленников всякой иноземной страны». Вся сцена выдержана в стиле строго условной, почти орнаментальной символики.²⁷⁾ Некоторая свобода движений чувствуется только в позах пленников, особенно в позе коленопреклоненного пленника, откинувшего назад голову. Однако сравнение этой фигуры с фигурой ливийца на абусирском рельефе ясно указывает на то, что перед нами почти канонизированный стандарт, сохранившийся от эпохи Древнего царства.²⁸⁾

Этот орнаментальный схематизм еще сильнее выражен в сцене царского триумфа на внутренней стороне первой парадной колесницы Тутанхамона. Царь здесь опять изображен в позе торжественно шагающего сфинкса, попирающего своими лапами пленного азиата, лежащего на земле и умоляющего о пощаде. Перед царем стоят на

коленях почти символические фигуры четырех коленопреклоненных пленников: симметрично чередующихся негров, азиатов и ливийца. Религиозная эмблематика всей сцены подчеркнута строго традиционным изображением священного коршуна Нехбет и картушем царя, окаймленным с двух сторон уреями.²⁹⁾ Реалистические тенденции чувствуются лишь в передаче характерных черт лиц иноплеменников и в тщательном изображении их своеобразных одеяний и головных уборов. Художник стремится почти протокольно зафиксировать в своем изображении все наиболее существенные этнографические детали, перенося, таким образом, религиозно-традиционную схему на [290] почву вполне реальной жизни. Этот вариант сцены триумфа достигает предельной схематической орнаментальности в рисунке боковой стенки ларца Тутанхамона. Царский сфинкс, украшенный короной атеф, топчет лапами поверженных врагов. Его осеняет своими крыльями богиня Нехбет. Вся сцена симметрично повторена дважды и как бы обрамляет несоразмерно большие картуши с именами Тутанхамона. Картуши стоят на знаках золота (Омбоса) и украшены сверху солнечным диском и двумя священными перьями. Орнаментальный схематизм всей сцены подчеркнут рядами ярко орнаментальных бордюров.³⁰⁾ Вся композиция сцены по своему орнаментальному, почти иероглифическому схематизму живо напоминает разобранные выше пекторали времени Среднего царства.³¹⁾

*Рис. 45. Часть стэлы Аменхотепа III из Гурна.
Каирский музей. Новое царство. 18-я династия.*

Другим вариантом этой сцены, характерной для эпохи Нового царства, является сцена на нижней части стэлы (рис. 45) Аменхотепа III из Гурна, хранящейся в Каирском музее.³²⁾ Царь стоит на колеснице и держит в руках поводья, лук и плетку. На лошадях, впряженных в царскую колесницу, сидят связанные пленники и негры. Под ногами царских коней и под колесами колесницы извиваются тела поверженных врагов. Религиозная эмблематика выражена с особенной силой и четкостью. Над головой парит священный коршун, держащий в лапах иероглифические символы магической защиты, процветания, устойчивого пребывания и жизни, которые цепочкой протягиваются к

фараону так, что знак жизни касается его носа. Между двумя [291] симметрично расположенными фигурами царя находится солнечный диск Гора из Эдфу, окаймленный свисающими уреями. От солнца спускается магическая надпись, гласящая:

«Он дарует жизнь — жизнь, устойчивое пребывание и процветание».

Эта надпись показывает, как орнаментальность сочетается в этом изображении с символикой. Знак спинного хребта Озириса — ^dd (джед) — означающий устойчивое пребывание, приходится как раз на линии позвоночника фараона. Строгий орнаментальный схематизм, рождающий традиционный канон, заковывает всю сцену в формы условно-эмблематической схемы. И опять реалистические тенденции пробиваются наружу лишь в изображениях поверженных врагов, лица которых иногда удивительным образом изображены en face. Художник доводит этот своего рода реализм до забавного гротеска, изображая корчащиеся, ползущие, свисающие, забавно поднимающие ноги и руки фигуры поверженных врагов. Особенно забавным кажется одно лицо лежащего врага, торчащее между ногами другого. Так, художник низводит на землю до степени бытовой юмористики почти религиозный сюжет торжественной победы царя, создавая, таким образом, резкий контраст между двумя частями всей сцены, что лишь подчеркивает идеализованный облик обоготворенного царя.

К этому варианту сцены триумфа близко примыкает и другой, сохранившийся на одном рельефе, высеченном на левой боковой стене колонного зала большого храма в Абу-симбеле³³⁾ времени Рамзеса II. Фараон изображен стоящим в обычной позе на своей боевой колеснице. В левой руке он держит поводья и лук, а в правой руке серповидный меч, характерный для этой эпохи. Рядом с конями бежит царский лев, а перед колесницей царя египетский воин гонит два ряда связанных и захваченных в плен нубийцев. В этой сцене триумфа, претендующей на некоторые упрощение и приближение к реальной жизни, религиозная эмблематика доведена до минимума. Она сохранена лишь в надписи, помещенной около царя и содержащей титулы и имени обоготворенного царя: «царь Верхнего и Нижнего Египта Усер-Ра-сетеп-ен-Ра, сын солнца Рамзес Мери-Амон, дарующий жизнь подобно солнцу». В эту эпоху, когда культ фараона достиг высшей точки своего развития, уже не было необходимости в изображении каких-либо богов, охраняющих особу царя, ибо сам царь мыслился в качестве земного бога. Художник, стремясь изобразить царя в идеализованном облике юного и прекрасного победоносного бога, противопоставляет его фигуру, насыщенную ритмом силы, покоя, власти и торжествующей победы, разбитым линиям пленников, лица и свободные фигуры которых переданы с большой реалистической экспрессией и в движении которых ясно чувствуются слабость и подчинение. Помещенная тут же надпись образно выражает основную мысль, вложенную художником в эту сцену триумфа:

«Да живет благой бог, украшенный двумя рогами [быка], поражающий [292] юг и поражающий север, победоносный царь, сражающийся своим мечом, берущий [в плен] самого далекого из тех, которые переходят через его [границы]. Когда его величество вступает в чужеземные страны, то он побеждает множество [врагов] и схватывает их, царь Рамзес II, дарующий жизнь, подобно Ра. Он покорил Палестину и убил ее вождей. Он заставляет негров говорить: «Уа, он подобен огню, когда он выступает, и нет там воды, чтобы его затушить». Он принуждает мятежников прекратить свое хвастовство, он вынимает [насмешку] из их рта».³⁴⁾

К этой сцене триумфа очень близка несколько более поздняя сцена, сохранившаяся на правой боковой стене первого двора в Мединет-Абу эпохи Рамзеса III.³⁵⁾ Здесь точно так же царь изображен стоящим на колеснице. Он гонит перед собой ряды на этот раз

связанных пленников: ливийцев, азиатов, хеттов и эгейцев. Старая условная традиция нашла здесь свое выражение в обычном изображении царя, стоящего на колеснице, которое, как и всегда, заимствовано из бытовых сцен охоты, битвы и царского выезда. Художник вложил в этот строго схематизованный канон удавшийся ему в меру его способностей ритм силы и покоя, власти и победы, который был необходим для изображения царского триумфа. Религиозное оправдание войны подчеркнуто символом солнечного бога Гора из Эдфу, изображением солнечного диска, украшенного двумя уреями с коронами Верхнего и Нижнего Египта. Резко контрастируют с этими застывшими схемами свежие реалистические тенденции, которые ясно чувствуются в свободных позах и характерных лицах пленников. Надпись, помещенная тут же, ярко выражает основной смысл всей картины, подчеркивая религиозную санкцию царской власти:

«Благой бог Амон-Ра, великий силой подобно Туму, когда он себя проявляет, прекрасный на своей колеснице, подобно Ра, красота которого очевидна, подобно солнечному диску [Атону], когда он возвращается после триумфа, победив племена девяти луков и уничтожив страны азиатов. Сердце его сильно, рука его победоносна, все намерения его хорошо выполнены. Вожди иноземных стран связаны перед ним, в то время как он уничтожил их народ и их города. Сила его величества охватила их тела, его мощь проникла в их члены по [приказу] его [отца Амона-Ра], который ему передал каждую страну в его кулак — владыке двух стран, владыке сияния Рамзесу III».

Постепенное усиление реалистических тенденций, столь характерное для египетского искусства эпохи Нового царства, с особенной яркостью прорывается в сцене царского триумфа времени Рамзеса II, сохранившейся на левой боковой стене колонной залы большого храма в Абу-Симбеле.³⁶⁾ В традиционный схематизованный канон царского триумфа, восходящий к эпохе архаики, художник вложил новое реалистическое понимание картины царской победы над врагом. Не имея возможности целиком оторваться от старой узаконенной временем и религией схемы, художник толкует ее, как эпизод, выхваченный из общей картины боя. Мы видим здесь, как царь топчет [293] ногами одного врага и, схватив левой рукой другого, заносит над ним небольшое копье. В фигуре царя художник с большой выразительностью передает гармоничный ритм силы, движения и натиска, который особенно резко подчеркивается бессильно никнувшей фигурой ливийца. Но несмотря на попытку художника дать реалистический эпизод боя, ему не удается целиком освободиться от традиционного трафарета сцены триумфа, который ясно чувствуется в фигуре царя, в фигурах ливийцев и, наконец, в изображении солнечного диска бога Гора, как бы охраняющего голову царя. Традиционные образы, эпитеты и фразы встречаются и в надписи, указывая тем самым на прочное сохранение традиций также и в поэтической речи:

«Благой бог, убивающий [племена] девяти луков, растаптывающий иноземные страны... сильный... в иноземных странах, умеющий пользоваться мечом, сильный, как Монту, переносающий страну негров в северную страну, а азиатов [аму] в Нубию, пересадивший Иудею в западную страну и поселивший Ливию в горах. Крепости, которые он построил, полны добычей его крепкой руки, разгромлена страна Хару [хурритов] его мечом, повержена страна Ретену [Палестина] его ударом».

Такой же боевой эпизод положен в основу сцены триумфа, изображенной на внешней южной стене большого колонного зала в Карнаке.³⁷⁾ На этом небрежно исполненном рельефе, не отличающемся особенной художественностью, мы видим Рамзеса II, который ведет за собой трех связанных пленников и связывает двух коленопреклоненных взятых в плен врагов. Хотя художник заимствовал свой сюжет из обычной картины боя, однако он

не смог его облечь в художественно-реалистическую форму. Находясь под влиянием старых схем, он подчинил им свое изображение царского триумфа, особенно резко подчеркнув религиозную санкцию царской власти и религиозное оправдание войны традиционной эмблемой священного солнечного диска бога Гора из Эдфу и двух симметрично расположенных слева и справа от него коршунов, охраняющих царя своими крыльями.

К этим сценам триумфа, в которых изображается непосредственная победа царя над врагами, тесно примыкают сцены, изображающие царя-триумфатора уже после одержанной им победы в тот момент, когда он в триумфальном шествии приводит пленных врагов к своим богам. Так, на левой задней стене колонного зала в большом Абу-Симбельском храме мы видим, как Рамзес II приводит связанных эфиопских пленников к часовне, в которой находятся статуи сидящих богов: Амона, Мут и самого обоготворенного Рамзеса.³⁸⁾ Первоначально в этой часовне были изображены лишь статуи Амона и Мут, но впоследствии изображение богини Мут было стерто, на этом месте было высечено изображение обоготворенного царя Рамзеса и новое изображение богини Мут было сделано несколько правее, так что фигура обоготворенного царя оказалась помещенной между фигурами Амона и Мут.

Эта наглядная картина обоготворения царствующего фараона наряду с верховными богами Египта указывает на систематическое [294] проведение идеологии обоготворения царя и царской власти. Это подтверждается находкой в Хорбете, в восточной части Дельты, где в то время находилась одна из экономических и военных баз египетского государства, целой коллекции памятных плит с изображением статуи обоготворенного Рамзеса II. Владельцы этих плит, по большей части представители средних имущих слоев населения, военные и царские писцы, а иногда ремесленники и представители трудовых слоев общества, например, корабельщики, привратники и прачечники, в своих надписях называли царя богом, великим богом, благим богом, солнцем правителей, владыкой сияния, давая ему в то же время и ряд Других характерных эпитетов, подчеркивающих ясно выраженный культ царя.³⁹⁾ Очевидно, изображение обоготворенного Рамзеса II на стенах Абу-Симбельского храма также должно было способствовать проведению в массы населения на этот раз подвластной Египту Нубии той же идеологии обоготворения царя. Соответственно с этим, Рамзес изображен в традиционной и условной позе торжественного величия. Реалистические тенденции, как и во всех, сценах триумфа, чувствуются только в движениях, позах и лицах пленников, изображая которые художник, очевидно, чувствовал себя свободным от старых пут религиозной традиции.

Аналогичная сцена привода царем пленников к богам сохранилась на правой боковой стене первого двора в Мединет-Абу.⁴⁰⁾ Царь Рамзес III, идя пешком, приводит ряды связанных пленников: азиатов, хеттов, ливийцев и эгейцев к часовне, в которой стоят статуи богов фиванской триады: Амона, Мут и Хонсу. Фигура царя, как во всех аналогичных изображениях, дана в условно-схематической и традиционной форме. Религиозная санкция царской власти и религиозное оправдание войны наглядно выражены тем, что над головой царя парит священный сокол бога Гора, который держит в

когтях магическую печать и символические знаки , повторенные трижды. Эти же мысли выражены и в помещенной тут же надписи:

«Говорит царь, владыка двух стран, Рамзес III своему отцу Амону-Ра, владыке неба, правителю девятирицы богов. Я шествую по твоему пути. Я пришел по твоему приказу. Все твои указания исполняются. Ты делаешь так, что вся земля повержена из страха передо мною, побежденная у своих жилищ моим мечом; их [вожди] убиты благодаря

моему превосходству. Я увел их народ и забрал все их достояние, состоявшее из всяких благородных камней из их гор. Это доставлено к тебе, владыка богов. Даруй из этого, кому захочешь. Дай твоей девятирице достояние, [полученное] силой твоей руки. Я увел людей их, чтобы заполнить твои хозяйственные предприятия, и их женщин, чтобы сделать их рабынями твоего храма. Ты даешь мне возможность расширить мои границы, как я хочу, так что моя рука не останавливается ни перед одной страной. Страны молятся [295] моему могуществу, так как я подобен Ра, превосходство моей руки ясно для них вследствие силы твоей руки, о мой святой отец. Твоя сила... ниспровергает их всех».

Иногда встречаются интересные комбинации этих двух сцен: сцены триумфа царя над врагами и сцены привода пленников. Так, на одном рельефе мы видим Рамзеса III, попирающего ногами поверженного врага и в то же время принимающего пленных, которых ему представляет «царский писец, великий начальник воинов, сын царя» (может быть, будущий фараон Рамзес IV).⁴¹⁾ Религиозная санкция царской власти и религиозное оправдание войны отмечены здесь традиционным изображением священного коршуна богини Нехебт, который простирает свои крылья над головой царя и держит в лапах символические знаки жизни и процветания.

Реалистические тенденции, как и во всех аналогичных сценах, пробиваются здесь лишь в изображении пленников, среди которых один изображен с лицом, повернутым en face, что, как известно, резко контрастирует с обычным типом изображения человеческого лица в древнеегипетском искусстве. Очевидно, в данном случае художник, изображая пленных и стараясь как можно точнее изобразить характерные черты их поз, движений, костюмов и лиц, чувствовал себя совершенно свободным от древней традиции.

Сцены царского триумфа встречаются на стенах храмов, на стелах, на стенках ларцев и колесниц, наконец, даже в миниатюрном виде на резных камнях. Таков, например, резной камень Государственного музея изобразительных искусств [№ 1.1. а2462] с изображением фараона, заносащего свой серповидный меч над головой коленопреклоненного врага, перед которым стоит бог Амон с серповидным мечом в вытянутой руке. Судя по типу изображения и по надписи, этот резной камень относится ко времени 19-20-й династии. Очевидно, в эту эпоху напряженных войн Египта с соседними народами мысль о религиозном оправдании войны планомерно проводилась в жизнь, причем для этой цели использовались все виды искусства, начиная с монументального рельефа и кончая миниатюрной глиптикой.⁴²⁾ И эта сцена триумфа настолько глубоко внедрилась в египетское искусство, что сохранилась даже в позднюю эпоху иноземного владычества. Так, на восточной стене в Мединет-Абу сохранилось изображение Августа в виде бога, находящегося под охраной богов. На голове его тройная корона атеф, а над его головой парит священный сокол бога Гора из Эдфу. Перед царем стоят великие боги Египта — Изида, Гор и Хатхор.⁴³⁾ Эту же сцену триумфа мы видим и в мероитском искусстве I в. х. э., куда проникли сюжеты и формы египетского искусства. На одном рельефе Эдинбургского музея⁴⁴⁾ изображен мероитский царь Арикахарер, избивающий традиционным жестом египетских фараонов целую грудку связанных пленников, что, несомненно, является отголоском сцен триумфа классической эпохи. Интересно отметить, что наряду с традиционной и условной фигурой царя-триумфатора, мы видим реалистическую тенденцию, ярко сказавшуюся в изображении на этот раз... собаки, сопровождающей царя. [296]

Рис. 46. Стэла эллинистического времени с изображением божества Туту. Государственный музей изобразительных искусств в Москве.

Об очень широком распространении этих сцен триумфа говорит то обстоятельство, что мы встречаем их до очень позднего времени в различнейших видах искусства: в терракотах, тканях и архитектурных деталях. Так, одна терракота Адриана изображает стоящего воина с уреем и локоном Гора на голове, одетого в римский панцырь, который попирает ногами лежащего врага и держит его левой рукой за волосы.⁴⁵⁾ Сцену триумфа мы видим и на коптской ткани Государственного музея изобразительных искусств № 4289, на которой изображен воин в римском панцыре с развевающимся плащом и мечом в правой руке.левой рукой воин держит за волосы упавшего врага-варвара в длинной одежде. Ткань, очевидно, относится к IV в. х. э.⁴⁶⁾ Наконец, на одной архитектурной детали, на плоском бесфонном рельефе из коптского монастыря Бауит в Среднем Египте мы опять видим ту же сцену триумфа, сохранившуюся, таким образом, вплоть до IV—VI вв. х. э. Здесь изображен Гор в виде римского воина в одежде легионера с головой сокола. Гор, сидя верхом на лошади, поражает копьём крокодила.⁴⁷⁾ Сохранилось до очень позднего времени также и изображение царского сфинкса, который в позднюю эллинистическую эпоху приобрел облик фантастического существа, получившего название «божества Туту, великого силой».⁴⁸⁾ Любопытно отметить, что около этого божества Туту, как около фараона в обычной сцене триумфа, часто изображался крылатый сокол — символ бога Гора из Эдфу, держащий в когтях магическую печать (рис. 46).⁴⁹⁾

[297]

Рис. 47. Абиссинский лубочный рисунок с изображением негуса в виде идущего льва. [298]

Это изображение царя-триумфатора в образе сфинкса сохранилось вплоть до недавнего времени в абиссинском искусстве. На одном лубке XIX в. мы видим изображение негуса в виде идущего льва (рис. 47). Крылатый солнечный сокол здесь заменен летающей птичкой, окруженной солнечным нимбом и держащей в клюве цветок. [50](#)

Так, в течение тысячелетий мы видим в древнеегипетском искусстве сцену царского триумфа, которая, несмотря на ряд вариантов, чрезвычайно устойчиво сохраняла древнюю традиционную форму. Это объясняется религиозным, почти сакральным значением, которое придавалось этой сцене. Сцена царского триумфа должна была наглядно показывать, что царь одерживает победы над своими врагами и над врагами страны лишь благодаря той божественной силе, которой он извечно, в качестве царя, наделен богами. На это указывает религиозная эмблематика и надписи, часто сопровождающие эту сцену.

При помощи изображения сцены триумфа жречество стремилось оправдать захватнические войны и в то же время наглядно выразить в художественной форме идеологию божественного значения и происхождения царя и царской власти. Поэтому вся сцена триумфа во все эпохи египетской истории облечена в такие условно-схематические, канонические и традиционные формы и поэтому реалистические тенденции могли здесь пробиться лишь в изображении иноземных пленников. [299]

Заключение

Изучение военно-политической истории Древнего Египта проливает яркий свет на важнейшие факты древневосточной истории, вскрывая те внутренние сцепления, которые соединяют развитие хозяйства, усложнение социальных и классовых взаимоотношений, рост материальной культуры, видоизменения идеологии. Одновременно с этим изучение военной истории дает огромный документальный материал для установления экономических и культурно-политических взаимоотношений между Египтом и рядом других древневосточных стран, которые образовывали единый *orbis terrarum orientalium antiquissimus*.

Работы советских историков,¹ изучавших в течение последнего десятилетия различные проблемы древневосточной истории, позволяют в настоящее время говорить о специфических чертах древневосточного общества, в частности о развитии социально-экономических отношений в Древнем Египте и в ряде других древневосточных деспотий. Рабовладельческое хозяйство, стоявшее в древневосточных странах на низшей ступени своего развития, во многом сохранявшее элементы домашнего, примитивного, патриархального рабства и многочисленные пережитки родового строя, неразрывно связанное с медленным процессом распада древних закореневших сельских общин, росло и развивалось в течение ряда тысячелетий. В силу застойности древневосточного общества в целом, это развитие было чрезвычайно медленным. На застойность этого древнего общинного строя неоднократно указывали в своих письмах и научных трудах основоположники марксизма. Так, Маркс в письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. писал:

«Эти идиллические республики, ревниво охраняющие лишь границы своих общин от вторжения соседних общин, существуют еще и доныне в довольно хорошо сохранившемся виде в *northwestern parts of India*, которые недавно достались англичанам. Я полагаю, что трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма».²

В том же самом письме Маркс отмечает в связи с общей характеристикой восточных деспотий их застойность, которая несомненно [300] коренилась в глубоких и прочных пережитках общинного строя, своеобразной *village-system*:

«Причинами, вполне объясняющими застойный характер этой части Азии, несмотря на всю безрезультатность движений, происходивших на политической поверхности, являются следующие два обстоятельства, друг друга взаимно усиливающие: 1) Public

works являются делом центральной власти. 2) Наряду с последней, вся страна, не считая двух-трех больших городов, расчленена на множество villages, образующих совершенно обособленную организацию и являющихся совершенно замкнутым в себе мирком».³⁾

На эту малоподвижность и застойность восточной общины указывал неоднократно и Энгельс, в частности в «Анти-Дюринге»:

«Восточный деспотизм и господство сменявших друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могли поделать с этими древними общинами».⁴⁾

Эта общая застойность развития древневосточного общества, которая нашла отражение в прочном сохранении многочисленных пережитков глубокой древности, как, например, в длительном сохранении древней формы сельскохозяйственных орудий (плуга старокитайской конструкции), наложила неизгладимый отпечаток и на господствующие формы идеологии. На это указал с большой силой Маркс в своей замечательной статье «Британское владычество в Индии»:

«Мы не должны забывать, что эта недостойная, застойная и растительная жизнь, эта пассивная форма существования вызвала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были заражены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающийся общественный строй в неизменный предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой».⁵⁾

Этот же самый глубоко продуманный тезис о застойности и малоподвижности древневосточного общества Ленин в своих «философских тетрадах» поднял на большую историко-философскую высоту, сопоставив последнюю древневосточную деспотию Персию с античной Грецией, два этапа в развитии рабовладельческого общества:

«Персия (и Египет) до (207). Почему Персидское царство (империя) пало, а Китай и Индия нет? Продолжительное существование еще не есть что-то превосходное. — «Вечные горы не обладают преимуществом перед быстро облетающей розой с ее мимолетной жизнью». (206) Персия пала, ибо здесь началось духовное [301] созерцание (206), а греки оказались выше, «более высокий принцип» организации, «сознающей себя свободы». (206-207)».⁶⁾

Вполне естественно, что и все развитие военной истории Древнего Египта, весь ход развития военной политики древнеегипетского государства должен был идти в рамках и в темпе этого малоподвижного, застойного процесса развития всего древневосточного общества в целом. Таким образом, военную историю Древнего Египта мы должны изучать в теснейшей связи с общей историей Древнего Египта и даже всего Древнего Востока в целом.

К сожалению, современный исследователь встречает на этом пути целый ряд трудностей, которые он должен постоянно преодолевать, и целый ряд проблем, которые еще ждут своего изучения и своего хотя бы частичного разрешения. В частности, очередной задачей историка Древнего Востока является установить этапы и темпы развития древневосточного общества, которое, несмотря на всю свою застойность, чрезвычайно

медленно, но все же непрерывно развивалось в сторону изживания пережитков родового строя, разложения сельской общины и укрепления рабовладельческой системы. Для историка, изучающего конкретную историю отдельных древневосточных государств, в частности Древнего Египта, эти микродинамические изменения имеют огромное, порой даже принципиальное значение. Теперь мы можем уже с определенностью говорить о том, что расширение сельскохозяйственных территорий, развитие технологического опыта, применение металлов, рост ремесленного производства, развитие торговли, в частности внешней, наконец, растущее значение городов властно требовали увеличения кадров рабочей силы, главным образом рабов. Эксплуатация рабского труда была основным рычагом развития хозяйственной жизни древневосточных деспотий, в частности Древнего Египта. Закабаление бедняцких слоев населения приводило к некоторому увеличению количества рабов, которые находились в распоряжении государства, а также трудились в аристократических и храмовых поместьях и мастерских. Однако этот внутренний процесс развития рабства не приводил к результатам, которые могли бы полностью удовлетворить потребностям в рабочей силе. Эта растущая с течением времени потребность в увеличении количества рабов в стране толкала египетское государство на путь захватнической, военно-агрессивной политики, целью которой был захват рабов, территорий, источников сырья, добычи, торговых рынков и путей. Так, изучение древнеегипетской истории в целом вскрывает социально-экономическую основу завоевательной политики египетских фараонов. Развитие этой политики мы можем проследить со времен глубокой древности, начиная с эпохи архаики, когда впервые начали возникать рабовладельческое общество и древнейшая государственность, вплоть до середины 2-го тыс. до х. э., когда в эпоху 18-й династии военная экспансия Древнего Египта достигла высшей точки своего развития. Эта военно-агрессивная политика проводилась в жизнь правящим классом рабовладельческой аристократии упорно и последовательно. Развитию этой военно-[302]захватнической политики сопутствовал процесс развития военной техники и организации военного дела, отражающий в целом рост и развитие технологии и материальной культуры. Главной ареной египетских завоеваний была Нубия и прилегающие к Египту области Передней Азии, среди которых особенно крупное значение для Египта имели Синайский полуостров, Палестина, Финикия и Сирия. Поэтому эти страны в течение ряда веков были плацдармом развертывания хозяйственной, военной и культурной экспансии Древнего Египта. Именно на этой территории египтяне столкнулись с рядом иноземных азиатских племен, оказавших довольно значительное влияние на ход развития древнеегипетской истории. Консолидация этих передне-азиатских племен, состоявших из семитских и хурритских элементов, привела к образованию крупного гиксосского государства, втянувшего в сферу своего политического влияния Египет, в частности Дельту Нила. Завоевание Египта гиксосами, тесно связанное с крупным народным движением, восстанием рабов и бедняков в Древнем Египте, несколько задержало развитие военной экспансии египетского государства. Однако, Египет, объединившийся вокруг фиванских правителей и значительно усилившийся, выдержал длительную упорную борьбу с иноземными завоевателями, которая окончилась изгнанием гиксосов из Египта и восстановлением единого централизованного и сильного египетского государства. Освобождение от иноземного ига, объединение и усиление египетского государства и соответственный рост экономического развития страны обусловил дальнейший подъем военно-агрессивной политики египетских фараонов, которые начали серию завоевательных походов с целью полного завоевания Палестины, Сирии и Финикии. Тщательное изучение исторической географии этих стран, их исторического прошлого, выяснение вопроса о том, что представляли собой эти страны накануне египетского завоевания, а также в последующие времена, дает нам возможность глубже изучить вопрос о предпосылках египетских завоеваний в эпоху 18-й династии. Таким образом изучение всей предшествующей военной истории Древнего Египта, а также изучение исторического прошлого Палестины,

Сирии и Финикии вскрывает военно-агрессивный характер древнеегипетской экспансии. Это стремление Египта расширить свои границы в длительном процессе упорных завоеваний было подготовлено не только в экономическом и военно-политическом отношении, но также и в области идеологии.

Однако эта древнейшая попытка крупного и централизованного деспотического государства установить почти мировую в условиях того времени военную гегемонию не увенчалась успехом. Древнеегипетское государство как и все остальные древневосточные рабовладельческие деспотии, не обладало необходимой для этой цели внутренней прочностью. Поэтому и к древнеегипетскому государству можно с полным правом применить слова И. В. Сталина:

«...несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они [303] исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражения того или иного завоевателя».²¹

Однако, эти проблемы, связанные с высшей точкой развития военной экспансии Египта и с крушением крупного египетского государства, уже выходят за пределы нашей темы и могут составить предмет особого исследования.